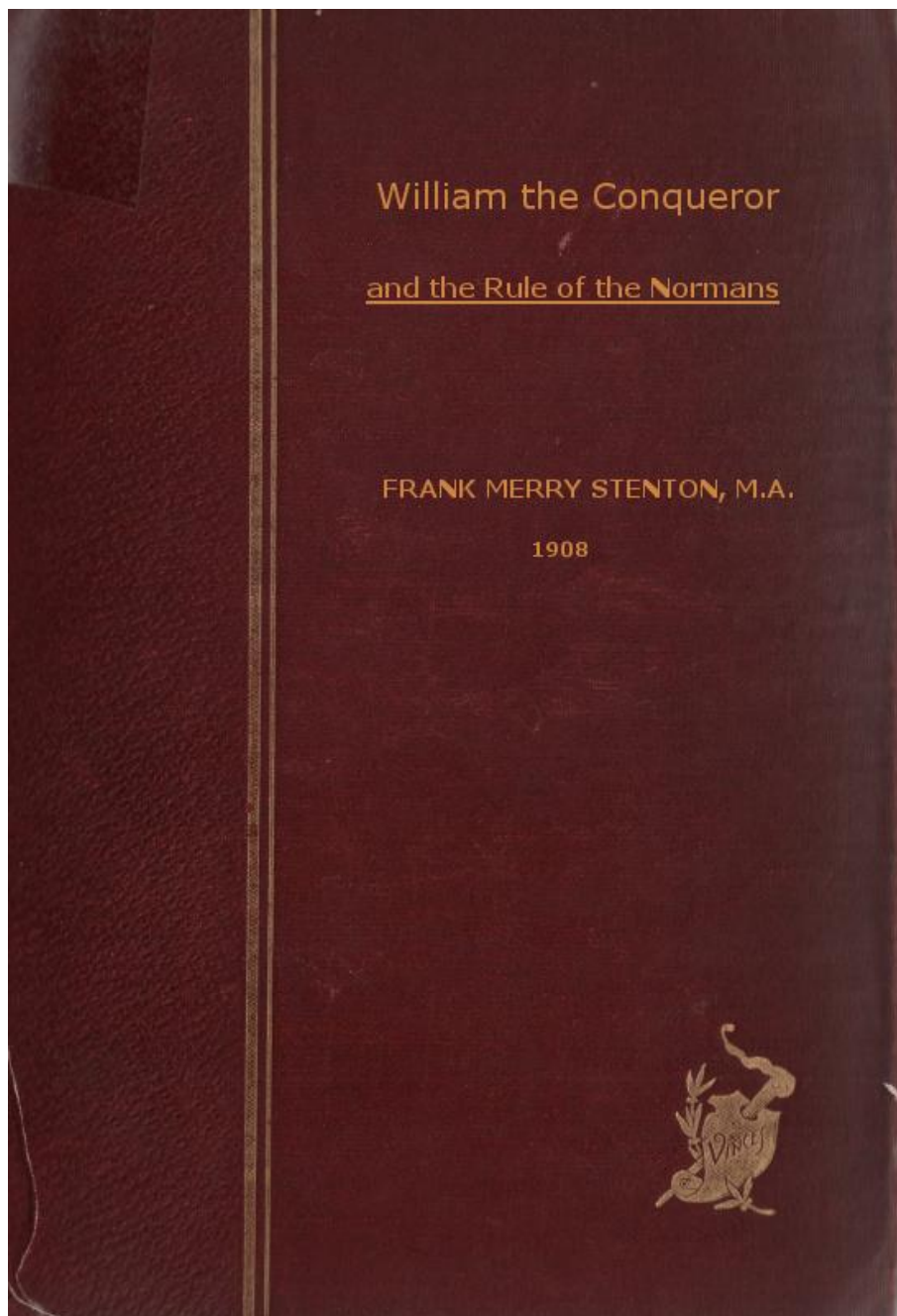

Вильгельм Завоеватель и правление норманнов

Ф. М. Стентон

Электронная книга проекта Гутенберга о Вильгельме Завоевателе и правлении норманнов

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Вильгельм Завоеватель и правление норманнов

Автор: Ф. М. Стентон

Дата выхода: 8 мая 2019 [Электронная книга № 59444]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен KD Weeks, MWS и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ И ПРАВЛЕНИЕ НОРМАННОВ" ***

Электронный текст подготовлен KD Weeks, MWS и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. Посмотреть https://archive.org/details/gri_33125000734182

Примечание переписчика:

Сноски собраны в конце каждой главы и связаны для удобства использования.

В конце книги приведены восемь генеалогических таблиц, некоторые из них довольно большие. Каждое из изображений служит ссылкой на увеличенную версию. Каждая подпись содержит ссылку на транскрипцию, основанную на системе генеалогических обозначений Генри (объяснение см. [Здесь](#)). В эту систему были внесены некоторые изменения, чтобы учесть сложный характер этих семей.

Места исправлений подчеркнуты. Наведите курсор на подчеркнутый текст, и исходный текст появится в небольшом всплывающем окне.

Любые исправления указаны в виде гиперссылок, которые позволят читателю перейти к соответствующей записи в таблице исправлений в примечании в конце текста.

Пожалуйста, ознакомьтесь с [примечанием](#) переписчика в конце этого текста для получения подробной информации об устранении любых текстовых проблем, возникших при его подготовке.

Герои наций

Серия биографических исследований, рассказывающих о жизни и творчестве определенных репрезентативных исторических персонажей, о которых собраны традиции народов, к которым они принадлежат, и которые в большинстве случаев были приняты как воплощение нескольких национальных идеалов.

12°, Иллюстрированный, тканевый, каждый доллара,	по 1,50
по 1,75	Полукожаный, с позолоченным верхом, каждый доллара.
№ 33 и следующие номера	нетто по 1,35
каждый	(по почте, 1,50 доллара)
Полукожаный, с позолоченным верхом,	нетто по 1,60 доллара....(По почте, \$1,75)

ПОЛНЫЙ СПИСОК СМОТРИТЕ В КОНЦЕ ЭТОГО ТОМА

Герои наций

ОТРЕДАКТИРОВАНО

Х. В. К. Дэвис

ФАСТА DUCIS VIVENT, OPEROSAQUE

ГЛОРИЯ РЕРУМ - ОВИДИЙ, В "ЛИВИАМЕ", 255.

ПОДВИГИ ГЕРОЯ И С ТАКИМ ТРУДОМ ДОБЫТОЕ

СЛАВА БУДЕТ ЖИТЬ.

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ

ПЕЧАТЬ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Вильгельм Завоеватель И ПРАВЛЕНИЕ НОРМАННОВ

ФРЭНК МЕРРИ СТЕНТОН, магистр медицины

Покойный стипендиат Кембл-колледжа в Оксфорде

СЫНОВЬЯ Г. П. ПАТНЭМА

НЬЮ - ЙОРК И ЛОНДОН

Издательство "Никербокер Пресс "

1908

Авторское право, 1908

СЫНОВЬЯМИ Г. П. ПАТНЭМА

Издательство "Никербокер Пресс", Нью-Йорк

ПРЕДИСЛОВИЕ

При попытке написать жизнеописание Вильгельма Завоевателя человек с самого начала сталкивается с вопросом чрезвычайной срочности. Простые детали истории короля, если бы всесторонне обсуждались все вопросы, ставшие предметом споров, намного превысили бы возможные пределы тома, который можно было бы включить в серию, к которой принадлежит настоящая книга. С другой стороны, жизнь Вильгельма Завоевателя, которая

игнорировала изменения в конституционной организации и общественной жизни, последовавшие за событиями 1066 года, очевидно, была бы очень несовершенной. Соответственно, я приберег последние три главы книги для некоторого изучения этих вопросов; и я надеюсь, что сноски к тексту могут послужить, в некотором роде, руководством к решению более сложных проблем, возникающих в связи с жизнью и правлением Завоевателя.

Нет необходимости вдаваться здесь в описание авторитетов, на которых основана следующая книга. По большей части они были предметом тщательного обсуждения; и, за одним исключением, они достаточно доступны в современных изданиях. Судебные приказы и хартии, изданные по всей Англии Вильгельмом I. их можно найти лишь разбросанными среди большого числа независимых публикаций; и необходимость составления сборника этих документов существенно задержала появление настоящей работы.

Здесь я должен выразить свою благодарность всем тем, кто оказывал мне помощь во время написания этой книги. В частности, я хотел бы выразить свою благодарность моему другу мистеру Роланду Беркли-Кэлкотту и главному редактору этой серии мистеру Х. В. К. Дэвису. Я в долгу перед мистером Дэвисом за бесценную помощь и советы, данные мне как при подготовке книги, так и при исправлении корректурных листов. Я надеюсь, что мои ссылки послужат достаточным признанием тем современным авторам, чьи произведения воссоздали историю одиннадцатого века в Англии и Нормандии.

Ф. М. С.

Саут-Хилл, Саутвелл, Ноттс,

27 августа 1908 года.

Содержание

	СТРАНИЦА
ВВЕДЕНИЕ	1
ГЛАВА I	
МЕНЬШИНСТВЕ ГЕРЦОГА ВИЛЬГЕЛЬМА И ЕГО РЕЗУЛЬТАТАМИ	63
ГЛАВА II	
БУНТ И ВТОРЖЕНИЕ	96
ГЛАВА III	
ЗАВОЕВАНИЕ МЭНА И В БРЕТОНСКОЙ ВОЙНЫ	126

ГЛАВА IV	
ПРОБЛЕМА АНГЛИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО	143
ГЛАВА V	
ОТБОРОЧНЫХ ЗАВОЕВАНИЯ И БИТВЫ ПРИ ГАСТИНГСЕ	180
ГЛАВА VI	
ИЗ ГАСТИНГС В ЙОРК	211
ГЛАВА VII	
ДАТСКОЕ НАШЕСТВИЕ И ЕГО ПРОДОЛЖЕНИЕ	267
ГЛАВА VIII	
ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОДЫ АНГЛИЙСКОГО ПРАВЛЕНИЯ	304
ГЛАВА IX	
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЗАВОЕВАТЕЛЯ	344
ГЛАВА X	
УИЛЬЯМА И ЦЕРКВИ	376
ГЛАВА XI	
АДМИНИСТРАЦИИ	407
ГЛАВА XII	
КНИГЕ СТРАШНОГО СУДА	457
ИНДЕКС	503

ИЛЛЮСТРАЦИИ

	Страница
ПЕЧАТЬ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ <i>Из Книги Раймера (опубликована в 1704 году).</i>	<i>Фронтиспис</i>
АББАТСТВО ЖЮМЬЕЖ—ФАСАД <i>Воспроизведено с разрешения Levy et ses Fils, Париж.</i>	66
АББАТСТВО ЖЮМЬЕЖ—ИНТЕРЬЕР <i>Воспроизведено с разрешения Levy et ses Fils, Париж.</i>	80
ОСАДА ДИНАНА С ГОБЕЛЕНА ИЗ БАЙЕ <i>Из Монумента Ветусты Лондонского общества антикваров (опубликован в 1819 году).</i>	140
ПЕЧАТЬ ЭДУАРДА ИСПОВЕДНИКА <i>Из Книги Раймера (опубликована в 1704 году).</i>	148
ГАРОЛЬД НА ТРОНЕ С ГОБЕЛЕНА ИЗ БАЙЕ <i>Из Монумента Ветусты Лондонского общества антикваров (опубликован в 1819 году).</i>	158
КЛЯТВА ГАРОЛЬДА С ГОБЕЛЕНА ИЗ БАЙЕ <i>Из Монумента Ветусты Лондонского общества антикваров (опубликован в 1819 году).</i>	162
ЗДАНИЕ ЗАМКА ГАСТИНГС С ГОб ЕЛЕ НА Из БАЙ Е <i>Из Монумента Ветусты Лондонского общества антикваров (опубликован в 1819 году).</i>	188

СМЕРТЬ ГАРОЛЬДА С ГОБЕЛЕНА ИЗ БАЙЕ <i>Из Монумента Ветусты Лондонского общества антикваров (опубликован в 1819 году).</i>	198
КАТАСТРОФА НА ФОССЕ, БИТВА ПРИ ГАСТИНГСЕ С ГОБЕЛЕНА ИЗ БАЙЕ <i>Воспроизведено по Памятнику Ветусты Лондонского общества антикваров (опубликовано в 1819 году).</i>	204
ЧАСОВНЯ СВЯТОГО ИОАННА В ЛОНДОНСКОМ ТАУЭРЕ	228
ХАРТИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА I. ЛОНДОНЦАМ В АРХИВАХ КОРПОРАЦИИ <i>Факсимиле подготовлено Ф. Маданом, магистром, преподавателем палеографии Оксфордского университета.</i>	230
ХОЛМ БЕЙЛ, ЙОРК	270
На МЕСТЕ ВТОРОГО ЗАМКА ВИЛЬГЕЛЬМА I. <i>Воспроизведено по книге Трейла "Социальная Англия".</i>	
МОГИЛА РОБЕРТА КОРТОЗА, СТАРШЕГО СЫНА ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ, ГЕРЦОГА НОРМАНДИИ, ГЛОСТЕРСКИЙ СОБОР ИЗОБРАЖЕНИЕ ОТНОСИТСЯ К ТРИНАДЦАТОМУ ВЕКУ <i>Воспроизведено по фотографии Питчера, Глостер, Англия.</i>	350
ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ По ЗАМЫСЛУ ФРАНЦУЗСКОГО ХУДОЖНИКА ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА <i>Оригинал этой картины, ныне утраченный, был написан художником, когда в 1522 году была открыта гробница Завоевателя. Копия, выполненная в 1708 году, хранится в ризнице церкви Святого Этьена в Кане; настоящая иллюстрация взята с фотографии этой копии.</i>	360
УМЕНЬШЕННОЕ ФАКСИМИЛЕ ХАРТИИ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ ХАЙД-АББАТСТВУ <i>Воспроизведено из жизнеописания Нью-Минстера и Гайд-аббатства, Винчестер. Под редакцией У. де Грея</i>	382 г.

Берча.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ГЭМЕЛА СЫНА ОРМА 388

Из Краткого отчета о соборе Святого григория в киркдейле, написанного преподобным Ф. В. Пауэллом, викарием.

ПРИКАЗ УИЛЬЯМА В КОВЕНТРИ 420

Из факсимиле королевских и других хартий в Британском музее. Под редакцией Джорджа Ф. Уорнера и Генри Дж. Эллиса.

ПЛАН ЗАМКА ГРЕЙТ-КЭНФИЛД, ЭССЕКС 440

Из Истории графств Англии Виктории.

АВТОГРАФЫ ПОДПИСЕЙ К ВИНДЗОРСКОМУ СОГЛАШЕНИЮ 448

Воспроизведены с факсимиле рукописей и надписей Палеографического общества.

ФРАГМЕНТ СТРАНИЦЫ КНИГИ СТРАШНОГО СУДА 458

НАЧАЛО РАЗДЕЛА О БЕРКШИРЕ

Факсимиле подготовлено Ф. Маданом, магистром, преподавателем палеографии Оксфордского университета.

ФРАГМЕНТ СТРАНИЦЫ КНИГИ СТРАШНОГО СУДА 466

НАЧАЛО РАЗДЕЛА О БЕРКШИРЕ

Факсимиле подготовлено Ф. Маданом, магистром, преподавателем палеографии Оксфордского университета.

МОНЕТЫ

^[1]ПЕННИ ЭДВАРДА ИСПОВЕДНИКА 62

^[2]ОТРИЦАТЕЛЬ ДЖЕФФРИ МАРТЕЛЯ 95

^[2]ДЕНЬЕ ГЕНРИХА I ФРАНЦУЗСКОГО 125

^[2]ОТРИЦАТЕЛЬ КОНАНА II. БРЕТАНИ 142

^[2] ПЕННИ ГАРОЛЬДА ХАРДРАДЫ	179
^[1] ПЕННИ ГАРОЛЬДА II.	210
^[2] ДЕНЬЕ БОЛДУИНА ЛИЛЛЬСКОГО	266
^[2] ПЕННИ СВЕНА ЭСТУТСОНА	303
^[2] ОТРИЦАТЕЛЬ РОБЕРА ЛЕ ФРИСОНА	343
^[2] ДЕНЬЕ ФИЛИППА I. КОРОЛЯ ФРАНЦИИ	375
^[3] ПЕННИ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ	<u>406</u> 406
^[3] ПЕННИ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ	456
^[3] ПЕННИ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ	501
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ	НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ 502
ТАБЛИЦА A —ГЕРЦОГСКИЙ ДОМ НОРМАНДИИ	
ТАБЛИЦА B —ГРАФЫ БРЕТАНИ	
ТАБЛИЦА C —ПОТОМКИ АРЛЕТТ	
ТАБЛИЦА D —ГРАФЫ МЭНА	
ТАБЛИЦА E —ГРАФЫ ВЕКСЕНА	
ТАБЛИЦА F —НАСЛЕДОВАНИЕ В 1066 г.	
ТАБЛИЦА G —ГРАФЫ ФЛАНДРИИ	
ТАБЛИЦА H —ГРАФЫ НОРТУМБРИИ	
КАРТЫ	

КАРТА ВОСТОЧНОЙ НОРМАНДИИ И ПОГРАНИЧНЫХ ГРАФСТВ	64
КАРТА ЙОРКШИРА В 1066-1087 гг.	268
КАРТА ЗАПАДНОЙ НОРМАНДИИ	360
КАРТА АНГЛИЯ В 1087 г.	374
КАРТА ГРАФСТВ, МАЙ 1068 г.	412
КАРТА ГРАФСТВ, ЯНВАРЬ 1075 г.	414
КАРТА ГРАФСТВ, сентябрь 1087 г.	416

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Введение

Я

Со времен потока иммиграции варваров, который сверг римскую цивилизацию на Западе, вероятно, ни одно национальное движение подобного рода не оказало более глубокого влияния на общий ход истории, чем экспансия Скандинавии, которая заполняет девятый и десятый века. Как в своей созидательной, так и в разрушительной работе, в основании новых сообществ на завоеванной земле, так и в изменениях, вызванных реакцией в государствах, с которыми они соприкасались, норманны воплощали в жизнь наиболее характерные черты политической системы средневековой Европы. Их набеги, представлявшие постоянную опасность для тех, кто жил вблизи берегов узких морей, разрушили зарождающуюся централизацию империи Каролингов и придали новый импульс силам, которые уже стремились к той организации общества, которую мы описываем как феодализм; и все же в других землях норманнам предстояло сохранять свои собственные архаичные законы и социальные обычаи дольше, чем любому другому народу германского происхождения. Норманны должны были привнести новый расовый элемент в жизнь Западной Европы, но должен ли этот элемент адаптироваться к условиям своего нового окружения или ему следует разработать новые формы политического объединения для себя, было вопросом, определяемым ранее существовавшими фактами истории и географии.

Ибо географические масштабы скандинавского предпринимательства столь же примечательны, как и его политическое влияние. В конце третьей четверти десятого века казалось вероятным, что будущими судьбами северной Европы будет управлять великая конфедерация скандинавских народов. На материнских землях Норвегии, Дании и Швеции Гарольдом Прекрасноволосым, Гормом Старым и Эриком Упсальским были созданы три сильных королевства; Оркнейские и Шетландские острова образовали норвежское графство, а вдоль восточного побережья Ирландии было основано несколько

могущественных скандинавских княжеств. На крайнем севере скандинавские авантюристы уже заселяли негостеприимные берега Гренландии, а незаконные вожди из Норвегии создали странную республику Исландия, бурная жизнь которой должна была оставить нетленный след в замечательной литературе ее саг. Нормандия по-прежнему оставалась “землей пиратов” для церковных писателей Франции, и это определение было правильным в той мере, в какой герцогство все еще поддерживало частые отношения со скандинавской родиной и пока что получило не более чем поверхностную настойку латинского христианства. Англия в выбранную нами дату наслаждалась короткой передышкой между двумя приступами северной угрозы, но самая богатая часть страны была скандинавской по крови ее жителей, и в течение двадцати лет после окончания столетия вся страна должна была политически объединиться со скандинавским миром.

Сравнительная неспособность этого великого объединения родственных народов контролировать последующую историю Северной Европы была обусловлена в основном тремя причинами. Во-первых, на значительной части этой обширной территории скандинавский элемент был слишком слаб просто по численности, чтобы постоянно противостоять мертвому грузу коренного населения, в которое он вторгся сам. Только в таких землях, как Исландия, где автохтонного населения не существовало или где оно с самого начала было доведено до полного порабощения, как на Оркнейских островах, скандинавский элемент надолго наложил свой отпечаток на политическую жизнь сообщества. И в связи с этим, безусловно, следует отметить явный спад энергии скандинавской предприимчивости примерно с середины XI века и далее. В течение целых ста лет после этого Северные земли продолжали время от времени посылать отряды людей, совершавших набеги на более мирные страны по примеру древних викингов, но Скандинавия не произвела на свет героев более чем местного значения, таких как Гарольд Хардрада и Густавус Васа. Древний дух все еще был жив на Севере, как показывают рассказы о королях Норвегии в “Хеймскрингле”; но подвиги Магнуса Барелега и Сигурда Иерусалимлянина имеют гораздо меньшее значение в общей истории, чем подвиги Свегена Раздвоенной Бороды и Олафа Трюгвассона, а торговля и исследования все больше и больше отвлекали энергию, которая в прежние времена нашла бы выход в военных приключениях. И столь же важной, как любая из только что описанных причин, следует считать привлекательность Нормандии в политической системе Франции. Благодаря этому процессу Нормандия окончательно отделилась от своих метрополий; она принимала все более активное участие в национальной жизни Франции, и величайшее достижение норманнской расы было достигнуто, когда под руководством Вильгельма Завоевателя она, наконец, оторвала Англию от ее скандинавских связей и объединила ее с более богатым миром Западной Европы. Именно потеря Англии определенно вынудила Скандинавию вновь впасть в изоляцию и сравнительную политическую незначительность.

Но нормандское завоевание Англии было многогранным событием, и его влияние на политическую судьбу Скандинавии - не самый важный его аспект. Особый интерес событий 1066 года обусловлен тем фактом, что они дают окончательный ответ на великую проблему, лежащую в основе всей истории Англии XI века, — проблему, должна ли Англия провести самый критический период Средневековья в политическом союзе со Скандинавией или с Францией. Сам факт, что рассматриваемый вопрос может быть сформулирован в такой простой форме, сам по себе имеет большое значение; поскольку он подразумевает, что продолжение независимой жизни Англии уже в 1000 году стало если не невозможным, то, по крайней мере, весьма отдаленной случайностью. Объяснить, почему это было так, будет целью следующих страниц, поскольку именно слабость англосаксонского государственного устройства позволила Вильгельму Нормандскому добиться успеха, поскольку это дало повод

для завоевания Кнута Датского до него, а плохое управление, на котором был основан их триумф, берет свое основное начало в событиях, произошедших за сто лет до рождения старшего из них.

В начале третьей четверти IX века Англия пребывала в состоянии полного хаоса из-за ужасного напряжения датских войн. До настоящего времени не было возможности с какой-либо уверенностью провести различие между различными ветвями великой скандинавской расы, которые участвовали в нападении на Англию, и этот вопрос не имеет большого значения для нашей непосредственной цели. То же самое можно сказать и о деталях войны, основными результатами которой были то, что срединное королевство Мерсия было захвачено и разделено в 874 году на английскую и датскую части; что Англия, расположенная к северу от Хамбера, стала датским королевством примерно в 875 году; и что Уэссекс, после того как был поставлен на грань разорения той частью северного войска, которая не основала постоянного поселения на севере, был спасен своим королем Альфредом в результате победы, которую он одержал над захватчиками при Эдингтоне в Уилтшире в 878 году. В результате этой битвы и некоторых дальнейших успехов, которых он добился позже, Альфред получил возможность присоединить к своим владениям ту половину старого королевства Мерсия, которую датчане еще не присвоили^[4]; округ, который включал Лондон и графства к западу от Бакингемшира, Нортгемптоншир, Лестершир и Дербишир. В первой половине десятого века основной интерес английской истории сосредоточился вокруг отношений между правителями Уэссекса и его мерсийской зависимостью и народом Данло.

В результате двадцати лет непрекращающейся войны датчанам удалось создать три независимых государства на английской земле. Гутрум, вождь, с которым Альфред сражался при Эдингтоне, основал в Восточной Англии и восточных срединных землях недолговечное королевство, которое было отвоевано Эдуардом Старшим незадолго до его смерти в 924 году или около того. К северу от королевства Гутрума возникло своеобразное объединение Пяти районов Дерби, Ноттингема, Линкольна, Лестера и Стэмфорда, территория которых, скорее всего, включала графства, которым дали название первые четыре из них, вместе с Ратлендом и северо-восточным Нортгемптонширом. Помимо аномального правления, о котором на самом деле ничего не известно, этот район отличается от королевства Гутрума тем фактом, что датские захватчики поселились там в большом количестве, основали множество новых деревень и наложили свой отпечаток на административное и финансовое устройство страны. Пять округов были оккупированы Эдуардом Старшим и завоеваны его сыном Эдмундом, но об их ассоциации помнили в обиходе еще во времена войн Этельреда и Свегена, а округ, описанный в Книге Страшного суда, очень резко отличается от графств к югу и западу от него.^[5]

За рекой Хамбер северяне основали королевство Йорк, которое сохраняло свое независимое существование вплоть до времен Ательстана и которое было связано с югом Англии лишь самыми слабыми политическими узами, когда Вильгельм Завоеватель высадился в Певенси. В этом королевстве, история которого известна очень несовершенно, но о котором сохранилось множество нумизматических памятников, норвежский элемент, по-видимому, преобладал над датским, а его короли были тесно связаны с правителями норвежских поселений в Ирландии. Но особая важность этого нортумбрийского королевства заключается в упорном партикуляризме, который оно продолжало демонстрировать еще долгое время после того, как номинально было объединено в английское королевство. Его жители были варварами, выходящими за рамки обычной дикости англосаксов, и горько негодовали на любые попытки заставить их соответствовать низким стандартам порядка,

существовавшим в других частях страны. Среди столь анархичного народа было бы бесполезно искать какие-либо определенные политические идеи, и ситуация осложнилась объединением скандинавского Йоркшира с английской Берницией в одном графстве, так что трудно сказать, насколько сепаратистский дух Нортумбрии был обусловлен расовыми различиями, которые отличали ее от остальной части страны, насколько сохранившимися воспоминаниями о старом королевстве, существовавшем до войн девятого века, и насколько простым неприятием упорядоченного правления, кем бы оно ни управлялось. Но существование такого духа не вызывает никаких сомнений; он проявился в 957 году, когда Нортумбрия объединилась с Мерсией, отвергнув короля Уэссекса Эдви; это ярко проиллюстрировано в северной легенде, в которой сыновья Этельреда Неготового предлагают Нортумбрию норвежскому Олафу в качестве платы за его помощь в их борьбе с Кнутом; он вышел на первый план в 1065 году, когда северяне восстали против своего южного графа Тостига Годвинссона; кульминацией стало сопротивление, которое они оказали Вильгельму Нормандскому, королю Норвегии. и был окончательно подавлен в результате репрессий, которым он подверг их провинцию зимой 1069 года. В течение полутора столетий жители Нортумбрии сохраняли угрюмый антагонизм к политическому господству Уэссекса.

Но факт оставался фактом: в течение пятидесяти лет после смерти Альфреда уэссекскому дому удалось распространить свою власть, по крайней мере номинально, на всех скандинавских поселенцев в пределах Англии. “Король Вестсаксонский” превратился в “Короля Английского”, и Эдмунд и Эдгар правили королевством, которое, судя по всему, было гораздо более сплоченным, чем Франция Луи д'Утремера и Гуго Капета. Но видимость была очень обманчива, и неудача королей Уэссекса была настолько тесно связана с успехом Вильгельма Завоевателя, что ее причины требуют внимания здесь.

Во-первых, ассимиляция скандинавских поселенцев в теле английской нации не должна скрывать от нас тот факт, что в коренное население фактически вторгся новый и вызывающий беспокойство элемент. Это слияние было очень далеко от того, чтобы привести к получению однородного соединения. Создание “Данлоу” в его юридическом смысле, то есть округа, жители которого подчинялись новому закону, совершенно отличному от законов любого туземного королевства, было событием величайших последствий. Это стало ощутимым препятствием на пути объединения страны, которое так и не было преодолено до тех пор, пока вся система старого английского права не устарела. Сам факт того, что географическая территория Данло не соответствовала территории какого-либо английского королевства или группы королевств, делает его юридическую индивидуальность еще более примечательной. Различия в обычной практике, отличавшие восток от запада и юга, были постоянным свидетельством успеха датчан в Англии, и они применялись как раз к тем вопросам, которые наиболее глубоко касались обычной жизни простых людей. Житель Уорикшира осознал бы тот факт, что его конечности ценились выше или ниже, чем у его соседа из Лестершира, в то время как ему были бы глубоко безразличны действия правителей обоих графств во дворце в Винчестере.

Для нашей цели более важными, чем эти общие юридические особенности, были многочисленные аномалии древнеанглийского земельного права. Если бы не существование Книги Страшного суда, мы бы по большей части ничего не знали об основных чертах этой системы; а так нам не нужно без колебаний возвращать прежние обычаи, которые существовали в 1066 году задолго до начала века. Насколько позволяют имеющиеся у нас в настоящее время доказательства, они предполагают, что в течение неопределенного периода до нормандского завоевания социальная структура английского

народа оставалась в состоянии неустойчивого равновесия; в состоянии, промежуточном между примитивной организацией англосаксонского общества и феодализмом, хотя и рудиментарным, современной Франции. Какими бы сильными ни были родственные узы, объединявшие людей в аграрные сообщества в прежние времена, самое позднее к XI веку их влияние сменилось давлением сеньории и ростом поместной экономики. Сам по себе это был естественный и здоровый процесс, но в Англии по целому ряду причин он был остановлен на ранней стадии. Отношения между лордом и человеком были основой английского общественного порядка, но эти отношения на большей части территории страны все еще оставались по существу личным делом; их стабильность не повсеместно приобрела ту долговременную гарантию, которая была правилом во Франкском королевстве. Ожидалось, что обычный свободный человек низшего ранга будет иметь над собой господина, который отвечал бы за его хорошее поведение, но свидетельства, подтверждающие это, доказывают также, что в бесчисленных случаях отношения были расторгнуты по воле низшей стороны. В обзоре Судного дня восточных графств, например, ни одна формула не встречается с большей поразительной частотой, чем та, которая утверждает, что такой-то свободный человек "мог отправиться со своей землей, куда ему заблагорассудится"; формула, достаточно ясно подразумевающая, что рассматриваемый человек мог вывести себя и свою землю из-под контроля своего временного господина и искать, по-видимому, в любое время другого покровителя в соответствии с велением своей собственной фантазии. В такой системе есть место лишь для немногих идей, характерных для континентального феодализма; ясно, что человек ни в коем случае не является фактическим владельцем своей земли своего господина, и владение первым не зависит от оказания услуг последнему. Узы между лордом и человеком были узами покровительства, а не вассалитета; и их существенная неустойчивость означала, что весь английский социальный порядок был соответственно слаб и нестабилен. Древнеанглийское государство принимало принцип, согласно которому человек должен искать защиты у кого-то более сильного, чем он сам, но оно не продвинулось дальше идеи о том, что просто ради социальной сплоченности созданные таким образом отношения должны быть определенными, постоянными и, насколько это возможно, единообразными на всей территории страны.

В целом, вероятно, что такой результат был достигнут главным образом благодаря своеобразному разрешению датского вопроса в начале десятого века. Если бы датчане завоевали Уэссекс во времена Альфреда, так что вся Англия была бы разделена между четырьмя или пятью независимыми скандинавскими государствами, рост сеньориального контроля над свободными людьми и их землями мог бы быть отложен на неопределенный срок. Если бы преемникам Альфреда удалось добиться включения Данло в состав королевства Уэссекс, зарождающийся манориализм юга мог бы быть распространен на восток и таким образом было бы обеспечено грубое единообразие обычаев, что дало бы простор для постепенного развития феодализма по континентальной модели. Но фактический ход истории решил, что исконное королевство Уэссекс должно выжить, утвердить свое превосходство над скандинавской частью страны и все же быть неспособным добиться соответствия своих иноземных подданных своей собственной социальной организации. Таков, по крайней мере, вывод, на который наводят нас свидетельства "Книги страшного суда". Вообще говоря, Уэссекс и его пограничные графства представили в 1066 году социальные явления, которые нормандские юристы смогли согласовать с преобладающими условиями их родной земли. В Уэссексе каждая деревня, вероятно, принадлежала бы одному лорду, ее земля делилась бы на знакомые подразделения *demesne* и "*terra villanorum*", ее мужчины были бы обязаны выполнять трудовую повинность своему хозяину. Но за пределами Уорик-Эйвон и Уотлинг-стрит

норманны столкнулись с аграрными условиями, которые были им явно незнакомы и к которым им было нелегко применить описательную формулу, которая так замечательно подходила к социальному устройству юга. Они ничего не знали о обширных землях, жители которых не знали лорда рангом ниже короля, графа или епископа; о деревнях, которые обеспечивали скудное пропитание пяти, восьми или десяти знатным лордам; об поместьях, владельцы которых могли требовать обслуживания от людей, чьи жилища были разбросаны по половине графства. За двадцать лет норманны путем сознательных изменений сделали больше для унификации общественных обычаев Англии, чем было достигнуто постепенными процессами внутреннего развития в предыдущем столетии; но именно социальное разделение, лежащее в основе очевидной политической децентрализации страны, с треском разрушило древнеанглийское государство еще до первого нападения самих норманнов.

Но социальное зло такого рода творит свое дело под поверхностью национальной истории, и именно полная децентрализация Старого английского содружества впервые приходит нам в голову, когда мы хотим объяснить двойное завоевание, которому подверглась страна в XI веке; децентрализация, выразившаяся в создании обширных графств, которые контролировали политику Англии в последние годы ее независимости. Рост этих графств во многих отношениях неясен; в ограниченной степени они представляют собой старые королевства, утратившие свою независимость, но в основном это случайные скопления территорий, постоянно меняющие свою форму в зависимости от интриг их владельцев или политического чутья короля Уэссекса, которое могло время от времени определять. Из повествования о датской войне, представленного "Англосаксонской хроникой", кажется несомненным, что в девятом веке каждое графство к югу от Темзы имело собственного графа; но это положение, по-видимому, было изменено Эдуардом Старшим, и было подсчитано, что с восшествия на престол Эдуарда до конца десятого века Уэссекс и Английская Мерсия были разделены на группу графств, число которых никогда не превышало восьми, изменение, которое неизбежно увеличивало важность отдельного графа. Тем временем Нортумбрией и территорией Пяти округов правили мужчины скандинавской крови, которые претендовали на титул графа, но очень редко присутствовали при дворах короля Уэссекса.^[6] В войнах Этельреда II и Эдмунда Айронсайда со Свегеном и Кнутом исход каждой кампании решался позицией таких людей, как Элфрик, олдермен Хэмпширский или Эдрик Мерсийский, которым по праву принадлежало руководить войсками своих уважаемых графств, и которые, похоже, вели свои войска с одной стороны. к другому, ни в малейшей степени не подвергаясь влиянию каких-либо уз верности, которые навсегда связали бы их либо с английским, либо с датским королем. Самому Кнуту обычно приписывают реорганизацию графств, в результате которой их число было временно сокращено до четырех и в результате которой Уэссекс в целом впервые был поставлен в равное положение с другими провинциальными правительствами. Простота этого устройства вскоре была искажена случайным расчленением западносаксонских и мерсийских графств и созданием подчиненных правительств в их пределах; но на протяжении всего правления Эдуарда Исповедника именно графы Уэссекса, Мерсии, Восточной Англии и Нортумбрии направляли политику королевства.

Привилегии и полномочия, присущие графскому достоинству, были очень значительными. Мы уже упоминали о его военной власти, но он также, по-видимому, пользовался судебной прерогативой, превышающей компетенцию местных собраний сотни. Его вергильд, по-видимому, был установлен по более высокой ставке, чем у обычного дворянина, и штраф, выплаченный ему за нарушение его спокойствия, составлял половину суммы, которая была бы выплачена королю, и вдвое больше суммы, выплаченной королевству за аналогичное

правонарушение.^[7] Более важным с точки зрения политики был тот факт, что в каждом графстве определенные земли, по-видимому, принадлежали административному управлению,^[8] и эти земли образовали территориальное ядро, вокруг которого такой беспринципный человек, как Годвин, мог собрать обширные поместья, которыми, как выясняет Судный день, он владел. На практике также именно графы, по-видимому, выиграли больше, чем кто-либо другой из высокопоставленных лиц, благодаря развитию той системы покровительства, которая была описана в предыдущем параграфе; естественное влияние их положения привлекло к ним свободных людей из их сфер управления, и они обзавелись группой личных слуг, от которых можно было ожидать, что они будут сражаться за них при любом кризисе в их судьбе и которые не будут излишне щепетильны в отношении причин ссоры, в которой им, возможно, придется принять участие. Укрепленные такими преимуществами, графы смогли в кратчайшие сроки передать свои титулы по наследству при любых нормальных обстоятельствах, и попытка Этельреда назначить в Мерсию графа по собственному выбору в лице Эдрика Стреоны и Эдуарда Исповедника сместить дом Годвинов в Уэссексе в 1051 году в каждом случае привела к катастрофе, хотя причины соответствующих катастроф были несколько разными.

Точно так же, как власть великих графов ограничивала исполнительную свободу монархии, так и в общих вопросах политики воля короля ограничивалась мнением группы его советников, его Витанагемотов. Время от времени сильный король, возможно, мог бы добиться соответствия своего витана своим личным желаниям; но большинство более поздних англосаксонских королей не были сильными, и когда, в редких случаях, нам удается заглянуть в обсуждения короля и мудрецов, именно последние определяют курс действий, которому следует следовать.^[9] То, что это было серьезным злом, вряд ли может быть оспорено. Политическое превосходство витанагемотов не имеет аналогии с конституционным правлением в современном смысле этого термина: витаны не были ответственны перед нацией; они не были, фактически, ответственны ни перед кем, поскольку король, который пытался настоять на их подчинении своей воле, мог оказаться, подобно Этельреду II, покинутым своей ведущей знатью в какой-то критический момент. Кроме того, если мы оцениваем достоинства политического курса по его результатам, мы не будем склонны слишком высоко оценивать мудрость мудрецов. В 1066 году Англия была обнаружена с устаревшей армией, финансовой системой, не имеющей никакого отношения к фактам, на которых она номинально базировалась, и социальным порядком, лишенным предпосылок стабильности и последовательности; то, что страна недавно получила всеобъемлющее повторение своих древних законов, было заслугой не ее мудрецов, а ее датского завоевателя Кнута. Состав Витанагемота — беспорядочного собрания графов, епископов, королевских чиновников и богатых вельмож — не давал гарантии, что его лидерами будут честные и умные люди; если это давало влияние таким людям, как Данстан и граф Леофрик Мерсийский, людям, которые искренне стремились к дальнейшему национальному благосостоянию, это давало равное влияние недобросовестным политикам, таким как Эдрик Стреона и Годвин Уэссекский. Результаты двадцатипятилетнего правления Витанагемота послужили бы оправданием, если бы таковое потребовалось, целеустремленной автократии англо-нормандских королей.

Ранняя история Витанагемота, как и многих других разделов англосаксонской конституции, сталкивается с частыми трудностями; но представляется несомненным, что период, последовавший за серединой десятого века, стал свидетелем значительного расширения его фактического влияния. Отчасти, без сомнения, это связано с растущей властью отдельных ее членов, о чем мы уже говорили в случае с графами, но мы, конечно, не должны упускать из виду личный характер королей Англии того времени. Последние представители

королевского дома Уэссекса - слабый народ. Об их физической слабости свидетельствует не столько быстрота, с которой король сменял короля в десятом веке — ибо Эдмунд и Эдуард Мученики погибли насильственной смертью, — сколько зловещая бездетность членов королевского дома. Из семи королей, восшествие на престол которых приходится на десятый век, четверо умерли, не оставив потомства. Средняя плодовитость королевского дома несколько повышается благодаря огромному семейству Этельреда Неготового; но через пятьдесят лет после его смерти его мужская линия была представлена исключительно стариком и мальчиком, ни одному из которых не суждено было оставить потомство. Не в более благоприятном свете предстают и короли этого периода, если судить по их политическим достижениям. Эдуард Старший, Ательстан и Эдмунд составляют достаточно достойную группу монархов, хотя их успех в той работе, которая была у них под рукой, а именно в присоединении Скандинавской Англии к королевству Уэссекс, был, как мы видели, крайне ограниченным. Эдред, следующий король, искалеченный какой-то безнадежной болезнью, предпринял смелую попытку утвердить господство Уэссекса над срединными землями и севером, но его преемник Эдви был всего лишь ребенком, и при нем южное королевство снова стало ограничено Темзой и Бристоль-Эйвоном. Правление Эдгара, несомненно, рассматривалось людьми следующего поколения как период хорошего закона и правления, а сам король изображается монашескими историками двенадцатого века как образцовый принц; но, с одной стороны, долгие невзгоды времен Этельреда сами по себе заставляли людей с сожалением оглядываться на двадцать лет сравнительного спокойствия, которые провел Эдгар, а также не может быть сомнений в том, что связь короля со святым Дунстаном давала ему видимое преимущество в глазах потомков.^[10] Ничто в записанных действиях Эдгара не дает права считать его правителем исключительных способностей. Короткое правление Эдуарда Мученика полностью занято борьбой между монашеской партией и ее противниками, в которой молодой король вообще не мог играть самостоятельной роли, а двадцать лет, в течение которых Этельред II неправильно управлял делами Англии, образуют период, который по своей убогости, вероятно, не имеет себе равных в национальной истории. Если бы Этельред был правителем с определенными политическими способностями, его титул “Неготовый”, поскольку он подразумевает нежелание с его стороны подчиняться диктату Витанагемота, был бы самым почетным знаком отличия; но серия несвоевременных действий^[11] и бесполезные ухищрения, которые отмечают осуществление его королевская инициатива стала непосредственной причиной национального переворота, сравнимого только с самим нормандским завоеванием. С Эдмундом Айронсайдом мы встречаемся с человеком, который заслуженно завоевал для себя место в общепринятом списке английских героев, и мы можем признать его притязания на то, чтобы считаться ярким исключением из преобладающего упадка западносаксонского дома, в то же время мы понимаем, что обстоятельства его бурной карьеры не оставили ему возможности показать, насколько он был способен бороться с социальным и политическим злом, которое привело к гибели его страны. И вот, после двадцати пяти лет датского правления, таинственная и странно непривлекательная фигура Эдуарда Исповедника завершает царственную линию его древней династии. Об Эдуарде нам придется поговорить более подробно в дальнейшем, отметив здесь лишь тот факт, что при его неэффективном правлении все рассмотренные нами центробежные тенденции получили ускорение, которое разнесло древнеанглийское государство на куски еще до первого удара нормандского рыцарства.

Из всего этого следует, что, согласно какому бы стандарту политических ценностей мы ни судили, Англии десятого и одиннадцатого веков будет совершенно не хватать всех качеств, которые делают государство сильным и поддерживают его эффективность. Расовые различия, существовавшие в королевстве, были стереотипизированы в его законах.

Принципы, лежащие в основе его социальной структуры, были непоследовательными. В нем не было административной системы, достойной этого названия, и исполнительная деятельность его короля была скована независимостью его советников и стала неэффективной из-за практической автономии провинциальных правительств, на которые была разделена земля. Древний род его королей давно перестал производить правителей, способных исправить царящую дезорганизацию, и вскоре должен был погибнуть из-за физического бесплодия своих членов. Эти политические пороки также не были уравновешены превосходством в других областях человеческой деятельности. Великие движения происходили в остальной Европе. Норманны произвели революцию в военном искусстве. Испанские королевства испытывали свои молодые силы в первых битвах великого крестового похода, наполняющего их средневековую историю; в Италии великая концепция очищенной церкви, независимой от феодального мира, медленно приближалась к осуществлению. Англия не может похвастаться ничем подобным; ее изоляция от течения континентальной жизни была почти полной, и великая датская борьба IX века оказалась последней работой, предпринятой независимой Англией во имя европейской цивилизации. В лице Альфреда, главного героя той борьбы, королевский дом Уэссекса породил национального героя, но никто не выполнил задачу, которую он оставил невыполненной.

II

Обращаясь от истории Англии между 950 и 1050 годами к истории Нормандии того же периода, сразу же осознаешь переход от упадка к росту; и это несмотря на то, что рост нормандского государства сопровождался бесконечным беспорядком и угнетением, а упадок Англии смягчался случайными проявлениями более древнего и героического духа расы. Нет ничего более удивительного в истории норманнов, чем быстрота, с которой страна пиратов превратилась в передовую часть феодального мира Франции, и необычайная быстрота этого процесса кажется тем более примечательной из-за скудости нашей информации о нем. История создания Нормандии, рассказанная нормандскими историками, настолько пропитана мифологией, что ее едва ли можно восстановить в самых общих чертах. Мы можем, однако, видеть, что в течение IX века северное и западное побережья Франции подвергались непрерывным нападениям скандинавов, сходным по характеру с современными набегами норманнов на Англию. Также несомненно, что заселение территории, которая сейчас является Нормандией, началось только через тридцать или сорок лет после завоевания английского Данло, и что в течение значительного, хотя и неопределенного, периода времени новые толпы норманнов непрерывно устремлялись вверх по долинам, выходящим на побережье Ла-Манша. О Ролло, традиционном основателе нормандского государства, ничего определенно не известно. Страна, из которой он происходит, довольно неопределенна. Норвежский сагамен утверждал, что он принадлежит к их собственной расе, норманны считали его датчанином, и были выдвинуты правдоподобные доводы в пользу отсылки его в Швецию.^[12] Его последователи, без сомнения, были набраны со всего скандинавского севера, но вполне вероятно, что большая часть первоначальных первопоселенцев Нормандии были датчанами по происхождению и, следовательно, тесно связаны с людьми, которые в предыдущем столетии нашли дом в долинах Йоркширского Уза и Трента. Как и в случае с Гутрумом в Восточной Англии, завоевания Ролло были определены важнейшим договором, заключенным между вождем-захватчиком и местным властителем; и соглашение, известное в истории как мирный договор Клер-сюр-Эпт, является началом истории норманнов. Большая неясность нависает над условиями этого поселения, и мы не можем с какой-либо уверенностью определить размеры территории, уступленной им северянам.^[13] На востоке, вероятно, линия границы проходила вверх по реке Эпте, оттуда до Бресле и далее вниз по

течению до порта Ес; но расширение первоначальной Нормандии на запад очень неопределенно, и что касается ее южной границы, то в XI веке все еще оставалось место для пограничных споров, в которые Вильгельм Завоеватель был вовлечен довольно рано. Последующая история, однако, достаточно ясно доказывает, что Бессен, Котантен и Авраншин не входили в состав Нормандии, как это было определено в Клер-сюр-Эпте, и именно в этой последней четверти, заселенной притоком более поздних иммигрантов, скандинавский элемент в герцогстве оказывал наиболее упорное сопротивление романскому влиянию.

Принцем, с которым Ролло заключил этот памятный договор, был Карл III, король Западных франков и предполагаемый потомок Карла Великого. Важность поселения Клер-сюр-Эпт предстояла в будущем, и по своему непосредственному значению это было не более чем эпизодом в борьбе, которая велась почти полвека между монархом Каролингов и могущественным домом графов Парижских, главой которого в то время был Роберт, дед Гуго Капета. Завоевания Ролло были осуществлены за счет графа Роберта и Карла III. на своем заседании в Нормандии, подобно Альфреду в Уэдморском мирном договоре, он отдавал вторгшемуся войску район, который никогда не находился под его непосредственным правлением. Было очевидно, что графы Парижские рано или поздно попытаются вернуть себе долину нижней Сены, и этот факт привел к союзу между первыми двумя герцогами Нормандии и их каролингскими сюзеренами, который продлился двадцать лет. Точная природа юридических уз, объединявших первых герцогов Нормандии с королем Франции, является спорным вопросом, но мы вполне можем усомниться в том, что Ролло сделал нечто большее, чем просто лично посвятил себя Карлу III, и даже нет уверенности в том, что предводитель викингов принял крещение в то время, когда он совершал акт поклонения. В качестве последнего вопроса, который все еще ожидает разрешения, мы можем отметить, что дата мирного договора в Клер-сюр-Эпте сама по себе неопределенна, но 921 год представляется годом, к которому с наибольшей вероятностью его можно отнести.

Если это так, то заключение этого соглашения, должно быть, было последним важным событием в правление Карла III, поскольку в 922 году он был свергнут своим врагом Робертом Парижским и провел оставшиеся восемь лет своей жизни в тюрьме. После этого Роберт принял титул короля, но был убит в 923 году, и корона перешла к Рудольфу Бургундскому, который владел ею до 936 года. О его смерти королевский титул была предложена Хью, прозванного Великим, графом Парижским, но он предпочитал, чтобы восстановить Каролингов линии, вместо того, чтобы обратиться на себя ~~enemity~~ [enemity](#) всех своих собратьев-дворян принимая шаткий трон сам. Карл III. женился на Эдгифу, одной из многочисленных дочерей Эдуарда Старшего Уэссекского, а наследник династии Каролингов Людовик проживал при дворе Ательстана, когда Гуго Парижский обратился к нему с просьбой принять его наследство. Отказ Гуго Великого принять корону существенно не улучшил отношений, существующих между домом Каролингов и парижским графством, и Людовик “из-за моря” счел целесообразным сохранить союз, который его отец основал с нормандскими лордами Руана. Но задолго до восшествия на престол Луи д'Утремера старый пират Ролло умер, и Уильям Длинный Меч, его сын, почувствовал себя менее зависимым от поддержки короля франков. В запутанной политике того периода Вильгельм смог отстоять свободу в заключении и разрыве международных договоров и в развязывании внешней войны, не менее полную, чем та, которой пользовались другие принцы Франции. В целом он оставался верен дружбе с Каролингами; и в конце его правления Нормандия и французская монархия совместно противостояли дому Робертианов, объединенному с графствами Вермандуа и Фландрией. Последнее графство, в частности, находилось под прямой угрозой

из-за роста могущественного государства на расстоянии удара от ее южных границ; и в 943 году Уильям Длинный Меч был убит Арнульфом Фландрским, внуком Альфреда Английского.

Мы, естественно, хотели бы знать, каким образом современные правители Англии рассматривали основание Нормандии. Обычно предполагается, и это предположение достаточно разумно, что Ательстан опасался помощи, которую норманны могли оказать людям Данло, и что он пытался предвидеть любое движение со стороны первых, заключив ряд брачных союзов с державами, способными вынудить Нормандию продолжать оборону. Вполне вероятно, что сестра Ательстана Эдхильд вышла замуж за Хью Великого,^[14] естественный враг Уильяма Длинного Меча, и мы знаем, что Ательстан оказал поддержку Алану Барбеторту, который в это время безуспешно пытался уберечь Бретань от захвата норманнскими захватчиками. С другой стороны, было бы легко преувеличить солидарность чувств, существовавшую между норманнами в Нормандии и в Англии; наши власти также не поддерживают веру в то, что различные континентальные браки сестер Ательстана были частью какой-либо последовательной политической схемы. Нет никаких свидетельств того, что между Ательстаном и Уильямом Длинным Мечом когда-либо существовали прямые политические отношения; хотя мы знаем, что англичане, назначенные королем для переговоров о приеме Луи д'Утремера во Франции, нанесли визит ко двору Руана.

За убийством Уильяма Длинного Меча последовало первое из двух меньшинств, встречающихся в истории нормандии, поскольку Ричарду, незаконнорожденному наследнику покойного герцога, было всего десять лет, когда умер его отец. Возможность была слишком хороша, чтобы ее упустить, и Луи д'Утремеру удалось на короткий период сделать себя хозяином Нормандии, не исключено, что в качестве предлога для своего вмешательства он выдвинул претензии на опеку над молодым герцогом. Каким бы ни было его юридическое основание, действия Людовика возмутили политическую индивидуальность герцогства, и когда Ричарду наступили годы благоразумия, он отказался от традиционной дружбы с Каролингами и примкнул к дому Робертианов. Он посвятил себя Гуго Великому, и таким образом началась дружба между лордами Парижа и их нормандскими соседями, которая продолжалась почти столетие и была не последней среди причин, позволивших дому Робертианов в 987 году увенчать свое нынешнее превосходство королевским титулом. Правление Ричарда I. длилось более пятидесяти лет, и история Нормандии в этот период крайне неясна, но не может быть никаких сомнений в том, что она стала свидетелем постепенной консолидации герцогства и его не менее постепенного поглощения политической системой Франции.

Седьмой год правления Ричарда II. был отмечен событием первостепенной важности как для истории Англии, так и для Нормандии — бракосочетанием Этельреда II и Эммы, сестры герцога. Англия в то время находилась в самом центре великой датской войны, которая знаменует конец десятого и начало одиннадцатого веков, и вполне возможно, что этот союз был вызван желанием Этельреда закрыть нормандские гавани для кораблей его врагов. Но, помимо всех сомнительных приписываний политическим мотивам, важность этого брака заключается в том факте, что отныне Нормандия остается постоянным фактором английской политики. Этот брак, должно быть, привел к немедленной иммиграции норманнов в Англию; уже в 1003 году мы находим французского наместника королевы Эммы, отвечающего за город Эксетер. Сам по себе союз династий — женитьба представителя древнего и пришедшего в упадок королевского дома Уэссекса на правнучке вождя пиратов Ролло — был достаточно ярким событием. Но по воле случая нормандская кровь в потомстве от этого брака проявилась сама по себе и привела к самым серьезным политическим результатам. Никто в 1002 году не мог предвидеть, что новая королева родит сына, ранняя жизнь которого

пройдет в изгнании на земле его матери и который вернется оттуда к наследству своего отца, пропитанный нормандскими представлениями об искусстве управления; еще меньше кто-либо мог предвидеть, что в силу этого брака нормандский герцог однажды предъявит права на английский трон по праву наследования. Но достаточно скоро стали очевидны и менее поразительные результаты нового альянса. Вездесущий нормандский торговец стал бы более частым посетителем английских портов, и Нормандия сразу же стала бы дружественной страной для англичан, пересекающих Ла-Манш с целью торговли или паломничества. Также не следует рассматривать этот брак исключительно с английской точки зрения. Прием нормандской принцессы в качестве королевы Англии доказал, по крайней мере, что нормандский герцог больше не был вторгшимся варваром среди высшей знати Франции; возможно, он еще не был суверенным принцем, но он, безусловно, был правителем, имеющим большее влияние за пределами французского королевства, чем любой из его собратьев-вассалов французской короны. Верно, что союз 1002 года не знаменует собой немедленных изменений в отношениях герцога Нормандии с Францией; его энергия по-прежнему ограничивалась мелкой борьбой, которую он, подобно своему отцу и деду, с переменным успехом вел против того или иного соседа. Но вскоре события показали, насколько сильное государство на самом деле было создано в Нормандии неизвестными герцогами десятого века, и женитьба Этельреда и Эммы указала на квартал, в котором наконец проявится сила Нормандии.

Следует признать, что мы можем описать внутреннее состояние Нормандии в том виде, в каком она существовала в начале XI века, лишь в самых общих чертах. Нормандия, как и остальная часть французского королевства, переживала фазу, когда законодательная власть суверена бездействовала; и за неимением письменных законов мы можем полагаться только на случайную информацию, содержащуюся в юридических документах или вскользь высказанных более поздними хронистами.^[15] Но основные черты нормандского феодализма в это время достаточно определены и достаточны, чтобы указать на контраст с современной конституцией Англии почти во всех деталях, в которых нам известны детали двух систем.^[15]

Во-первых, вассалитет был локализован в Нормандии. Отношения между лордом и человеком в большинстве случаев подразумевали, что последний владел своей землей первого. Насколько мы можем судить, развитие нормандского феодализма началось с отправной точки, отличной от той, с которой берет свое начало английская система. История терминов, используемых для обозначения владения жильем на иждивении, по-видимому, проясняет это. В скором времени вассал великого человека будет владеть его *прекарием*; он будет арендатором по своему желанию, его полномочия могут быть аннулированы по просьбе его господина. *Прекариум* следует за *бенефициумом*; термин, который в достаточной степени выражает тот факт, что права арендатора на свою землю исходят от его господина, хотя он не подразумевает, в отличие от более старого слова, их временный характер. Тем временем наследственный принцип в отношении владения на иждивении постоянно получает все большее распространение, и *feudum*, плата, термин, который в конечном итоге вытеснил *прекариум* и *бенефициум*, обозначает имущество, которое при обычном ходе вещей перейдет к наследнику арендатора. Некоторая подобная последовательность идей отчетливо прослеживается во Франкском королевстве, и англосаксонские земельные книги тут и там содержат слова и фразы, которые предполагают, что английское земельное право развивалось бы аналогичным образом, если бы оно не было остановлено общим потрясением общества, вызванным войнами девятого века. Обширные поместья, которыми новообращенные короли Уэссекса, Викки и Среднеанглийцев, наделили церкви, основанные в их владениях, представляли собой прекрасное поле для

роста зависимого владения, которым не пренебрегали знатные и свободные люди, стремившиеся приобщиться к богатству святых благодаря выполнению военных обязанностей, которые монахи и клерки не могли выполнять лично. Но датские войны лишили восточные церкви их владений и заселили восточные графства поселенцами примерно такого же ранга; и когда за столетие до Нормандского завоевания земельный заем воспроизводит многие черты континентального *прекариума*, он предстает скорее как экзотический институт, чем как нормальное развитие прежнего арендаторского обычая. Было бы очень легко преувеличить различие, существующее в этом вопросе между Англией и Нормандией; масса нашей современной информации о древнеанглийском землевладении относится к церковным поместьям; но, имея перед собой Книгу Страшного суда, мы не можем сомневаться, что это различие было очень реальным и имело глубокое значение в связи с другими отличительными чертами англосаксонской социальной организации.

Таким образом, все, по-видимому, указывает на то, что, по крайней мере, за сто лет до 1086 года зависимое владение и наследование феодальных владений были признанными чертами земельной системы Нормандии. Мы также знаем, что эти принципы задолго до завоевания Англии привели к появлению своих следствий в виде прав опеки, брака и социального обеспечения, которыми лорд при случае пользовался по отношению к своим вассалам.^[16] Женщины могли наследовать землю, и нормандский обычай предоставлял, по крайней мере, герцогу привилегию выбирать мужа для своей женщины-вассала. Права принятия на себя опеки над землей несовершеннолетнего и получения денежной выплаты при вступлении в должность нового наследника были очевидным следствием изначально ненадежного характера феода, и мы увидим, что король Франции Генрих воспользовался прежним правом над самой Нормандией после смерти герцога Роберта в 1035 году. По-видимому, нет никаких прямых доказательств существования рельефа как нормандского обычая до 1066 года, но его появление в Англии сразу после завоевания является достаточным доказательством его предыдущего признания феодальным правом Нормандии. Ни один из этих обычаев, насколько мы можем судить, не нашел места в социальной системе независимой Англии.

Частная юрисдикция, несомненно, была существенной чертой нормандского феодализма, хотя мы вполне можем усомниться в том, что принципы, на которых она была основана, когда-либо были определены нормандскими юристами. Также ясно, что герцог при случае обладал властью отменять решения своих баронов, и что использование им этой власти приветствовалось всеми, кто был заинтересован в благополучии более скромных слоев общества. Военный характер феодализма требовал, чтобы в стране существовала какая-то власть, способная отстаивать свои права силой, и более сильные герцоги Нормандии не замедлили утвердить свое судебное превосходство. Насколько вездесущий манориальный суд нормандской Англии представляет собой имитацию континентальной практики и насколько это относится к “саке и соке”, которыми владели англосаксонские господа, - сложный вопрос, и объяснение, данное правоведом поколения, последовавшего за Завоеванием, следует приберечь для более поздней главы.

Однако ясно, что один обычай, который, по современным представлениям, был бы губителен для любого общественного строя, отличает нормандскую жизнь от жизни Англии XI века. Частная война была общепризнанным обычаем в Нормандии. По очевидным причинам этот обычай был огорожен строгими правилами; разрешение герцога было необходимо до начала кампании, и ее проведение подлежало его общему надзору. Но частную войну не отделяет никакой определенный барьер от анархии, и при слабом герцоге или в меньшинстве бароны Нормандии взяли бы закон в свои руки. В этом крылась истинная

причина беспорядков, царивших во время несовершеннолетия Вильгельма Завоевателя; и в условиях приостановки государственного вмешательства церковь со значительным успехом пыталась ограничить эту практику разумными рамками. Божье перемирие в тех ограничениях, которые оно накладывало на военные действия, делало жизнь крестьян и горожан более сносной, но в лучшем случае оно было неэффективной заменой власти сильного правителя. Вильгельм Завоеватель установил прочный мир в Нормандии, а также в Англии, и мы вполне можем усомниться в том, что даже частная война, при условии соблюдения ее юридических санкций, была не менее вредной для благополучия общества, чем жестокие вспышки внутренних раздоров, которые время от времени происходили при беспомощном правительстве Эдуарда Исповедника.

Точная природа феодальных уз, связывавших герцога Нормандского с королем Франции, - очень сложный вопрос.^[17] Это, несомненно, включало все те обязательства, которые подразумевались при совершении акта почтения, но их строгость могла варьироваться неограниченно в зависимости от статуса заинтересованных сторон. Клятва верности и службы, несомненно, соблюдалась только до тех пор, пока человек, которому была принесена присяга, мог принудить его к ее соблюдению угрозой конфискации. Когда клятва давалась между двумя сторонами, которые были фактически равны по силе, не было никакой уверенности в том, что она будет означать нечто большее, чем утверждение зависимости со стороны человека, давшего клятву. С другой стороны, было бы ошибкой рассматривать почтение, которое герцог Нормандии оказывал своему сюзерену, просто как церемониальную форму. Даже в раннефеодальные времена чувство личной чести, как правило, удерживало человека от бессмысленных нападков на своего господина. Вильгельм Завоеватель, по возможности, воздерживался от нарушения клятвы верности, в которой он поклялся королю Генриху; и если бы его поставили в защиту его поведения при Варавилле, он, вероятно, сослался бы на то, что необходимость самосохранения перевешивала все другие соображения. Но в прежние времена поддержание феодальных отношений между Нормандией и Францией в меньшей степени зависело от личной лояльности правящего герцога. Иногда король Франции подтверждает предоставление земель, которыми герцог Нормандии наделил какой-либо религиозный дом; он может, как мы видели, претендовать на право опеки над герцогством во время несовершеннолетия. Кроме того, не следует забывать, что в случае с герцогами Ричардом I и Робертом I. традиционный союз между Нормандией и династией Капетингов маскировал практическую автономию первой. До тех пор, пока рыцари Нормандии находились в распоряжении короля Франции для нападения на Фландрию или Блуа, король не беспокоился о том, были ли они предоставлены ему в соответствии с его притязаниями на феодальную службу или просто в соответствии с территориальными интересами его вассала.

В пределах своей территории герцог норманнов пользовался почти абсолютным суверенитетом. Внешнее ограничение его власти — сюзеренитет короля Франции - было в высшей степени неэффективным, и внутри герцогства бароны в исключительной степени подчинялись герцогской власти. Все члены нормандского баронства стояли на очень высоком уровне в отношении размеров своих феодальных владений, и политическое влияние, которым мог время от времени пользоваться любой отдельный барон, зависело главным образом от его личного расположения к герцогу. То тут, то там среди массы нормандской знати мы встречаем семьи, претендующие на более древнее происхождение и более чистую родословную, чем у герцогского дома, и вследствие этого склонные к восстанию; но такие случаи в высшей степени исключительны, и имена, имеющие наибольшее значение в истории Вильгельма Завоевателя, принадлежат людям, занимавшим официальные должности при его дворе или находившимся в личном родстве с

его линией. В Нормандии не было баронств первого ранга, а количество графств было небольшим; кроме того, большинство из них, в соответствии с политикой герцогов Ричарда I и II, были пожалованы в удел младшим членам царствующей семьи. Одно поразительное исключение из территориальной значимости нормандского баронства существовало в большом феодальном владении Беллем, которое находилось на границе Нормандии и Мэна и считалось зависимым от французской короны.^[18] Лорды Беллема в прежние времена, безусловно, вели себя как суверенные принцы, но, к счастью, мужская линия семьи вымерла во время правления Вильгельма, и постоянное препятствие на пути централизации герцогства было устранено, когда Мейбл, наследница этого грозного дома, передала его обширные владения своему мужу, верному другу герцога, Роджеру де Монтгомери.

В церковном, как и в мирском, баронстве Нормандии не было членов, способных по своему территориальному влиянию возглавить оппозицию герцогской власти. Великие аббатства Нормандии, Фекан, Сен-Вандриль, Жюмьеж, были основаны или переоснащены самими герцогами, а восстановление западных епископств было главным образом благочестивым делом Ричарда I. Восстановление нормандского епископата после беспорядков в поселении никогда не могло бы быть осуществлено, если бы не поддержка, оказываемая движению сменявшимися друг друга герцогами, а связь между церковью и государством в Нормандии была особенно тесной. Права покровительства, ревностно охраняемые королем Франции в других местах, в Нормандии принадлежали герцогу, и его право назначать официальных руководителей церкви позволяло ему управлять всей церковной политикой страны. Естественно, время от времени случаются грубые случаи кумовства, как, например, когда Одо, брат герцога Вильгельма, был отправлен на престол Байе в возрасте десяти лет; но в целом герцоги Нормандии прилагали все усилия, чтобы отобрать достойных кандидатов на епископства и аббатства, и в 1066 году духовное качество нормандского епископата было необычайно высоким. За независимой церковной юрисдикции, которая возникла в герцогстве под влиянием Великой Ключийская движения герцог держал устойчивый контроль; когда в Англии Завоевателя встречается настаивая на том, что никакого церковного права должен быть внесен в страну без его дозволения, он был, но утверждая принцип, который определял его поведение в отношении тех вопросов, в Нормандии.

Эта тесная связь церкви и государства еще до восшествия на престол Вильгельма оказала мощное косвенное воздействие на церковную культуру Нормандии. В Нормандии, как и в Англии, датские войны предыдущего столетия были фатальными для монашеской жизни пострадавших районов, и вместе с монашеством погибли такие элементы литературной культуры, какие могла показать эпоха Каролингов. Прошло почти столетие после заключения мирного договора в Клер-сюр-Эпте, прежде чем монашество возродилось в Нормандии, и это возрождение было почти полностью связано с ввозом иностранных монахов в герцогство под покровительством Ричарда II. и его преемников. В связи с вновь основанными монастырями возникли школы, некоторые из которых за удивительно короткое время соперничали со старыми учреждениями Шартра и Тура и в полной мере участвовали в космополитической культуре, лежащей в основе развития средневековой схоластики. Из этих школ самой известной, несомненно, была школа в Беке, расцвет которой хорошо иллюстрирует характер возрождения образования в Нормандии.^[19] Само аббатство Бек было учреждением совсем недавно, основанным в 1034 году неграмотным рыцарем по имени Херлвин, который желал вести монашескую жизнь в обществе нескольких избранных товарищей. Ничто никоим образом не отличало Бек от полудюжины других аббатств, основанных в то же десятилетие, и своим уникальным отличием дом обязан тому обстоятельству, что в 1042 году способный молодой итальянский юрист и грамматик Ланфранк из Павии взял на себя руководство его школой. Как логик и спекулятивный

богослов Ланфранк, как говорят, проявляет небольшие оригинальные способности, но никто лучше него по природе не был приспособлен для того, чтобы руководить ранним развитием учреждения, к которому мы можем удобно, хотя и неточно, применить обозначение университет. В одиннадцатом и двенадцатом веках репутация отдельного учителя имела гораздо большее значение, чем традиции школы, в которой он преподавал, и школа Бека под руководством Ланфранка быстро превратилась в образовательный центр восточной Нормандии. Ее известность значительно возросла благодаря тому факту, что ее лидер оказался вовлеченным в теологический спор, в котором была заинтересована вся католическая церковь. Известный богослов Беренгар, преподаватель турской школы, взял на себя задачу оспорить общепринятое мнение о природе Евхаристии, и Ланфранк выступил вперед в качестве ведущего полемиста с консервативной стороны. В последовавшей за этим диалектической борьбе честь ведения дебатов выпала Ланфранку; мнения Беренгара были осуждены как провинциальным синодом под руководством архиепископа Маурилия Руанского, так и генеральным советом, состоявшимся в Риме в 1056 году, и Ланфранк, по мнению людей его времени, казался выдающимся богословом Нормандии. Но более широкие обязанности, чем руководство школой Бека, быстро легли на него как на друга и ближайшего советника герцога, и после его перевода в недавно основанное аббатство Святого Стефана в Кане его место занял человек с большим умом, если не с меньшими административными способностями. Карьера Ансельма д'Аоста, сменившего Ланфранка в приорате Бек, поднимает вопросы, выходящие за рамки жизни и правления Вильгельма Завоевателя, но, безусловно, следует упомянуть образовательную работу, которую Ансельм проводил в те дни, когда его имя еще не было известно как поборника идей Гильдебрандина в церковном устройстве Англии. Как учитель, вполне вероятно, что у Ансельма не было соперника среди людей его времени, и если его образовательные усилия были направлены исключительно на воспитание образованных и ревностных монахов, это ни в малейшей степени не умаляет величия работы, которой был посвящен расцвет его жизни. Именно при Ансельме, а не при Ланфранке, влияние школы Бека достигает своего апогея, а мягкий характер и глубокая философская проницательность монаха из Аосты составляют приятный контраст с практичной и порой беспринципной деятельностью его предшественника в Беке и Кентерберии.

III

Следует признать, что мы располагаем очень скудной информацией о причинах, которые к концу десятого века привели к возобновлению набегов скандинавов на Англию. На севере не сохранилось последовательной традиции по этому поводу, и первое нашествие викингов на Англию в 981 году не вызывает особых комментариев у местных хронистов, которые это зафиксировали. Теперь, как и в предыдущем столетии, датчане господствовали на море, и поселения викингов девятого века на востоке Англии стали для их потомков отличной базой для операций в самом сердце королевства. Первые десять или двенадцать лет после 980 года датские и норвежские налетчики довольствовались грабежом и данью, и окончательное завоевание Англии было достигнуто только в 1013 году, когда Свеген Раздвоенная Борода, король Дании, изгнал Этельреда из его королевства и несколько месяцев наслаждался неоспоримым правлением в качестве некоронованного короля страны. Английская реакция при Эдмунде Айронсайде - краткий, хотя и блестящий эпизод войны, но численное превосходство противника сказалось в конце концов, и с 1016 по 1042 год Англия оставалась политически объединенной со скандинавским миром.

Правление Кнута, сына Свегена, не встретило сопротивления со стороны его английских подданных. Но хотя Кнут правил Англией с такой строгостью и справедливостью, что

накануне нормандского завоевания его правление все еще считалось образцом хорошего правления, тем не менее это было правление скандинавского короля.^[20] Все оставшиеся в живых сыновья Этельреда были убиты или изгнаны от его рук, и его брак с вдовой Этельреда, скорее всего, был результатом страсти, чем политики. В кадровом составе местного правительства Англии при его правлении произошли полные перемены. Его графства были переданы либо товарищам по его ранней войне, таким как Эрик Нортумбрийский^[21] и его сыну Хакону Вустерширскому, либо новым людям, таким как Годвин Уэссекский, которого он возвысил из ничтожества и мог свергнуть по своему желанию. Насколько нам известно, только одна местная семья древнего происхождения получила благосклонность иностранного короля. Графство Мерсия, которое осталось вакантным после суммарной казни Эдрика Стреоны в начале 1017 года, было передано Леофвину, представителю знатной семьи Мидленда и отцу более известного Леофрика, мудрейшего из советников Эдуарда Исповедника. Те англичане, которые получили светское продвижение от Кнута, получили его по большей части в Скандинавии, где честь, которой они пользовались, очевидно, стала причиной недовольства датчан еще до смерти Кнута. В общей политике также внимание Кнута было направлено на север, а не на романские земли, с которыми брак Этельреда привел Англию в соприкосновение. Весьма вероятно, что Кнут мечтал об империи, которая включала бы Англию и всю Скандинавию, и несомненно, что в 1028 году он завоевал Норвегию и потребовал подчинения короля Швеции. Во всем этом Кнут вел себя как наследник Гарольда Синезубого и Свегена Раздвоенной Бороды, а не как преемник Эдгара и Этельреда. Его правление принесло Англии мир, и англичанам больше не нужно было убеждать их подчиниться ему.

В аппарате английского правительства, по-видимому, правление Кнута не знаменует каких-либо важных изменений. Он управлял Англией, как и Норвегией, через вице-королей; и если его графы больше походили на королевских чиновников, чем олдермены Этельреда, то это было связано скорее с превосходством власти Кнута, чем с каким-либо фундаментальным изменением характера их должностей. При Эдуарде Исповеднике правительства провинций снова стали такими же автономными, как и прежде. То, что Кнут приказал составить общий свод законов, действующих в то время, было делом огромной важности - работой, которая, возможно, заслужила ему звание величайшего законодателя одиннадцатого века.^[22] Когда происходила битва при Гастингсе, кодекс Кнута все еще был новейшим и наиболее четким изложением древнеанглийских обычаев, и дополнений, внесенных в него Завоевателем, было немного и по большей части второстепенного значения.

За смертью Кнута последовал немедленный распад его империи. Норвегия перешла к Свегену, его старшему сыну; и после его смерти после короткого и беспокойного правления была быстро завоевана Магнусом, сыном норвежского соперника Кнута Олафа Святого. Дания была захвачена Хартакнутом, сыном Кнута и Эммы Нормандских, а Гарольд, третий оставшийся в живых брат, захватил Англию и удерживал ее в течение пяти лет. Его короткое правление ознаменовалось драматическим событием, которое имеет важное значение как один из очевидных мотивов, приписываемых апологетами Завоевателя его вторжению в Англию. В 1036 году Этелинг Альфред, сын Этельреда и Эммы, покинул свое безопасное изгнание в Нормандии и приехал в Англию. Нам говорят, что его целью было навестить свою мать, леди Эмму, и посоветоваться с ней, как ему лучше всего заполучить королевство для себя. Поэтому он высадился на берег с небольшим количеством спутников, и прежде чем он увидел свою мать, его встретил Годвин, граф Уэссекский, который мирно принял его и оказал ему щедрое гостеприимство в Гилфорде. После этого имя Годвина исчезает из рассказа, но в ту же ночь этелинг и его отряд были окружены людьми короля Гарольда и взяты в плен; Альфред был так ужасно ослеплен, что вскоре скончался от полученных ран, а

его товарищи были изувечены, заключены в тюрьму или проданы в рабство по прихоти короля. Все это дело явно было результатом подлого предательства, и невозможно сомневаться, что неожиданность в Гилфорде была делом рук Годвина.^[23] Граф-предатель, действительно, умело избежал наказания за свое преступление, но когда Вильгельм Нормандский собирался пересечь море, он позаботился о том, чтобы предстать мстителем за зло, причиненное его кузену тридцать лет назад.

В какой-то момент между смертью Кнута в 1035 году и смертью Гарольда I. в 1040 году брат последнего Хартакнут, будучи королем Дании, заключил договор с Магнусом Норвежским, который послужил предлогом для двадцатилетней войны между двумя государствами и основой норвежских претензий на Англию, которые были заявлены Гарольдом Хардрадой в кампании, закончившейся при Стэмфордбридже. Отделение Норвегии при Магнусе от датского соединения вряд ли могло пройти бесспорно, и войска обеих наций готовились рассмотреть этот вопрос в большом сражении при Эльфе зимой, следующей за наследованием престола Магнусом. Однако с обеих сторон была сильная партия в пользу мира, и был достигнут компромисс, в соответствии с которым короли поклялись в братстве и пообещали, что в случае смерти одного из них без сына, который мог бы стать его преемником, его владения перейдут к оставшемуся в живых или его наследнику.^[24] Наследование Хартакнута Англии в 1040 году произошло без протеста со стороны Магнуса, но после бездетной смерти первого в 1042 году договор должен был вступить в силу, и Магнус был осторожен, чтобы потребовать корону Англии от Эдуарда Исповедника. Эдуард отрицал права норвежского короля, и его так сильно поддерживали ведущие люди страны, что Магнус счел за лучшее позволить ему царствовать с миром, но это требование, несомненно, присутствовало в голове наследника Магнуса, Гарольда Хардрады, когда он отправился в свою памятную экспедицию в 1066 году,^[25] и это объясняет тревогу, которую дворяне скандинавских тенденций смогли вызвать у наследника Магнуса. пробудиться в Англии в первые годы правления Эдуарда.

Человеком, сыгравшим ведущую роль в событиях, приведших к признанию Эдуарда королем Англии, несомненно, был граф Годвин; и главный интерес правления Эдуарда заключается в различной судьбе семьи, основателем которой был Годвин. С заметным мастерством граф использовал влияние, которым он обладал как защитник короля Эдуарда, для продвижения территориальных интересов своей семьи, и в течение трех лет после восшествия на престол Эдуарда Годвин и его сыновья владели поясом графств, который без перерыва простирался вдоль южного побережья Англии, от Уоша до Бристольского канала. К 1050 году вся Англия была разделена между Годвином и двумя его старшими сыновьями, Свегеном и Гарольдом, Леофриком Мерсийским, Сивардом Нортумбрийским и Ральфом Мантийским, племянником короля Эдуарда, который получил от своего дяди графство Херефорд и еще до середины века превратил это отдаленное графство в форпост нормандского влияния.

В 1051 году власть дома Годвинов была внезапно свергнута на время в результате неожиданной революции. Непосредственная причина катастрофы была очень тривиальной, но не может быть никаких сомнений в том, что на самом деле она была вызвана завистью, которую король испытывал к чрезмерной власти, которой обладал граф Уэссекс. Годвин в 1042 году играл роль создателя королей; но, как и другие создатели королей, он обнаружил, что созданный им суверен начал возмущаться его влиянием. Летом 1051 года граф Юстас Булонский, женившийся на сестре короля Эдуарда, нанес визит своему шурину и по возвращении приготовился пересечь Ла-Манш из Дувра в столицу своей страны. Прибыв в Дувр, Юстас потребовал от горожан развлечения для себя и своей свиты; требование, которое, по-видимому, вполне соответствовало обычаю, по которому жители города в

одиннадцатом веке могли найти жилье для свиты короля или для лиц, которых король мог прислать к ним.^[26] Однако в данном случае жители Дувра проявили признаки отказа от этого обычая, и на улицах города завязалась драка, в которой каждая сторона потеряла около двадцати человек. Юстас немедленно вернулся ко двору короля и потребовал наказания горожан, которое было ему предоставлено, и его исполнение было поручено Годвину, в пределах графства Дувр. Граф наотрез отказался выполнять приказ короля, то ли из великодушного несогласия с справедливостью приговора, то ли из-за боязни навлечь на себя непопулярность местных жителей, приведя его в исполнение. Вслед за этим Эдуард в кои-то веки заявил о своей королевской независимости, и события показали, что, по крайней мере, на данный момент у него были резервы сил, на которые Годвин и его партия не могли рассчитывать. Король созвал в Глостере заседание Витанагемота, на котором, среди прочих обвинений, Годвин должен был быть обвинен в соучастии в смерти Альфреда Этелинга пятнадцатью годами ранее. Годвин отказался предстать перед судом и приступил к сбору войск из всех семейных графств, что было обнаружено в результате аналогичного сбора, произведенного от имени короля графами Херефорда, Мерсии и Нортумбрии. Гражданская война была предотвращена благодаря умеренности вождей королевской партии, которые договорились отложить предъявление обвинений Годвину до следующего Михайлова дня, когда в Лондоне должно было состояться гомот для их обсуждения. Годвин согласился с этим и, чтобы его не застали врасплох, перебрался из западных земель в Саутуорк, где поселился при поддержке большого войска, набранного из его графства. Но задержка оказалась роковой для его дела: его войска пали духом и дезертировали, и вскоре король смог издать указ о немедленном изгнании графа и всей семьи. Граф бежал во Фландрию, Гарольд - к дублинским остменам,^[27] и в течение года Эдуард оставался бесспорным хозяином своего королевства.

Партия роялистов, добившаяся этого незабываемого успеха, была в основном набрана из двух источников. Враждебное отношение Мерсии и Нортумбрии к господству западносаксонского графа привлекло на сторону короля огромное количество сторонников, которые, несомненно, были на самом деле не более лояльны королю, чем Годвин и его люди, но которые приветствовали столь прекрасную возможность нанести удар по правлению семьи южан. С другой стороны, ясно, что в ссору вмешались расовые чувства и что нормандские поселенцы, которых Эдуард пригласил получить землю и господство в Англии, были заклятыми врагами Годвина и его партии. Вполне естественно предположить, что Эдуард, в дополнение к пристрастию, которое он, должно быть, испытывал к людям той расы, среди которой он нашел убежище в дни своего изгнания, желал найти в них какой-то противовес власти графа Уэссекса и его сподвижников. Несомненно, что при дворе и в стране существовал могущественный нормандский элемент, который внес весьма существенный вклад в успех короля в 1051 году. Архиепископство Кентерберийское и епархии Лондона и Дорчестера принадлежали нормандским священникам, а в Херефордшире, под юрисдикцией графа Ральфа, на границе с Уэльсом была основана процветающая нормандская колония. Под этим нормандским влиянием искусство строительства замков было привнесено в Англию, к бесконечному отвращению деревенских жителей по соседству с новыми крепостями, и граф Херефорд очень безуспешно пытался убедить местное ополчение, официальным лидером которого он был, участвовать верхом в их кампаниях против валлийцев. С другой стороны, королевская "канцелярия", которая постепенно становилась организованным средством ведения юридических дел короля, была в основном укомплектована нормандскими клерками, а служба в королевской часовне, по крайней мере частично, проводилась священниками с другого берега Ла-Манша. В сфере торговли связь между Англией и Нормандией, которую можно проследить уже во времена короля Этельреда, неуклонно становилась более тесной и постоянной; до 1066 года по

меньшей мере пять портов Сассекса находились в руках норманнов, и нормандские купцы владели собственной гаванью в устье Темзы. Мы никогда не сможем дать точную оценку степени нормандского влияния в последние дни существования англосаксонского государства, но не может быть сомнений ни в его общем значении, ни в его важности для уменьшения шока, вызванного быстрой норманизацией Англии после 1066 года.

Однако в настоящее время норманны в Англии не были достаточно сильны, чтобы надолго взять на себя руководство содружеством, и в 1052 году Годвин и его сыновья с триумфом вернулись. Старому графу не составило труда набрать мощное войско во Фландрии, а Гарольд в датской Ирландии обнаружил множество авантюристов, жаждущих последовать примеру лидера, который мог обещать волнения и добычу. В середине 1052 года Гарольд, действуя, без сомнения, заодно со своим отцом, отплыл из Ирландии на девяти кораблях, высадился на побережье Сомерсета в Порлоке и там продолжил убивать Гарри в истинно викингской манере, обогнув Край Земли и так далее вдоль Ла-Манша. Тем временем Годвин со своими фламандскими пиратами добрался до острова Уайт и грабил его до тех пор, пока жители не были вынуждены заплатить любой выкуп, который мог потребовать граф. У острова Уайт Гарольд объединил силы со своим отцом, и графы поплыли дальше мимо Певенси и Гастингса вдоль побережья Кента, привлекая множество добровольцев из дружественных портов, в которые они заходили, в то время как их команды время от времени устраивали опустошения в других местах. Не встретив серьезного сопротивления, изгнанники вошли в Темзу и поплыли вверх по реке до Лондонского моста; Годвин сошел на берег в Саутуорке, и атмосфера города безошибочно оказалась на его стороне. Архиепископ Кентерберийский и епископ Дорчестерский поспешно бежали из города и, спасая свои жизни, добрались до побережья Эссекса, откуда переправились в Нормандию. У короля, бессильного защитить своих друзей в момент реакции, не было иного выбора, кроме как восстановить Годвина и его семью во всех их почестях и должностях, и он был вынужден объявить вне закона “всех французов, которые подняли беспорядки, провозгласили плохой закон и замыслили зло против страны”. Ему, однако, даже разрешили оставить при себе таких норманнов, которых партия Годвина предпочитала считать лояльными королю и его народу; и действительно, не похоже, чтобы за триумфом националистов в 1052 году последовал какой-либо значительный исход иностранных поселенцев из страны.

Таким образом, Годвин одержал безоговорочную победу, но он и его друзья предприняли ложный шаг, результатом которого стал переход всего влияния церкви на сторону нормандских захватчиков в 1066 году. Бегство архиепископа Кентерберийского оставило митрополию во власти партии Годвина, и она была немедленно передана Стиганду, епископу Винчестерскому, главному церковному стороннику графа Уэссекса. Этот акт был грубым нарушением закона и приличий, поскольку изгнанный архиепископ не был низложен церковным судом, и Стиганд не улучшил своего положения, продолжая занимать Винчестерский престол наравне с Кентерберийским. Курия отказалась признать его митрополитом, и в 1058 году Стиганд усугубил свою вину, приняв паллий, знак архиепископского сана, от антипапы, тем самым фактически бросив вызов той части церкви, которая олицетворяла ее высшие идеалы и которой было суждено оказывать наибольшее влияние в ближайшие годы. Вскоре политические соратники Стиганда осознали допущенную ошибку, и на следующие пятнадцать лет провинция Кентербери в вопросах духовной юрисдикции осталась без главы. Между 1058 и 1066 годами Стиганд так и не рукоположил епископа, и на церковных церемониях особой важности его место занимал примас Йорка. Для всех строгих церковников номинальный глава церкви в Англии был

раскольником, отреченным своими собственными суфражистами и запрещенным Святым Престолом; и было бы трудно переоценить важность этого факта в подготовке общественного мнения Европы к поддержке предприятия Вильгельма Нормандского в 1066 году.

Годвин пережил свою реставрацию немногим более чем на год, и после его смерти в 1053 году его графство Уэссекс перешло к Гарольду как его старшему выжившему сыну. Вполне вероятно, что в течение тринадцати лет Гарольд был настоящим главой английского правительства. До самого конца этого периода внутренняя история Англии почти лишена зарегистрированных событий, и ее значение заключается в неуклонном увеличении семьи, главой которой теперь был Гарольд. К началу 1065 года самые богатые и воинственные районы страны были разделены на графства, принадлежавшие членам дома Годвинов. Уэссекс Гарольд оставил под своим собственным правлением, добавив графства Глостер и Херефорд; Леофвин, его младший брат, управлял провинцией, включавшей Эссекс, Хартфорд, Мидлсекс, Кент, Суррей и Сассекс; Гирт, третий брат, владел Восточной Англией; к которой было добавлено графство Оксфорд в Мидленде.^[28] Даже Нортумбрия была закреплена за графом из семьи, поскольку Тостиг, единственный из сыновей Годвина, к которому король Эдуард, похоже, испытывал личную привязанность, получил управление этой незаконной страной после смерти ее уроженца графа Сиварда в 1055 году. Менее очевидным, но в равной степени отражающим общую тенденцию политики Гарольда, является огромное количество земель, которыми он непосредственно владел после смерти Исповедника. Едва ли было графство, в котором определенное количество поместий не принадлежало бы графу Уэссекскому в 1066 году; и в Книге Страшного суда, фиксируя факт его владения, часто также отмечается, что оно было приобретено силой или несправедливостью. Гарольд, как и его отец, был весьма беспринципен в отстаивании своих интересов, и его жадность к земле и доходам - одна из немногих черт его характера, в которых мы можем быть уверены. О его братьях Гирте и Леофвине нам известно очень мало, хотя в нормандских традициях двенадцатого века первый представлен как настоящий герой кампании при Гастингсе на стороне англичан. Но Тостиг, граф Нортумбрии, был человеком с более сильным характером, и обстоятельства его отстранения от власти требуют краткого изложения в этом месте.

Назначение Тостига в 1055 году было опрометчивым экспериментом. С момента свержения королевства Нортумбрия Эдредом и до последнего года правления Хартакнута на севере правила династия местных графов. Наследование в южной половине графства, между Тисом и Хамбером, было прервано в правление Кнута, но древний род продолжал править в Берниции до тех пор, пока в 1041 году Элдвульф II, последний граф из этого дома, не был убит Сивардом, датским правителем Йоркшира. После этого Сивард воссоединил две половины нортумбрийского графства, получив в глазах местных жителей некоторые права на управление государством благодаря своей женитьбе на Эльфлед, племяннице своего убитого Эдвульфа; и в течение четырнадцати лет его безжалостная суровость сохраняла в провинции относительное спокойствие. От Тостига, преемника Сиварда, впервые ожидалось, что нортумбрийцы будут подчиняться чужаку из южной страны, и, следовательно, не было никаких оговорок к ненависти, которую Тостиг вызвал своим подражанием методам правления своего предшественника. Будучи личным фаворитом короля, Тостиг подолгу отсутствовал в своей провинции, и нелегко понять, почему нортумбрийцы десять лет подчинялись судорожной тирании чужеземца. Но, наконец, в 1064 году Тостиг заманил в ловушку и убил двух ведущих лордов севера по имени Гамель, сын Орма, и Ульфа; и на Рождество того же года Госпатрик, последний потомок древних графов Берниции мужского пола, был убит при королевском дворе в интересах Тостига.^[29] Девять

месяцев в Нортумбрии царил зловещий мир, а затем, очень неожиданно, в октябре 1065 года вспыхнуло великое восстание. Двести тегнов отправились в Йорк, провели митинг, на котором мы, возможно, узнаем нортумбрийского *гемота*, свергли Тостига и предложили графство Моркару, брату Эдвина, правящего графа Мерсии, и внуку Леофрика. За этими событиями последовала всеобщая резня сторонников Тостига в Йорке, а затем армия повстанцев во главе с новым графом Моркаром двинулась на юг, чтобы добиться от короля подтверждения своих революционных действий.

В момент вспышки Тостиг отсутствовал в Хэмпшире, охотясь с королем Эдуардом. События теперь вышли совершенно из-под его контроля; к Моркару присоединились его брат граф Эдвин с фюрдом Мерсии и отрядом валлийцев, и объединенные силы достигли Нортгемптона, линия их продвижения была отмечена массовыми разрушениями, которые можно очень четко проследить на страницах "Нортгемптоншира" Domesday.^[30] В Нортгемптоне мятежников встретил Гарольд с посланием от короля о том, что, если они разойдутся, их обвинения против Тостига должны быть заслушаны и решены законным образом. Они ответили категорическим отказом снова признать Тостига своим графом, пронеслись дальше по долине Черуэлл и в следующий раз появились при оккупации Оксфорда. Тем временем Эдуард созвал совет в Бретфорде близ Солсбери, на котором состоялись долгие и ожесточенные дебаты, и Гарольда открыто обвинили в разжигании нынешнего восстания ради собственной выгоды. Граф клятвенно снял с себя обвинение, и обсуждение перешло к мерам, которые необходимо было принять для восстановления порядка. Сам Эдуард был за подавление восстания силой; но его советники настаивали на трудности ведения кампании зимой, и король внезапно заболел, в результате чего непосредственное управление делами перешло в руки Гарольда. Соответственно, Гарольд нанес второй визит в лагерь повстанцев, на этот раз в Оксфорде, и официально удовлетворил их требования. Тостиг был объявлен вне закона, Моркар был признан графом Нортумбрии, а Уолтеоф, сын Сиварда, который мог бы считать себя оскорбленным таким отчуждением графства своего отца, был разделен со срединными графствами Нортгемптон, Хантингтон, Бедфорд и Кембридж. Сам Тостиг, к великому сожалению короля, отплыл на корабле во Фландрию и провел зиму в Сент-Омере.

Описанный выше ход событий ясен и подтвержден авторитетными источниками того времени, но, очевидно, многое скрыто под поверхностью, что нам не объяснено. Очевидно, что восстание было спланировано и организовано за некоторое время до его фактического начала, но кто на самом деле был ответственен за это? Было бы достаточно естественно возложить вину на Эдвина и Моркара, и при любых доказательствах их вряд ли можно оправдать, но, по крайней мере, сомнительно, что причины восстания не лежат глубже. Трудно избежать подозрений в том, что люди, обвинившие Гарольда на совете в Бретфорде, возможно, были осведомлены о фактах, стоящих за их обвинением. Совершенно очевидно, что Гарольд строил планы относительно своего собственного наследования трона после смерти Эдуарда — будет ли способствовать этим планам замена Тостига Моркаром на посту графа Нортумбрии? С этого момента мы находимся в области догадок, но наши авторитеты дают нам определенные важные намеки. Было очевидно, что последняя воля короля станет самым мощным фактором при определении выбора его преемника; Тостиг был фаворитом Эдуарда, Гарольд вполне мог беспокоиться о том, как старый король воспользуется своим влиянием, когда придет конец. Кроме того, есть свидетельства того, что Гарольд примерно в это время пытался примирить великую мерсийскую семью; и возникает подозрение, что согласие Эдвина с планами Гарольда в 1066 году не было никак не связано с возвышением Моркара в 1065 году. Наконец, действия Гарольда по удовлетворению требований повстанцев в тот момент, когда болезнь Эдварда развязала ему руки, сами по себе наводят

на мысль о некотором сговоре с зачинщиками восстания. Если бы политика Гарольда была строго честной, его поведение вряд ли вызвало бы подобные сомнения; и если на основании имеющихся у нас свидетельств мы можем колебаться перед прямым осуждением его, мы можем, по крайней мере, признать, что его современные обвинители заслуживали уважительного слушания.

Более важной и менее предположительной, чем природа поведения Гарольда, является картина, которую эти события дают об условиях жизни Англии в 1065 году. Все симптомы политической дезорганизации, о которых мы уже говорили — независимость великих графов, важность исполнительной власти, глупость королевских советников, личная слабость короля — проиллюстрированы рассказом об изгнании Тостига. Всего лишь еще год Старое английское государство должно было, дрожа, ожидать своего падения, а затем будет применено последнее испытание политической стабильности, и раса победителей медленно восстановит социальную структуру, которую она свергла.

Пенни Эдварда Исповедника

ГЛАВА I МЕНЬШИНСТВО ГЕРЦОГА ВИЛЬГЕЛЬМА И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

Среди известных историй, оживляющих историю первых герцогов Нормандии, особо выделяется рассказ о романтических обстоятельствах, приведших к рождению герцога Вильгельма II, величайшего представителя своего рода. Существенная правдивость легенды никогда не подвергалась сомнению, и мы все еще можем в безопасности прочитать, как Роберт, молодой граф Хизмуа, сын герцога Ричарда I. и четвертый по происхождению от Ролло, ехал верхом в свою столицу Фалез, когда увидел Арлетт, дочь городского кожевника, стирающую белье в ручье, согласно одному рассказу — танцующую, согласно другому; как он влюбился с первого взгляда и сразу же увез ее в свой замок; и как начавшаяся таким образом связь продолжалась непрерывно до смерти Роберта семь или восемь лет спустя. Весь ход ранней истории Вильгельма определялся фактом его незаконнорожденности, и основные моменты этой истории в том виде, в каком мы ее имеем, должно быть, уже были известны жителям Алансона, когда они кричали “Шкуры для кожевника”, когда герцог встал на их защиту во время знаменитой осады 1049 года. Фактически, сама история полностью соответствует сексуальной нерегулярности, которая была характерна для всего дома Ролло, за единственным исключением самого великого Завоевателя, и мы можем признать, что в этом нетрадиционном происхождении человека, который больше, чем кто-либо другой в его

время, мог превратить самые бесперспективные условия в прелюдию к блестящим результатам, есть определенная драматическая приспособленность.^[31] Точная дата рождения Уильяма неизвестна; весьма вероятно, что она пришлась на период с октября по декабрь 1027 года, но в любом случае ее нельзя поместить позже 1028 года, факт, заслуживающий внимания, поскольку даже на последнюю дату самому Роберту вряд ли могло быть больше восемнадцати, и вполне возможно, что он был по крайней мере на год моложе.

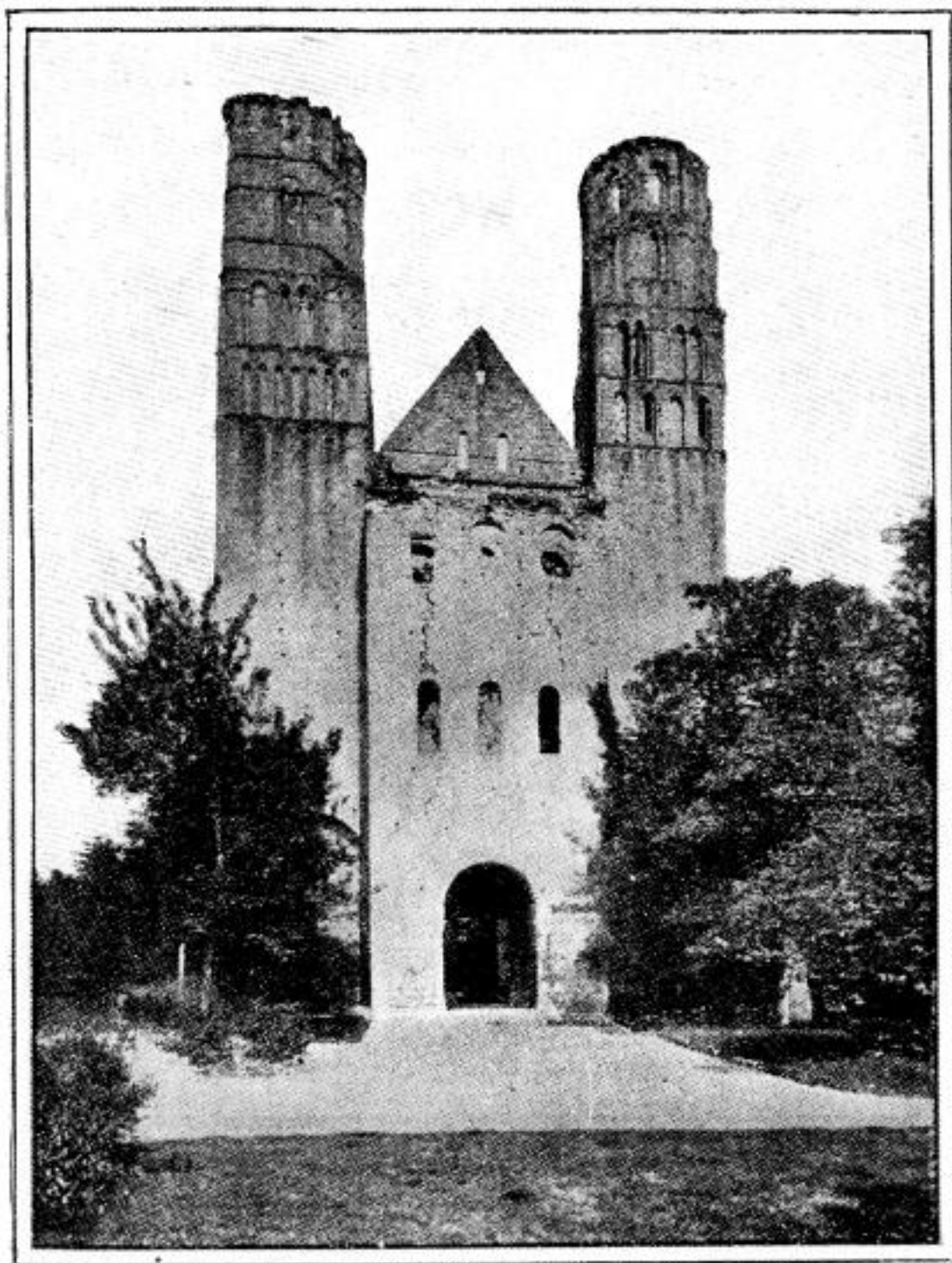
ВОСТОЧНАЯ НОРМАНДИЯ и приграничные графства

Правление Роберта I., по какому-то капризу исторической номенклатуры прозванного Дьяволом, было блестящим периодом нормандской истории. Унаследовав герцогский трон после внезапной, возможно, подозрительно внезапной смерти своего брата Ричарда III в 1028 году, Роберт за шесть лет своего правления завоевал для герцогства беспрецедентное влияние в делах французского королевства. Первую обязанность нормандского герцога - содержать в порядке своих более крупных вассалов - Роберт, по-видимому, выполнял очень эффективно; возможно, мы можем оценить силу его рук по вспышке анархии, последовавшей за известием о его смерти. И его вмешательство в общую феодальную

политику Франции, достаточно интересное само по себе, приобретает большее значение, если рассматривать его применительно к истории его старшего сына. Вильгельм Завоеватель унаследовал зачатки политики от своего отца; на протяжении большей части своего правления он следовал линии действий, которая была предложена между 1028 и 1035 годами.

Так было и в отношении величайшего из всех его достижений - завоевания Англии. Кажется, нет причин сомневаться в том, что Роберт заключил брак с Эстрит, сестрой Кнута, и существует большая вероятность того, что он планировал вторжение в Англию от имени изгнанных сыновей Этельреда. Брак тети Роберта, Эммы, сначала с Этельредом, а затем с Кнутом,^[32] как мы видели, положил начало той неразрывной связи между Англией и Нормандией, кульминацией которой стало Нормандское завоевание. Нормандское предприятие уже во времена правления Роберта простиралось за пределы французского королевства в Испанию и Италию; неудивительно, что оно распространилось и за Ла-Манш, поскольку Нормандия была связана с Англией как торговыми, так и династическими узами. А Вильгельм Жюмьежский, писавший спустя пятьдесят лет после этого события, дал обстоятельный отчет о военных приготовлениях Роберта. По его словам, вторжению в Англию помешал только шторм, который выбросил герцога и его кузена Эдварда, сопровождавшего его, на побережье Джерси. Роберт, по-видимому, не повторил этой попытки, и прежде чем она была предпринята снова, Англия подверглась более тонкому вторжению нормандских идей под влиянием Эдуарда Исповедника.

В то время не было недостатка и в нормандском вмешательстве за западной границей герцогства. Роберт унаследовал старые притязания на сюзеренитет над Бретанью и попытался воплотить их в реальность. В течение некоторого времени Нормандия и Бретань становились все ближе друг к другу; Роберт сам был бретонцем по материнской линии, и если одна его тетя была королевой Англии, то другая - вдовствующей графиней Бретани. Бретонская политика никогда не была полностью независимой от той или иной великой державы северной Франции, Нормандии, Анжу или Блуа, каждая из которых могла выдвигать неопределенные феодальные притязания на полуостров. Анжу, с его беспокойными, агрессивными графами, был здесь, как и везде, грозным соперником Нормандии, и перед лицом этой конкуренции Роберт не мог допустить ослабления своих притязаний на Бретань. Следовательно, когда граф Алан отказался от своего омжа, последовало вторжение норманнов, результатом которого стало новое признание верховной власти Роберта и установление еще более тесных отношений между двумя государствами.^[33] Установлено, что Алан действовал как один из опекунов несовершеннолетнего Уильяма — на самом деле он умер, вероятно, от яда, во время осады восставшего нормандского замка Монтомери в интересах своего подопечного, — а его преемник Конан никогда не был по-настоящему дружелюбен по отношению к Нормандии. Тем не менее, несмотря на его враждебность, нормандское влияние неуклонно брало верх в Бретани при жизни Вильгельма. Примечательно, что для своего вторжения в Англию он привлек больше добровольцев из Бретани, чем из любого другого округа, не находящегося под его непосредственным управлением.

JUMIÈGES ABBEY—FAÇADE

Отношения Роберта с французской короной были еще важнее. Древний союз между герцогами Нормандии и династией Капетингов, который унаследовал Вильгельм и который должен был стать его главной защитой в течение первых пятнадцати лет его правления, был значительно укреплен действиями Роберта во внутренних делах острова Франс. Одной из немногих нитей последовательной политики, пронизывающих сложную историю этого периода, является стойкое недоверие сменявших друг друга королей Франции к своим грозным соседям, графам Блуа. Владения последнего располагались по обе стороны королевских владений в двух больших кварталах: графстве Блуа, которое граничило с ними на западе, и графстве Труа, или Шампани, которое лежало вдоль их восточной границы. Вся

территориальная группа намного превосходила королевские владения по размерам и ресурсам, а ее географическое положение давало ее лордам также стратегическое преимущество. Соответственно, французские короли были вынуждены искать компенсационную поддержку среди своих более крупных вассалов, и на этот раз они нашли ее в герцогстве Нормандия. Подобный союз был заключен в десятом веке против каролингов; традиционная дружба была легко адаптирована к новым условиям.

Его ценность была ясно доказана событиями, последовавшими за смертью короля Роберта Благочестивого. Генрих, его старший оставшийся в живых сын, был связан с ним королевскими узами и назначен его преемником, но вдовствующая королева Констанция плела интриги против старшего брата в пользу своего младшего сына Роберта. Одо II, способный и амбициозный граф Блуа, встал на сторону последнего и изгнал Генриха из королевских владений. Он бежал в Нормандию и был хорошо принят Робертом; существует хартия последнего аббатству Святого Вандриля, которую Генрих подтверждает в качестве свидетеля вместе со своими товарищами по изгнанию, Эдуардом, впоследствии королем и исповедником, и братом Эдуарда по несчастью Этелингом Альфредом.^[34] При хорошей поддержке вспомогательных войск норманнов Генрих вернулся и завоевал королевские владения по частям; и, как нам сообщили, в обмен на помощь Роберта, король уступил ему Вексен-Франсе, район между Эпте и Уазой.^[35]

Внутреннее состояние Нормандии в этот период, возможно, можно было бы выгодно сравнить с состоянием любого из крупных феодальных владений северной Франции. Черета способных герцогов на какое-то время привела нормандское баронство к подобию порядка. Другие страны также в то время предлагали более справедливое поле для проявления излишней активности; более беспокойные умы отправлялись искать счастья в Испанию или Италию. Но в Нормандии, как и везде, все зависело от главы государства. Все знакомые черты феодальной анархии, от незаконного присвоения правосудия и права взимания налогов до простого угнетения и частных войн, все еще были готовы вспыхнуть при слабом правителе. И существовало дополнительное осложнение, связанное с большой протяженностью территории, находившейся в руках членов герцогского дома. Распущенные матримониальные отношения первых герцогов добавили к нормандской знати очень опасный элемент в лице представителей незаконных или полузаконных линий царствующей семьи. Вильгельм Жюмьежский в совокупности называет их “Рикарденсами”, и он правдиво сообщает нам, что именно эти косвенные родственники Вильгельма были наиболее огорчены его восшествием на престол и оказывали наибольшее сопротивление ему. Они были особенно опасны из-за практики, которой придерживались первые герцоги, - передачи графств младшим братьям предполагаемого наследника. Сам герцог Роберт до своего восшествия на престол владел графством Хизмуа. Из незаконнорожденных сыновей Ричарда I. Роберт, архиепископ Руана, старший, владел в качестве мирянина графством Эвре; его следующий брат Мальже - графством Мортен; его младший брат Вильгельм - графством Эу; в то время как Вильгельм, младший сын Ричарда II, владел графством Арк. Примечательно, что каждое из этих уделов в тот или иной период жизни Вильгельма было ареной реального или предполагаемого восстания против него.

Таково было общее состояние нормандского государства, когда Роберт зимой 1034 года, намереваясь совершить паломничество в Святую Землю, созвал совет в Фекане, чтобы решить, кто станет его преемником в случае несчастного случая, и взял с собой в этом качестве своего семилетнего сына Уильяма.^[36] Несмотря на сдержанность более поздних авторов, описывающих эту сцену, мы можем видеть, что предложение было крайне неприятно нормандскому баронству. Для любой законопослушной части собрания это,

должно быть, означало вверить благополучие герцогства самой сомнительной из опасностей, и это было прямым оскорблением семейной гордости старой нормандской знати. Если бы в то время существовал какой-либо член герцогского дома, сочетавший законность рождения с разумной близостью по шкале наследования, герцогу Роберту, несомненно, было бы труднее всего отстаивать свою точку зрения. Но среди его многочисленных родственников не было ни одного, кто не подвергнулся бы какой-нибудь серьезной дисквалификации. Николас, незаконнорожденный сын Ричарда III, был бы возможным претендентом, но герцог Роберт принял меры предосторожности, заставив его, каким бы ребенком он ни был, постричься в монахи, и теперь он был благополучно пострижен в герцогский монастырь Фекан.^[37] Ги из Брионна, сын сестры Роберта, действительно был законнорожденным, но был моложе Уильяма и считался членом иностранного дома; Малгер и Уильям, два выживших брата Роберта, оба были незаконнорожденными, и первый был церковником. Представители старшей линии, восходящей к Ричарду I. Вероятно, стояли слишком далеко от линии наследования, чтобы допустить их появление в качестве серьезных конкурентов, и, в конце концов, существовала большая вероятность, что этот вопрос не станет вопросом первостепенной важности. Паломничества в Иерусалим в то время были нередкими событиями^[38] а возраст Роберта был значительно моложе тридцати. Ранее он заручился согласием своего сюзерена короля Генриха на предполагаемого наследника, и итогом обсуждений в Фекане стало признание норманнами Вильгельма своим будущим герцогом.

Так случилось, что паломничество герцога Роберта закончилось плохо; он умер по дороге домой, в Никее, второго июля 1035 года, и правление перешло к Уильяму, или, скорее, к опекунам, которых его отец предоставил ему перед отъездом. Из них самым высоким по рангу был граф Алан Бретонский, двоюродный брат Уильяма,^[39] с которым был связан граф Гилберт Брионнский, предок могущественного дома Клэр,^[40] Осберн, сенешаль Нормандии, и некий Торольд или Турситель де Нефмарше, последний лично опекал молодого герцога. Зловещим обстоятельством было то, что каждый из этих людей покончил жизнь самоубийством в течение пяти лет после восшествия на престол Вильгельма. Только на дом Монтгомери приходилось двое из них: сенешаль Осберн был зарублен в спальне Уильяма Уильямом, сыном Роджера де Монтгомери; граф Алан встретил свою смерть, как мы видели, во время осады самого замка Монтгомери. Убийцы Турсителя де Нефмарше не указаны поименно, и определенная путаница связана с кончиной графа Жильбера Брионнского; но Вильгельм де Жюмьеж, авторитетный источник, утверждает, что он стал жертвой убийц, нанятых Ральфом де Вейси, сыном архиепископа Роберта Руанского. По крайней мере, достоверно, что вскоре после этого последнего события Ральф де Вейси был выбран самим Вильгельмом, действовавшим, как сказано, по совету своих военачальников, в качестве своего опекуна и командующего нормандской армией.

Более важным, чем этот список преступлений, является общий вопрос об отношениях, которые существовали в этот критический период между Вильгельмом и королем Франции. Мы видели, что герцог Роберт заручился согласием короля на выдвижение Вильгельма наследником Нормандии; и у нас есть веские основания полагать, что Вильгельм после восшествия на престол находился, в феодальном смысле этого слова, под опекой своего сюзерена. Какой бы слабой ни казалась французская монархия в то время, в начале XI века она, наконец, не была вынуждена признать наследственный характер своих более крупных феодальных владений. Его шансы вмешаться в процесс кредитования будут варьироваться в зависимости от каждого случая. Если главный арендатор умирает, оставляя совершеннолетнего законного сына, король в обычных случаях не пытается изменить порядок наследования; но спор между двумя наследниками или наследование

несовершеннолетним даст ему справедливое поле для осуществления своих законных прав. Теперь Вильгельм Нормандский был одновременно незаконнорожденным и несовершеннолетним, а его наследство было крупнейшим феодальным владением северной Франции; заняв должность опекуна по отношению к нему, король сразу же повысил бы престиж монархии, а также укрепил бы древнюю дружбу, которая существовала между Парижем и Руаном. Мы также не остались без прямых доказательств на этот счет. Уильям Малмсберийский, в описании договоренностей, достигнутых в Фекане, сообщает нам, что граф Жильбер Брионнский, единственный из опекунов Уильяма, которого он упоминает по имени, был помещен под наблюдение короля Генриха^[41]; и Генрих Хантингдонский случайно замечает, что в 1035 году Уильям проживал у короля Франции и что доходы Нормандии были временно присоединены к королю Франции. королевское казначейство. Принимая во внимание заявления этих независимых авторов в сочетании с предшествующей вероятностью дела, мы можем считать вероятным, что Уильям после смерти своего отца стал феодальным опекуном своего сюзерена,^[42] и что очень скоро после своего восшествия на престол он провел некоторое время при королевском дворе.

Следует признать, что мы очень мало знаем о событиях следующих десяти лет жизни Уильяма. Это были критические годы, ибо в них Уильям вырос, приближаясь к зрелости, и получал в то время суровое посвящение в искусство управления государством. Политические условия XI века не способствовали спокойствию меньшинств; они слишком многое оставляли на усмотрение отдельного правителя. Частная война, например, могла быть терпимым злом, когда должным образом регулировалась и санкционировалась сильным герцогом; при правлении ребенка этот обычай был просто формальным оправданием царящей анархии. Более поздние авторы приводят различные случайные иллюстрации состояния Нормандии в этот период. Мы читаем, например, о том, как Роджер де Тоини, человек благороднейшего происхождения, вернувшись в Нормандию из крестового похода против мавров в Испании, начал опустошать земли своих соседей в явном отвращении к воцарению бастарда в герцогстве и был убит в войне, которую он спровоцировал.^[43] Но такие истории касаются истории Вильгельма Завоевателя лишь постольку, поскольку они указывают на природу зла, подавление которого должно было стать его первым занятием в ближайшие годы. Направить боевую энергию, присущую феодальной жизни, по тысяче несанкционированных каналов и направить ее на единственную цель, контролируемую и определенную им самим, должно было стать работой, которая привела к его величайшим достижениям. В непрекращающихся беспорядках первых десяти лет его правления мы видим бесцельное движение той национальной силы, овладеть которой и направить в своих собственных целях - величайшая слава Вильгельма.

Мы получаем одно представление об Уильяме в это время в хартии^[44] которая, должно быть, была предоставлена до 1037 года, поскольку она подписана архиепископом Робертом Руанским, который умер в том же году. Этот документ представляет интерес, поскольку на нем изображен молодой герцог в окружении своего двора, возможно, на одном из величайших церковных праздников года. Среди свидетелей мы находим графов Валерана из Мелана, Ангеррана из Понтье и Жильбера из Брионна; архиепископа Дола, а также его брата митрополита Руанского; сенешаля Осберна и четырех аббатов, включая главу дома Фекан, в пользу которого была выдана рассматриваемая хартия. Присутствие графа Понтье и архиепископа Доля важно, поскольку показывает, что даже в это бурное время связь между Нормандией и ее соседями на востоке и западе не была полностью разорвана; и интересно видеть, как двое из невезучих опекунов Вильгельма[William's](#) на самом деле ухаживают за своим господином. Можно также отметить, что сохранилась по крайней мере одна другая

хартия^[45], вероятно, немного более поздняя по дате, но выданная, во всяком случае, в 1042 году или раньше, в которой среди ряда довольно неясных имен мы находим подпись “Haduiardus Rex”, это странное обозначение, несомненно, описывает Эдуарда Английского, приближавшегося к концу своего долгого изгнания при дворе Нормандии.

К этому трудному периоду правления Вильгельма, по-видимому, следует отнести несколько загадочный эпизод, который зарегистрирован единственным из наших авторитетов Вильгельмом Жюмьежским. Одной из сильнейших пограничных крепостей Нормандии был замок Тильер, который господствовал над долиной реки Арв и представлял постоянную угрозу графству Дре. Последний в то время находился в руках короны, но в десятом веке он был пожалован Ричарду Бесстрашному, герцогу Нормандии. Он уступил его графу Одо Блуа в качестве брачной доли своей дочери Маго, но после ее скорой смерти, не оставив потомства, Одо отказался вернуть его своему тестю; и в ходе последовавшей пограничной войны герцог основал замок Тильер в качестве сдерживающего фактора для своего жадного соседа.^[46] После смерти Одо в 1018 году графство Дре перешло к его сюзерену, королю Франции, но Тильер продолжал угрожать этому последнему дополнению к королевским владениям. Мы очень мало знаем о том, что происходило в долине Арве в течение двадцати лет, последовавших за смертью Одо, но к началу правления Вильгельма кажется несомненным, что притязаниям норманнов на сам Дре было позволено исчезнуть, и нынешний спор сосредоточен только вокруг Тильера. В какой-то неопределенный период, когда Вильгельм был в меньшинстве, мы находим короля Генриха, заявляющего, что, если Вильгельм желает сохранить его дружбу, Тильер должен быть демонтирован или сдан. Сам молодой герцог и некоторые из его баронов считали постоянную поддержку короля Франции более ценной, чем пограничная крепость, и были готовы сдать замок; но его командир, некто Гилберт Криспин, продолжал сопротивляться королю. После этого Тильер был осажден смешанными силами французов и норманнов, и Вильгельм, возможно, явившийся лично, приказал Гилберту Криспину капитулировать. Он неохотно подчинился, и замок был немедленно сожжен дотла, король поклялся не восстанавливать его в течение четырех лет, но в течение оговоренного срока, похоже, договор был нарушен французской стороной. Король сначала удалился, но вскоре после этого он снова пересек границу, пересек Хисмуа, сжег Аржантан, а затем, вернувшись, восстановил замок Тильер вопреки своей клятве, в то время как в то же время, по-видимому, виконт Хисмуа, некий Терстан по прозвищу Гоз, поднял восстание против Вильгельма и разместил в самом Фалезе французские войска. Фалез был немедленно захвачен, Уильям снова появился на сцене, чтобы поддержать Ральфа де Вейси, командующего своей армией, и казалось вероятным, что замок будет взят штурмом; но Турстану Гозу было позволено примириться с герцогом, и он был изгнан из Нормандии, а его сын Ричард продолжил службу Уильяму в качестве виконта Авраншского. Семья представляет большой интерес для английской истории, поскольку Хью, сын последнего Ричарда, должен был стать первым графом “палатином” Честера. И поэтому, возможно, стоит мимоходом отметить, что Вильгельм Жюмьежский описывает мятежника Терстана как сына Ансфрида “датчанина”, что представляет интерес как доказательство скандинавского происхождения великого дома, прародителем которого он был, так и предположение о том, что связь, о которой у нас мало достоверных следов, могла поддерживаться между Нормандией и ее родительскими землями более века после мирного договора в Клер-сюр-Эпте.

Приведенное выше - самый простой отчет, который мы можем дать об этих сделках, которые сами по себе не очень важны, но считаются знаменующими разрыв старой дружбы между династией Капетингов и домом Ролло.^[47] Но в целом тема неясна. Действия царя, в частности, не легко объяснимо любой теорией, ибо есть все основания полагать, что в это

время он был на самом деле Уильям феодальной опекуна и конечно спустя несколько лет он появляется как полная разрядка обязанности на поле Валь-Эс-дюн, так что это не легко понять, почему в настоящем случае он должен нанести ~~безвозмездная~~безвозмездная травмы на своего подопечного, уволив его городов и сжигая его замки. Дело при Тильере было бы вполне понятным, если бы оно стояло само по себе: было вполне естественно, что король воспользовался своим положением, чтобы добиться разрушения или сдачи крепости, которая угрожала его собственной границе, и тот факт, что сам Вильгельм, судя по всему, отдал приказ о капитуляции, сам по себе наводит бы на мысль, что он действовал под влиянием своего сюзерена. Но рейд на Аржантан - дело более сложное. Мы не знаем, например, была ли какая-либо связь между восстанием Турстана Гоза и вторжением короля в Хизму; сам факт того, что командующий повстанцами Фалеза взял на жалованье французских рыцарей, никоим образом не доказывает, что он действовал заодно с французским королем. История в том виде, в каком мы ее имеем, предполагает, что в то время в Нормандии могли существовать две партии: одна была склонна подчиняться королю Франции как сюзерену, другая поддерживала независимость нормандского баронства; положение дел, которое легко могло привести к вооруженному вмешательству короля Франции, наполовину в его собственных интересах, наполовину в интересах его подопечной. Но, учитывая тот факт, что мы обязаны нашими знаниями об этих событиях только одному хронисту, и что он писал, когда соперничество между Нормандией и Францией стало постоянным и острым, мы можем вполне вероятно заподозрить, что он предшествовал началу борьбы между этими двумя великими державами и прочитал события правления Вильгельма в свете его более поздней истории.

Восстание западной Нормандии, произошедшее в 1047 году, знаменует завершение этого неясного и трудного периода в жизни Вильгельма; именно в кризис этого года нам впервые открывается кое-что о личности будущего Завоевателя. В битве при Валь-эс-Дюн Вильгельм достиг своего истинного совершеннолетия и, наконец, стал сознательным хозяином своего герцогства, вскоре заняв лидирующее место среди крупных вассалов французской короны. Действительно, еще десять лет ему приходилось сталкиваться с противостоянием, сначала со стороны членов его собственной семьи, чья недоброжелательность временами становилась чем-то большим, чем пассивное недовольство, а затем со стороны его сюзерена, которого растущая власть заставляла ревновать, но окончательный исход больше никогда не вызывал серьезных сомнений после того, как его бароны однажды попытались договориться с ним в решающей битве и проиграли игру.

JUMIÈGES ABBEY—INTERIOR

Несмотря на все это, восстание 1047 года едва не подвело итог карьере и жизни Уильяма. Нормандия в то время была далеко не однородным государством; помимо общей тенденции феодализма к изоляции отдельных баронов, более крупные подразделения герцогства еще не имели реальной сплоченности; и линия раскола, которая имеет первостепенное значение в этом восстании, отмечена рекой Дайв, которая отделяет Руан и его территорию, где герцогская власть, как можно было ожидать, была наиболее сильной, от земель Бессена и Котантена, которые всегда были предрасположены к местной независимости. Эти районы, как мы видели, не входили в состав территории, переданной Ролло по Клер-сюр-Эптскому мирному договору, и вполне возможно, что на ход событий в текущем году могло повлиять

различие между галлизированными северянами из Руанны и Эвресина и более примитивным народом земель к западу от Див. Во всяком случае, именно из последней четверти была черпана основная сила восстания. [Бессен](#)[Бессен](#) и Котантен восстали под руководством своих соответствующих виконтов, Рандольфа де Бришессара и Нила де Сен-Совера, последний был самым выдающимся лидером во всем этом деле; и с ними были связаны некто Амо по прозвищу “Дентатус”, сеньор Торињи и Крюйи, и Гримбальд, сеньор Плесси. Номинальным главой восстания был двоюродный брат Вильгельма Гай, сын Реджинальда, графа Бургундского Пфальца, от Аделиз, дочери герцога Ричарда II. из Нормандии, молодой человек, который до этого времени был постоянным спутником Вильгельма и получил от него Брионн и Вернон, два самых важных замка восточной Нормандии. Гай был одним из немногих законных членов герцогской семьи, и он и его сообщники нашли оправдание своему возвышению в пятне, которое легло на рождение Уильяма. Нам говорят, что их конечной целью было разделить герцогство между собой, и мы можем предположить, что Ги захватил бы Руан и прилегающую страну с титулом герцога, оставив западным лордам практическую независимость. Последний поклялся поддержать его притязания и свергнуть Вильгельма, и они привели свои замки в состояние обороны.

Когда вспыхнуло восстание, Вильгельм находился в самом сердце вражеской страны, в Валони, городе, который, по-видимому, был его любимым местом охоты на западе Нормандии. Возможность была слишком хороша, чтобы ее упустить, и был составлен план его поимки, который был близок к успеху и, согласно более поздней традиции, был раскрыт только в момент его исполнения Галле, шут Уильяма. Герцог уже лег спать, когда Галле ворвался в его комнату и крикнул, чтобы он спасал свою жизнь. Облачившись во все, что попало под руку, Уильям вскочил на коня и глубокой ночью поскакал на восток, в сторону своего родного и верного города Фалез. Он поехал по прибрежной дороге, пересекая устье Вира при низкой воде, и к рассвету преодолел сорок миль, отделяющих Валонь от Рая. Случилось так, что Хьюберт, лорд Райский, стоял между холмом своего замка и соседней церковью, когда герцог проезжал мимо верхом, и, узнав своего лорда, спросил причину его спешки. Узнав об опасности, Хьюберт позвал троих своих сыновей и приказал им сопровождать герцога в Фалез; но даже в столице своей родной провинции Вильгельм не стал медлить и поспешил пересечь границы своего герцогства, чтобы попросить помощи у своего сюзерена и опекуна, короля Франции Генриха.^[48] Король и герцог встретились в Пуасси, и французская армия приготовилась вступить в Нормандию под предводительством короля лично, в то время как со своей стороны Вильгельм созвал людей из Руана, Оге, Лизье, Эвре и хизмуа, мужчин, то есть со всей Нормандии к востоку от Див и с территории, принадлежащей Фалезу, к западу от этой реки. Норманны собрались в последнем районе и сосредоточились на Меансе близ Аржанса; французская армия сошлась на Лазоне между Аржансом и Мезидоном. Король Генрих отслужил мессу и расположил свои войска в Вальмерее, затем переправился через Олын на равнину Валь-эс-дюн и выстроил своих людей на берегу реки. На этой позиции к нему присоединился Вильгельм, переправившийся вброд у Беранже, и объединенные силы приготовились к битве: французы образовали левое крыло, а норманны - правое.^[49]

Тем временем восстание быстро распространялось. Мятежники захватили владения герцога и, похоже, были готовы вторгнуться в лояль-ную страну по ту сторону Залива, поскольку они достигли Валь-эс-дюн еще до того, как туда прибыли король и герцог. Как и их противники, они разделили свою армию на две дивизии: бойцы Котантена составляли правое крыло, а бессенцы - левое. Сражение, по-видимому, началось с атаки бойцов Котантена на французов, но о последовавшем за этим сражении у нас есть лишь сбивчивый и неопределенный отчет; похоже, это было простое кавалерийское столкновение, не

требующее особого тактического мастерства от лидеров обеих сторон. Даже в большинстве нормандских рассказов о битве Вильгельм играет явно второстепенную роль по сравнению со своим сюзереном, хотя последнему не повезло: он дважды в течение дня был выбит из седла: один раз рыцарем Котантена, а другой раз лидером повстанцев Хамоном “Дентатусом”. Вскоре борьба стала решающей в пользу лояльной партии. Лидеры повстанцев, похоже, не доверяли добросовестности друг друга. В частности, Ральф из Бришессара начал опасаться предательства; он подозревал, что Нил де Сен-Совер, возможно, покинул поле боя, в то время как один из его самых выдающихся вассалов был убит на его глазах собственной рукой герцога, как гласит более поздняя нормандская традиция. Соответственно, задолго до окончания боя он покинул поле, но западные бойцы все еще держались вместе благодаря Нилу, который решительно занял позицию на возвышенности у церкви Святого Лаврентия. Наконец он тоже уступил, бегство стало всеобщим, и именно в этот момент силы повстанцев понесли самые тяжелые потери, поскольку разбитая армия пыталась пробиться в дружественную страну бессин, а река Ольне протекала непосредственно к западу от плато Валь-эс-дюн. Большое количество повстанцев погибло в реке, а остальные бежали между Алегманом и Фарленеем, в то время как сам Ги, раненный в битве, бежал на восток, в свой замок Брионн.

Взятие этой крепости, должно быть, было для Вильгельма самой грозной частью всей кампании. Даже в середине XI века искусство фортификации было развито гораздо полнее, чем искусство нападения, и в Брионне расположение замка существенно помогло в оборонительных работах. Сам замок стоял на острове на реке Рисле, который в тот момент был неприступен, и отличался от деревянных укреплений, распространенных в то время, тем фактом, что в нем был каменный “зал”, который, очевидно, считался венцом его обороны.^[50] Казалось бы, сразу же после битвы при Валь-эс-дюне король Генрих удалился во Францию, в то время как Вильгельм поспешил к осаде Брионна. Прямая атака на замок была невозможна, поэтому Уильям построил контрфорсы по обоим берегам реки Рисл и приступил к работе, чтобы заставить гарнизон сдаться голодом. Судя по всему, процесс занял много времени,^[51] но, наконец, перебои с поставками заставили Гая послать запрос об условиях с Уильямом. Они были достаточно мягкими; от Ги потребовали выдать Брионн и Вернон, но ему разрешили жить при дворе Вильгельма, если он пожелает. В отношении мятежников низшего ранга не было принято никаких решительных мер, но Вильгельм, истинным инстинктом осознав, где таилась его реальная опасность, разобрал замки, которые были укреплены против него; и с исчезновением замков страх^[52] гражданской войны на некоторое время исчез из Нормандии. Смертная казнь непокорных вассалов не соответствовала феодальным обычаям того времени.^[53] Правовая доктрина суверенитета, которая сделала развязывание войны против главы государства самым отвратительным из всех преступлений, была порождением возрожденного изучения римского права в следующем столетии; и простое восстание, если оно не сопровождалось каким-либо особым актом государственной измены, все еще могло быть искуплено тюремным заключением лидеров и конфискацией их земель. К этому мы должны добавить, что Уильям еще не был королем, главой феодальной иерархии; расстояние, отделявшее его от виконта Кутанса, было намного меньше, чем расстояние, отделявшее герцога Сомерсета от Эдуарда IV. Единственным человеком, с которым обошлись сурово в данном случае, был Гримбальд Плессийский, на которого была возложена особая вина за покушение на жизнь Вильгельма в Валони. Его отправили в вечное заточение в Руан, где он вскоре умер, распорядившись похоронить его в оковах как предателя своего господина.^[54] Ги Бургундский, похоже, полностью дискредитирован своим поведением на войне, жизнь в Нормандии стала для него невыносимой, и по собственной воле он удалился в Бургундию и исчез из истории Нормандии.

Война закончилась, и будущее Вильгельма в Нормандии было обеспечено, но восстание имело косвенные результаты, которые выходили далеко за рамки непосредственной последовательности событий. Долгом и интересами Вильгельма было отплатить за услугу, которую только что оказал ему король Генрих, и именно это впервые привело его во враждебные отношения с растущей властью в нижнем течении Луары, графством Анжу. История Анжу по большей части является свидетельством непрерывного процесса территориальной экспансии, который даже к началу XI века поднял мелкое сеньорство Анже до положения феодальной державы первого ранга. Сам Анже, расположенный в центре первоначального Анжу, был превосходной столицей для династии агрессивных феодальных князей, которые могли по своему желанию наносить удары по Бретани, Мэну, Турени или Сентонжу и максимально использовали свое стратегическое преимущество. С Нормандией графы Анжу еще не вступали в конфликт; графство Мэн до настоящего времени разделяло два государства, и столкновение могло быть отложено на неопределенный срок, если бы события 1047 года не вынудили Вильгельма Нормандского внести свой вклад в ссору, которая вскоре после этого вспыхнула между королем Франции и графом Жоффруа II. из Анжу.

Первые пять лет несовершеннолетия Вильгельма совпали в истории Анжу с завершением долгого правления графа Фулька Нерры, который на протяжении более пятидесяти лет расширял границы своего графства с неослабевающей энергией и полным отсутствием моральных угрызений совести и по праву был назван основателем Анжуйского государства. Его сын и преемник Джеффри, широко известный в истории, как и его современникам, под многозначительным прозвищем Мартель, продолжил дело своего отца по территориальному расширению. У него были три отчетливые цели: дополнить свои наследственные владения, завладев Туренью, и расширить свою территорию к северу и югу от Луары за счет графов Мэн и Пуату соответственно. Его методы, описанные нормандскими историками, были элементарными; его излюбленный план состоял в том, чтобы схватить своего врага и позволить ему выкупить себя путем уступки желаемой территории. Этот простой прием оказался эффективным в отношении графов Пуату и Блуа; у первого, еще до смерти Фулька Нерры, Жоффруа вымогал уступку Сентонжа, а у второго, после великой победы при Монлуи в 1044 году, он получил в полное владение графство Турень. Завоевание Турени было предпринято с полного согласия короля Франции; графы Блуа, как мы видели, были недобрыми соседями королевских владений, и король Генрих и его преемники всегда были готовы вступить в союз с любой державой, способной изменить ситуацию в их пользу. С другой стороны, их политика не была и не могла быть последовательной в этом отношении; элементарный баланс сил, которого они могли надеяться достичь в то время, всегда мог быть нарушен теми самыми средствами, которые они использовали для его сохранения; граф Анжуйский, владеющий Сентонгом и Туренью, мог быть более опасным соперником монархии, чем ослабленный граф Блуа. Соответственно, менее чем через четыре года после битвы при Монлуи мы обнаруживаем короля Генриха с оружием в руках против Джеффри Мартелла, а Вильгельма Нормандского в конфликт вовлекли благодарность и феодальный долг.^[55]

Вскоре после этого, когда Вильгельм, архидьякон Лизье, первый биограф Завоевателя, был изгнанником, как он сам себя называет, в Пуату, доблесть молодого герцога в этой кампании была предметом постоянных разговоров.^[56] Французы, как нам говорят, были вынуждены невольно осознать, что армия, возглавляемая Вильгельмом из Нормандии, была намного больше, чем все силы, предоставленные всеми другими властителями, принимавшими участие в войне. Нам также говорят, что король Генрих с величайшим уважением относился к своему протеже, прислушивался к его советам по всем военным вопросам и с любовью

упрекал его в слишком большой отваге на поле боя. Похоже, что Уильям в молодости в полной мере испытывал то наслаждение от битвы, которое, возможно, является главным мотивом, лежащим в основе более поздних рыцарских романов, и его репутация быстро возросла и распространилась далеко. Сам Джеффри Мартель говорил, что нигде не найти такого хорошего рыцаря, как герцог Нормандии. Принцы Гаскони и Оверни и даже короли Испании присылали ему в подарок лошадей и пытались завоевать его расположение.^[57] Также, должно быть, примерно в это же время Уильям пытался добиться руки его дочери у Балдуина, графа Фландрии, в то время как в 1051 году, как мы знаем, он совершил путешествие, чреватое запоминающимися последствиями, ко двору Эдуарда Исповедника. Фактически, после порабощения своих баронов и первой анжуйской войны Вильгельм стремительным скачком достиг славы; на политической сцене Франции не хватало актера первого разряда, и Вильгельм в расцвете своей юной зрелости представлял собой эффектную противоположность утонченному и опасному графу Анжуйскому.

В какой-то неопределенный момент войны Джеффри Мартелю представилась возможность закрепиться на нормандской территории. На границе между Нормандией и Мэном стоят города Домфронт и Алансон, каждый из которых выходит на речную долину и соответствующий проход с юга в Нормандию. Домфронт составлял часть большого пограничного феода Беллем, и в это время он был включен в состав графства Мэн, над которым, как мы увидим позже, Джеффри Мартель осуществлял права сюзеренитета. Алансон был полностью нормандским, но его жители находили строгое правосудие Вильгельма невыносимым и, будучи таким образом предрасположены к восстанию, приняли сильный анжуйский гарнизон, посланный Джеффри Мартелом. Уильям решил нанести ответный удар, захватив Домфронт, оставив Алансон для последующего отвоевания.^[58] План был разумным, но он едва не привел к гибели Вильгельма, поскольку предатель в нормандской армии передал информацию о его передвижениях людям Домфронта, и только благодаря своей личной доблести Вильгельм избежал искусно устроенной засады, чтобы перехватить его, когда он проводил разведку вблизи города. Последовавшая за этим осада была делом нелегким. Стояла зима, Джеффри бросил в замок отряд отборных людей, и, в отличие от Брионна, Домфронт был крепостью на холме, куда в то время можно было попасть только по двум крутым и узким тропинкам. Таким образом, было бы трудно захватить крепость внезапным штурмом; поэтому Вильгельм, как ранее при Брионне, а позже при Арке, установил контрфорсы и ждал результатов блокады, тем временем изводя гарнизон непрерывающимися атаками на их стены. Контрфорсы, как нам говорят, состояли из четырех “замков”, предположительно расположенных таким образом, чтобы прикрывать основание холма, на котором стоит Домфронт, и Вильгельм пока удовлетворился обеспечением безопасности своих припасов и предотвращением передачи каких-либо сообщений от гарнизона графу Анжуйскому, тем временем используя возможности для спорта, которые предоставляла соседняя страна. Наконец жителям Домфорта удалось переправить гонца через нормандские линии, и Джеффри двинулся на помощь своим союзникам с большой армией. О том, что последовало за этим, можно рассказать словами Вильгельма Пуатье:

“Когда Уильям узнал об этом, он поспешил против него [Джеффри], поручив ведение осады проверенным рыцарям, и послал вперед в качестве разведчиков Роджера де Монтгомери и Уильяма фиц Осберна, молодых и нетерпеливых людей, которые узнали о дерзких намерениях врага с его собственных слов. Ибо Джеффри сообщил им, что он разобьет стражников Уильяма перед Домфронтом на рассвете следующего дня, а также указал, на каком коне он поедет в битве и каким должен быть его щит и одежда. Но они ответили, что ему больше не нужно утруждать себя путешествием, которое он задумал, ибо тот, кого он

ищет, быстро прибудет к нему, и затем, в свою очередь, они описали коня своего господина, его одежду и вооружение. Эти известия немало усилили рвение норманнов, но сам герцог, самый нетерпеливый из всех, еще больше раззадорил их. Возможно, этот превосходный юноша хотел уничтожить тирана, ибо сенаты Рима и Афин сочли такой поступок самым справедливым из всех благородных деяний. Но Джеффри, охваченный внезапным ужасом, еще даже не увидев вражеское войско, обратился в бегство со всей своей армией, и вот! был открыт путь, на котором нормандский герцог мог разграбить богатство своего врага и навеки опозорить имя своего соперника”.^[59]

Мне больно переходить от этой рапсодии к, пожалуй, самой мрачной сцене в жизни Уильяма. Отступление Джеффри, к какой бы причине это ни относилось, подвергло Алансонца опасности мести Уильяма. Оставив перед фронтом достаточные силы для поддержания осады, за одну ночь он пересек водораздел Варенна и Сарта и на рассвете приблизился к Алансону. Перед ним был укрепленный мост через Сарту, за ним лежал город, а над городом возвышался полностью защищенный замок. На мосту несколько горожан вывесили шкуры, и когда Уильям приблизился, они стали бить их, крича: “Шкуры для дубильщика”.^[60] С могучей клятвой молодой герцог поклялся, что разделает этих людей, как это было с ножом для обрезки веток, и в течение нескольких часов привел свою угрозу в исполнение. Мост был взят штурмом, а город взят, Уильям снял крыши с домов, стоявших за стеной, и использовал бревна в качестве топлива, чтобы поджечь ворота, но замок все еще держался. Затем тридцать два горожанина предстали перед герцогом; им отрубили руки и ноги и перебросили прямо через стену замка к его защитникам.^[61] После последовавшего поспешного взятия замка Уильям был волен уделить все свое внимание сокращению Домфронта, и по возвращении он обнаружил, что гарнизон уже деморализован известиями о том, что произошло в Алансоне, и неэффективным уходом Джеффри Мартеля. Они с честью сдались, и Домфронт стал владением норманнов,^[62] первое очко, набранное в борьбе, которая не должна была закончиться до тех пор, пока граф Анжуйский не объединит троны Нормандии, Мэна и Англии.

Отрицатель Джеффри Мартеля

ГЛАВА II

ВОССТАНИЕ И ВТОРЖЕНИЕ

Между первой Анжуйской войной и началом открытых военных действий между Нормандией и Францией проходит период в пять или шесть лет, исторический интерес которого почти полностью связан с внутренними делами нормандского государства. Это ни в коем случае не было неважным временем; оно включало в себя одно внешнее событие огромной важности - визит Вильгельма в Англию в 1051 году, но его реальное значение заключалось в постепенном укреплении его власти в Нормандии и ее результатах. С одной стороны, именно в эти годы Вильгельм окончательно подавил непримиримых членов своей собственной семьи; с другой стороны, постепенный распад традиционного союза между Нормандией и домом Капетингов идет параллельно этому процессу и, по сути, вызван им. С того самого момента, как Вильгельм достиг совершеннолетия, эти две державы начинают неуклонно отдаляться друг от друга; брешь расширяется по мере роста власти Вильгельма, и за поддержкой, оказанной королем Франции в эти годы нормандским повстанцам, таким как Вильгельм Бусак и Вильгельм д'Арк, естественно, последовали его вторжения в Нормандию в 1054 и 1058 годах. В качестве компенсации за это брак Вильгельма с Матильдой Фландрской приходится на тот же период, и события показали, что сформированный таким образом союз должен был нейтрализовать вражду дома Капетингов в критический момент вторжения в Англию. Действительно, в каком-то смысле мы можем сказать, что именно успех Вильгельма за эти шесть лет сделал возможным вторжение в Англию; сознательно или нет, Вильгельм проводил необходимую подготовку к своему величайшему начинанию, когда брал замки своих беспокойных родственников и изгонял их из Нормандии.

Первым из них погиб Уильям по прозвищу “Уорлинг”, граф Мортен и внук герцога Ричарда Бесстрашного. Его падение было внезапным и драматичным. Поскольку у нас есть только одно повествование об этих событиях, оно может быть приведено здесь подробно:

В то время Уильям по прозвищу Уорлинг из рода Ричарда Великого был графом Мортена. Однажды некий рыцарь из его окружения, по имени Роберт Биго, пришел к нему и сказал: ‘Милорд, я очень беден, и в этой стране я не могу получить помощи; поэтому я отправлюсь в Ауплию, где смогу жить более достойно’. ‘Кто, - спросил Уильям, - посоветовал тебе это?’ ‘Бедность, от которой я страдаю’, - ответил Роберт. Тогда Вильгельм сказал: ‘В течение восьми дней в самой Нормандии вы сможете в безопасности захватить собственными руками все, что вам потребуется’. Поэтому Роберт, послушавшись совета своего господина, выждал время и вскоре после этого через своего родственника Ричарда Авраншского познакомился с герцогом. Однажды они беседовали наедине, когда Роберт среди прочего повторил вышеупомянутую речь графа Уильяма. Вслед за этим герцог вызвал графа и спросил его, что он имел в виду, говоря о подобном, но он не мог отрицать этого и не осмеливался сказать, что на самом деле имел в виду. Тогда герцог сказал в гневе: ‘Ты замыслил посрамить Нормандию мятежной войной и коварно замыслил восстать против меня и лишиться наследства, поэтому ты пообещал добычу своему нуждающемуся рыцарю. Но, с Божьей помощью, нерушимый мир, которого мы желаем, сохранится для нас. Поэтому ты уезжаешь из Нормандии и никогда не вернешься сюда, пока я жив.’ Изгнанный таким образом Вильгельм отчаянно искал Апулию в сопровождении всего одного оруженосца, и герцог сразу же повысил Роберта, своего брата, и подарил ему графство Мортен. Так жестоко он оскорблял надменную родню своего отца и с честью превозносил скромную родню своей матери”.^[63]

Мораль этой истории кроется в ее последнем предложении. Надменные родственники отца герцога начинали проявлять себя опасными, и Вильгельм раз и навсегда бросил им вызов, лишив наследства внука Ричарда Великого в пользу внука кожевника Фалезского. Но, помимо затронутых личных вопросов, эта история в высшей степени иллюстрирует представление Уильяма о своем долге правителя. Политикой, а также предубеждениями он был вынужден быть суровым блюстителем порядка; люди, которые хотели разжечь гражданскую войну в Нормандии, хотели также лишить наследства ее герцога, и из этого естественным образом вытекала общность интересов между правителем и его более мелкими подданными в противовес более крупному баронству, которое было типичным для раннего средневековья как в Нормандии, так и в Англии. Нецелесообразно слишком пристально рассматривать средства, предпринятые Вильгельмом для укрепления своего положения; если в данном случае он сослал своего кузена по простому сообщению одного-единственного рыцаря, его уже научили мудрости нанесения удара в корень восстания до того, как оно успело разрастись до высшей точки. Мы не должны ожидать слишком большой снисходительности от главы феодального государства в его отношениях с подозреваемым дворянином, когда изгнание последнего отдало бы опасное поместье в распоряжение первого. Наконец, мы можем обратить внимание на то, что в настоящее время Апулия, очевидно, рассматривается как земля обетованная всеми, кто ищет лучшей доли, чем может дать им Нормандия. В одиннадцатом веке, как и в пятнадцатом, Италия проявляла свою неизменную привлекательность для мужчин более сурового севера, и под руководством сыновей Танкреда Отевильского на обломках Византийской империи на Западе, у берегов Ионического моря, поднималась новая Нормандия.

Вероятно, примерно в это же время, и, возможно, не без некоторой связи с недовольством Вильгельма Уорлинга, произошло еще одно неудавшееся восстание, действие которого, как обычно, развернулось в одном из полунезависимых графств, принадлежащих членам герцогского дома. В северо-восточном углу Нормандии город Эу с прилегающей территорией был подарен герцогом Ричардом II. своему незаконнорожденному брату Вильгельму. У последнего было трое сыновей, из которых Роберт, старший, наследовал ему в графстве, а Хью, младший, впоследствии стал епископом Лизье. Оставшийся брат, Уильям по фамилии Бусак, - загадочная личность, чье появление в истории почти ограничивается единственным имеющимся у нас рассказом о его восстании. Последнее не лишено трудностей; Вильгельм не был старшим сыном своего отца, и все же в рассматриваемый период он, кажется, владеет замком Эу и, что гораздо более примечательно, он представлен как претендующий на само герцогство Нормандия. В настоящее время это необъяснимо, но несомненно, что герцог осадил и взял Ес и отправил Уильяма Бусака в изгнание. Место убежища, которое он выбрал, наводит на размышления. Он отправился во Францию и примкнул к королю Генриху, который женил его на наследнице графства Суассон, где его потомки правили в конце века.^[64] Очевидно, что оппортунистическая политика короля определенно обернулась против Вильгельма Нормандского, когда мы обнаруживаем, что нормандского мятежника приняли с распростертыми объятиями и предоставили важное территориальное положение на границе королевских владений.^[65]

Третье и последнее из этой серии восстаний можно определенно отнести к 1053 году. Оно возникло подобно восстанию Уильяма Бюзака в землях к востоку от Сены, и его лидером снова был один из *“рикарденсес”*, член побочной ветви герцогского дома. Уильям, граф Арк, был незаконнорожденным сыном герцога Ричарда II и, следовательно, единокровным братом герцога Роберта I. и дядей Вильгельма Нормандского. С целью умиротворения важного члена своей семьи последний лишил свободы своего дядю в графстве Арк, районе между Ес и Пи-де-Ко. Вскоре, однако, отношения между герцогом и графом стали

напряженными; говорили, что Вильгельм д'Арк не выполнил свой феодальный долг при осаде Домфронта, и когда чуть позже он приступил к укреплению столицы своего графства замком, стало известно, что его замыслы не соответствовали верности интересам своего сеньора и племянника. В надежде предотвратить дальнейшие неприятности герцог настоял на своем законном праве разместить в замке гарнизон из своих собственных войск, но эта предосторожность оказалась совершенно бесполезной, поскольку граф вскоре одержал победу над гарнизоном, бросил вызов своему племяннику и распространил разрушения на всю территорию, какую только мог охватить со своей оперативной базы. В это время, как и во время аналогичного кризиса 1047 года, Вильгельм, по-видимому, находился в Валони; он определенно находился где-то в Котантене, когда до него дошла весть о том, что происходит в Аркесе.^[66] Не мешкая ни минуты, он поскакал к месту восстания, пересек устье реки Див у брода Сен-Клемент и так миновал Байе, Кан и Пон-Одемер до Сены в Кодебеке, а затем в Баон-ле-Конт и Арк, его спутники падали один за другим во время его стремительной скачки, пока не осталось всего шестеро. Однако недалеко от Аркеса он столкнулся с отрядом из трехсот всадников из Руана, которые отправились в путь с целью помешать жителям Аркеса доставить припасы в замок. Вильгельм еще не перерос порывистости, которая вызвала увещевания короля Генриха в кампании 1048 года: он настаивал на немедленной атаке, полагая, что мятежники уклонятся от личной встречи с ним, и бросился к замку, невзирая на увещевания жителей Руана, которые советовали соблюдать осторожность. Взобравшись на крепостную насыпь, он загнал графа и его людей внутрь крепости, как и ожидал, и нам дают понять, что, если бы они поспешно не закрыли перед ним ворота, восстание было бы прекращено на месте.

Поскольку внезапная атака провалилась, ничего не оставалось, кроме блокады, и соответственно Вильгельм установил контрфорс у основания замка и доверил его Уолтеру Гиффарду, лорду соседнего поместья Лонгвиль, в то время как сам ушел, “будучи вызван другими делами”, как сообщает нам его панегирист. На самом деле, вероятно, что он отступил из чувства феодальных приличий,^[67] ибо на помощь гарнизону продвигался не кто иной, как король Франции Генрих. По всем причинам Вильгельму было желательно воздержаться от того, чтобы подавать дурной пример своим баронам, фактически выступая с оружием в руках против своего собственного сюзерена, и поэтому операциями против короля руководили другие. Поначалу им везло. В графстве Арк все еще оставалось несколько баронов, которые не присоединились к повстанцам, и один из них, Ричард Гуглевильский, владел замком в нескольких милях от самого Арка, в Сент-Обене, который находился на линии марша французского короля. Возможно, именно этот факт натолкнул осаждающих на мысль перехватить короля до того, как он достигнет Аркеса; во всяком случае, они разработали подобный план, который оказался успешным и любопытным образом предвосхищает один из самых известных эпизодов великой битвы при Гастингсе. Король, беспечно шедший с обозом провизии, предназначенной для гарнизона в Арке, остановился недалеко от церкви Св. Aubin. Тем временем норманны перед Аркесом выслали отряд, который они разделили на две части, большая часть укрылась недалеко от Сент-Обена, в то время как остальные предприняли ложную атаку на королевскую армию. После короткого конфликта последнее подразделение обратилось в притворное бегство, бросило в погоню часть королевской армии и заманило их мимо места, где была устроена ловушка, после чего затаившиеся норманны совершили вылазку, напали на французов и уничтожили их, убив Ангеррана, графа Понтье и многих других известных людей. Несмотря на это препятствие, король поспешил в Арк и сумел доставить в замок провизию, а затем, горя желанием отомстить за катастрофу при Сент-Обене, предпринял яростную атаку на оборонительные сооружения у подножия холма. Но его оборона была крепкой, а защитники решительными: поэтому король, чтобы избежать дальнейших потерь, поспешно отступил к

Сен-Дени, и с его уходом герцог Вильгельм снова появился на сцене.^[68] Затем блокада возобновилась всерьез, и нам сказали, что ее суровость убедила графа Арка в его безрассудстве предъявлять претензии на герцогство своему господину. Неоднократные послания королю Генриху с мольбами о помощи убедили его в нежелании рисковать дальнейшей потерей престижа, и наконец голод сделал свое дело. Гарнизон сдался, попросив гарантировать им жизнь и увечья, но больше никаких условий не выдвигая, и Вильгельм Пуатье радостно описывает позорный способ их ухода из замка.^[69] Здесь, как и после Валь-эс-дюн, в политику герцога, если это было в его силах, не входило прибегать к крайним мерам против разбитых повстанцев, и Уильям был особенно снисходителен к своему дяде, который был лишен своего графства и своего слишком могущественного замка, но в то же время получил большое поместье в Нормандии. Однако, как и Ги Бургундский, он отказался жить в стране, которой надеялся править, и отправился в добровольное изгнание при дворе Юстаса Булонского.

Одна отдаленная часть герцогства оставалась охваченной восстанием после падения Арка. На юго-западной границе Нормандии крепость Мулен была предана королю Вимундом, ее командующим, и получила королевский гарнизон под командованием Ги-Жоффруа, брата герцога Аквитании. Важность этого события заключалась в том факте, что Мулен, попавший в недружественные руки, угрожал прервать связь между Эсмуа и полунезависимым графством Беллем. К счастью для целостности герцогства, судьба Мулена была решена капитуляцией Арка; гарнизон отказался от своего дела как от безнадёжного и отступил, не пытаясь выдержать осаду.^[70]

В какой-то неопределенный момент короткого мирного периода, последовавшего за восстанием Вильгельма Аркского, Вильгельм Нормандский женился на Матильде, дочери Балдуина, графа Фландрии, в кафедральном соборе Ес. Со стороны Вильгельма заключение брака было актом простого беззакония, достойного внимания со стороны столь верного сына Святой Церкви, поскольку в 1049 году Генеральный совет Реймса торжественно запретил графу Болдуину выдавать свою дочь за Вильгельма Нормандского и одновременно запретил Вильгельму принимать ее.^[71] Над мотивами, лежащими в основе этого запрета, нависла не до конца разгаданная тайна; поскольку генеалогическим исследованиям до сих пор не удалось обнаружить какой-либо родственной связи, которая могла бы стать препятствием, разумным или иным, для предполагаемого брака, в то время как в середине XI века положения канонического права по вопросу о запрещенных степенях были гораздо менее жесткими и фантастическими, чем они стали впоследствии. Тем не менее, этот указ должным образом внесен в каноны Реймского собора, и он послужил причиной разлуки Уильяма и его избранницы на четыре года. Однако в начале 1053 года папа Лев IX. был взят в плен норманнами в Италии в битве при Аверсе, и совпадение его пленения с неповиновением Вильгельма папскому порицанию не ускользнуло от внимания историков.^[72] Всеми церковниками более строгого толка брак, заключенный при таких условиях, наверняка был бы расценен как скандал. На Нормандию был наложен интердикт, а в самом герцогстве оппозицию возглавляли два человека с совершенно разными характерами. Мальже, архиепископ Руана в то время, был братом павшего графа Арка, и отлучение, которое он вынес против своих заблудших племянников, вероятно, было вызвано как политическими претензиями его семьи, так и праведным негодованием по поводу пренебрежения, нанесенного Реймскому собору. Уильям быстро пришел к соглашению с папой римским, благодаря которому ему удалось отстранить Мальгера от архиепископства, но брак также был осужден человеком, который и до, и после этого события превыше всех других занимал место близкого друга герцога. Карьера Ланфрана Павийского, в данный момент настоятеля Бека, будет более уместно рассмотрена в другом месте, но его противодействие браку

Уильяма было особенно значительным из-за его больших юридических знаний и бескорыстия его мотивов, а бескомпромиссная позиция его самого близкого советника задела герцога за живое. В порыве своего гнева Вильгельм жестоко приказал разграбить земли монастыря Бек, а самому Ланфранку немедленно покинуть Нормандию. Случайная встреча герцога и приора привела к примирению, и после этого Ланфранк был нанят для переговоров с папским двором о признании брака действительным. Тем не менее прошло пять лет, прежде чем папа Николай II. в 1059 году даровал необходимое разрешение, сопровождаемое предписанием, согласно которому Уильям и его жена должны каждый построить и пожертвовать монастырь в качестве покаяния за свое непослушание; и причины этой долгой задержки почти так же трудно понять, как и основания для первоначального запрета в 1049 году. Но вполне вероятно, что Уильям, однажды взяв закон в свои руки и вступив во владение своей невестой, был вполне доволен тем, что рассмотрение его иска в Риме затянулось, полагая, что время и шансы дипломатической целесообразности могут смягчить строгость канонического права и заставить папскую курию смириться с совершившимся фактом.

Графство Фландрия, с которым Нормандия в это время была тесно связана, занимало уникальное положение среди феодальных государств севера. Только часть обширной территории, которой правил Балдуин IV. находился на феодальной службе у короля Франции, поскольку восточная часть графства была имперским феодальным владением, и факт его разделенной лояльности позволял графу Фландрии играть роль международной державы. Современные авторы иногда удостаивают графа Болдуина более высокого титула маркиза,^[73] и это обозначение вполне подходило человеку, который правил самой богатой частью пограничных земель между Французским королевством и Германской империей. Постоянная зависть двух его сюзеренов обеспечила ему практическую независимость, а в материальных ресурсах, вероятно, ни один принц между Ла-Маншем и Альпами не мог соперничать с сеньорами Брюгге и Гента; ибо великие города Фландрии уже накапливали богатство и торговое влияние, которые в следующем поколении должны были дать им лидерство в движении за общинную независимость. В течение примерно тридцати лет мы видим, как Болдуин укреплял дружбу с Англией, как подобает правителю, подданные которого уже находили свои рынки сбыта в английских портах; и по мере того, как политическая ситуация развивалась сама по себе, роль, которую он выбрал в борьбе партий по ту сторону Ла-Манша, становилась предметом все большего беспокойства английских государственных деятелей. “Земля Болдуина”, как называет ее английский хронист, была обычным пристанищем политических изгнанников из Англии, и в 1066 году именно позиция графа Фландрии, как мы увидим, действительно склонила чашу весов в пользу Вильгельма Нормандского. На раннем этапе, с которым мы имеем дело, никто не мог предвидеть, что это будет так, но ценность фламандского союза уже была признана в Англии агрессивным домом, с которым Вильгельму в конце концов предстояло вступить в смертельный конфликт. В 1051 году Тозиг, сын графа Годвина Уэссекского, женился на Джудит, сестре графа Болдуина,^[74] и этот факт неизбежно придал политическую окраску браку Уильяма с Матильдой два года спустя. Годвин, как лидер английских националистов, и Уильям, как убежденный сторонник норманнов в Англии, были заинтересованы в заключении союза с державой, которая могла бы оказать решающее влияние на любую сторону и от которой нельзя было ожидать сохранения строгого нейтралитета в случае войны. Уильям был слишком проницательным государственным деятелем, чтобы игнорировать эти факты; и все же, в конце концов, он, вероятно, рассматривал свой брак скорее как удовлетворение личного желания, чем как дипломатическую победу.

Задолго до того, как политические результаты брака Вильгельма созрели сами по себе, отношения между герцогом Нормандии и королем Франции вступили в новую фазу. События войны 1053 года показали, что в высшей степени в интересах французской монархии сдерживать рост могущества норманнов, прежде чем они смогут перейти к фактическому вторжению в королевские владения; а также что, если это будет достигнуто, королю Генриху уже будет недостаточно довольствоваться поддержкой случайных вооруженных группировок норманнов против их законного правителя. Этот план привел к позорному провалу, и было ясно, что в будущем королю Генриху необходимо будет выступить в качестве главного участника войны и проверить, достаточно ли силен нормандский герцог, чтобы противостоять прямой атаке своего сюзерена. Эти соображения привели к феномену, редко встречающемуся в то время, поскольку король приступил к сбору армии, в которой, судя по риторике, которой наш единственный современный автор маскирует ее состав, мы должны признать не что иное, как феодальный набор всей Франции. Французский феодализм так редко предоставляет свои военные ресурсы в распоряжение своего сюзерена, что этот случай является хорошим доказательством сложившегося мнения о силе Нормандии под властью ее властного герцога. В последовавшей за этим войне территориальные принципы, нашедшие свое наиболее полное выражение в политике герцогов Нормандских, одержали знаменательную победу над непоследовательным феодализмом, представленным королем Франции во главе собранных сил его разнородных вассалов. Только после того, как сменявшие друг друга короли сократили королевские владения до такого единства, какого уже достигла Нормандия в XI веке, французская корона могла предпринять успешную агрессивную войну.

В дополнение к своим феодальным обязанностям, у некоторых соратников короля в предстоящей кампании были свои личные причины присоединиться к нападению на Нормандию. Герцогский дом Аквитании, естественно, был втянут в ссору из-за неспособности Ги-Жоффруа удержать Мулен в конце войны; Ги де Понтье должен был отомстить за смерть своего брата при Сент-Обене. Как бы мало ни любили несколько феодальных князей Франции своего сюзерена, их ревность легко возбудилась бы из-за исключительной власти одного из них, и король, похоже, не испытывал особых трудностей, собирая силы со всех уголков своего королевства. Из Мидии графы Пуату и Овернь, а также полуавтономные герцоги Аквитания и Гасконь прислали контингенты; к северу от Луары все государства от Бретани до герцогства Бургундия были представлены в королевской армии, за одним единственным исключением. Какова бы ни была причина его отсутствия, Джеффри Мартелл, самый грозный соперник Вильгельма, не фигурирует в списке приближенных короля, приведенном Вильгельмом Пуатье.^[75] Это может быть связано с простой оплошностью со стороны последнего, или, что более вероятно, Джеффри был слишком независим, чтобы принять участие в экспедиции, которая, хотя и была направлена против его личного врага, командовал его феодал. Но с его помощью или без нее армия, подчинившаяся призыву короля, всем казалась подавляюще превосходящей любые силы, которые герцог Нормандии мог выставить на поле боя.

Имея в своем распоряжении такую огромную армию, король вполне мог позволить себе разделить свои силы и осуществить одновременное вторжение в Нормандию в двух разных точках. Нижнее течение Сены служило естественной демаркационной линией между сферами действий двух вторгшихся армий, и, соответственно, королевское войско было разделено на две дивизии: одна собралась в Бовуази, чтобы разорить Пэй-де-Ко, другая собралась в Манте и была направлена на территорию Эвре, Руана и Лизье. Первая дивизия была набрана из земель между Рейном и Сеной, которые были присягнуты французской короне, и была передана под командование Одо, брата короля, и Реджинальда

Клермонского. Армия, собравшаяся в Манте, состояла из аквитанского контингента вместе с войсками, набранными из лояльных провинций к северу от Луары и к западу от Сены, и возглавлялась лично королем. Таким образом, общий план кампании достаточно понятен, но его конечная цель не столь ясна, возможно, потому, что у самого короля не было никаких планов, кроме тех, которые касались фактического ведения войны. Со своей стороны, Уильям разработал схему обороны, соответствующую плану нападения его врагов. Он лично выступил в бой вместе с жителями Бессена, Котантена, Авраншена, Оге и Эсмуа, то есть округов, которым угрожали король и его южная армия, поручив защиту Пай-де-Ко лидерам, выбранным с учетом их местного влияния, графу Роберту де Ю, Гуго де Гурне, Гуго де Монфору, Уолтеру Жиффару и Жильберу Криспену, последнему крупному землевладельцу в Вексене. Целью Вильгельма было вести чисто оборонительную игру, и это решение было мудрым, поскольку оно возлагало на короля и его брата задачу обеспечения продовольствием и поддержания вместе их громоздких армий на враждебной территории. Силы вторжения двигались по стране, опустошая ее обычным способом феодальной войны, Вильгельм держался на фланге и в тылу королевской армии, отрезая отставших и отряды фуражиров и предвосхищая неизбежное опустошение земель, удаляя все припасы с линии наступления короля. Король добрался до графства Брионн, когда на армию союзников за Сеной обрушилась катастрофа. Думая, что Вильгельм отступает перед маршем короля, предводители восточного воинства проигнорировали противостоящие им местные силы, полагая, как нам сказали, что герцога сопровождали все рыцари Нормандии. Но граф Эу и его товарищи-офицеры намеренно откладывали свой удар до тех пор, пока не соберется вся их армия, и французы не встретили особого сопротивления, пока не подошли к городу Мормемер, который они заняли и использовали в качестве своей штаб-квартиры, пока на досуге детально разоряли окрестности. Проводя день за грабежом, они плохо следили ночью, и этот факт побудил норманнских вождей испытать эффект внезапности. Узнав через шпионов о расположении французских войск, они ночью подошли к Мормемеру и окружили его до рассвета, выставив охрану таким образом, чтобы контролировать все выходы из города; и первым намеком, который захватчики получили об опасности, был обстрел норманнами этого места над их головами. Затем последовала сцена дикого замешательства. В тусклом свете зимнего рассвета охваченные паникой французы инстинктивно бросились к дорогам, ведущим из города, только для того, чтобы снова быть оттесненными норманнами, дислоцированными в этих пунктах. Некоторым, конечно, удалось спастись; Одо, брат короля, и Реджинальд Клермонский выбрались рано утром, но в течение нескольких часов основная масса французской армии неуклонно теснилась в центр горящего города. Французы, должно быть, храбро оборонялись, но у них не было никаких шансов, и они погибли все поголовно, за исключением тех людей высокого ранга, которых стоило оставить для выкупа. Среди этих последних был граф Ги Понтье, чей брат Уолеран погиб в борьбе, а самого его два года держали в плену в Байе, прежде чем он выкупил свою свободу, признав себя “человеком Вильгельма”. Победа была безоговорочной, и Уильям знал, как использовать ее в полной мере.

Он получил известие в ночь, следующую за битвой, и мгновенно разработал план, который, даже когда его описывает его современный биограф, читается как роман. Как только он узнал о результате конфликта, он вызвал одного из своих людей и приказал ему отправиться во французский лагерь и лично передать королю известие о своем поражении. Человек выполнил его указания, ушел, взобрался на высокое дерево рядом с королевским шатром и могучим голосом объявил о ходе битвы. Король, разбуженный этими вестями о несчастье с воздуха, пришел в ужас и, не дожидаясь рассвета, свернул свой лагерь и со всей возможной поспешностью направился к нормандской границе. Вильгельм, видя, что его главная цель - справедливое достижение, воздержался от преследования беспорядочного отступления

короля; французам не терпелось положить конец столь неудачной кампании, и вскоре был заключен мир. Согласно договору, пленники, взятые в Мортемере, должны были быть освобождены после уплаты выкупа, в то время как король обещал утвердить Вильгельма во владении любыми завоеваниями, которые он совершил или должен был совершить впоследствии на территории Жоффруа Анжуйского.^[76] Здесь, без сомнения, король Генрих частично был ограничен необходимостью, но ввиду его поражения было вполне уместно, что он заключил мир для себя за счет одного великого вассала, который пренебрег призывом к своей армии.^[77] И следует отметить, что Вильгельм, хотя и ставит французского короля в столь невыгодное положение, тем не менее рассматривает согласие последнего на свои территориальные приобретения как предмет, заслуживающий оговаривания; король Генрих, в какие бы стесненные условия он ни был поставлен, все еще оставался его сюзереном и только он мог дать юридическую санкцию завоеваниям, совершенным его вассалами в пределах границ его королевства.

Было бы, однако, ошибкой рассматривать этот договор как знаменующий возвращение к положению дел, царившему в 1048 году, когда король и герцог Нормандии объединились против графа Анжуйского в войне, закончившейся захватом Алансона. Мир 1054 года был немногим больше, чем приостановкой военных действий, когда каждая сторона не доверяла другой. Первой заботой герцога, теперь, когда у него были развязаны руки, было укрепить свои позиции против своего сюзерена, и одной из пограничных крепостей, возведенных в это время, случайно суждено было стать именем, заслуживающим упоминания в муниципальной истории Англии. Напротив Тильера, пограничного поста, который король Генрих отобрал у Нормандии в бурные времена несовершеннолетия Вильгельма, герцог теперь основал замок Бретей и доверил его Уильяму фиц Осберну, своему товарищу по войне при Домфронте.^[78] Под защитой замка, с помощью процесса, который был чрезвычайно распространен во французской истории, группа купцов основала торговое сообщество или *бург*. Однако жители Бретей получили особые привилегии от Уильяма Фиц Осберна, и когда он, их лорд, стал графом Херефордом, эти привилегии были распространены на многие развивающиеся города вдоль границы с Уэльсом. Таким образом, “законы Бретейля”, которые поименно упоминаются в Книге Страшного суда и считались образцовой муниципальной конституцией в течение двух столетий после завоевания Англии, берут свое начало от прав горожан, собравшихся вокруг пограничной крепости Вильгельма на Итоне.^[79]

Еще один замок, построенный в это время, определенно предназначался в ознаменование возобновления военных действий против графа Анжуйского. В Амбриере, недалеко от слияния рек Майенна и Варенн, Уильям выбрал позицию с большой природной мощью для строительства замка, который должен был контролировать одну из главных линий въезда из Нормандии в графство Мэн. Значение этого будет показано в следующей главе, а пока нам остается только отметить, что в 1051 году, после смерти графа Гуго IV, Джеффри Мартель путем блестящего *государственного переворота* добился признания Мансо своим непосредственным сеньором и, следовательно, в настоящий момент был прямым правителем всего графства. С другой стороны, вдова покойного графа искала убежища при дворе Уильяма, а ее сын Герберт, последний мужчина из древнего рода графов Мэн, вверил себя и свои территории нормандскому герцогу. Таким образом, в течение трех лет у Уильяма был хороший законный предлог для вмешательства во внутренние дела штата Мэн; и если бы не беспокойное состояние Нормандии в течение этого времени, за которым последовало недавнее вторжение Франции, вполне вероятно, что он давным-давно оспорил бы владение своего соперника территорией, которая лежала между ними. О том, что основание замка Амбриер рассматривалось Уильямом как нечто большее, чем просто случайное приобретение, свидетельствуют действия Джеффри Майенского, одного из главных баронов

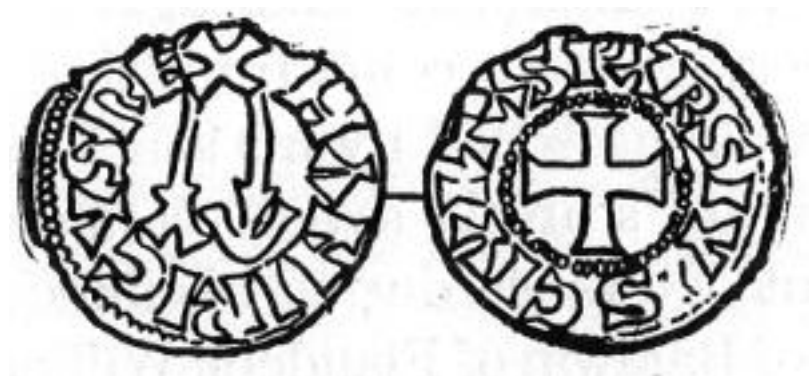
графства Мэн, когда он услышал новость о предполагаемом укреплении. С пунктуальностью, которая отличает все отношения Уильяма с Джеффри Мартелом, Уильям отправил графу Анжуйскому сообщение, что в течение сорока дней он войдет в графство Мэн и вступит во владение Амбриером. Жоффруа Майенский, чье поместье лежало вдоль реки Майенн между Амбриером и Анжу, вслед за этим отправился к своему господину и объяснил ему, что, если Амбриер однажды станет нормандской крепостью, его собственные земли никогда не будут в безопасности от вторжения. Он получил обнадеживающий ответ; тем не менее, в назначенный день Уильям вторгся в штат Мэн и приступил к строительству замка в соответствии со своим заявлением; и, хотя ходили слухи, что Джеффри Мартель вскоре встретится с ним, дни проходили без каких-либо признаков его появления. Тем временем, однако, нормандские припасы начали подходить к концу, так что Вильгельм счел самым безопасным распустить силы, которые у него были на поле боя, и довольствоваться размещением гарнизона и провиантом в Амбриере, отдав приказ своим людям быть готовыми немедленно собраться по получении от него уведомления. Жоффруа Мартель, который, вероятно, рассчитывал на какие-то действия подобного рода, сразу же воспользовался представившейся возможностью и, как только услышал, что нормандская армия разбита, двинулся маршем на Амбриер, имея в союзниках своего пасынка Вильгельма, герцога Аквитанского, и Эона, графа Пентьевра, дядю правящего герцога Бретани. Поскольку Уильям все еще находился поблизости и, вероятно, мог вернуться в любой момент, времени для праздных вложений не было, поэтому Джеффри отлично поиграл со своими осадными машинами и был близок к тому, чтобы взять крепость штурмом. Однако его атака провалилась, и Вильгельм, снова объединив свою армию, как было условлено, вынудил графа поспешно отступить. Вскоре после этого Джеффри Майенский был взят в плен; и Уильям, имея в виду дальнейшие предприятия в штате Мэн, видя преимущество в том, чтобы поставить могущественного феодала этого графства в положение технической зависимости от себя, держал его в Нормандии до тех пор, пока он не согласился засвидетельствовать почтение своему захватчику.^[80] Также вероятно, что в этом случае Уильям еще больше укрепил свои позиции в отношении штата Мэн, основав на Сартоне замок Рош-Мабилль, который был доверен Роджеру Монтгомери и получил свое название в честь Мэйбл, наследницы графства Беллем и жены кастеляна.

За этими событиями последовали три года затишья, о которых, как это обычно бывает в подобные сезоны, нашим властям мало что известно. В 1058 году произошло третье и последнее вторжение в Нормандию французского короля Генриха, с которым снова был связан граф Жоффруа Анжуйский. Похоже, Вильгельм не привел определенного повода для нападения, но в интересах французской короны сейчас, как и в 1053 году, было необходимо нанести удар по этому могущественному вассалу, и король стремился отомстить за позорное поражение, которое он потерпел в предыдущем году. Менее грозные с виду, чем огромная армия, которая подчинилась призыву короля в предыдущем году, силы вторжения 1058 года были настолько успешными, что проникли в самое сердце герцогства, в то время как, с другой стороны, катастрофа, положившая конец войне, была чем-то гораздо более драматичным по своим обстоятельствам и сокрушительным по своим результатам, чем внезапное нападение Мортемера на рассвете. Эта экспедиция также отличается от своей предшественницы тем фактом, что король, похоже, не ставил своей целью завоевание или раздел Нормандии: вторжение 1058 года было не более чем крупномасштабным грабительским набегом, призванным показать независимым норманнам, что, несмотря на его предыдущие неудачи, их сюзерен все еще был человеком, которого следует опасаться. План короля состоял в том, чтобы войти в Нормандию через Эсмуа, пересечь Бессен до устья реки Див и вернуться, опустошив Оге и район Лизье. Теперь, как и пять лет назад, Вильгельм предпочел занять оборону; он ввел в своих замках осадное положение и удалился, чтобы

наблюдать за действиями короля из Фалеза. Очевидно, что в намерения короля не входило пытаться детально восстановить все разбросанные крепости, принадлежащие герцогу или удерживаемые от его имени^[81]; и в таком случае для Уильяма было лучше подождать, зная, что если он сможет сохранять свою душу в терпении, пока король опустошает его землю, беда в конечном итоге исчезнет сама по себе. согласие. И вот король Генрих осуществил свою волю на несчастных землях Эсмуа и Бессена вплоть до реки Сеуле, после чего повернул, пересек Ольн у Кана и приготовился вернуться во Францию через Варавилль и Лизье. Уильям тем временем шел по следам армии вторжения. Небольшая группа людей, которая, должно быть, сопровождала его, доказывает, что в то время у него и в мыслях не было участвовать в каком-либо общем сражении, но внезапно ему, по-видимому, в голову пришли возможности сложившейся ситуации, и он поспешно призвал окрестных крестьян прийти к нему во всеоружии. С предоставленными таким образом временными силами он двинулся вниз по долине Бавана вслед за королем, который, по-видимому, совершенно не подозревал о его близости, и вышел к Варавиллю в тот самый момент, когда французская армия была полностью занята переправой через Дайв. Король переправился через реку со своим авангардом^[82]; его арьергард и обоз с обозом еще не последовали за ним. Воспользовавшись случаем, который он, вероятно, предвидел, Вильгельм бросился на ту часть королевской армии, которая все еще находилась на его стороне реки, и сразу же привел ее в замешательство. Французы, которые уже миновали брод и взбирались на возвышенность Бастебур справа от реки, видя тяжелое положение своих товарищей, повернули и попытались переправиться обратно; но дамба, пересекавшая устье реки, была старой и небезопасной, и начинался отлив. Вскоре переправа через реку стала невозможной, битва превратилась в обычную резню, и нормандский поэт следующего столетия описывает нам старого короля, стоящего на холме над Дайвом и дрожащего от бессильной страсти, наблюдающего, как его войска рубят на куски простоватые солдаты его бывшего подопечного. Борьба не могла занять много времени; прилив сделал плавание фатальным, и уничтожение арьергарда было полным. С оставшейся у него половиной армии для короля было безнадежно пытаться отомстить за уничтожение другой половины; у него не было иного выхода, кроме как вернуться по своим следам и заключить наилучшие условия, какие он мог, со своим победоносным вассалом. Эти условия были очень простыми — Вильгельм просто потребовал сдачи Тильера, давно оспариваемого ключа к долине Арве.^[83] С его восстановлением история пограничных крепостей Нормандии была завершена; герцогство в полной мере отстояло свое право на независимость и теперь было готово к агрессии.

Таким образом, к концу 1058 года король Генрих был окончательно сбит с толку всеми своими последовательными планами по захвату Нормандии. Учитывая, что нам известно об этом событии, наши симпатии, естественно, и небезосновательно на стороне герцога Вильгельма, но они не должны закрывать от нас глаза на мужество и настойчивость, с которыми король продолжал решать проблемы своего трудного положения. Конечно, самый слабый из ранних капетингов страдает во всех отношениях по сравнению с величайшим из всех герцогов Нормандии. Почти смехотворная диспропорция между юридическим положением короля и его территориальной властью, его нерешительная, непоследовательная политика и легкость, с которой его самые продуманные планы были обращены к его поражению вассалом, который старательно воздерживался от встречи с ним в бою, - все это заставляет нас согласиться с биографом Вильгельма, который с презрением прогоняет своего сюзерена с поля битвы при Варавилле. И все же удивительно, что король так долго продолжал борьбу с теми ничтожными ресурсами, которые были в его распоряжении. Имея владения гораздо меньшие по площади, чем одна только Нормандия, окруженная владениями агрессивных феодалов и сама усеянная замками беспокойной

знати, монархия зависела в своем существовании от взаимной зависти великих лордов Франции и от такого смутного, хотя и не обязательно нереального, уважения, которое они были готовы проявить к преемнику Карла Великого. Нормандские войны Генриха I. раз и навсегда продемонстрировали бессилие монархии в таких условиях, и короли, последовавшие за ним, склонились перед ограничениями, налагаемыми их положением. Филипп I и Людовик VI. были бы все в целом довольны тем, что монархия должна действовать просто как единое целое среди территориальных держав, на которые был разделен феодальный мир Франции, удовлетворены, если бы они могли привести свои собственные владения к разумному повиновению и сохранить определенную меру дипломатического влияния за пределами. Соответственно, с этого момента в отношениях между Нормандией и Францией начинают происходить изменения; ни одна из сторон не стремится к подчинению другой, но каждая следит за теми преимуществами, которые может предоставить случай или меняющиеся феодальные комбинации того времени. В течение десяти лет после битвы при Варавиле герцог Нормандии стал хозяином штата Мэн и Англии, но в этих великих событиях французская корона не играет никакой роли.

Отрицатель короля Франции Генриха I.

ГЛАВА III ЗАВОЕВАНИЕ ШТАТА МЭН И БРЕТОНСКАЯ ВОЙНА

По странной синхронности король Франции Генрих и граф Джеффри Мартелл умерли в течение 1060 года; и с исчезновением двух его главных врагов старшего поколения Вильгельму открылся путь к более независимому образу действий, чем он пытался до сих пор. До этого года его политика в значительной степени определялась действиями его сюзерена и графа Анжуйского, которые оба играли свою роль в политических делах Франции в то время, когда он сам родился. С этой даты он становится определенным хозяином своей судьбы, и обстоятельства, при которых король и граф покинули свои соответствующие территории, устранили любые препятствия его предприимчивости и агрессии, которые в противном случае могли бы исходить из этих кругов. Королю наследовал его сын Филипп, в то время ребенку едва исполнилось семь лет, и правительство Франции во время его совершеннолетия находилось в руках Балдуина Фландрского, тестя Вильгельма. В Анжу разразилась война за престолонаследие, которая на десять лет обрекла это государство на бессилие. Жоффруа Мартель не оставил сыновей, но назначил своим преемником другого Жоффруа по прозвищу *“ле Барбу”*, старшего сына своей сестры Эрменгарды от Жоффруа, графа Гатине.^[84] Младший сын, однако, Фульк, *“ле Решен”*, решил закрепить за собой анжуйское наследство, и к тому времени, когда он достиг своей цели, большая часть

территориальных приобретений Джеффри Мартеля была отторгнута у Анжу соседними державами. Сентонж и Гатине перешли соответственно во владение герцога Аквитании и короля Франции; и, что важнее всего, анжуйское приобретение Мэна, величайшее достижение Джеффри Мартеля, было отменено, когда в 1063 году Вильгельм Нормандский вошел в Ле-Ман и принял меры к постоянной аннексии страны.

Графы Мэн никогда не пользовались таким абсолютным суверенитетом над своей территорией, каким обладали более крупные феодалы французской короны.^[85] В дополнение к обычным расплывчатым претензиям, которые и Нормандия, и Анжу всегда были готовы предъявить своим более слабым соседям и которые никто не принимал всерьез, когда не было непосредственной перспективы их приведения в исполнение, сюзеренитет короля Франции над Мэном был гораздо более реальным, чем над Фландрией или Аквитанией. В частности, покровительство великого престола Ле-Мана принадлежало королю в первой половине XI века; и это было важным моментом, поскольку епископы того периода занимают видное место в общей истории графства. По большей части они являются хорошими примерами феодального типа прелатов, представленного в нормандской истории Одо из Байе и Жоффруа де Кутанс; и некоторые из них происходили из дома, богатого на феодальных политиков, графов Беллем, чье огромное поместье находилось на границе между Мэном и Нормандией. Эта связь епископата Ле-Мана с великой нормандской семьей могла бы быть воспринята как подразумевающая некоторое распространение нормандского влияния на Мэн, если бы дом Беллем, наполовину независимый и совершенно неуправляемый, с такой же вероятностью работал против своего сюзерена, как и в его пользу. Фактически, во многом благодаря епископам Беллема из Ле-Мана анжуйская власть в штате Мэн на некоторое время установилась; епископы были непримиримы к линии местных графов и искали противовеса в Анжу. В частности, епископ Жерваз (1036-1058) добился того, что король Генрих передал все королевские права на престол графу Джеффри Мартелю на срок его жизни, причем епископ пошел на этот шаг в рамках интриги против опекуна правящего графа, который в то время был несовершеннолетним. Отслужив свой срок, Жерваз быстро попал в немилость Джеффри и был приговорен к семи годам тюремного заключения по его вине; но именно благодаря своему неверному шагу Джеффри впервые занял определенное легальное положение в политике Манчестера.

Графы Мэна сами по себе довольно туманные люди, но необходимо получить четкое представление об их взаимоотношениях. Граф Герберт по прозвищу *“Ивиль Шьен”*, постоянный враг Фулька Нерра Анжуйского и последний из его рода, сыгравший свою роль во французских делах, умер в 1035 году, оставив сына Гуго IV и дочь Биоту, замужем за Уолтером де Мантом, графом французского Вексена. Хью, будучи несовершеннолетним, был передан под управление дяди своего отца, Герберта *“Бакко”*, регента, с которым епископ Джерваз был во вражде. Когда вышеупомянутое предоставление Джеффри Мартелю покровительства епископства Ле-Ман дало последнему достойный предлог для вмешательства в ссору, быстро последовало изгнание Герберта Бакко; и пока епископ находился в плену, Джеффри правил страной от имени молодого графа. После его смерти в 1051 году сам Джеффри, несмотря на заявления собственных детей Хью, был принят Мансо в качестве графа Мэна — поскольку следует мимоходом отметить, что баронство Мансель всегда было привязано к Анжу, а не к Нормандии. Дата, на которую эти события произошли тоже достойно замечания, говорит о том, что в течение этого малоизвестной войны в Майенне долине, которая была описана описана в последней главе Нормандский Вильгельм был действительно воюют против Жоффруа Мартел в его положение, как граф Мейн. Юридическое основание для нормандского вмешательства заключалось в том факте, который мы уже отмечали, что Берта Блуа, вдова Гуго III, бежала в Нормандию и что по ее

совету ее сын Герберт, наследник Мэна, отдал себя и свое наследство под защиту своего хозяина. Уильям, видя свое преимущество, был полон решимости закрепить свою позицию в этом вопросе. Он заключил со своим гостем соглашение, по которому сестра последнего Маргарет была обручена с его собственным сыном Робертом, который здесь впервые появляется в истории, с условием, что, если Хью умрет бездетным, его права на Мэн перейдут к его сестре и ее мужу. Мы не знаем точной даты заключения этого договора, но отнюдь не исключено, что какое-то соглашение подобного рода лежало в основе пункта договора, заключенного с королем Генрихом после Смерти, по которому Вильгельм должен был быть обеспечен всеми завоеваниями, которые он мог бы совершить у Жоффруа Анжуйского.

После смерти последнего в 1060 году нормандское влияние быстро взяло верх в штате Мэн.^[86] Война за наследство в Анжу помешала кому-либо из претендентов унаследовать положение Джеффри Мартеля в штате Мэн; и если граф Герберт вообще правил там в течение двух лет, прошедших между 1060 годом и его собственной смертью в 1062 году, это должно было быть под сюзеренитетом норманнов. С его смертью мужская линия графов Мэна пресеклась, и сразу же возник вопрос, должно ли графство перейти Уолтеру, графу Манта, по праву его жены Биоты, тети покойного Герберта, или Вильгельму Нормандскому в доверительное управление Маргарет, сестрой Герберта, и ее будущим мужем Робертом, сыном Уильяма. В последовавшей за этим борьбе четко следует различать две партии: одна — и, судя по событиям, наименее влиятельная — выступала за нормандское наследование, другая, состоящая из националистов штата Мэн, поддерживала притязания Биоты и Уолтера. Последний был во всех отношениях отличным лидером партии, которая стремилась к независимости графства. Как граф французского Вексена, Уолтер был категорически против нормандского сюзеренитета над этим районом, который стал результатом пожалования Генрихом I Роберту Нормандскому в 1032 году. Его политика заключалась в том, чтобы вывести свое графство из группы нормандских вассальных государств и воссоединить его с королевскими владениями; он признал прямое превосходство короля Франции над Вексеном и, должно быть, участвовал в великом вторжении в Нормандию в 1053 году; поскольку именно в его столице западная часть королевского войска собралась перед своим маршем по долине Сены. Даже по ту сторону Ла-Манша интересы его дома сталкивались с интересами Уильяма. Сам Уолтер был племянником Эдуарда Исповедника, а его брат Ральф, умерший в 1057 году, был графом Херефордом. Королевское происхождение Вексенского дома серьезно мешало любым притязаниям Вильгельма на наследство Эдуарда Исповедника на основании кровного родства. Только собрав воедино ряд разрозненных намеков, мы обнаруживаем масштабы оппозиции Вильгельму, которую представляют Уолтер из Манта и его дом, но в ее реальности и важности не может быть никаких сомнений.

В самом штате Мэн лидерами антинормандской партии, по-видимому, были личный “человек” Уильяма Джеффри Майенский и виконт Герберт, лорд Сент-Сюзанны. Нет никаких сомнений в том, что основная масса баронов и крестьянства графства были на их стороне, и этот факт побудил Вильгельма разработать план операций, который необычным образом предвосхищает более масштабную кампанию осени 1066 года. Конечной целью Уильяма был город Ле-Ман, столица штата Мэн и его сильнейшая крепость, обладание которой стало бы очевидным подтверждением его притязаний на графство. Но были веские причины, по которым ему не следовало переходить к прямому наступлению на город. Заявляя права на графство, как он это сделал, в силу законного права, с его стороны не было хорошей политикой предпринимать шаги, которые, даже в случае успеха, придали бы его приобретению недвусмысленный вид завоевания; также с военной точки зрения для него было нецелесообразно продвигаться в сердце графства, оставляя за собой замки

враждебного баронства. Соответственно, он приступил к детальному сокращению округа, зная, что сдача столицы будет неизбежна, когда вся страна вокруг окажется в его руках. Первоначальные трудности задачи были велики, и скорость, с которой Уильям сломил сопротивление страны, оцетинившейся укрепленными постами, доказывает, насколько его полководческое мастерство опережало неторопливую, бесцельную стратегию того времени. Нам известно мало подробностей войны, но ясно, что Вильгельм описал большой круг вокруг обреченного города Ле-Ман, захватывая замки, размещая в них гарнизоны там, где это было необходимо, своими собственными войсками и все теснее обводя пояс разоренных земель вокруг центральной цитадели графства. Этими преднамеренными мерами защитники Ле-Мана были деморализованы до такой степени, что появление Вильгельма под их стенами привело к немедленной капитуляции. Однако с исторической точки зрения главный интерес этих операций заключается в удивительно тесной параллели, которую они представляют с событиями, последовавшими за битвой при Гастингсе. В Англии, как и в штате Мэн, политикой Вильгельма было овладение главным городом страны путем запугивания, а не нападения, и с учетом различий, вытекавших из особых условий ведения английской войны, его методы были схожи в обоих случаях. Лондон покорился мирно, когда Вильгельм поместил зону опустошения между городом и единственными кварталами, из которых к ней могла прийти помощь; Ле-Ман не мог надеяться на сопротивление, когда подчиненная территория была опустошена армией Вильгельма, а его замки сдались в его руки. Мы также не можем сомневаться в том, что успех этого плана в долинах Сарта и Майенны был главной причиной, по которой он был принят в долине Темзы.

В Ле-Мане, как впоследствии и в Лондоне, Вильгельм, когда покорность стала необходимой, был встречен горожанами с видимой радостью; здесь, как и во время своего более позднего завоевания, он не доверял нраву своих новых подданных и поставил своей первоочередной заботой обеспечить их верность, возведя среди них мощную крепость — замок, который Вильгельм возвел на границе с кафедральным собором Ле-Мана, является манчестерским эквивалентом Лондонского Тауэра. И, как впоследствии в Англии, события показали, что покорность всей страны не обязательно вытекала из покорности ее главного города; Вильгельму потребовалась отдельная экспедиция, прежде чем сдался замок Майенн. Но параллель между нормандским завоеванием Мэна и Англии не следует проводить слишком сильно; она заключается скорее в обстоятельствах соответствующих завоеваний, чем в их конечных результатах. Уильям менее определенно боролся за свою руку в штате Мэн, чем впоследствии в Англии; по крайней мере, номинально он был обязан уважать права молодой графини Маргарет, и ее предполагаемый брак с Робертом Нормандским доказывает, что к Мэну следовало относиться как к уделу, а не отдавать под непосредственное правление Уильяма. И к этому следует добавить, что завоевание штата Мэн было гораздо менее постоянным и тщательным, чем завоевание Англии. Анжуйские тенденции баронства Мансель сказались, в конце концов, в долгосрочной перспективе. Не прошло и двенадцати лет, как Вильгельм был вынужден пойти на компромисс с притязаниями Анжуйского дома, и после его смерти Мэн быстро потянулся к соперничающей державе на Луаре.

В то время как основная часть нормандской армии была, таким образом, занята покорением Мэна, Уильям отправил отряд для отвлечения внимания, разорив Мант и Шомон, наследственные владения его соперника, — экспедиция, в своем роде также предвосхищавшая вторжение, которое Уильям должен был лично возглавить туда в 1087 году и в котором ему предстояло встретить свою смерть. Скорее всего, именно это вторжение, подробности которого совершенно неизвестны, убедило Уолтера из Манта смириться с *свершившимся* фактом в штате Мэн; по крайней мере, нам говорят, что “по собственной воле он согласился на капитуляцию [Ле-Мана], опасаясь, что, защищая то, что он приобрел

неправедным путем, он может потерять то, что принадлежало ему по наследству”. Через короткое время и он, и его жена пришли к внезапному и загадочному концу, и возникло подозрение, что сам Уильям не был равнодушен к этому. Это была одна из многих клевет, брошенных на Вильгельма Уолтхофом и его верными спутниками на предательском свадебном пиршестве в Эксинге в 1075 году, что герцог пригласил своего соперника и его жену в Фалез и что, пока они были его гостями, он отравил их обоих за одну ночь. Средневековая доверчивость в вопросах такого рода была безгранична, и зловещая интерпретация смерти Уолтера неизбежно напрашивалась из факта его недавних враждебных действий против своего хозяина.

Еще одна проверка на успех планов Уильяма последовала после смерти Уолтера и Биоты. Маргарита, нареченная невеста Роберта Нормандского, умерла до того, как брак был заключен. В 1063 году самому Роберту не могло быть больше девяти лет; в то время как, хотя Маргарет, должно быть, достигла двенадцатилетнего возраста, весь ход истории наводит на мысль, что она была немногим старше ребенка, факт, который несколько склоняет к недооценке благочестивой легенды, которой упиваются наши монастырские информаторы, о том, что девушка боялась мысли о браке и уже начала практиковать аскетизм религиозной профессии. У нее остались две сестры, обе старше ее, чьи брачные союзы важны для будущей истории штата Мэн^[87]; но их претензии в настоящее время были проигнорированы, и Уильям сам принял титул графа Мэна.

Примерно во время этих событий (точная дата неизвестна) Уильяма охватила тяжелая болезнь, которая привела его на грань смерти. Ему было так тяжело, что его положили на землю, как человека, находящегося при смерти, и в крайней нужде он отдал реликварий, который сопровождал его по пути в церковь Святой Марии Кутансской. Ни один хронист не зафиксировал этот эпизод, о котором мы бы ничего не знали, если бы упомянутая реликвия не была впоследствии выкуплена путем предоставления земли церкви, которая получила ее в залог; и все же будущая история Франции и Англии зависела от событий того дня.^[88]

Вероятно, примерно через год после заселения Мэна Уильям участвовал в последней войне, предпринятой им в качестве простого герцога норманнского, бретонской кампании, которую обычно относят к 1064 году. Как и в более ранних войнах с Анжу, пограничный спор, по-видимому, был непосредственным поводом к военным действиям, хотя сейчас, как и тогда, между воюющими сторонами были более глубокие причины для раздора. Графу Алану Реннскому, двоюродному брату и опекуну Уильяма, наследовал его сын Конан, который, как и его отец, постоянно боролся за то, чтобы обеспечить своему роду сюзеренитет над всей Бретанью в противовес соперничающему дому графов Нант, борьба, которая при других условиях и с дополнительными конкурентами в разное время продолжалась уже более столетия. Графство Нант в это конкретное время принадлежало младшей ветви той же семьи, и есть некоторые незначительные указания на то, что графы Нант, возможно, из-за вражды к своим северным родственникам, заняли более дружелюбное отношение к Нормандии, чем графы Ренн. Как бы то ни было, граф Конан фигурирует в следующей истории как представитель независимости Бретани от норманнской агрессии; и когда Вильгельм основал замок Сент-Джеймс в юго-западном углу Авраншина, чтобы сдерживать бретонских мародеров, Конан решил вторгнуться в Нормандию и сообщил Вильгельму точный день, когда он пересечет границу.

Большинству французов может показаться, что Бретань считалась землей, населенной дикарями; в XI веке полуостров выделялся на фоне остальной Франции так же сильно, как и сегодня. Его жители пользовались высокой репутацией за свое мужество и простоту жизни, но они все еще находились на племенной стадии общества, и церковные писатели того

времени с отвращением относились к их манерам и обычаям. Подобно большинству племенных народов, они не имели представления о постоянном политическом единстве; и на нынешнюю войну в значительной степени повлиял тот факт, что в графстве Ренн кельтский вождь по имени Риваллон удерживал город Дол против своего непосредственного повелителя от имени герцога Нормандии.^[89] Вместо вторжения в Нормандию, как он угрожал, Конан был вынужден осадить Дол, и это было первой целью Уильяма в кампании по освобождению своего сторонника там.

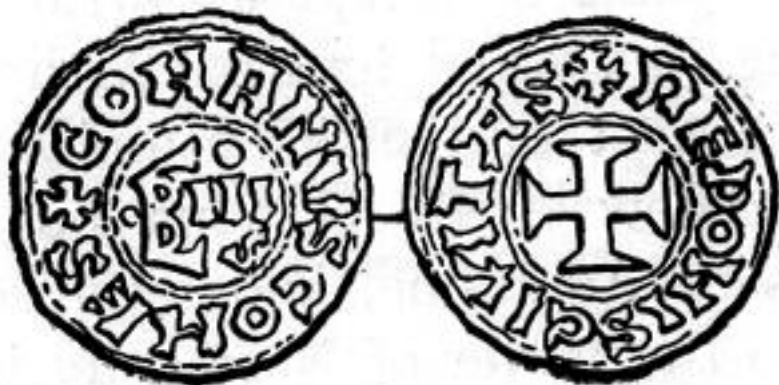
Что придает исключительный интерес последовавшей за этим несколько неважной экспедиции, так это несомненное присутствие в армии Вильгельма его будущего соперника за английскую корону Гарольда, графа Уэссекса.^[90] Причину и инциденты, связанные с его визитом в Нормандию, придется рассмотреть в следующей главе, но не может быть никаких сомнений относительно его реальности; и в известном разделе "гобелен Байе", нашем лучшем отчете об этой кампании, показано, как Гарольд собственноручно спасает нескольких нормандских солдат, которых унесла река Куньон, когда армия пересекала пограничную реку Бретани. При приближении нормандской армии Конан снял осаду Дола и отступил к своей столице Ренну; но вскоре отношения между Риваллоном и его грозным союзником, похоже, стали натянутыми, поскольку мы находим, что Риваллон заметил Вильгельму, что для жителей деревни вокруг Дола мало имело значения, будет ли их имущество израсходовано нормандской или бретонской армией. Возможно, именно протесты Риваллона побудили Вильгельма отступить за нормандскую границу, но нам говорят, что, когда он собирался покинуть Бретань, до него дошли слухи, что Джеффри (*ле Барбу*), граф Анжуйский, присоединился к Конану с большой армией и что оба принца выступят против него завтра. Не похоже, что Уильям предоставил им такую возможность, но на гобелене запечатлено то, что, вероятно, было продолжением этой кампании, в разделе, где Уильям изображает самого Конана осаждающим крепость Динан. Из картины, на которой Конан вручает герцогу ключи от замка на острие своего копья, очевидно, что место было занято, но мы ничего не знаем ни о последующих успехах войны, ни об условиях, на которых был заключен мир. В течение двух лет после этих событий, если мы правы, относя их к 1064 году, Конан внезапно умер,^[91] и ему наследовал его шурин Хоэль, граф Корнуайль, который объединил в своем лице большинство крупных владений, на которые Бретань до сих пор была разделена.

ОСАДА ДИНАНА С ГОБЕЛЕНА ИЗ БАЙЕ

Возможно, на этом этапе будет полезно кратко рассмотреть позицию, которую занимал Уильям на момент закрытия 1064 года. За исключением его тестя Фландрского, ни один феодал к северу от Луары ни на мгновение не мог сравниться с ним. Анжу и сами королевские владения, как мы видели, по разным причинам в то время не имели большого значения. Влияние Шампани при ее невыразительных правителях всегда было меньше, чем можно было ожидать, исходя из масштабов и положения графства; и как раз сейчас оно

привлекло внимание графа Теобальда III. был направлен на отвоевание Турени у анжуйских претендентов, а не на какое-либо соперничество с более могущественной Нормандией. Бретань действительно только что проявила себя враждебно, но расовое разделение между *Бретанью-Бретонанкой* и галлизированным востоком, которое всегда мешало герцогству достичь высокого положения среди держав северной Франции, сделало его совершенно неспособным конкурировать с Нормандией на сколько-нибудь равных условиях. С феодалами к востоку от Сены и верхней Луары у Вильгельма было мало прямых отношений, но они, как и принцы Аквитании, получили суровый урок относительно могущества Нормандии в разгроме королевской армии, последовавшем за внезапным нападением Мормемера. С другой стороны, Нормандия, пронизанная великой рекой, с протяженным побережьем и хорошими гаванями, с баронством, приведенным в порядок, и классом торговцев, едва ли менее процветающим, чем жители крупных городов Фландрии, была бы потенциально грозной в руках правителя, обладающего гораздо меньшей властью, чем будущий завоеватель Англии. Никогда прежде Нормандия не занимала столь высокого относительного положения, как в седьмом десятилетии одиннадцатого века; и, как ни благосклонна была фортуна к великому предприятию, которое ей предстояло так скоро предпринять, его успех и даже возможность зависели от умелой политики, которая направляла ее историю в богатые событиями годы, следовавшие за Валь-эс-дюнами.

Отрицатель Конана II Бретонского

ГЛАВА IV

ПРОБЛЕМА АНГЛИЙСКОГО ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ

Идея нормандского завоевания Англии не была чем-то новым, когда осенью 1066 года был нанесен настоящий удар. Судьбоносный брак Этельреда и Эммы шестьдесят лет назад сделал невозможным, чтобы политика острова и герцогства когда-либо снова были независимыми друг от друга; это привело непосредственно к английской экспедиции Роберта Нормандского в 1034 году, а в лице Эдуарда Исповедника это дало Англии короля, который был наполовину нормандцем по крови, и чьи идеи правления были заимствованы из политических условий страны его матери. К какому бы аспекту истории этого периода мы ни обратились, это нормандское влияние рано или поздно станет очевидным; в религии и торговле, как и в более узкой области политики, нормандцы прокладывают себе путь в основное течение английской национальной жизни.

Все это, однако, несколько отличается от вопроса о дате, когда герцог Вильгельм начал вынашивать планы осуществления завоевания Англии собственной персоной. В задаче есть две неизвестные величины: дата, на которую было общепризнано, что Эдуард Исповедник не оставит прямого наследника английского престола, и последующие намерения самого короля относительно наследования. Если бы такой наследник появился в 1066 году, мы можем быть уверены, что его наследование не было бы нарушено со стороны Нормандии, поскольку притязания Вильгельма на наследование своему бездетному кузену по праву кровного родства были чем-то большим, чем просто формальностью. Итак, Эдуард женился в 1045 году, находясь тогда в самом расцвете сил, и мы, конечно, должны допустить, что прошел разумный период времени, прежде чем мы сможем быть уверены, что политики Англии и Нормандии рассматривали вопрос о престолонаследии как открытый. В частности, трудно быть уверенным в том, что в 1049 году, когда велись переговоры о браке Вильгельма и Матильды Фландрской, было известно, что окончательная бездетность Эдуарда Исповедника неизбежна.^[92]

Подобная неопределенность нависает и над планами, которые Исповедник сформировал в последнем случае относительно будущего своего королевства. Его нормандская кровь, его раннее пребывание в герцогстве и заметное пристрастие, которое он проявлял к мужчинам нормандской расы, вполне естественно создают впечатление, что, по крайней мере, в начале своего правления, его желанием было обеспечить передачу своего наследства семье матери. Но даже этот вывод не подлежит сомнению. Эдуард при своем вступлении на престол в 1042 году оказался в крайне сложном положении. После двадцати пяти лет датского правления в государстве появилась совершенно особая партия, желавшая сохранить скандинавские связи. Признание Эдуарда королем было в основном делом рук графа Годвина и его приближенных, и граф ожидал и мог добиться полной оплаты своих услуг. Эдуард проявил бы меньше того скудного ума, которым его наделяют, если бы не понял, что какой-то противовес могуществу его могущественного подданного можно было бы найти, раздав богатство и влияние незнакомцам из-за Ла-Манша. Отсюда возник тот поток нормандской иммиграции, который отличает это правление и последующее формирование роялистской, вненациональной партии; ибо каждый отдельный поселенец должен был понимать, что все, чем он может обладать на острове, зависит от благосклонности короля. Такая политика рано или поздно должна была вызвать реакцию со стороны Годвина и его сподвижников, и так возник знаменитый кризис осени 1051 года. Годвин, пытаясь восстановить свое влияние в государстве, не может увлечь за собой других графов Англии в нападении на фаворитов короля и вынужден бежать из страны. Что явно возмущало Годвина, так это наличие соперничающей силы при дворе, а апатия к его делу таких людей, как Леофрик Мерсийский и Сивард Нортумбрийский, наводит на мысль, что они не признавали его в каком-либо реальном смысле борцом за национальное единство против иностранного влияния. С его бегством заканчивается первый период правления Эдуарда Исповедника, и в промежуток времени до его реставрации Вильгельм Нормандский впервые появился на берегах Англии.

Об этом визите мы знаем очень мало; местный хронист Вустера просто сообщает нам, что “граф Уильям прибыл из-за моря с большим отрядом французов, и король принял его и столько его спутников, сколько ему понравилось, и отпустил их обратно”. Сразу возникает вопрос: давал ли Эдуард в то время какие-либо обещания английской короне Вильгельму? Если он когда-либо и давал явное обещание на этот счет, то вряд ли его можно отнести к какой-либо другой дате, поскольку это был единственный случай после отъезда Эдуарда из Нормандии в 1042 году, когда, как известно, король и герцог встретились лично. Тот факт, что такое обещание составляет существенную часть истории Завоевания, изложенной всеми

нормандскими авторами, является аргументом в ее пользу, который с лихвой уравнивал бы естественное молчание английских властей, будь они гораздо лучше информированы в вопросах высокой политики, чем это имеет место на самом деле. Но, в конце концов, этот вопрос на самом деле имеет второстепенное значение, поскольку в следующем году к власти вернулся Годвин, а Эдуард до конца своего правления, похоже, не предпринимал серьезных попыток подорвать господство английской партии.

Смерть Годвина в 1053 году практически не повлияла ни на политическую ситуацию в целом, ни на существующие отношения между Нормандией и Англией. Наследование графства Уэссекс его сыном Гарольдом не вызывает комментариев со стороны современных хронистов; к этому времени полунаследственный характер великих графств был признан для всех рабочих целей. Тем не менее, мы можем видеть, что вступление Гарольда в правительство провинции первого ранга и, скорее всего, к неофициальному главенству в государстве, которое принадлежало графу Годвину, происходит среди главных событий в последовательности причин, закончившихся великим переворотом 1066 года. С другой стороны, действительные исторические причины не должны приводить нас к предположению, что замыслы Гарольда относительно короны зародились уже в это раннее время. При всей его личной слабости, собственные желания короля Эдуарда, вероятно, стали решающим фактором в выборе его преемника, и у нас нет никаких свидетельств того, что Гарольд выступал против кандидата, который, как мы знаем, вскоре после этого получил расположение короля.

Этим кандидатом, чье появление на поле боя с санкции короля, вероятно, оказалось бы фатальным для любых стремлений к трону, которые могли бы возникнуть у Уильяма или Гарольда, был Эдвард Этелинг, сын знаменитого Эдварда Айронсайда и, следовательно, племянник Исповедника-полукровка. Кнут отправил его в отдаленное изгнание, и вызов, который вернул его в Англию в качестве ее предначертанного наследника, был делом рук самого короля Эдуарда. По странной случайности, сразу по прибытии в 1057 году, и еще до того, как он увидел короля, этелинг заболел и умер,^[93] и, хотя в его конце было что-то довольно загадочное, ничто не указывает на то, что он был ускорен в интересах какого-либо другого претендента на корону. С его смертью действительно исчез единственный многообещающий шанс увековечить древнюю английскую династию, поскольку Эдгар, сын покойного этелинга, которому суждено было дожить по крайней мере до 1126 года, мог быть всего лишь ребенком в 1057 году.

ПЕЧАТЬ ЭДУАРДА ИСПОВЕДНИКА

Таким образом, кажется, что 1057 год - это самый ранний возможный год, с которого можно датировать соперничество Вильгельма Нормандского и Гарольда Годвинсона за английский трон. Отзыв Эдуарда Этелинга предполагает, что это не может быть сделано раньше, в то время как состояние готовности, в котором находятся обе стороны в начале 1066 года,

показывает, что их планы, должно быть, формировались по крайней мере за несколько лет до смерти Исповедника. И есть один загадочный эпизод, который, вполне возможно, каким-то образом связан с изменением вопроса о престолонаследии, вызванным смертью Эдварда Этелинга. Примерно в 1058 году граф Гарольд совершил турне по континенту, добравшись до Рима, но также охватив Нормандию и Северную Францию в целом, и нам сообщили, что он принял меры для получения помощи от определенных французских держав, если она ему понадобится в любое время.^[94] Отрывок, в котором нам рассказывается об этих переговорах, очень неясен, но ни в коем случае не исключено, что Гарольд, когда смерть этелинга открыла для него возможность унаследовать корону, возможно, пытался найти союзников, которые помешали бы передвижениям его самого грозного соперника, когда наступил критический момент. Также не лишено значения, что 1058 год - это год Варавиля, дата, когда ревность французов к власти норманнов достигла своего апогея. Во всяком случае, на этом мы можем остановиться и рассмотреть относительное положение, занимаемое графом и герцогом соответственно, в отношении их шансов унаследовать великолепное наследство старейшей династии Западной Европы.

Первый момент, заслуживающий обсуждения, - это природа титула на английскую корону. “Наследственный” и “выборный”, слова, которые естественно противопоставлять в этой связи, в любом случае являются терминами с расплывчатым и изменчивым значением, хотя всегда признавалось, что ни то, ни другое не может быть использовано в отношении владения короной в любой период английской истории без должных оговорок. Просто сказать, что английская монархия была “выборной” в период, с которым мы имеем дело, является недостаточным утверждением, если мы также не примем во внимание пределы, в которых лежал выбор в каждом конкретном случае, процесс, связанный с актом избрания, и орган, который осуществлял выборное право. Что касается первого из этих вопросов, то, несомненно, существовало древнее и глубоко укоренившееся мнение, что король должен быть избран только из королевского рода; в одиннадцатом веке все еще сохранялось чувство, с которым в более ранний период нация требовала, чтобы ее правители происходили от крови богов. Эта идея была намного древнее любого национального чувства, которому она могла время от времени противоречить — это помогает, например, объяснить легкость, с которой англичане признали датского короля Кнута своим правителем, — но с этой чрезвычайно важной оговоркой крайне маловероятно, чтобы наследование определялось чем-либо, что можно было бы назвать общими принципами. Корона, естественно, перешла бы к самому популярному родственнику покойного правителя, и вопрос о точных взаимоотношениях между умершим королем и его наследником был бы второстепенным делом.

Вильгельм Нормандский был достаточно знатного происхождения, чтобы удовлетворить общественное мнение в отношении первого, поскольку сам Ролло был отпрыском древнего рода норвежских вождей. Гарольд по материнской линии унаследовал королевскую кровь, поскольку Гита, жена графа Годвина, происходила из семьи шведских королей; но хотя ни один писатель того времени не упоминает об этой особенности происхождения Гарольда, происхождение “ярлов Нормандии” все еще было живой памятью на севере. Однако гораздо более важным во всех отношениях было несомненное родство между Вильгельмом и королем Эдуардом, факт, который Вильгельм положил в основу своих притязаний и который, несомненно, был признан людьми того времени как дававший ему преимущество, от которого нельзя было отрицать. В наши дни, действительно, довольно трудно понять влияние, оказанное несколько отдаленным родством, которое объединяло Уильяма и Эдуарда, особенно с учетом того факта, что Эдгар, сын Эдуарда Этелинга, все еще продолжал мужскую линию королевского дома Уэссекса. Мы можем объяснить это только на

том основании, что в 1066 году Эдгар был моложе возраста, в котором он мог бы править самостоятельно, и что общественное мнение того времени не приняло бы несовершеннолетнего в качестве короля до тех пор, пока существовал другой кандидат, связанный с королевским домом и способный взять бразды правления в свои руки. Фактически, из трех кандидатов, между которыми предстояло сделать выбор после смерти Исповедника, Уильям, в конце концов, был тем, кто сочетал в себе наибольшее разнообразие желаемых качеств. Эдгар был ближайшим к трону по праву рождения, но его молодость ставила его в фатально невыгодное положение; Гарольд был человеком зрелых лет и с большим опытом управления государством, но его самые горячие сторонники не могли притворяться, что он родственник короля Эдуарда; Уильям уже был правителем, слава которого распространилась далеко за пределы его собственного герцогства, и в третьем поколении он мог утверждать, что у него общий предок с покойным королем. Наконец, мы должны помнить, что факт, который в современных условиях перевесил бы все остальные соображения, а именно тот факт, что Вильгельм был иностранцем, был менее важен в XI веке, чем в любое более позднее время. Это, безусловно, был недостаток, но в меньшей степени общий для обоих конкурентов Уильяма: если он был чистокровным нормандцем, то Гарольд был наполовину датчанином, а Эдгар - наполовину немцем. Пример Кнута показал, что ничто не могло помешать человеку совершенно чужой крови получить всеобщее признание в качестве короля Англии; и если расовые различия, существовавшие в стране, подготовили почву для его приема, то нечто подобное было сделано для Вильгельма теми норманнами, которые стеклись в Англию под покровительством короля Эдуарда.

Во всех тех случаях, когда покойный король не оставил ни одного очевидного наследника престола, вопрос о престолонаследии, естественно, решался великими людьми страны — этим неформальным, непостоянным органом, известным как “витан”. Насколько мы можем судить, витан отчасти руководствовался преобладающим общественным мнением, но более эффективно - известными пожеланиями умершего монарха относительно его преемника; мы знаем, например, что оба эти влияния способствовали избранию самого Эдуарда Исповедника.^[95] Однако вполне вероятно, что, несмотря на то, что выборный характер монархии был основным принципом английских институтов с самых ранних времен, эта идея на самом деле была заимствована из одиннадцатого века. Недавно было высказано предположение, что действия витана в ранние времена в отношении выбора нового короля были чем-то, что гораздо лучше было бы описать как “признание”, чем как избрание в любом современном смысле, что нет никаких доказательств того, что витан вели себя как единое целое, и что именно приверженность отдельных дворян наиболее вероятному наследнику действительно наделила его королевской властью.^[96] Согласно этому рассказу, те следы избрания в более широком смысле, которые заметны в XI веке, с большой вероятностью могут быть отнесены к датскому влиянию, поскольку три скандинавские нации продвинулись гораздо дальше, чем другие тевтонские народы, в развитии своих исконных институциональных форм. Но, несмотря на это, многое в истории 1066 года свидетельствует о том, что старые идеи все еще преобладали: Вильгельм претендовал на трон по наследственному праву, и именно подчинение Стиганда, Эдвина, Моркара, Эдгара Этелинга и граждан Лондона, а не голосование какого-либо установленного собрания, санкционировало его притязания.

В свете этого предвосхищения мы можем теперь рассмотреть самый запутанный вопрос в жизни Вильгельма - правду, лежащую в основе знаменитой истории о визите Гарольда в Нормандию и клятве, которую он там принес Вильгельму. В отличие от большинства вопросов, относящихся к XI веку, трудность в данном случае проистекает из богатства нашей информации по этому предмету; за исключением тех чисто английских авторов, Флоренс

Вустерская, и авторов "Англосаксонской хроники", значение молчания которых будет вскоре продемонстрировано, каждый автор-историк за пятьдесят лет, последовавших за Завоеванием, подробно рассказывает эту историю, и нет двух авторов, рассказывающих одну и ту же историю. И все же мы не можем с уверенностью отвергнуть эту историю как сказочную по двум причинам: молчание тех, кто писал с симпатией к местным жителям, доказывает, что в нормандской истории был элемент правды, который они не чувствовали себя вправе отрицать, в то время как быстрое распространение самой истории среди авторов, сильно разделенных местом и обстоятельствами, было бы непонятным, если бы оно было результатом чистого вымысла. История также не обязательно вызывает подозрение, потому что ее детали романтичны.

Суть рассказа заключается в том, что Гарольд, по разным причинам пливший по Ла-Маншу, был выброшен штормом на побережье Понтье и, поскольку таким образом считался законной добычей графа, был брошен в тюрьму в Боране, очевидно, для получения выкупа. Пока Гарольд находился в тюрьме, герцог Нормандии узнал об этом факте и, послав графа Ги, который стал его феодальным иждивенцем после битвы при Мортемере, Уильям приказал доставить Гарольда со всеми почестями в герцогство. В течение неопределенного времени граф оставался при дворе герцога и даже сопровождал его в бретонской экспедиции, которая была описана в предыдущей главе; но перед своим отъездом он взял на себя некоторые обязательства перед своим хозяином, природа которых является ключом ко всему делу, но в отношении которых вряд ли найдутся два автора, согласные друг с другом. Нет никаких сомнений в том, что Гарольд стал человеком Вильгельма, и кажется несомненным, что он принес клятву, которая имела некоторое отношение к соперничеству за английский трон, в котором, очевидно, участвовали оба. Большинство авторов рассматривают суть клятвы как обещание Гарольда сделать все, что в его силах, чтобы обеспечить корону Уильяму после смерти Эдуарда, и существует мощное течение традиции, которое утверждает, что Гарольд поклялся жениться на одной из дочерей Уильяма. Другими словами, Гарольд обязался признать Вильгельма королем Англии в должное время и заручиться поддержкой тех представителей английской знати, которые находились под его влиянием; его брак с дочерью Вильгельма, несомненно, был призван гарантировать его добрую волю, когда наступит критический момент. Такое соглашение все равно оставило бы Гарольда, очевидно, первым человеком в Англии; действительно, отношения, которые установились бы между Уильямом и Гарольдом, если бы они были осуществлены, в некоторых отношениях воспроизвели бы отношения, в которых Эдуард Исповедник находился по отношению к графу Годвину в 1042 году. Этот факт затрудняет веру в то, что Гарольд обязательно действовал по принуждению, когда приносил присягу; у него было много соперников и врагов в Англии, и ему стоило потратить время, чтобы закрепить свое положение в случае смерти Эдуарда до того, как созреют его собственные планы.^[97]

Уильям, со своей стороны, имел все шансы выиграть, заставив Гарольда заключить такую помолвку. Если бы клятва была соблюдена, Уильям превратил бы вероятного соперника в союзника; если бы она была нарушена, он обеспечил бы себе все моральные преимущества, которые достались бы ему от лжесвидетельства его противника. Но нет никаких оснований полагать, что он настоял на том, чтобы Гарольд принес клятву только для того, чтобы тот мог ее нарушить, и нет никаких веских оснований для известной истории о том, что Уильям заманил Гарольда в ловушку, заставив дать необычайно торжественную клятву, спрятав реликварий под сундуком, на котором покоилась рука последнего, когда он давал клятву. Было неизбежно, что инцидент такого рода приобрел вокруг себя мифический оттенок, но весь ход истории доказывает, что какой-то подобный эпизод действительно имел место. Апологеты Вильгельма могли бы выдвинуть это на первый план в своих повествованиях о

Завоевании, и все последующие авторы подробно останавливались на этом как на главной причине вторжения; и все же, хотя время от времени по поводу той или иной детали высказывается скептицизм, ни один из историков следующего столетия, некоторые из которых обладали явными критическими способностями и имели доступ к надежным источникам информации, не дал и намека на то, что вся эта история была мифом.

5 января 1066 года умер король Эдуард, а в четверг, 6 января, витан, собравшийся в Вестминстере на рождественский праздник, избрал графа Гарольда королем и в тот же день короновал Элдред, архиепископа Йоркского. У нас есть подробный отчет о последних днях Эдуарда, написанный всего через несколько лет после этих событий, в котором описывается, как король в течение часа после своей смерти решительно поручил свою жену и свое королевство заботам Гарольда.^[98] Без особых споров, как могло бы показаться, последняя воля последнего короля из рода Эгберта была приведена в исполнение; Гарольд был немедленно избран королем, и в тот же день санкция церкви сделала этот шаг бесповоротным. Англия теперь была предана правлению короля, чье право на корону зависело исключительно от действительности выборного принципа, и чей успех или неудача будут зависеть от признания, которое этот принцип получит среди иностранных держав, и от поддержки, которую те, кто решил признать его своим господином, были готовы оказать ему, если бы его притязания были оспорены. В сложившихся обстоятельствах выбор Гарольда, возможно, был неизбежен. Предсмертное желание Эдуарда не могло быть проигнорировано из соображений приличия; место проведения выборов находилось как раз в той части страны, где интересы дома Годвинов были наиболее сильными; и если пренебречь традиционными обычаями и оставить королевскую линию в покое, то не нашлось бы более сильного местного кандидата. С другой стороны, не могло быть никаких сомнений в том, что событие того памятного Прозрения было чревато опасностью со всех сторон. Даже если это не бросило вызов самому грозному принцу в Европе, это создало зловещий прецедент, это показало, что королевское достоинство не было вне досягаемости честолюбивого подданного, это подвергло корону интригам класса, от которого Англия, слабая в лучшем случае своей политической структурой, до сих пор была исключена. Нормандское завоевание было ужасной катастрофой, но, по крайней мере, оно спасло Англию от опасностей выборной монархии.

ГАРОЛЬД НА ТРОНЕ
С ГОБЕЛЕНА ИЗ БАЙЕ

Впечатление, которое коронация Гарольда произвела на европейских политиков, было безошибочным. От Рима до Тронхейма каждый правитель, которого интересовали интересы Англии, понимал, что был сделан революционный шаг. Из грубого повествования латинского историка о норвежских королях, как и из общепринятых периодов папской канцелярии, мы заключаем, что восшествие на престол Гарольда рассматривалось как акт узурпации, хотя нет единого мнения относительно личности законного наследника, которого он заменил. Старые притязания, долгое время бездействовавшие, были возрождены; короли Норвегии и Дании вспомнили, что Англия когда-то принадлежала скандинавскому миру. Если бы Эдгар Этелинг или Вильгельм Нормандский были избраны, ропот, по крайней мере, в этой части, несомненно, был бы услышан, но они потеряли бы половину своих сил: первый мог бы воззвать к преобладающим настроениям в пользу права наследования; второй, вдобавок, мог бы сразу ввести в Англию вооруженные силы, достаточные для того, чтобы на равных противостоять всем возможным захватчикам. У Гарольда не было ни одной из этих гарантий, и его клятва Вильгельму дала наиболее могущественной части его противников понятную почву для их ссоры. Редко в какой стране новая династия вступала в должность при обстоятельствах, столь полных дурных предзнаменований.

Все это, конечно, означало соответствующее увеличение силы Уильяма. Какими бы смутными ни были наши знания о переговорах с несколькими державами, чья добрая воля была желательна для его предприятия, мы можем видеть, что он привел их, по крайней мере, к общей позиции дружественного нейтралитета. Нам сообщили, что император Генрих IV. пообещал безоговорочную поддержку Германии, если она потребуется,^[99] а также, что датский король Свеген Эстритсон перешел на сторону Вильгельма, хотя наш информатор добавляет, что датский король проявил себя, по сути, другом врагов Вильгельма. Французская корона находилась, как мы видели, под влиянием Балдуина Фландрского, тестя Вильгельма; и пока война за престолонаследие отвлекала Анжу, Вильгельму не нужно было опасаться опасности с этой стороны. Мэн находился в зависимости от нормандского герцогства. На самом деле, в истории Уильяма нет ничего более примечательного, чем то, что в самый момент его великой попытки вся политическая ситуация была в его пользу. Никакое вторжение в Англию было бы невозможно до 1060 года, когда король Франции Генрих и Джеффри Мартелл были убраны с пути Вильгельма, в то время как взросление короля Филиппа и превращение Фландрии в агрессивное антинормандское государство при Роберте Фризском тысячекратно увеличили бы трудности Вильгельма, если бы Эдуард Исповедник прожил на пять лет дольше. Во многом выгодное положение Вильгельма в 1066 году было обусловлено его собственной государственной мудростью; в немалой степени это было результатом дискредитации национального дела Англии в глазах Европы в результате избрания Гарольда; но прежде всего это следует отнести на счет чистой удачи Вильгельма. Вильгельм Завоеватель, как и Наполеон, мог бы верить в свою звезду, не навлекая на себя упреков в излишнем суеверии.

Из всех переговоров Вильгельма наиболее характерным для настроения, с которым он отстаивал свои права, было обращение к главе церкви с просьбой решить между его правом и правом Гарольда:

“Чтобы никакая опрометчивость не запятнала его правое дело, он послал к папе римскому, бывшему Ансельму, епископу Лукки, заявление о справедливости войны, которую он затеял, со всем красноречием, которое было в его распоряжении. Гарольд пренебрег этим: либо потому, что был слишком горд по натуре, либо потому, что не доверял своему собственному делу, либо потому, что боялся, что его посланцам помешают Уильям и его сподвижники,

которые наблюдали за всеми портами. Папа взвесил аргументы обеих сторон, а затем послал Вильгельму знамя в качестве залога его королевства”.^[100]

Характер этой транзакции не должен быть неправильно понят. Обращаясь к папскому арбитражу, Вильгельм ни в коем случае не нарушал каких-либо королевских прерогатив на острове, который он надеялся завоевать. То есть его поступок никоим образом не напоминает тот шаг, который предпринял его потомок Иоанн сто пятьдесят лет спустя, когда он передал свое королевство Иннокентию III. отныне будет принадлежать папскому феодалу.^[101] Уильям просто представил свое дело в суд, который был высшей признанной инстанцией во всех вопросах, связанных с наследованием, и который был вдвойне компетентен рассматривать настоящее дело, поскольку включал в себя все вопросы о *лесуо фидеи*, которые возникли из клятвы Гарольда. Нам также не нужно сомневаться в том, что вынесенный вердикт отражал справедливость дела в том виде, в каком оно было бы представлено папе и его советникам; мы знаем, по крайней мере, со слов самого Гильдебранда, что решение было вынесено в пользу Вильгельма не без ожесточенных дискуссий. На самом деле, казалось бы, потребовалось все личное влияние, которое мог проявить Хильдебранд, чтобы убедить лидеров церкви взять на себя обязательство поддержать претензии, которые, в случае судебного преследования, неизбежно приведут к кровопролитию. И в последующие годы Хильдебранд говорил Уильяму, что его поступком руководило знание характера последнего и надежда на то, что, когда он будет возведен в более высокое достоинство, он продолжит показывать себя послушным подданным церкви.^[102] Гильдебранд добавил, что он не был разочарован; и на самом деле привлекательность великого острова запада под влиянием идей реформированного папства стоила того, чтобы Курия подавила некоторые сомнения.

КЛЯТВА ГАРОЛЬДА С ГОБЕЛЕНА ИЗ БАЙЕ

Семьдесят лет спустя папский суд снова был призван вынести решение в споре, касающемся наследования английского престола, и это при обстоятельствах, которые заслуживают упоминания здесь как иллюстрирующие характер апелляции Вильгельма. В 1136 году, по-видимому, сразу после коронации Стефана, его соперника, императрица Матильда отправила послов к папе Иннокентию II. в знак протеста против узурпации. Стефан, более мудрый в своем поколении, чем Гарольд, в ответ прислал своего собственного представителя, и дело было подробно рассмотрено на соборе, специально созванном для этой цели папой. Как и в более известном эпизоде 1066 года, пунктом, на котором адвокаты истца обосновывали свою позицию, был тот факт, что ответчик дал клятву обеспечить

преемственность своего соперника; и решение о том, действительна ли эта клятва, оставалось за папой римским. Именно в связи с этим последним пунктом параллель между событиями 1066 и 1136 годов прекращается: в последнем случае папа, отказавшись выносить решение, молчаливо оправдал Стефана за лжесвидетельство; в 1066 году пренебрежение Гарольда изложением своего дела в папском суде привело к естественному результату в виде определенного решения, которое было вынесено против него.^[103] В любом случае будет видно, что то, что передается в Курию, является вопросом закона, а не политики; считается, что папа не имеет никакого права распоряжаться английской короной; его просто просят рассмотреть соответствующие титулы двух спорщиков.

Вооруженный таким образом санкциями церкви, Вильгельм столкнулся с серьезной задачей по созданию армии, достаточно многочисленной, чтобы противостоять вооруженным силам своего соперника примерно на равных. Такая армия не могла быть собрана только в Нормандии, как бы ни была велика мощь герцогства по сравнению с его территорией. Какими бы благоприятными ни были общие перспективы планов Вильгельма, он ни на мгновение не мог подумать о том, чтобы поставить все ресурсы Нормандии на кон в одном предприятии; предприятию, возможные результаты которого могли быть очень блестящими, но непосредственный риск которого был очень велик. Вильгельм также не мог по каким-либо феодальным законам призвать своих вассалов и их людей следовать за ним через Ла-Манш по праву и обязанности; если он хотел заручиться их поддержкой, он был обязан представить им экспедицию как добровольное предприятие. Таким образом, не могло быть никаких сомнений относительно ответа, который был бы дан на его апелляцию. Нормандское завоевание Неаполя и подвиги норманнов в Испании возвестили миру о великих подвигах, на которые была способна эта раса, и нам не нужно верить, что сами норманны не доверяли своей репутации. И хотя современный биограф Уильяма, стремясь продемонстрировать великодушие своего героя, изобразил подданных последнего как смотревших на это предприятие с тревогой,^[104] маловероятно, что нормандское рыцарство всерьез воздерживалось от приключений ради неограниченных прибылей на богатом и соседнем острове из-за перспективы упорной борьбы за них.

В начале 1066 года, но, скорее всего, после прекращения правления Вильгельма в Риме, совет нормандского баронства собрался в Лилебонне^[105], чтобы обсудить предлагаемое вторжение в Англию. Очевидно, что больше всего волновало умы Вильгельма и его баронов то, как трудно построить, оснастить и укомплектовать личным составом достаточное количество кораблей для перевозки армии в разумные сроки. На самом деле представляется вероятным, что одной из специальных целей совета было установление количества кораблей, которые каждый барон был готов выделить для флота — вопрос, который лежал совершенно вне общего вопроса военной службы и мог быть решен только путем полюбовного соглашения между герцогом и его вассалами, взятыми по отдельности. Вильгельм оговорил, что корабли должны быть готовы в течение года; требование, которое некоторым, по крайней мере, казалось невыполнимым; и, действительно, создание целого флота транспортных судов в течение шести месяцев является прекрасной иллюстрацией энергии, с которой нормандская знать поддержала дело герцога. Транспортные суда — это были корабли, и ничего больше, как видно из их изображения на гобелене из Байе, и мы вынуждены заключить, что для Вильгельма было хорошо, что его переход через Ла-Манш не встретил серьезного сопротивления со стороны Гарольда. Как и следовало ожидать, количество фактически предоставленных кораблей очень по-разному указывается разными авторами. Довольно любопытно, что наиболее вероятная, поскольку и самая низкая, оценка сделана очень поздним авторитетом, нормандским поэтом Уэйсом, который говорит, что когда он был мальчиком, его отец сказал ему, что шестьсот девяносто шесть кораблей

собрались в Сен-Валери. До нас также дошло несколько заявлений о вкладе, который крупные бароны Нормандии внесли во флот, которые, вероятно, верны по существу, хотя списки отличаются друг от друга, а итоговые данные, которые они подразумевают, превышают скромные цифры, представленные Уэйсом.^[106] Похоже, что два сводных брата Вильгельма возглавляли список: Роберт де Мортен получил сто двадцать кораблей, Одо из Байе - сто. Графы Эвре и Э, оба члена герцогской семьи, снарядили восемьдесят и шестьдесят кораблей соответственно. Уильям Фиц Осберн, Роджер де Бомон, Роджер де Монгомери и Хью д'Авранш выделили по шестьдесят кораблей каждый; Хью де Монфор - пятьдесят. Два человека, которые не упоминаются в последующей истории, некий Фульк Хромой и некто Джеральд, которого, хотя и называли сенешалем, трудно идентифицировать при дворе Вильгельма, подарили по сорок кораблей каждому. Тридцать кораблей были предоставлены Уолтером Гиффардом и Вулгрином, епископом Ле-Мана; и Николасом, аббатом Сент-Уана и сыном герцога Ричарда III. пожертвовали двадцать. Интересной фигурой в списке является Реми, будущий епископ Линкольна, который в 1066 году был всего лишь раздавателем милостыни в аббатстве Фекан, но тем не менее предоставил корабль и укомплектовал его двадцатью рыцарями. Герцогиня Матильда сама снабдила корабль под названием "*Мора*", который должен был перевезти ее мужа. Один факт достаточно ясно бросается в глаза на поверхности этого списка — большая часть флота была поставлена родственниками Вильгельма и людьми, которые, как мы знаем, пользовались его непосредственным доверием, и важно, что в этом кратком отчете мы можем узнать только тех людей, которые получили наибольшую добычу на завоеванной земле. Среди этих немногих имен представлены будущие графства Кент, Шрусбери, Херефорд, Честер, Бекингем, Уорик и Лестер. Несомненно, остальная нормандская знать так или иначе вносила свой вклад пропорционально ее богатству, но мы только что подсчитали почти восемьсот судов, и ясно, что в таком важном вопросе, как флот, Вильгельм нашел полную поддержку среди своих родственников и личных друзей.

Насколько это утверждение справедливо по отношению к армии Завоевания - это вопрос, на который у нас нет подробных способов ответить. Несомненно, лорды Монфор, Лонгвиль, Монгомери и их товарищи привели полный состав своих вассалов на сбор герцога, но существенным фактом в составе армии Вильгельма является ширина территории, из которой она была набрана. Со всех концов французского королевства и из многих мест за его пределами стекались добровольцы, чтобы пополнить нормандское войско. Бретань поставляла наибольшее количество таких добровольцев, а следом за Бретанью шла Фландрия, но слава об экспедиции Вильгельма распространилась за пределы Альп, и нормандские государства в Южной Италии и на Сицилии прислали своих представителей.^[107] И этот сложный характер армии, сражавшейся при Гастингсе, имел глубокие и устойчивые результаты. Спустя сто лет после завоевания Генрих II. все еще будет рассылать письма, адресованные своим баронам и вассалам "на французском и английском языках", и терминология здесь отражает факт реальной важности. Линия расового различия, которая была чрезвычайно важна в Англии конца XI века, проходила не между англичанами и норманнами, а между англичанами и французами. Англия пала не перед какой-либо провинцией, какой бы могущественной она ни была, французского королевства, а, по сути, перед всей франкоговорящей Европой, и своим падением она сама стала частью этого целого. Почти сто лет Англия колебалась между французским и скандинавским миром; события 1066 года окончательно привели ее под влияние южных идей в религии, политике и культуре.

Французских вспомогательных войск Вильгельма часто описывали как авантюристов, и в каком-то смысле они, несомненно, были авантюристами. Но на это слово не следует давить,

чтобы подразумевать, что они принадлежали к социальному рангу, более низкому, чем их нормандские коллеги или английское королевство, которое они должны были вытеснить, — не должно быть и речи о “конюхах и поварях из-за моря”^[108] в этой связи. В социальном плане рыцаря или дворянина из Бретани или Пикардии мало что отличало от норманнов вроде Роберта д'Ойли или Генри де Феррерса; и какими бы грубыми ни казались нам их представления о комфорте и утонченности, у нас нет никаких оснований предполагать, что Вигод Уоллингфордский или Точи, сын Оути, опережали их в этом отношении. Как и сами норманны, французы бесконечно различались по месту происхождения. Некоторые из них были младшими сыновьями знатных домов, некоторые принадлежали к мелкому баронству, некоторые - к более крупному; графа Юстаса Болонского из вежливости можно было бы назвать правящим принцем. Некоторые из самых известных имен в последующей истории могут быть прослежены до этого происхождения — Уолтер Тирел был лордом Пуа в Понтье, Жильбер Гентский был предком средневековых графов Линкольнов. Но лучший способ осознать преобладание этого ненорманского элемента среди завоевателей Англии - ознакомиться с одним из списков, который составители “Книги страшного суда” приложили к обзору каждого графства, указав имена его землевладельцев, и отметить долю “французов” среди чистокровных норманнов. В Нортгемптоншире, например, среди сорока трех арендаторов-мирян встречаются шесть фламандцев, три бретонца и два пикарда, и Нортгемптоншир в этом отношении является типичным графством.

Во время или примерно во время проведения Лиллебонского собора есть основания полагать, что между Вильгельмом и Гарольдом передавались послания относительно выполнения судьбоносной клятвы. Совершенно очевидно, что Вильгельм потребовал отречения от короны и немедленной женитьбы Гарольда на своей дочери, согласившись взамен утвердить его в графстве Уэссекс, что, вероятно, и имеется в виду, когда наши риторические информаторы сообщают нам, что Вильгельм пообещал подарить половину королевства своему сопернику. Такие переговоры были обречены на провал; Гарольд зашел слишком далеко, чтобы отступить, даже если бы у него было такое намерение, и целью Уильяма, делавшего эти предложения, могло быть только поддержание в глазах мира вида законного претендента, лишённого своего наследства. Также мы можем быть совершенно уверены, что строительство флота не прерывалось во время хода переговоров.

Трудности правления Гарольда начались рано. Слабость его положения проявилась с самого начала в отказе Нортумбрии признать его королем, отказ, весьма возможно, спровоцированный графом Моркар, от которого нельзя было ожидать особой лояльности по отношению к новой династии. Совершив специальное путешествие в Йорк, Гарольду удалось на время заставить замолчать оппозицию, и его брак с Элдгит, сестрой графов Эдвина и Моркар, который с вероятностью можно датировать примерно этим временем,^[109] вполне возможно, был направлен на примирение великого мидлендского дома. Это, безусловно, послужило бы определенным утверждением того, что Гарольд не имел намерения выполнять ту часть своей клятвы Вильгельму, которая обязывала его жениться на дочери герцога, и мы не можем сомневаться, что Гарольд осознал целесообразность рождения наследника своей короны с наименьшей возможной задержкой. Во всяком случае, он, по-видимому, наслаждался несколькими неделями спокойствия после своего визита в Йорк, когда получил безошибочное сообщение о надвигающейся буре, которая была не менее зловещей, поскольку ее непосредственные результаты были незначительными.

Тостиг, лишённый собственности граф Нортумбрии, провел зиму 1065-6 годов, как мы видели, с Балдуином Фландрским,^[110] факт, который наводит на размышления, когда мы

вспоминаем отношения между Балдуином и Вильгельмом Нормандским. Очевидно, что Тостиг провел период своего изгнания, разрабатывая планы своего восстановления, и тот факт, что его брат, став королем, не осмелился или не захотел отозвать его, неизбежно сделал его добровольным инструментом политики Вильгельма. Соответственно, в начале 1066 года Тостиг переехал из Фландрии в Нормандию, появился при дворе герцога и подтолкнул его к вторжению в Англию. Вполне возможно, что он присутствовал на ассамблее в Лилебонне; один писатель заходит так далеко, что утверждает, что аргументы Тостига в значительной степени способствовали убеждению нормандской знати предпринять это предприятие,^[111] и Уильям, возможно, извлек некоторое небольшое преимущество из того факта, что он мог указать на одного человека высокого ранга среди английской нации в качестве сторонника. Но, по-видимому, Тостиг не желал дожидаться развития планов своего хозяина и в мае отправился из Котантена в собственную экспедицию, намеревавшуюся опустошить английское побережье. Сначала он высадился на острове Уайт, где жители откупились от него деньгами и провизией, а затем отплыл, опустошая побережье Сассекса и Кента, пока не добрался до Сандвича. В Сэндвиче он собрал небольшой отряд моряков, но в то же время известие о его экспедиции было доведено до его брата в Лондоне, который немедленно отправился к побережью Кента. Однако, прежде чем он смог достичь Сандвича, Тостиг снова двинулся на север и, наконец, вошел в Хамбер с шестьюдесятью кораблями, совершая набеги на побережье Линдси. Получив это известие, графы Эдвин и Моркар, созвав местный фюрд, отправились с ним к Хамберу и вынудили Тостига укрыться на его кораблях. В этот момент Тостиг был покинут жителями Сандвича, на которых он произвел впечатление, и, поскольку его флот теперь сократился до двенадцати кораблей, он направился в Шотландию и, как нам сказали, провел лето у короля Малькольма.^[112]

Тщетный рейд Тостига интересен сам по себе тем, что он дает нам представление об английской обороне непосредственно перед вторжением норманнов. Свидетельства "Книги Страшного суда" показывают, что англосаксонский король постоянно имел в своем распоряжении какие-то военно-морские силы, и мы знаем, что Гарольд построил и укомплектовал ряд кораблей, чтобы защитить Ла-Манш от своего нормандского соперника, но, по какой бы причине английский военно-морской флот в этот критический год показал себя крайне неэффективным.^[113] Простой авантюрист, не имеющий сколько-нибудь значительной иностранной помощи и местной поддержки в Англии, Тостиг все еще мог безнаказанно сеять опустошение по половине английского побережья. История экспедиции Тостига читается как возрождение одного из датских набегов девятого века — враг разграбляет город, вызванные фирды спешат на место и обнаруживают, что налетчики только что ушли грабить ближайший незащищенный населенный пункт. Очевидно, что береговая оборона Англии, несмотря на весь горький опыт датских войн, не достигла реального прогресса со времен Альфреда, и не будет несправедливым отметить, что этот факт не ставит в заслугу государственную мудрость Гарольда. Он сам был изгнанником и сделал ставку на власть, совершив пиратский набег на Англию, очень похожий на нынешнюю экспедицию Тостига. Если бы он действительно обладал властью, то в течение последних десяти лет правления Исповедника, которую ему обычно приписывают, для него не было бы невозможным создать военно-морские силы, достаточно сильные, чтобы противодействовать подобным попыткам в будущем. События 1066 года являются прекрасной иллюстрацией влияния морской мощи в истории; если позволят ветер и погода, захватчик мог высадить армию в Англии в любое удобное для него время и в любом месте. Что касается самого Тостига, то его экспедиция была достаточно позорной, но еще до истечения года он заслужил бессмертие своей причастностью к последнему великому вторжению скандинавов в Англию и той ролью, которую ему суждено сыграть в великолепной саге о Стэмфордбридже.

Летний визит Тостига в Шотландию, должно быть, был прерван другим путешествием на большее расстояние, за которым последовали самые важные последствия. Очень возможно, что он был недоволен той немедленной поддержкой, которую его притязания получили от Вильгельма Нормандского; во всяком случае, теперь он обратился к принцу более высокого ранга, с более беспокойным духом и с еще более разнообразным опытом в военном искусстве. Хотя в этой истории есть хронологические трудности, которые здесь обсуждать нельзя, не может быть никаких реальных сомнений в том, что Тостиг лично приплыл в Норвегию, был принят Гарольдом Хардрадой и подстрекал самого воинственного короля Европы к вторжению в Англию. На самом деле вполне вероятно, что Гарольд Хардрада, как и Вильгельм Нормандский, предпринял бы свою попытку, даже если бы Тостиг никогда не появился на сцене; переход английской короны к подданному дому в то время, когда в хронической войне между тремя скандинавскими державами наступило временное затишье, мог бы напомнить королю Норвегии, что он сам мог бы, если бы захотел, выдвинуть достойный предлог для авантюры, которая, несомненно, принесла бы ему славу и могла соперничать с подвигами Свегена и Кнута.^[114] Масштабы приготовлений, которые Гарольд Хардрада, очевидно, предпринял для своего предприятия, сами по себе предполагают, что они не зависели от представлений изгнанного графа Нортумбрии, в то время как, с другой стороны, Тостиг играет слишком заметную роль в норвежских традициях экспедиции, чтобы мы могли отвергать его путешествие в Норвегию как простой миф, и его присутствие, возможно, оказало некоторое влияние на определение цели захватчиков когда однажды они коснулись берегов Англии.

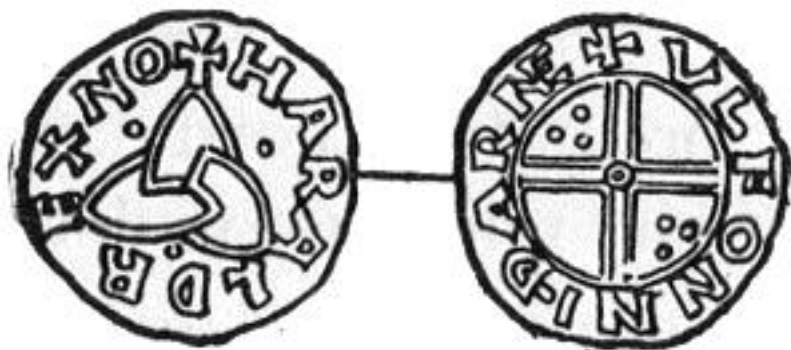
Обратившись с апелляцией к Гарольду Хардраде, Тостиг вернулся в Шотландию и начал набирать там отряд добровольцев за свой счет. В начале сентября король Норвегии отплыл из Согне-фьорда близ Бергена прямо на запад, к подвластному графству Оркнейские и Шетландские острова, где к нему присоединились Пауль и Эрлинг, два совместных графа, и большое подкрепление островитян.^[115] С Оркнейских островов Гарольд без происшествий доплыл до Тайна, где к нему, согласно договоренности, присоединился Тостиг со своими шотландскими вспомогательными силами, а затем объединенные силы направились к побережью Йоркшира и начали наступательные операции, разорив Кливленд. Продвигаясь на юг, захватчики столкнулись с безрезультатным сопротивлением в Скарборо и вдоль побережья Холдернесса, но смогли обогнуть Спурш-Хед без какого-либо противодействия со стороны английского флота. Хамбер и внутренние воды Йоркшира были открыты для Гарольда, и, по-видимому, когда норвежский флот поднялся вверх по реке Уз, английский флот отступил к пристани, поскольку Гарольд предпочел высадиться в Риколле, деревне примерно в пяти милях ниже слияния этих рек. Риколл был выбран в качестве штаб-квартиры флота, который мог легко заблокировать в этот момент любую попытку английских судов вырваться в открытое море, в то время как Гарольд и его армия шли прямо на Йорк. В Фулфорде, в двух милях от города, захватчики встретились с королевством Йоркшир под командованием графов Эдвина и Моркара, и поражение местных войск привело к капитуляции Йорка четыре дня спустя. Город не был разграблен; заложники^[116] между Гарольдом и людьми Йорка был произведен обмен, и вполне возможно, что в ожидании дальнейших поручительств от остальной части графства король переехал из своего нового завоевания в ничем не примечательную деревню Стэмфордбридж.

На следующий день в Йорк прибыл сам король Англии Гарольд. Новости о том, что происходило в Йоркшире, должно быть, доходили до Лондона с необычайной быстротой, поскольку сражения при Фулфорде и Стэмфордбридже происходили, как отмечали люди того времени, с интервалом в пять дней друг от друга. Гарольд обладал постоянным ядром армии в знаменитом отряде "хускарлов", которые проживали при его дворе, и с ними он

пронесся по большой дороге из Лондона в Йорк, взяв с собой столько местного ополчения графств, через которые он проезжал, что оно случайно попало в линию его марша. В Тадкастере, где северная дорога пересекает Пристань, он нашел и осмотрел английский “флот”, и в понедельник, 25 сентября, через день после того, как Гарольд Хардрада вступил в столицу Нортумбрии, она открыла свои ворота Гарольду Английскому. В это время Гарольд мог сделать едва ли больше, чем пройти через город, ибо в тот же день он преодолел десять миль, отделяющих Йорк от Стэмфордбриджа, и неожиданно напал на норвежскую армию, разбросанную в полной неподготовленности по обоим берегам Дервента. Норвежцы на правом, или йоркском, берегу Дервента были сброшены в реку атакой англичан, а затем произошел странный инцидент, запись о котором, как ни странно, сохранилась только в хрониках отдаленного монастыря Абингдон. Для англичан было важно овладеть мостом, перекинутым через реку непроходимую, прежде чем норвежцы на левом берегу успеют построиться в боевую линию, и нам говорят:

“Был один из норвежцев, который противостоял англичанам так, что они не смогли перелезть через мост и одержать победу. Затем один из англичан выстрелил стрелой, и это ничего не дало, а затем под мостом появился другой и ударил его ножом под кольчугой, и тогда английский король Гарольд перешел мост и его армия вместе с ним”.^[117]

У нас нет подробностей борьбы, которая, должно быть, разгорелась на возвышенности, на которой стоит современная деревня Стэмфордбридж, и мы не знаем с уверенностью, как пали Гарольд Хардрада и Тостиг, но ясно, что результатом боев того дня стала безоговорочная победа англичан; люди, которые были оставлены командовать норвежским флотом в Рикколле, были готовы принять мир от Гарольда, и им разрешили отправиться на своих кораблях в Норвегию. Гарольд действительно в этой великой битве проявил себя достойным наследником короны западносаксонских королей, и странная судьба распорядилась так, что последняя победа в трехвековой борьбе между англичанами и норманнами досталась не потомку Эгберта или Альфреда, а английскому королю, который сам был наполовину норманномец по крови. Но более странная судьба распорядилась так, что через неделю был свергнут последний великий захватчик с севера и открыта новая эра для Англии с приходом еще более великого захватчика из-за Ла-Манша. Гарольд Хардрада пал в Стэмфордбридже в понедельник, Вильгельм Нормандский высадился в Певенси в четверг.

Пенни Гарольда Хардрады

ГЛАВА V

ПОДГОТОВКА К ЗАВОЕВАНИЮ И БИТВА При ГАСТИНГСЕ

Весна и лето 1066 года, должно быть, были временем беспокойной деятельности Уильяма и тех, кто был связан с ним в подготовке к великому осеннему предприятию. Строительство флота продвигалось вперед, и добровольцы из родственных государств постоянно прибывали для включения в нормандскую армию; об этом мы можем судить из того факта, что к августу и флот, и армия были готовы к экспедиции, но мы почти ничего не знаем о собственных передвижениях Вильгельма в этот промежуток времени. Пятнадцатого июня в Бонневиле состоялся собор, на котором Ланфранк был назначен настоятелем нового фонда Уильяма в Кане Святого Стефана, а три дня спустя Сисели, старшая дочь Уильяма и Матильды, была официально посвящена в религиозную жизнь на освящении дома ее матери, сестринского монастыря Святой Троицы. Мотивы, побудившие герцога и герцогиню завершить свои религиозные начинания, были широко распространены среди нормандских баронов. Завоеватели Англии предстают в несколько непривычном свете, когда мы читаем хартии, которыми они даровали или подтверждали земли, каждый своему любимому монастырю, “когда герцог Вильгельм отправлялся за море”. Было полностью осознано, что предприятие может закончиться полной катастрофой; предусмотрительный аббат Мармутье, например, на случай непредвиденных обстоятельств добился от Роберта, наследника Нормандии, по просьбе его отца подтверждения всех даров, которые последний предоставил дому во время своего правления.^[118]

Светские дела Нормандии в это время также были благоразумно улажены. Матильда была назначена регентшей, и ее поддерживал совет под председательством Роджера де Бомона, человека в возрасте и с опытом, а также личного друга герцога. Без сомнения, если бы Вильгельм погиб в Англии, Роберт наследовал бы ему, но, хотя сейчас он был достаточно совершеннолетним, чтобы добровольно подтвердить земельные наделы своего отца, он явно был недостаточно взрослым, чтобы взять на себя управление герцогством во время междоусобицы. Тот факт, что сама экспедиция обеспечила работой большую массу воинов Нормандии, обещал бы спокойное правление Матильды и ее советников, и действительно, мы не слышим о каких-либо беспорядках, происходивших в герцогстве, пока Вильгельм находился за Ла-Маншем.

К концу августа флот, наконец, был готов и стоял в устье залива, готовый в любой момент поднять паруса.^[119] Армия также была готова к отправке, и единственное, чего не хватало экспедиции, - южного ветра, чтобы отнести флот к побережью Сассекса. Но по крайней мере в течение шести недель южный ветер не дул, и каждая неделя промедления стократно увеличивала трудности Уильяма. Ничто не могло быть более обескураживающим для армии авантюристов, чем неделя за неделей вынужденного бездействия; и тот факт, что Уильям был способен поддерживать идеальный порядок среди войск, только часть которых была прямо подчинена ему как феодальному лорду, предполагает, что он обладал лидерскими качествами, которые были не очень распространены среди капитанов его времени. Во время не одного критического момента в своей жизни Уильям уже показал, что может сохранять свою душу в терпении до тех пор, пока не наступит момент, когда можно будет нанести удар, и ему, должно быть, удалось передать что-то от этого духа своим войскам во время их бдения у Пикирования. В более определенной работе комиссариата мы знаем, что он проявил себя мастером; ибо во время неожиданной задержки недостатка в провизии не ощущалось ни разу, и немногие армии XI века могли оставаться в течение месяца в одних и тех же местах, не будучи вынужденными добывать себе средства к существованию грабежом. Биограф Уильяма справедливо отмечал тот факт, что безоружные жители окрестностей могли ходить

взад и вперед, не дрожа, когда видели отряд солдат;^[120] и до того, как задача обеспечения армии регулярными средствами стала невозможной, западный ветер помог флоту добраться до точки, которая предлагала более короткий переход в Англию, чем тот, который был представлен к своей первоначальной станции во время Погружения.

В графстве Понтье, которое вошло в группу нормандских вассальных государств, когда граф Ги стал "человеком" Вильгельма после битвы при Мортемере, устье Соммы служило отличной естественной гаванью под городом Сен-Валери. Переход от устья Дайва, по-видимому, прошел без происшествий, и Уильям со своими войсками вступил во владение своим новым жилищем двенадцатого сентября. В течение более чем двух недель ситуация, казалось, никоим образом не улучшалась; ветер, который нес Гарольда Хардраду вниз по побережью Йоркшира, держал Уильяма взаперти в устье Соммы. Погода была холодной и шквалистой, и у нас есть современное описание того, как Уильям продолжал наблюдать за флюгером на церковной башне и как он радовался, когда на мгновение шторм повернул его на север.^[121] Напряжение ожидания теперь начинало сказываться на армии:

“Простые солдаты, как это часто бывает, начали роптать в своих палатках, что этот человек, должно быть, безумец, если хочет завоевать чужую страну, что его отец предлагал сделать то же самое и был сбит с толку таким же образом, что судьба семьи - стремиться к вещам, которые им недоступны, и искать Бога для своего врага”.^[122]

Было очевидно, что необходимо что-то предпринять, чтобы ослабить господствующее напряжение, и выбранная мера была характерна для того времени; мощи святого покровителя города были с большой торжественностью вынесены из церкви, а ларец, в котором они находились, был выставлен для принятия молитв и подношений герцога и его армии. Результатом стало убедительное доказательство силы костей святого Валерия; без дальнейших промедлений подул южный ветер.^[123]

В тот же день началась погрузка нормандской армии, причем работы велись как можно быстрее в явном опасении, что ветер может снова переменить направление на прежнее. Наступила ночь, прежде чем все было готово и прежде чем герцог, в последний раз посетив церковь Святого Валерия, отдал свои последние распоряжения на нормандском берегу. Было важно, чтобы флот не рассеялся в темноте, поэтому каждому судну было приказано нести фонарь особой мощности, украшающий верхушку мачты собственного корабля герцога. С той же целью было приказано флоту встать на якорь, как только он выйдет из устья Соммы, и ожидать дальнейших приказаний. Глубокой ночью флот простоял за пределами гавани, и было еще темно, когда экспедиция отважилась наконец выйти в открытые воды Ла-Манша. Огромное скопление кораблей, каждый из которых вез тяжелый груз лошадей в дополнение к грузу вооруженных людей, неизбежно опережала беспрепятственная галера, которая несла Уильяма навстречу его судьбе; и когда забрезжил рассвет, герцог обнаружил, что находится вне поля зрения остальной части флота и еще не в пределах видимости английского берега. В этих обстоятельствах Уильям бросил якорь и позавтракал, “как это было в его собственном доме”, - говорит один из его спутников; и под влиянием вина, которым изобиловала “Мора”, его настроение поднялось, перспективы его предприятия казались золотыми в утреннем свете, и он сказал слова ободрения своим спутникам. И, наконец, матросы доложили, что в поле зрения начала появляться остальная часть флота; четыре корабля, которые сначала появились вместе на горизонте, становились все больше и больше, пока наш информатор с богатым воображением не убедил впередсмотрящего, что мачты флота видны на море, как лес.^[124] Затем герцог в последний раз снялся с якоря, и южный ветер, по—прежнему не стихавший, в девять утра занес его и его флот в залив

Певенси; это был канун дня Святого Михаила - по удачной случайности, ибо архангел был высоко почитаем на нормандской земле.

Высадка Вильгельма была совершенно бесспорной; удача, которая, как мы заметили, сопровождала его экспедиции в ее дипломатической предыстории, сопровождала и военным деталям. В летние месяцы Гарольд, используя, насколько мог, устаревшую военную систему Англии, вызвал фюрда и выставил вдоль южного побережья войска, которые, какими бы беспомощными они ни были в решающем сражении с нормандским рыцарством, могли бы доставить значительные неудобства Вильгельму, если бы были на виду в момент его высадки. С мая по сентябрь побережье Сассекса в целом, Гастингс и Певенси в частности, охранялись сельскими войсками графства.^[125] Наконец, примерно в то время, когда Уильям переезжал из Дайва в Сент-Валери, терпение и провизия фюрда лопнули одновременно; крестьян держали вдали от их домов в четыре раза дольше обычного срока службы, и ничего не происходило, и они отказались больше оставаться на страже. Вероятно, они в любом случае не повлияли бы на конечный результат, и нам не нужно винить Гарольда за то, что он не смог удержать их вместе; но этот факт является еще одной иллюстрацией безнадежной неэффективности старого английского государства. А затем, за неделю до высадки Вильгельма, Гарольд собрал всех профессиональных солдат, какие только были в Англии, и потратил их в борьбе не на жизнь, а на смерть в Стэмфордбридже. Гарольд Хардрада пал, но его свержение привело к истощению военных ресурсов Англии, и это была разбитая, хотя и победоносная армия, которая отдыхала с Гарольдом Годвинсоном в Йорке, когда прибыл беглец из Сассекса, чтобы сообщить, что Вильгельм Нормандский высадился и что юг находится в его власти.

Первые действия Вильгельма в Англии были очень обдуманными. Его непосредственной заботой было укрепить свои позиции в Певенси и таким образом защитить свой флот от неожиданностей. В Певенси, как впоследствии и в Линкольне, линия римских стен могла быть использована при строительстве замка,^[126] который был возведен в течение дня; и, таким образом, подобно своим скандинавским предкам, обеспечив себе операционную базу на случай неблагоприятного развития событий, Уильям двинулся к Гастингсу, который должен был стать его операционной базой до конца войны. кампания.^[127] Таким образом, в Гастингсе был возведен еще один замок, здание, как и почти все замки, построенные за двадцать лет, последовавших за Завоеванием, состоящее просто из насыпи с деревянными укреплениями наверху и рвом и одним или несколькими внешними укреплениями внизу. Гастингс - отправная точка многих дорог; факт, который, без сомнения, во многом объясняет выбор Уильямом этого города в качестве своей штаб-квартиры; поскольку он мог легко снабжаться припасами из соседней страны, и он очень удобно располагался в качестве базы для нападения на Лондон.

Мужчины восточного Сассекса вскоре почувствовали на себе давление армии вторжения. Большинство деревень в окрестностях Гастингса, как записано в книге "Судный день", были "опустошены" в какой-то период между смертью короля Эдуарда и 1066 годом, и связь между этими признаками разорения и лагерем Уильяма в Гастингсе достаточно очевидна. Но маловероятно, что Уильям пытался совершить какой-либо систематический набег на этот район, подобный тому, который три года спустя он с мрачным успехом осуществил в местности за Хамбером; деревни Сассекса, как правило, полностью восстановили свое былое процветание ко времени проведения великого обследования. Прохождение групп фуражиров по земле, требующих провизии, которую не слишком охотно предоставили бы, и других инцидентов средневековой захватнической войны достаточно, чтобы объяснить обесценивание такого рода, о котором идет речь. Сам Гарольд, приближаясь к Гастингсу,

оставил следы своего похода в аналогичных случаях временного опустошения, и нет никаких оснований предполагать, что Уильям предпринял преднамеренный набег на Сассекс, чтобы спровоцировать Гарольда на генеральное сражение.^[128]

ЗДАНИЕ ЗАМКА ГАСТИНГС С ГОБЕЛЕНА ИЗ БАЙЕ

Уильям, действительно, пока вряд ли мог знать результат матча на "Стэмфордбридже" с какой-либо степенью уверенности. Слухи о великой битве на севере, без сомнения, постепенно просачивались в Сассекс в течение недели после события, но в течение нескольких дней после своего прибытия в Гастингс Уильям не мог игнорировать возможность того, что в конечном итоге на краю холмов может появиться норвежское войско. Однако определенные новости в какой-то неустановленный день были доставлены Уильяму сообщением из неожиданных источников.^[129] Роберт, сын Ваймарка, бретонский рыцарь, который каким-то неизвестным образом мог претендовать на родство как с Вильгельмом, так и с Эдуардом, был "конюшим" последнего и стоял вместе с Гарольдом и Стигандом у смертного одра короля. Неизвестно, действительно ли он присутствовал в битве при Стэмфордбридже; но вскоре после битвы он отправил гонца к Вильгельму, чтобы посоветовать ему как можно скорее отступать в Нормандию, пока с ним не случилось чего-нибудь похуже. Сообщение гласило, что Гарольд уничтожил огромные силы короля Норвегии, который сам был храбрейшим человеком в мире, и что теперь, вдохновленный победой, он поворачивается против герцога с огромной и воодушевленной армией. Довольно неблагоприятно Роберт продолжал добавлять, что норманны не могли сравниться с англичанами ни численностью, ни храбростью, и что Вильгельму, который до сих пор всегда проявлял осторожность, следовало бы немедленно отступить или, во всяком случае, оставаться в пределах своих укреплений и избегать сражения в открытом поле. Этому благонамеренному человеку Уильям ответил, что его единственным желанием было подраться с Гарольдом, что, хотя совет Роберта мог быть выражен лучше, он все же поблагодарил его за это и что, если бы с ним было всего десять тысяч человек вместо шестидесяти тысяч,^[130] он никогда бы не отступил, не отомстив своему врагу. Не исключено, что послание Роберта действительно было инспирировано самим Гарольдом, и по одному или двум выражениям в ответе Уильяма мы, возможно, можем заключить, что он подозревал

именно это; хотя можно подумать, что Гарольд, который кое-что видел о своем сопернике в прошлые годы, не мог надеяться избавиться от него простым запугиванием. Как бы то ни было, интересно обнаружить Роберта, видного представителя класса, который подвергся большому насилию из-за предполагаемого отсутствия патриотизма по отношению к принятой им стране, играющего роль, которая так замечательно исполняет его долг перед королем и родственником.

У нас есть два поэтических рассказа о том, как известие о высадке Вильгельма было доведено до Гарольда в Йорке. Уэйс, нормандский поэт XII века, рассказывает, как сассекский “шевалье” услышал крики “крестьян и вилланов”, когда флот приближался к берегу, и как, привлеченный шумом, он вышел, спрятался за холмом и лежал там, пока не закончились работы по высадке и не был разрушен замок в Певенси; затем с копьем и мечом, днем и ночью, поскакал в Йорк, чтобы сообщить королю новости о том, что он видел.^[131] Гай, епископ Амьенский, написавший вскоре после события, сообщает, что новость о прибытии норманнов принес деревенский житель из Гастингса, а не Певенси; и подробности, которые рассказаны Гарольду, относятся к опустошениям, причиненным захватчиками близ Гастингса, а не к самой высадке.^[132] Возможно, эти две истории не совсем несовместимы друг с другом; но нам нет необходимости пытаться примирить их здесь, принимая во внимание несомненный факт, что Гарольду сообщили о высадке Вильгельма примерно через три дня после события.

В этот критический момент Гарольд действовал с поразительной энергией. Взяв с собой своих верных хаскарлов, отряд, к сожалению, сильно поредевший в битве, произошедшей несколькими днями ранее, он поспешил на юг через Тэдкастер, Линкольн, Стэмфорд и Хантингдон, тем же маршрутом, которым в обратном направлении следовал на прошлой неделе; теперь, как и тогда, он привлекал к своим силам фюрдские владения графств, через которые проезжал. Эдвину и Моркару было приказано повысить налоги в своих графствах, и в их ожидаемое отсутствие правительство севера было поручено Марлесвегену, шерифу Линкольншира,^[133] англичанину, который остается немногим больше имени в повествовании о Завоевании, но который, если бы Гарольд одержал победу при Гастингсе, вероятно, сыграл бы важную роль в истории последующих лет. Насколько Гарольд действительно верил в верность северных графов, неизвестно; они не проявляли явных признаков недовольства в течение последних месяцев, с тех пор как он женился на их сестре. С другой стороны, учитывая давнее соперничество между его домом и их семейством и их вероятную долю в трудностях Нортумбрии в начале его правления, Гарольд, возможно, не совсем удивился тому, что Эдвин и Моркар, по словам Флоренс Вустерской, “вышли сами и их люди из конфликта”. При самых благих намерениях им было бы трудно присоединиться к нему вовремя к началу битвы; им было бы нелегко собрать фюрд из всех графств между Хамбером и Твидом, с одной стороны, и между болотами и Северном, с другой, и привести войска в Лондон за те пять дней, которые Гарольд провел там. Ибо 11 октября,^[134] через две недели после битвы при Стэмфордбридже Гарольд выступил из Лондона в свой последний поход к Сассекс-даунс.

Это интересное, но не очень прибыльное предположение о том, насколько оправданно было Гарольду ставить все на исход одной битвы с захватчиками. С нашими знаниями о том, что произошло, естественно осуждать его; он был осужден общим мнением историков следующего поколения, и очень возможно, что их приговор верен. С другой стороны, мы не можем не чувствовать, что очень мало знаем о реальных фактах этого дела; даже на существенный вопрос об относительной численности английской и нормандской армий нельзя ответить с какой-либо степенью точности. Можно с большой долей вероятности

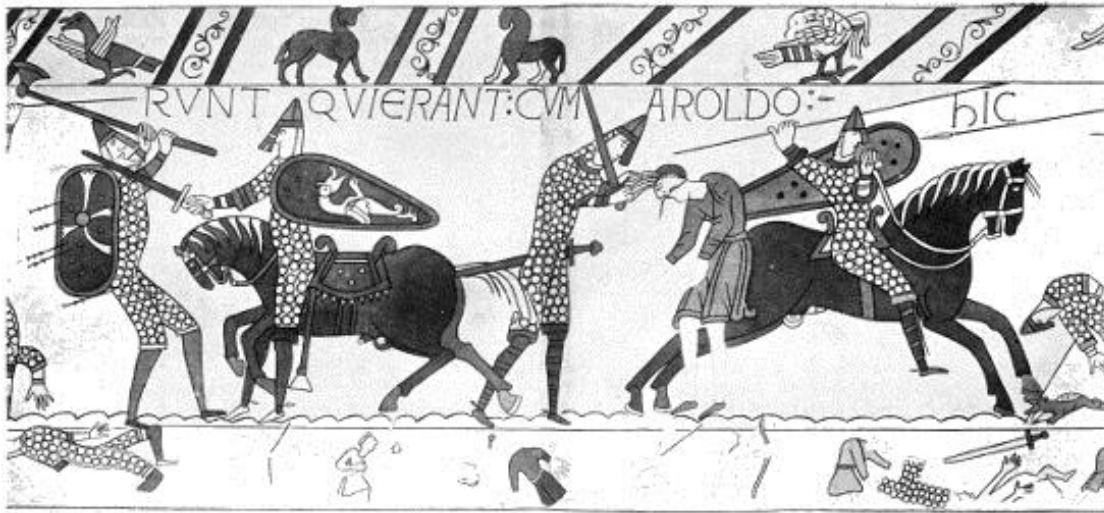
утверждать, что самым мудрым решением для Гарольда было бы позволить Уильяму воздействовать своей волей на несчастных жителей Сассекса, доверившись времени и национальным чувствам, которые, вероятно, будут возбуждены опустошительными действиями захватчика, чтобы привлечь на свою сторону подавляющее численное превосходство. Мы можем быть уверены, что именно так поступил бы сам Уильям в подобном случае, но Гарольд, вероятно, по натуре был неспособен играть в выжидательную игру такого рода. Его способности, насколько мы можем судить, заключались во внезапных нападениях и неожиданностях; более обдуманные приемы командования были чужды его темпераменту. И тогда остается фактом, что лояльность Мерсии и Нортумбрии была, по меньшей мере, сомнительной; задержка со стороны Гарольда могла означать только то, что Эдвин и Моркар со своими войсками успели бы эффективно перейти на сторону Вильгельма, в то время как еще одна великая победа так скоро после Стэмфордбриджа поставила бы Гарольда в положение, с которого на какое-то время он мог бы бросить вызов всем соперникам. Во всяком случае, он сделал этот шаг и поплатился за неудачу.

Но, что бы мы ни думали об общей мудрости стратегии Гарольда, невозможно отрицать, что он продемонстрировал полководческую оценку тактических возможностей местности, на которой он решил подвергнуть испытанию судьбу Англии. После форсированного марша через густые леса, которые в то время покрывали Сассекские холмы, король остановил свою армию на бесплодном горном хребте в семи милях к северо-востоку от города Гастингс. Из всех рассказов о предстоящем столкновении ясно, что хребет, о котором идет речь, был совершенно свободен во время битвы; и когда английские хронисты желают описать это место, они могут только сказать нам, что Гарольд и Уильям встретились “у белой яблони”.^[135] Сила позиции определялась не столько общей возвышенностью местности, которая ни в какой точке не достигает высоты более 300 футов над уровнем моря, сколько тем фактом, что она была окружена очень холмистой местностью, сильно изрезанной ручьями, и что ее физические особенности оказывали естественную поддержку расположению армии, успех которой зависел от ее способности к стойкому сопротивлению. Позиция, несомненно, была выбрана Гарольдом с целью вынудить своего врага к немедленному сражению; ибо Вильгельм не мог продвинуться ни на восток, ни на запад от Гастингса, не подвергнув свою базу нападению англичан; и Гарольд, который знал, что главная сила нормандской армии заключалась в ее отрядах всадников в кольчугах, был осторожен, предлагая сражение на участке, где кавалерия была бы размещена на местности в естественном невыгодном положении.^[136]

Исходя из характера дела, получилось так, что мы располагаем очень скудной информацией ни о численности английской армии, ни о деталях ее формирования в день сражения. Нормандские писатели, на которых мы вынуждены полагаться, естественно, преувеличили первое, и ни один выживший из английской армии не описал порядок ее боевого построения хронистам Вустера или Питерборо. В недавних исследованиях великой битвы проявляется сильное нежелание предоставлять английскому или нормандскому войску более чем небольшую долю численности, которая была присвоена ему тридцать лет назад.^[137] Очень маловероятно, что Уильям повел в бой 15 октября 1066 года более 6000 человек, и есть веские основания сомневаться, что рыцарская часть его армии могла превышать 5000 человек. Каким бы незначительным ни казалось это последнее число, каждый человек, вошедший в него, был умелым бойцом; но английские войска в основном состояли из крестьян, прибывших из графств, через которые Гарольд промчался в своем великом походе из Йорка в Лондон после битвы при Стэмфордбридже, и даже в этом случае далеко не факт, что местные силы были материально сильнее армии вторжения. Что касается его распределения, мы знаем, что английская боевая линия казалась норманнам выпуклой при

их приближении с юго-востока,^[138] и вполне вероятно, что она тянулась примерно на 800 ярдов вдоль боевого холма, фланги которого были сильно отведены назад, чтобы упираться в крутой берег, ограничивающий гребень с севера. Несомненно, что английские войска были выстроены в чрезвычайно сомкнутом порядке, и естественно предположить, что Гарольд разместил ядро своей армии, хускарлов, которые пережили Стэмфордбридж, в первых рядах; разместив свои низшие войска в тылу, чтобы поддержать хускарлов в сопротивлении натиску нормандской кавалерии.^[139] На самой высокой точке всей линии, месте, теперь отмеченном высоким алтарем церкви Баттла аббатства, Гарольд водрузил свой штандарт; и именно вокруг штандарта битва была наиболее ожесточенной, и после семи часов борьбы король, наконец, пал.

Говоря о полководческом мастерстве, проявленном соперником Гарольда в этом случае, важно остерегаться ассоциаций, вызываемых современной военной терминологией. По крайней мере, если мы говорим о нем как о стратеге или тактике, нам следует помнить, что стратегия и тактика сами по себе достигли лишь зачаточной стадии развития в Северной Европе в XI веке. Недавние исследования битвы при Гастингсе, единственного сражения того периода, о котором мы располагаем значительным количеством подробной информации, выявили тот факт, что войско Вильгельма было слишком крепким и неповоротливым, чтобы выполнять сложные эволюции, благодаря которым раньше считалось, что день был выигран.^[140] Мы совершили бы серьезную ошибку, если бы предположили, что нормандская армия обладала той мобильностью и способностью к согласованным действиям среди своих нескольких дивизий, которые принадлежали к войскам, возглавляемым Тюренном или Мальборо. Феодальные сражения в большей степени определялись простыми столкновениями больших масс людей, чем их маневрами на поле боя: мастерство великого феодального военачальника заключалось главным образом в его способности выбрать позицию таким образом, чтобы дать своей стороне предварительное преимущество в шоке сражения; помимо примера его личной доблести, он имел лишь небольшое влияние на последующую судьбу дня. В данном случае Вильгельм был вынужден сражаться на территории, выбранной его противником; и это первоначальное невыгодное положение стоило норманнскому вождю потери неопределенного количества его лучших войск, и даже после того, как исход сражения был решен, английское сопротивление затянулось до наступления ночи, положившей конец борьбе. С другой стороны, у английского войска была одна фатальная слабость, которая, должно быть, была распознана другой стороной еще до начала сражения. Тот факт, что Гарольд, для всех эффективных целей, был совершенно не обеспечен ни лучниками, ни кавалерией, подвергал его армию методу атаки, который он был совершенно неспособен парировать, а расположение боевой линии норманнов показывает, что Вильгельм с самого начала рассчитывал на успех благодаря этому преимуществу. Битва при Гастингсе была выиграна благодаря сочетанию стрельбы из лука и кавалерии против пехоты, единственный шанс которой на успех заключался в возможности сохранить свой строй неразрушенным до тех пор, пока не будут исчерпаны силы наступления.^[141]

СМЕРТЬ ГАРОЛЬДА (С ГОБЕЛЕНА ИЗ БАЙЕ)

Ранним утром 14 октября нормандская армия выступила из Гастингса и продвинулась вперед по семи милям пересеченной местности, которая лежала между английской армией и морем. Марш, должно быть, был трудным делом, и быстрота, с которой он был совершен, поразительна.^[142] В точке, отмеченной современной деревней Телхэм, дорога из Гастингса в Баттл проходит по холму, который возвышается примерно на 350 футов над уровнем моря, и с него открывается вид на позиции англичан. Вероятно, на дальней стороне этого холма Вильгельм остановился, дождался, пока его разрозненные войска соберутся вместе, а затем выстроил их в боевом порядке. В первой линии он разместил свою легковооруженную пехоту, которая, вероятно, составляла очень незначительную часть его армии и не была снабжена защитным снаряжением. Этим низшим войскам на смену пришла пехота более высокого класса, защищенная доспехами, но, подобно легковооруженным стрелкам в первых рядах, вооруженная только луками, стрелами и пращами. Функция пехоты в предстоящем столкновении заключалась в том, чтобы досаждала англичанам своими снарядами и соблазнять их сломать свои ряды. Наконец, подошли основные силы нормандской армии, кавалерийские эскадроны, на которых возлагалась задача атаковать английскую линию после того, как она была поколеблена снарядами предыдущих шеренг.^[143] Далее вся армия была разделена на три большие дивизии: коренные норманны составляли центр, бретонцы под командованием Алана, сына графа Эона Пентьеврского, образовывали левое крыло, а французские добровольцы - правое.^[144] В центре всей линии наступления, нормандского аналога английского штандарта, несло священное знамя, которое Вильгельм получил от папы римского.^[145]

Марш из Гастингса был совершен так быстро, что настоящие боевые действия начались около девяти утра^[146] наступлением пехоты норманнов. Измученные шквальным огнем лучников, на который можно было очень неэффективно отвечать только копьями и камнями, которые были почти единственным метательным оружием англичан, часть туземных войск покинула свой строй, вопреки строгим приказам Гарольда о том, что ни один человек не должен покидать свой пост. Тем временем нормандская кавалерия неуклонно продвигалась вперед, чтобы немедленно воспользоваться беспорядком, вызванным огнем лучников в английских рядах. Но рыцари могли лишь медленно вести своих лошадей вверх по склону; прочность английского строя пока серьезно не пострадала, и кавалерия была вынуждена атаковать непрерывным строем. Результатом стала катастрофа. Бретонские вспомогательные силы слева отступили, замешательство быстро распространилось, и

англичане, воспользовавшись своим преимуществом, сделали вылазку и погнали всю линию норманнов перед собой в стремительном бегстве вниз по склону.^[147] К счастью, Вильгельм лично не участвовал в этой первой атаке, и когда в панике норманны поверили, что их предводитель пал, они вскоре пришли в себя при виде герцога с обнаженной головой, размахивающего копьем и выкрикивающего слова упрека и ободрения.^[148] Находясь верхом, летающие рыцари могли без особых трудностей опередить своих преследователей, но, если мы можем доверять гобелену из Байе, несколько англичан и норманнов погибли вместе во время полета, упав в глубокую впадину в земле, расположенную где-то между подножием холма и постом герцога. Согласно тому же источнику, епископ Байе оказал хорошую услугу в этот момент, восстановив порядок среди носильщиков багажа и сопровождающих по лагерю, которые, по-видимому, заразились паникой, охватившей их хозяев.^[149] Бегство герцога и его брата было остановлено, а затем рыцари, жаждущие отомстить за свой позор, сплотились, развернулись и отрезали преследователей от их товарищей на холме, устроив массовую резню.^[150] В основном благодаря самообладанию Уильяма разгром норманнов, в конце концов, завершился явным успехом его команды.

Как только кавалерия перестроилась, атака на английские позиции возобновилась; на этот раз под непосредственным руководством герцога. Битва у подножия холма дала его защитникам время сомкнуть свои ряды, и англичане продолжали представлять непреодолимый фронт для нормандской кавалерии. На всем протяжении линии фронта несколько часов бушевала отчаянная борьба, но о ее деталях невозможно рассказать, хотя вполне вероятно, что именно в этот момент битвы пали Гирт и Леофвин, братья Гарольда, и есть веские основания полагать, что первый был сражен рукой самого герцога. Вильгельм, действительно, во всех наших источниках представлен как жизнь и душа атаки, “чаще призывающий своих людей наступать, чем приказывающий им наступать”, - говорит Вильгельм из Пуатье; под ним были убиты три лошади до конца дня, и он сделал все, что мог сделать феодальный военачальник, чтобы сохранить единство своих войск и вдохновить их своим примером. Но, несмотря на его усилия, очевидно, что англичане более чем держались самостоятельно,^[151] и второй отпор, нанесенный таким образом нормандской кавалерией в конце дня, почти наверняка привел бы к разгрому всей армии. В этот критический момент какому-то хитроумному уму, будь то герцогу или кому-то другому, пришло в голову, что можно было бы симулированным бегством соблазнить английские войска нарушить свой строй, а затем, развернувшись на подходящей местности, повторить успех, который утром положил конец настоящему бегству. Движение было осуществлено легко; отряд норманнов ускакал, и толпа англичан, невзирая ни на что, кроме облегчения от немедленного напряжения, связанного с поддержанием своих рядов, бросилась вниз с холма, выкрикивая проклятия и крики победы. В этих обстоятельствах невозможно было сохранить дисциплину, и когда скачущие рыцари внезапно рассредоточили свой строй, развернули своих лошадей и окружили беспорядочную толпу своих преследователей, последние были сбиты с ног и десятками изрублены в куски.^[152]

КАТАСТРОФА На ФОССЕ, БИТВА При ГАСТИНГСЕ С ГОБЕЛЕНА ИЗ БАЙЕ

Конечно, невозможно оценить действительный размер потерь, понесенных англичанами в эпизоде притворного бегства, но не может быть никаких сомнений в том, что его успех знаменует поворотный момент в судьбе дня. Ни один инцидент в великой битве не произвел более глубокого впечатления на историков, которые описали его для нас, и история о притворном бегстве рассказывается в различных повествованиях с большим разнообразием обстоятельств и деталей. Но из рассказов писателей, живших ближе всего к тому времени, мы можем с достаточной уверенностью заключить, что рассматриваемый маневр был внезапной мерой, разработанной и осуществленной без предварительной организации, а также что это было простое, а не комбинированное движение. Вся затея с заманиванием англичан с холма, нападением на них, а затем окружением их была работой одного и того же отряда рыцарей. С другой стороны, вероятно, некорректно говорить о притворном бегстве в единственном числе, поскольку наш авторитетный источник четко утверждает, что одна и та же стратегия использовалась дважды^[153]; бои шли на фронте протяженностью не менее полумили, и разные части нормандской армии вполне могли осуществлять движение в разное время, и совершенно независимо друг от друга друг о друге. Как бы то ни было, эффект маневра вскоре стал очевиден. Английская линия фронта, хотя и сократилась численно, сомкнула свои ряды и сохранила свой строй, зажатая так плотно, что раненые не могли отстать в тыл, и даже мертвые тела не падали на землю. Но превосходящая выносливость нормандских войск начинала сказываться; англичане быстро падали духом,^[154] и окончательной победы Вильгельма ждало только уничтожение короля Гарольда и воинов, которые сражались с ним под знаменем.

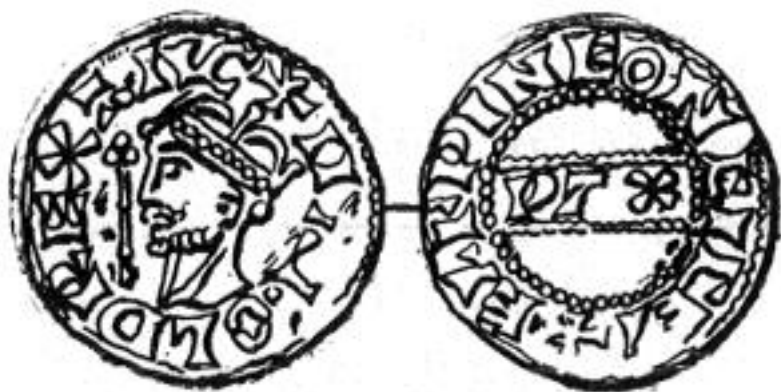
Атака, которая окончательно сломила сопротивление английской линии, по-видимому, была предпринята с какой-то точки к юго-востоку от холма.^[155] Битва продолжалась уже семь или восемь часов, и начинали опускаться сумерки,^[156] но ее приближение могло только напомнить потрясенным остаткам туземного воинства, что день потерян, и конец великой битвы был теперь очень близок. Именно в последней беспорядочной схватке, бушевавшей вокруг знамени в угасающем свете, Гарольд встретил свою смерть; и тогда его товарищи, измотанные и потерявшие надежду на подкрепление, сдали позиции, которые они так долго защищали, и отступили на северо-запад вдоль перешейка, который соединяет холм битвы с более высокими грядами холмов за ним. Победители бросились в погоню по горячим

следам, но странный случай дал Гарольду в самый смертный час возможность отомстить людям, от рук которых он только что пал. Немного западнее первоначальной позиции английской армии один из истоков Астена прорезал глубокий овраг, восточный склон которого был настолько крутым, что представлял собой настоящую ловушку для любого неосторожного всадника, который попытался бы спуститься по нему верхом. В сгущающейся темноте рыцарь за рыцарем, скакавшие за беглецами-англичанами, совершенно не зная местности, падали в этот овраг; и имя Мальфосс, которое на протяжении средневековья носил этот овраг, свидетельствует о масштабах бедствия, постигшего победоносную армию в этом месте.^[157] Гарольд, после того как он потерял жизнь и королевство, все еще был оправдан на земле, которую он выбрал в качестве места битвы.

Поздно ночью Уильям вернулся на поле боя и разбил там свою палатку. Не могло быть никаких сомнений в том, что он одержал безоговорочную победу; его соперник был мертв, туземная армия уничтожена; он вполне мог позволить себе дать своим войскам необходимый отдых. Начало следующего дня было потрачено на погребение погибших норманнов; работа велась под непосредственным присмотром герцога. Англичане, жившие по соседству, вскоре в большом количестве пришли на поле боя и просили вернуть тела их павших сородичей, которые им разрешили унести для погребения; но невестребованные трупы остались разбросанными по холму. Вскоре тела Гарольда, Гирта и Леофвина были найдены лежащими рядом; но труп Гарольда был ужасно изуродован, и, согласно более поздней романтической истории, опознать его удалось только по определенным отметинам на теле, которые были известны любовнице покойного, Эдит с Лебединой шеей. Ближе к концу следующего дня после битвы Вильгельм вернулся в свой замок в Гастингсе, забрав с собой тело Гарольда для погребения на берегу в неосвященной земле, как подобает отлученному от церкви, и срочное послание от Гиты, вдовы Годвина, предлагавшей за тело своего сына на вес золота, нисколько не поколебало его намерений.^[158] С характерной иронией Уильям заметил, что вполне уместно, чтобы Гарольд после смерти был назначен хранителем берега и моря, которые он пытался защищать при жизни; и тело мертвого короля, завернутое в пурпурную мантию, было спрятано с глаз долой где-то среди скал на берегу залива Гастингс. Более поздняя традиция действительно утверждала, что Гарольд вскоре был переведен из этой неосвященной могилы в гробницу в храме Святого Креста в Уолтеме, который он основал тремя годами ранее^[159]; но авторитет, на который опирается эта история, не самый лучший, и, несмотря на все, что мы действительно знаем об обратном, последним коренным королем Англии по-прежнему является король Англии. страж Сассекского берега.

Гарольд, превыше всех королей в истории Англии, за возможным исключением Ричарда III. и Карла I., был счастлив в обстоятельствах своей смерти. Таким образом, он получил немедленное освобождение от выполнения невыполнимой задачи и получил возможность искупить личные амбиции, которые управляли его прошлой жизнью, связав их в момент своего падения с делом национальной независимости Англии. Историки могли сожалеть об исходе битвы при Гастингсе только потому, что она свергла Гарольда прежде, чем он смог доказать безнадежность положения, в которое сам себя поставил. Какие шансы были у него, человека неопределенного происхождения и сомнительного прошлого, завершить работу, которая одолевала всех королей до него: работу по примирению антагонизма севера и юга, по приданию королевскому слову первостепенного значения в королевском совете, по превращению провинциальной знати Англии и ее иждивенцев в подданных короля и только короля? Вполне возможно, что такая задача оказалась бы не по силам ни одному туземному королю, даже происходящему из незапамятного рода Сердигов; как мог ее выполнить амбициозный граф, действительно облеченный королевской властью, но стесненный в ее

осуществлении ожесточенным соперничеством людей, которые раньше были его согражданами; чье происхождение было более знатным, чье богатство едва ли меньшим, кто, выступая против его правления, мог полагаться на бесконечные запасы местного патриотизма, единственный источник политической силы, который содержала страна? Для гения, действительно, все возможно, но приписывать гениальность этому заурядному графу средних лет значило бы совершать явное насилие над значением слов. Гарольд всегда будет занимать почетное место в летописи английской истории; но этим местом он обязан исключительно событиям последнего месяца своей жизни, когда ужасная необходимость напрячь все свои способности, которыми он обладал, для поддержания своего пошатнувшегося трона пробудила в нем остроту восприятия и быстроту действий, которых его небогатая событиями карьера графа Уэссекса никогда бы не вызвала к жизни. Гарольд, несомненно, был лучшим капитаном, которого видела Англия со времени смерти Эдмунда Айронсайда, всего за пятьдесят лет до битвы при Гастингсе; но работа, за которую взялся Гарольд, потребовала бы совсем иных сил, чем те, которые он так неожиданно проявил накануне своей смерти. Вильгельм Завоеватель, наделенный от природы способностями великого правителя, возможно, не имеющего аналогов в английской истории; превосходящий его тем фактом, что он победил все местные распри, которые отвлекали англосаксонскую политику; и обладающий уникальными возможностями изменить социальные и имущественные особенности английской жизни; смог создать сильное и единообразное правительство в Англии только после трех лет почти непрерывающейся войны, превращения трети Англии в дикую местность и принципиальной перестройки всей структуры английской администрации, гражданской и военной. Если вспомнить, что сопротивление Вильгельму было оказано в основном на почве не национальных чувств, а местного партикуляризма, и что эти силы, несомненно, сговорились бы против Гарольда, как впоследствии сговорились против его соперника, мы можем только заключить, что судьба была благосклонна, убив Гарольда в пылу битвы за благородное дело, вместо того, чтобы обречь его на распад своего королевства, на фактическое бессилие, сменявшееся лишь спазматическими вспышками бесплодной гражданской войны.

Пенни Гарольда II.

ГЛАВА VI ОТ ГАСТИНГСА ДО ЙОРКА

Какой бы катастрофической ни казалась нам битва при Гастингсе сейчас, в свете более поздней истории, ее решающий характер не был сразу признан национальной партией.

Сама непоследовательность англосаксонского государственного устройства принесла видимое преимущество национальному делу, поскольку поражение одной части нации от захватчика оставило остальную часть страны сравнительно незатронутой этим фактом. Войны Эдмунда Айронсайда и Кнута, произошедшие пятьдесят лет назад, показывают нам, как группы графств одно за другим предпринимали отдельные попытки остановить продвижение врага, и мало кто уже тогда мог понять, что приход Вильгельма Нормандского означал внедрение новых методов ведения войны, которые сделали бы безнадежными обычные методы англосаксонского полководчества. На самом деле ни одна из сторон не понимала другую. Вильгельм, со своей стороны, ожидавший, что полное свержение английского короля с его армией повлечет за собой немедленное подчинение всей страны, занял свою квартиру в Гастингсе на следующий день после битвы, чтобы принять поклоны всех тех англичан, которые могли лично прийти, чтобы признать его своим господином. Пять дней без единой капитуляции научили его, что плоды победы не попадут в его руки без дальнейших потрясений, а тем временем английская знать начала разрабатывать планы дальнейшего сопротивления его притязаниям во имя другого национального короля.

Кто должен быть этим королем, было первым вопросом, который требовал решения. У дома Годвинов не было надежды сохранить английскую корону: события последних трех недель оказались фатальными для всех оставшихся в живых сыновей старого графа, за исключением Вульфнота младшего, и он, скорее всего, был пленником или заложником в Нормандии.^[160] Единственный законный сын Гарольда, скорее всего, еще не родился; у него было по крайней мере три внебрачных сына достаточного возраста, но их кандидатура, если бы кто-нибудь ее предложил, безусловно, была бы неприемлема для церковников, от которых зависело дать окончательную санкцию на любой выбор, который мог быть сделан. Оставалось две альтернативы: либо можно было вернуться к старой западносаксонской линии в лице Эдгара Этелинга, либо новая династия могла быть начата заново путем избрания Эдвина или Моркара. Единственным преимуществом, которым обладал первый, сейчас, как и ранее в этом году, был тот факт, что его избрание не нарушило бы местный партикуляризм какой-либо части страны; для Уэссекса, Мерсии и Нортумбрии не было бы невозможным объединиться вокруг него ради общего дела. Не было ничего естественного в том, что в этот час сокрушительной катастрофы умы людей невольно обратились к последнему наследнику мужского пола их древних королев. Помимо этих соображений, было кое-что, что можно было сказать в пользу выбора одного из северных графов. Должно было быть ясно, что Мерсии и Нортумбрии придется принять на себя основную тяжесть любого сопротивления, которое впоследствии может быть оказано захватчику, войска которого уже оккупировали восточные графства графства Уэссекс и который, несомненно, вскоре нанесет удар по самому Лондону. Но успех правления Гарольда был не таков, чтобы требовать повторения эксперимента с его избранием. Эдгар Этелинг был избран королем, и два брата-графа удалились в Нортумбрию, воображая в своих мыслях, как говорит Уильям Малмсберийский, что Уильям никогда туда не придет.^[161]

Этот мотив придает их уходу интерес, который теряется, если мы рассматриваем его просто как акт предательства национального дела. Не может быть никаких сомнений в том, что Эдвин и Моркар намеревались разделить королевство между собой и Вильгельмом, и, по крайней мере, сомнительно, не имел ли такой план лучшей перспективы на успех, чем попытка вернуть всю землю королю, у которого не было личных лидерских качеств, и который никогда не мог надеяться привязать к себе те местные настроения, в которых заключалась единственная реальная сила национальной партии. Идея разделенного королевства ни в коем случае не была химерической. Еще живущие старики помнили раздел, установленный Олнейским мирным договором между Эдмундом Айронсайдом и

Кнутом, и ни для кого не было признаком крайней глупости предполагать, что в течение недели после битвы при Гастингсе Вильгельм, сведя счеты с Гарольдом, может довольствоваться наследственным графством Уэссекс, принадлежащим его сопернику, оставив север Англии его нынешним правителям. В то время нельзя было ожидать, что кто-либо поймет, до какой степени политические идеи Вильгельма отличались от идей Кнута; не нужно также предполагать, что Эдвин и Моркар ошибались относительно реальности чувства местной независимости в двух своих великих графствах, хотя они, возможно, и переоценили военную ценность. В случае с Нортумбрией, действительно, даже после того, как присутствие Вильгельма стало ощущаться во всех уголках страны, такой проникательный наблюдатель, как архиепископ Ланфранк, настаивал на подчинении Йоркского престола Кентерберийскому на том основании, что независимый архиепископ Йоркский может канонически посвятить в сан независимого короля Нортумбрии.^[162] Чего не хватало плану, так это не местного сепаратизма, а мастерства и последовательности в достижении цели, которые одни могли бы привести его к успеху. Ни позорный провал Эдвина и Моркара, с одной стороны, ни высокопарные фразы чиновников канцелярии о “Британской империи”, с другой, не должны закрывать нам глаза на тот факт, что Англия была единой только номинально, пока сильное правление ее нормандских лордов не сделало слово короля таким же законом в Йоркшире, как и в Миддлсексе.

В то время как английские лидеры избавлялись от своей короны, Уильям целенаправленно следовал своим курсом на Лондон по маршруту, примерно параллельному побережью Кента и Сассекса. Его задержка в Гастингсе не была потрачена впустую; это позволило его войскам оправиться от напряжения и волнения великой битвы, а также дало ему возможность получить крайне необходимое подкрепление из Нормандии. 20 октября, через шесть дней после битвы, начался второй этап завоевания; Уильям с основной частью своей армии выступил из Гастингса, оставив гарнизон в недавно построенном замке, и двинулся маршем через границу Кента в Ромни. Жители последнего места вырезали отряд нормандских солдат, высадившихся там по ошибке перед битвой при Гастингсе; и самая известная фраза, написанная первым биографом Завоевателя, рассказывает о том, как Уильям при Ромни “отомстил, как хотел, за смерть своих людей”.^[163] Таким образом, убедившись на собственном примере в неразумности сопротивления, пятнадцатимильный марш между Кентиш-даунс и морем привел Уильяма к величайшему порту и сильнейшей крепости южной Англии, гавани и замку Дувр. Основание замка, вероятно, было работой Гарольда, в то время графа Уэссекса, и, стоя на самом краю знаменитых утесов, нависающих над морем, крепость занимала место, которое англичанам казалось неприступным, а норманнские свидетели этой кампании считали его очень грозным.^[164] Замок был битком набит беглецами из окрестностей, но его гарнизон не стал дожидаться официального требования о его сдаче. Вероятно, впечатленные тем, что произошло накануне в Ромни, они встретили Уильяма на полпути с ключами от замка, и капитуляция была должным образом завершена, когда армия прибыла в Дувр. В интересах и намерении Вильгельма было обойтись с городом, который так легко подчинился, как можно мягче, но солдаты, возможно, подозревая, что добыча из богатого морского порта будет утаена, на этот раз вышли из-под контроля, и город был подожжен. Вильгельм попытался возместить ущерб, нанесенный горожанам, но считал невозможным наказать нарушителей так, как он хотел, и закончил тем, что изгнал несколько англичан из их домов и поместил на их место членов своей армии.^[165] В Дувре было проведено восемь дней, в течение которых укрепления замка были доведены до улучшенного уровня, а затем Уильям снова отправился “основательно, чтобы сокрушить тех, кого он покорил”. Но перед своим отъездом он устроил в замке госпиталь для солдат-инвалидов, поскольку дизентерия, причиной которой в то время считалось чрезмерное употребление свежего мяса и незнакомой воды, нанесла ущерб армии.^[166]

Со сдачей Дувра коммуникации Вильгельма с Нормандией были прочно обеспечены, и теперь он двинулся прямо к предназначенной ему столице по римской дороге, которая тогда, как и во все периоды английской истории, служила главной линией сообщения между Лондоном и портами Кента. Кентерберги были первым важным местом на этом пути, и его жители последовали благоразумному примеру жителей Дувра. Не успел Вильгельм удалиться далеко от Дувра, как кентерберийцы прислали гонцов, которые присягнули ему на верность, дали заложников и — акт, который был более недвусмысленным признанием его права на корону — принесли ему обычную выплату, ежегодно причитающуюся от города королю. С этого момента, действительно, у Вильгельма не было причин жаловаться на малочисленность сдающихся; кентийцы, как нам говорят, столпились в его лагере и воздавали почести, “как мухи, садящиеся на рану”.^[167] Но ровный ход его успеха был внезапно прерван. В последний день октября он поселился в месте, смутно описанном Вильгельмом Пуатье как “Разрушенная башня”, и был там поражен тяжелой болезнью, из-за которой целый месяц не мог выехать из окрестностей Кентерберги. Но, если мы можем доверять хронологии наших властей, именно во время этой вынужденной задержки Вильгельм получил в подчинение столицу Уэссекса. Винчестер в то время несколько утратил свое высокое положение при западносаксонских королях; вместе с некоторыми другими городами он был подарен Эдуардом Исповедником своей жене Эдгит в качестве части ее брачного соглашения, и теперь это было немногим больше, чем резиденция вдовствующей королевы. По этому поводу нам говорят, что Вильгельм считал, что с его стороны было бы неприлично выступать в поход и брать город силой и оружием, поэтому он удовлетворился вежливой просьбой о верности и “дани”. Эдгит довольно благодушно согласилась, посоветовалась с видными горожанами и добавила свои подарки к тем, которые были принесены Уильяму от имени города.^[168] Это готовое представление было фактом значительной важности. Винчестер находился на пути захватчика, целью которого был Лондон, и, если бы не его болезнь, Уильям едва ли мог позволить себе расстаться с отрядом своей маленькой армии, достаточно многочисленным, чтобы обеспечить уверенный захват города. И все же старая столица была древнейшим и почетным городом, в котором находился дворец саксонских королей, в котором, вероятно, хранились королевские сокровища и регалии; и его сдача при показном одобрении вдовы короля Эдуарда была полезным признанием притязаний Вильгельма на звание истинного наследника саксонской династии. В своих отношениях с Винчестером примеру Завоевателя последовали Уильям Руфус, Генрих I и Стефан, хотя первостепенная необходимость для них захватить королевские сокровища в критический момент их спорного наследования заставила каждого из них лично посетить королевский город.^[169]

После своего выздоровления, в начале декабря или около того, Вильгельм возобновил наступление на Лондон. Несомненно, Рочестер мирно сдался, но у нас нет информации ни об этом, ни о каких-либо других деталях долгого похода, пока он не привел Завоевателя на расстояние удара к Лондону. Очевидно, что Лондон был подготовлен к сопротивлению, а узкий проход по мосту, единственному способу переправы через реку в этом месте, делал город практически неприступным с юга. Вильгельм был не из тех, кто стал бы тратить ценные войска на серию безнадежных атак, когда мог бы возобладать менее затратный метод, и в данном случае он просто послал отряд из пятисот рыцарей на разведку. Таким образом, отряд англичан испытал искушение совершить вылазку, но был отброшен через мост с большими потерями, Саутуорк был сожжен дотла,^[170] и Уильям приступил к повторению плана, который оказался столь успешным в штате Мэн тремя годами ранее. Отказавшись от всех попыток взять город штурмом, он сделал большой крюк на запад, и его путь можно достаточно четко проследить в Книге Страшного суда по разрушениям, от которых большая часть Суррея и Беркшира так и не оправилась полностью двадцать лет спустя. Наконец

Темзу переправили в Уоллингфорде, и именно там Уильям получил представление первого англичанина высокого ранга, осознавшего, что национальное дело обречено. Стиганд, раскольнический архиепископ Кентерберийский, отдал дань уважения и поклялся в верности, явно отказавшись от своей верности Эдгару Этелингу, в злополучных выборах которого он сыграл ведущую роль.^[171] Слабость канонической позиции Стиганда, которая, несомненно, была бы поставлена под сомнение, если бы Уильям когда-либо прочно воссел на трон, сделала для него целесообразным просить о благосклонности исключительно ранним представлением, и не менее важной политикой Уильяма было милостивое принятие оммажа от человека, который был, по крайней мере, номинальным главой церкви в Англии. Вероятно, ни одна из сторон не находилась в каком-либо заблуждении относительно мотивов другой; но Стиганд, которому позволили пользоваться своим плюрализмом и присвоенными церковными землями еще на три года дольше, не остался без награды за то, что в критический момент отказался от национального дела.

Точное время и место, когда остальные английские лидеры присягнули на верность, довольно неопределенны. Распределение земель, которые, как предполагает Судный день, подверглись преднамеренному опустошению примерно в это время, дает основания предполагать, что даже когда Уильям находился на лондонском берегу Темзы, он не двинулся прямо на город, а продолжал придерживаться северо-восточного курса, не поворачивая на юг, пока не распространил разрушения на средний Бакингемшир и юго-западный Бедфордшир. Следующий особый эпизод в процессе завоевания произошел в месте, названном “Вустерской хроникой” “Беорчем”, где Вильгельму была принесена присяга на верность с размахом, доказывавшим, что теперь, наконец, его продуманная политика достигла намеченного результата и что партия его соперника распалась на части, не осмелившись оспорить вердикт, вынесенный при Гастингсе в открытом поле. Избранный король Эдгар и архиепископ Элдред Йоркский с епископами Вустерским и Херефордским, а также ряд наиболее важных граждан Лондона “со многими другими встретились с ним [Уильямом], отдали заложников, выразили свое подчинение и поклялись ему в верности”. И Уильям из Пуатье рассказывает нам, что, когда армия только показалась в виду Лондона, епископ и другие магнаты вышли, сдали город и умоляли Уильяма принять корону, говоря, что они привыкли повиноваться королю и что они хотели бы иметь короля своим господином. . Естественно, возникает искушение объединить эти два эпизода, но это можно сделать, только отказавшись от старого отождествления “Беорхэма” с Грейт-Беркхэмпстедом, в тридцати милях от Лондона, и предположив, что капитуляция произошла, когда армия появилась на окраине Хартфордширского Чилтерн, возвышающегося над долиной Темзы, в пятнадцати милях от возвышенности Литтл-Беркхэмпстед близ Хартфорда.^[172]

Каким бы ни было точное место, в котором Вильгельму было сделано предложение короны, оно было немедленно представлено им на рассмотрение начальников его армии. Перед ними были поставлены два вопроса: разумно ли было со стороны Вильгельма позволить короновать себя, когда его королевство все еще находилось в состоянии смятения, и — последнее скорее вопрос личных чувств, чем политики — не следует ли ему подождать, пока его жена не сможет короноваться вместе с ним. Помимо этих соображений, принятие английской короны было шагом, который касался собственных норманнов Вильгельма едва ли менее близко, чем его будущих английских подданных. Превращение герцога норманнского в короля Английского было процессом, в котором были жизненно заинтересованы все те норманны, которым предстояло стать членами английского государства, и Вильгельм не мог не посоветоваться с ними накануне такого уникального события. Что касается окончательного принятия короны Вильгельмом, двух мнений быть не могло: Хамон, виконт Туарский, отличившийся аквитанский доброволец, выражая

настроения армии, начал с замечания, что это была единственная цель предприятия; но далее он выступил за скорейшую коронацию на том основании, что, если бы Вильгельм однажды был коронован, сопротивление ему было бы менее вероятным и его было бы легче подавить. С совершенно непреднамеренной иронией он добавил, что мудрейшие и благороднейшие люди Англии, несомненно, никогда бы не выбрали Вильгельма своим королем, если бы не видели в нем подходящего правителя, при котором их собственные владения и почести, вероятно, приумножились бы. Чтобы предотвратить любые колебания со стороны этих “благоразумных и оптимистичных людей”, Вильгельм немедленно отправил отряд для овладения Лондоном и строительства замка в городе, в то время как сам в течение нескольких дней, которые оставались до рождественского праздника, на который он назначил свою коронацию, занимался спортом в лесистой местности южного Хартфордшира.^[173]

О дискуссиях в Лондоне, которые привели к этой безоговорочной капитуляции со стороны национальных лидеров, мы мало что знаем с уверенностью, но не исключено, что на каком-то этапе своего великого похода Уильям вступил в переговоры с некоторыми из главных людей в партии этелинга. Наш наиболее строго современный отчет об этих событиях^[174] делает окончательное представление результатом серии сообщений, которыми обменялись герцог и некий “Эсегар” Столлер, на которого как на шерифа Лондона и Мидлсекса легло бремя обеспечения обороны города. Нам дают понять, что Вильгельм отправил частное послание “Эсегару” с просьбой признать его королем и обещанием во всем руководствоваться советами последнего. Получив сообщение, Эсегар решил, что, как показали события, довольно неблагоразумно, попытаться обмануть Вильгельма; поэтому он созвал собрание старейших горожан и, изложив им предложение герцога, предложил ему притвориться, что он согласен с ним, и таким образом выиграть время, сделав ложное заявление. Нам не сообщают точных слов ответа, который был на самом деле отправлен, но нам сообщают, что Уильям разгадал план и ухитрился произвести впечатление на посланника своим собственным величием и определенной тщетностью всякого сопротивления ему до такой степени, что посланник по возвращении, просто рассказав о своем опыте, побудил жителей Лондона немедленно отказаться от дела этелингов. Эта история читается скорее как улучшенная версия некоторых более простых переговоров, но это не причина для ее полного неприятия, и мы не можем безосновательно полагать, что, помимо запугивания города своими опустошительными действиями на открытой местности, Уильям пытался ускорить дело, вмешавшись, по крайней мере, в некоторых из тех, кто удерживал против него его будущую столицу.

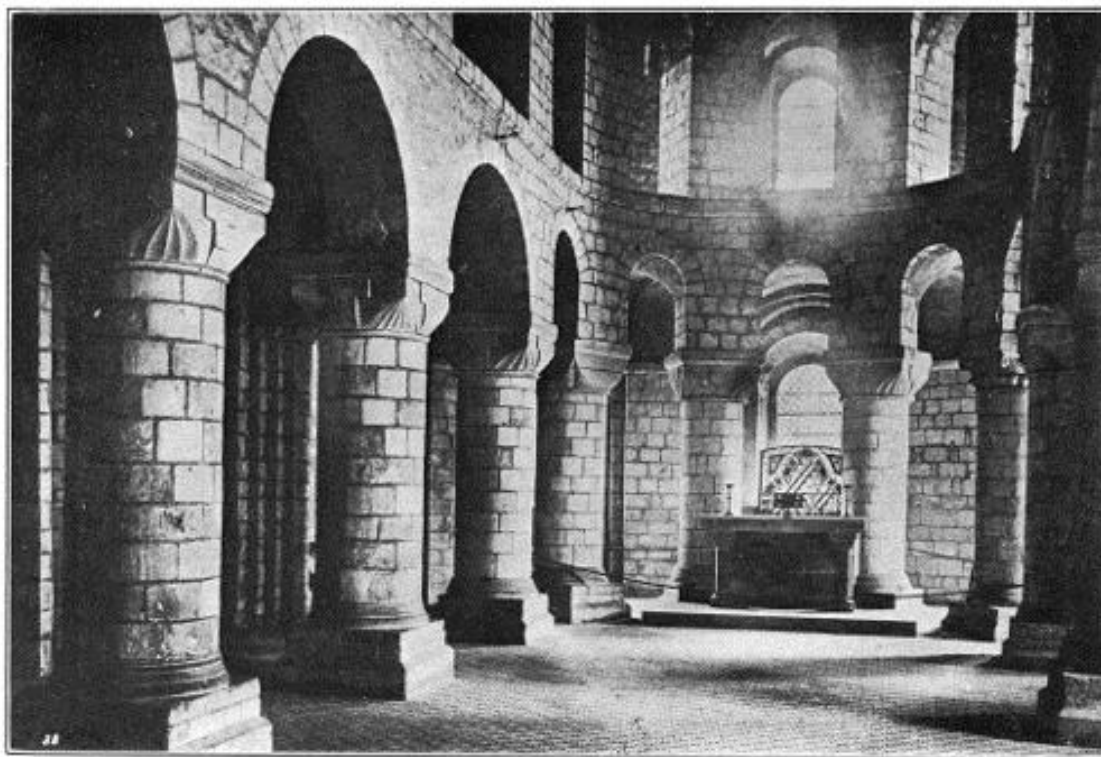
На Рождество Уильям был коронован королем Англии в Вестминстерском аббатстве архиепископом Йоркским Элдредом - явный намек на то, что оппортунистическая покорность Стиганда не поможет восстановить ему все prerogatives первенства. Церемония, казалось бы, была проведена с должным соблюдением всех обрядов, которые обычно сопровождали посвящение в сан англосаксонских королей, только в данном случае необходимо было спросить собравшихся людей как на французском, так и на английском, примут ли они Вильгельма своим королем. Архиепископ Йоркский задал этот вопрос по-английски, Джеффри, епископ Кутанский, - по-французски, и мужчины обеих рас, присутствовавшие в аббатстве, громко согласились. К сожалению, шум внутри церкви был неправильно понят охраной нормандских всадников, которые стояли снаружи, и они, вообразив, что новые подданные их герцога пытаются зарубить его перед алтарем, попытались уменьшить его непосредственную опасность, подожгли деревянные здания вокруг,^[175] и таким образом устроили диверсию. В этом они весьма преуспели; среди неопишемого смятения прихожане опрометью бросились вон из церкви, кто-чтобы спасти

свое имущество, а кто-тобы воспользоваться столь исключительной возможностью беспрепятственного грабежа. Герцог и исполняющее обязанности духовенство остались почти одни; и в опустевшем аббатстве Уильям, дрожа от волнения,^[176] стал посредством ритуала соборования и коронации полноправным преемником Альфреда и Ательстана. Но прежде чем корона была возложена на его голову, Победитель поклялся древними словами, которые, должно быть, звучали иронично среди шума и суматохи, что он защитит Божьи церкви и их правителей, будет справедливо управлять всеми подвластными ему народами, будет устанавливать и соблюдать справедливый закон и полностью запретит любое насилие и несправедливые суды.^[177] Таким образом, Церковная печать была наложена на работу, которая фактически была начата в то утро, три месяца назад, когда Уильям и его армия высадились на берег Певенси.

Беспорядки, сопровождавшие коронацию, на самом деле были результатом неправильного понимания со стороны собственных сторонников Вильгельма, но он, очевидно, чувствовал, что возможность внезапного восстания со стороны богатого и независимого города была опасностью, которую нельзя игнорировать. Соответственно, чтобы избежать всякого личного риска и в то же время поддерживать тесную связь со своей столицей, Уильям переехал из Лондона в Баркинг и оставался там, пока строилась самая знаменитая из всех нормандских крепостей, оригинальный “Лондонский Тауэр”. Скорее всего, именно во время этого пребывания в Баркинге Уильям получил дань уважения от таких видных англичан, которые не присутствовали на представлении в Хартфордширских холмах. В частности, Эдвин и Моркар, похоже, признали неизбежное в это время^[178]; коронация Уильяма королем всей Англии митрополитом Йоркским, возможно, научила их тому, что разделение королевства больше не входит в сферу практической политики. Во всяком случае, Вильгельм не думал, что для него было бы хорошо выпускать их из виду на какое-то время, и через несколько дней после Нового года они сопровождают его в качестве заложников в Нормандию.

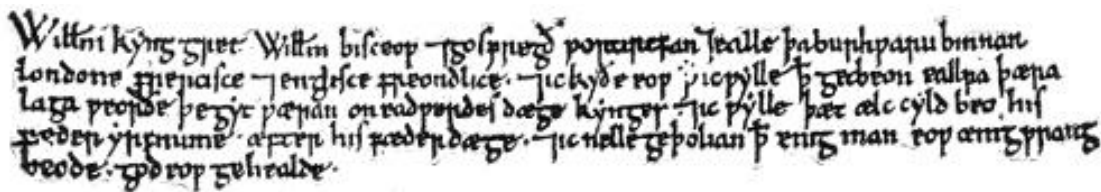
Единственное, что нам известно об общем состоянии страны в этот самый критический момент, - это отдельные судебные приказы, которые, как можно доказать, были изданы в течение нескольких недель сразу после коронации. Информация, которую они дают, весьма скудна; они, конечно, вообще не были предназначены для передачи какой-либо исторической информации, но, тем не менее, они помогают нам ответить на важный вопрос, какая часть Англии на самом деле подчинилась правлению Вильгельма к концу 1066 года, и они делают это двумя способами. С одной стороны, они были засвидетельствованы некоторыми наиболее важными людьми, как англичанами, так и норманнами, присутствовавшими при дворе Вильгельма; с другой стороны, мы можем смело оправдать Вильгельма за безрассудство посылать свои судебные приказы в графства, где не было никакой вероятности, что им подчинятся. На первом месте среди документов стоит судебный приказ, касающийся земель на границе Уилтшира и Глостершира, который показывает нам, что король Вильгельм, как и король Эдуард до него, посылал свои приказы местным властям графства — в данном случае епископам Рамсбери и Вустера, а также двум дворянам по имени Эдрик и Бритрик, с которыми, однако, тесно связан граф Юстас Булонский.^[179] С другого конца страны приходит более известный документ, в котором Уильям “по просьбе аббата Брэнда” предоставляет упомянутому аббату и его монахам из Питерборо свободное и полное владение рядом земель в Линкольншире и Ноттингемшире. Леофрик, аббат Питерборо, был смертельно ранен в битве при Гастингсе, и после его смерти монахи выбрали своим преемником ректора Брэнда. Он, не различая знамений времени, пошел и получил подтверждение от Эдгара Этелинга, о зарождающемся правлении которого это единственное зарегистрированное событие; и для этого потребовалось посредничество

“многих хороших людей” и выплата десяти марок золотом, чтобы унять гнев Вильгельма из-за такого оскорбления его притязаний. Настоящая хартия является знаком прощения Вильгельма, но для нас ее особый интерес заключается в том факте, что она показывает нам слово короля, уже данное Трентом и Хамбером, в то время как появление среди ее свидетелей “Марлсвегенского шерифа” показывает, что человек, которому Гарольд доверил командование севером, не счел нужным продолжать сопротивление новому королю Англии.^[180]

ЧАСОВНЯ СВЯТОГО ИОАННА В ЛОНДОНСКОМ ТАУЭРЕ

Гораздо больше доказательств, указывающих в том же направлении, если мы можем им доверять, может быть получено из ряда судебных приказов на английском языке, которые, по-видимому, были выданы в то время в пользу Вестминстерского аббатства.^[181] Ничто не могло быть более естественным, чем то, что Уильям в это время проявлял особую благосклонность к великому религиозному дому, в стенах которого он так недавно был коронован, и хотя язык этих документов очень искажен, а монахи Вестминстерского аббатства были опытными и успешными изготовителями поддельных хартий, у нас нет достаточных оснований осуждать настоящие судебные приказы как поддельные. И если они подлинные и правильно датированы, то являются дополнительным доказательством того, что правление Вильгельма было принято во многих графствах, которые еще никогда не видели нормандской армии. Король приветствует Леофвина, епископа Личфилдского, графа Эдвина и всех лордов Стаффордшира в одном указе; Элдреда, архиепископа, и Вульфстана, епископа, и графа Уильяма и всех лордов Глостершира и Вустершира в другом; и если бы его правление было признано в этих трех западных графствах, а также в восточных графствах, представленных документом Питерборо, подчинение срединных земель и фактически всего графства Мерсия, казалось бы, последовало бы само собой. Также стоит отметить, что ни один документ, касающийся Нортумбрии, единственной части страны, оказавшей действительно затяжное сопротивление нормандскому завоеванию, не может быть отнесен к этому раннему периоду правления Вильгельма.

ХАРТИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА I. ЛОНДОНЦАМ (В АРХИВАХ КОРПОРАЦИИ)

Таким образом, все это должно предостеречь нас от недооценки непосредственного политического значения битвы при Гастингсе. Это сделало гораздо больше, чем просто передало Вильгельму во владение земли, находившиеся под непосредственным управлением дома Годвинов; свержение национального дела, которое это подразумевало, привело к столь всеобщему подчинению Завоевателю, что, возможно, за исключением восстаний в Нортумбрии, все последующее сопротивление ему можно с достаточной точностью охарактеризовать как мятеж. Вильгельм, по-видимому, на момент своей коронации был признанным королем всей Англии к югу от Хамбера, и свидетельства, позволяющие сделать такой вывод, предполагают также, что в начале своего правления он хотел как можно меньше вмешиваться в местную систему управления. Даже в графствах, испытавших на себе его опустошительный марш, английские шерифы продолжали нести ответственность за управление своими опустошенными графствами. Эдмунда, шерифа Хартфордшира, и “Савольда”, шерифа Оксфордшира, можно найти в других произведениях серии “Вестминстер”, которые мы только что прокомментировали. За нормандским завоеванием должна была последовать почти полная смена персонала английской администрации, но эта перемена впервые ощутилась в высших правительственных ведомствах; шерифы Оксфордшира и Глостершира не были смещены, но граф Уильям Фиц Осберн, граф Юстас Булонский и епископ Одо Байе начали нести ответственность за исполнение воли короля в графствах, где они имели влияние.

К концу 1066 или началу 1067 года также должна быть отнесена хартия исключительной формы и особого конституционного значения, в соответствии с которой король Вильгельм предоставляет остров Хейлинг, расположенный между Портсмутом и Чичестером, монастырю Жюмьж. В этом документе Вильгельма заставляют называть себя лордом Нормандии и “базилевсом” Англии по наследственному праву и говорить, что, “приняв на себя управление Англией, он победил всех своих врагов”. Один из этих врагов, а именно граф Уолтеф, подтверждает хартию, о которой идет речь, и в списке свидетелей рядом с ним стоят епископ Вульфиг Дорчестерский, умерший в 1067 году, и некий Ингельрик, лотарингский священник, который, как известно, пользовался благосклонностью Вильгельма в первые годы его правления.^[182] Но именно фраза “hereditario jure” заслуживает особого внимания. Редко используемые в официальных документах в более поздние годы, когда канцелярские формулы стали стереотипными, эти слова, тем не менее, имеют как перспективное, так и рефлексивное значение. Они содержат не только изложение притязаний, в силу которых король Вильгельм “взял на себя управление Англией”, но и указание титула, под которым это управление будет передано его потомкам. Ибо, каким бы ни было право на корону в древнеанглийском государстве, начиная с нормандского завоевания оно явно стало “наследственным” в том единственном смысле, в котором этому слову можно придать какое-либо конституционное значение. Немало свидетельств, которые были приведены в пользу “выборного” владения короной в англо-нормандские и анжуйские времена, на самом деле являются созданием произвольной конструкции используемых терминов. “Наследственное право” не является синонимом права первородства; первые

слова подразумевают не более того, что в любом случае наследования определяющими факторами будут родство предполагаемого наследника с покойным правителем и известные намерения последнего в отношении его наследования. За сто пятьдесят лет, последовавших за завоеванием, было множество спорных наследств, но суть спора в каждом случае сводилась к вопросу о том, кто из двух претендентов может выдвинуть лучший титул, который не противоречил бы принципам наследования. На самый строгий закон о наследовании могут повлиять посторонние осложнения, когда речь идет о короне, и дисквалификация, которая в 1100 году была применена к Роберту Нормандскому как недееспособному отсутствующему, в 1135 году к Матильде императрице как женщине и жене непопулярного иностранца, в 1199 году к Артуру как иностранцу и несовершеннолетнему, не должна маскировать тот факт, что ни в одном из этих случаев успех конкурирующего претендента не противоречил действительности идей о наследственности. Было неизбежно, что там, где сами правила наследования были расплывчатыми и непостоянными, их применение в любом конкретном случае должно было руководствоваться целесообразностью, а не жестким соблюдением строгих форм права; и все же мы можем быть уверены, что Уильям Руфус и Генрих I, подобно Вильгельму Завоевателю, претендовали на английский трон не иначе, как “наследственно-законно”.

В Лае подача ведущих англичан продолжалась быстрыми темпами. Помимо Эдвина и Моркара, Копсидж, нортумбрийский фегн, и трое других англичан по имени Теркилл, Сивард и Элдред считались нормандскими писателями людьми достаточно важными, чтобы заслуживать упоминания по имени, и в дополнение к этим темным фигурам, как нам говорят, в это время появилось много других “дворян”.^[183] Вильгельм не обратил явного внимания на запоздалость их представлений; все они были приняты благосклонно, и среди них, весьма вероятно, должна быть жертва одной великой трагедии, которая выделяется среди всех бедствий Конкисты, Уолтеф, сын Сиварда. Уолтеф был утвержден в своем графстве Нортгемптон в Мидленде и получил особый знак милости, разрешив жениться на племяннице Завоевателя Джудит, дочери Ангеррана, графа Понтье, погибшего в засаде при Сент-Обене в 1054 году, от Аделиз, дочери Роберта Нормандского и Арлетты. Это не было единичной мерой примирения, поскольку одна из собственных дочерей Вильгельма была обещана графу Эдвину, и в целом могло показаться, что в то время любой англичанин мог рассчитывать на благосклонность, если ему хотелось засвидетельствовать почтение и умиловить нового короля денежным подарком. Последнее было существенно, и из случайного упоминания в “Англосаксонской хронике” и случайного высказывания в “Страшном суде Эссекса” был сделан вывод, что в это время англичане официально “выкупили” их земли.^[184] Прямых доказательств столь далеко идущего события, конечно, мало, но это хорошо вписывалось бы в общую теорию Завоевания, если бы считалось, что все англичане лишились своих земель просто из-за факта своей национальности. Всегда следует помнить, что Вильгельм претендовал на английский трон по наследственному праву. Он был обманом лишен своего наследства в результате узурпации Гарольдом, с правлением которого, ложно названным так в соответствии с нормандской теорией, все англичане смирились и, следовательно, могли справедливо понести конфискацию, которая была наказанием, одинаково знакомым обеим расам за государственную измену. Какой бы строгой и даже гротескной ни казалась нам эта теория, она была чем-то большим, чем юридическая фикция, и мы должны были бы сами принять какое-то представление о подобном, даже если бы у нас не было этих случайных выражений из “Англосаксонской хроники” и “Писца Страшного суда”. С одной стороны, все англичане отвергли притязания Вильгельма, и те, кого можно было вовремя поспешить в Гастингс, оказали ему сопротивление в открытом поле; с другой стороны, число англичан, которые все еще удерживали земли короля через двадцать лет после Завоевания, было бесконечно малым по

сравнению с числом тех, кто пострадал от изгнания. Было бы естественно связать эти два факта, но само по себе нет ничего более вероятного, чем то, что до того, как неоднократные восстания со стороны англичан заострили остроту нормандской теории, покоренной расе была предоставлена возможность искупить свой первородный грех, внося неплатеж новому хозяину земли.

Тем не менее, именно к этому периоду мы, несомненно, должны отнести начальные этапы процесса, который еще до того, как прошло двадцать лет, должен был заменить исконное королевство Англии иностранным баронством. Было очевидно, что Вильгельму необходимо было отдать хотя бы часть военной добычи своим ведущим последователям, и количество земель, уже находившихся в его распоряжении, должно было быть очень значительным. Все имущество дома Годвинов находилось в его руках, и единственной формой управления государством, которой эта семья следовала последовательно и успешно, было приобретение земельной собственности, и сомнительные методы, с помощью которых большая часть этой собственности была первоначально приобретена, по-видимому, не лишали короля Вильгельма права владения ею. Более того, битва при Гастингсе стала роковой для класса землевладельцев южных графств, и не могло быть никаких исключений в отношении права Уильяма распоряжаться землями людей, которые действительно пали, сражаясь с оружием в руках против него. Даже таким простым способом король овладел немалой территорией, с которой он мог вознаграждать своих сторонников, и сложная природа англосаксонского земельного права еще больше помогла ему в этом отношении. Если бы, например, король Суррея "пожаловал" себя и свои земли Гарольду в качестве графа Уэссекса, король Вильгельм, естественно, унаследовал бы все права и прибыли, связанные с актом о награждении: он мог бы даровать их нормандскому барону, и таким образом, без нанесения прямого ущерба кому-либо, нормандец приобрел бы долю в рассматриваемой земле, которая под влиянием феодальных идей, сопровождавших завоевание, быстро превратилась бы в прямое владение. На самом деле, существует значительное количество свидетельств, которые позволяют предположить, что по крайней мере часть древнеанглийского класса землевладельцев была не столько вытеснена, сколько затоплена; что нормандская знать как бы наложилась на нее и что мыслительные процессы, лежащие в основе феодального права, наделяли вновь прибывших правами и обязанностями, которые делали их в глазах государства единственными признанными владельцами земель, которыми они владели. У нас нет подробного отчета о великой "конфискации" ранее, чем "Обзор страшного суда", проведенный через двадцать лет после битвы при Гастингсе, и, помимо изменений, которые, должно быть, произошли в природе за это время, "Большой обзор" не является тем авторитетом, к которому нам следует обращаться за точным описанием изменчивых и непоследовательных принципов закона о собственности, который был выведен из условий, уникальных для Западной Европы, и должен был применяться к ним. Но *априори* маловероятно, что все тысячи случаев, когда английский землевладелец исчезал и его представлял преемник-нормандец, следует объяснять в точности одним и тем же принципом в каждом конкретном случае. В одном случае исчезнувший тегн, возможно, отправился с Гарольдом на место битвы, и его владения были немедленно переданы новым королем какому-нибудь шумному стороннику; в другом случае иждивенец английского графа Мерсии, возможно, достаточно мирно стал иждивенцем нормандского графа Шрусбери и растворился в недифференцированном крестьянском классе до того, как пришло время Судного Дня обратить на него внимание; третий англичанин, возможно, пробрался ко двору в Баркинге и купил свою землю у Завоевателя. только ради собственной жизни, оставив своих сыновей искать счастья в Шотландии или Константинополе. Практическая полнота фактического перехода от одной

расы к другой не должна приводить нас к преувеличению простоты мер, с помощью которых это было осуществлено.^[185]

Здесь, пожалуй, следует сказать одно слово о характере англосаксонского государства, на которое так сильно пала рука Завоевателя. Это был далеко не однородный класс. На одном конце шкалы были такие великие люди, как Эсегар Торговец или Точи сын Оути, чьи обширные поместья составляли основную часть важных феодальных владений Судного Дня Джеффри де МанDEVИЛЯ и Джеффри Алселина. Но, с другой стороны, очень большая часть общего числа людей, именовавшихся “господами”, едва ли могла превосходить огромную массу крестьян, которых нормандские юристы собирательно именовали “вилланами”. Когда мы находим в ноттингемширской деревне пятерых тег, каждый в своем “чертоге”, владеющих землей стоимостью всего десять шиллингов в год,^[186] мы видим, что должны остерегаться романтических ассоциаций, вызываемых словом “тег”. Этих людей мало что отличало от окружающих их крестьян, за исключением более высокого личного статуса, выраженного в пропорционально более высоком *заработке*, и их вхождение в крестьянский класс было бы фатально легким из-за того факта, что закон статуса был первой частью англосаксонской социальной системы, которая устарела. Когда старые правила о *vepe* и *wite* были заменены новой уголовной юриспруденцией, разработанной норманнскими завоевателями, единственная претензия этих *mean thegns* на высшее социальное уважение исчезла. И, наконец, следует отметить, что там, где исследование “Судного дня” действительно выявляет представителей знатного сословия, продолжавших владеть землями непосредственно короля в 1086 году, это в то же время показывает нам, что этот класс очень далек от того, чтобы считаться равным нормандскому баронству. Королевские дворяне располагаются после главных арендаторов по военной службе, даже после королевских слуг или “сержантов” нормандского происхождения; они указаны как бы с позволения, под заголовком “для себя”, в самом конце описаний нескольких графств, в которых их можно найти.^[187] Фактически они принадлежали к общественному укладу, более древнему, чем пришедший им на смену нормандский военный феодализм, и к дате проведения исследования “Судного дня” они быстро вымирали как класс в графствах к югу от Хамбера, но нельзя ожидать, что никакие финансовые отчеты, подобные “Книге Судного дня”, расскажут нам, что с ними стало. Простое насильственное лишение собственности, без сомнения, стало бы важной частью истории, если бы ее рассказали, но большую часть изменений пришлось бы отнести к скрытым процессам экономической и социальной реорганизации.

Остается еще один юридический документ, более известный, чем любой из рассмотренных нами, который, скорее всего, был выдан в это время или примерно в это же время. Лондонский сити должен был быть вознагражден за свою искреннюю, хотя и запоздалую покорность, и формой вознаграждения, которая, вероятно, оказалась бы наиболее приемлемой для граждан, было бы письменное обеспечение того, что их древние обычаи и существующая собственность должны уважаться новым сувереном. И вот “король Вильгельм приветствует епископа Вильгельма, начальника порта Джеффри и всех бюргеров, французов и англичан, в пределах Лондона”, и говорит им, что они должны пользоваться всеми обычаями, которые были у них во времена короля Эдуарда, что собственность каждого человека перейдет к его детям и что сам король не допустит, чтобы кто-либо поступал с ними дурно.^[188] Несмотря на то, что этот документ мог служить залогом примирения между королем и его столицей, тем не менее, в формулировке обращения к нему произошли существенные изменения. Джеффри порт-рив - нормандец; весьма вероятно, что он тот же человек, что и Джеффри де МанDEVИЛЬ, дед беспокойного графа Эссекса времен Стефана,^[189] и его столь раннее появление на месте сотрудника Esegar предполагает, что последний мало

чего добился своим двуличием на недавних переговорах. Для Уильяма было в первую очередь важно чувствовать, что Лондон, по крайней мере, в надежных руках; он не мог доверить свою столицу и ее новую крепость человеку, который так недавно защищал город от него.

Правление Вильгельма в Англии к этому времени было настолько признано, что он мог позволить себе снова пересечь Ла-Манш и показаться своим старым подданным, облеченным его новыми достоинствами. Регентство Матильды и ее советников, насколько нам известно, прошло в идеальном порядке, но было вполне уместно, чтобы Вильгельм воспользовался первой возможностью, чтобы доказать людям герцогства абсолютный успех предприятия, бремя которого они несли с такой заметной готовностью. Отчасти, без сомнения, в качестве мнимого знака уверенности в лояльности англичан было то, что перед пересечением Ла-Манша Вильгельм распустил столько своих наемных войск, которые пожелали вернуться домой^[190]; но их распуск совпадает по времени с общим основанием замков в важных стратегических точках по всему югу Англии. Нормандский замок был еще более отвратителен англосаксонскому сознанию, чем нормандский воин, и когда местный хронист дает нам свою оценку характера и правления Вильгельма, он разражается поэтической декламацией, описывая замки, которые король приказал построить, и притеснения, которым это подвергало бедняков.^[191] Но глубже, чем любое воспоминание об индивидуальной неправоте, должно быть, терзала мысль о том, что именно эти новые замки действительно навсегда сделали безнадежным национальное дело Англии; что местное недовольство могло бурлить и роптать в каждом графстве, не вызывая ни малейшей тревоги у чужеземных лордов, укрывшихся в своих частоколах. Уроженец Шропшира Ордерик, пишущий в своем нормандском монастыре, излагает нам истинную военную причину окончательного разгрома его родной страны, когда он сообщает нам, что англичане владели очень немногими из тех укреплений, которые норманны называли замками, и что по этой причине, какими бы храбрыми и воинственными они ни были, они не могли оказывать решительного сопротивления своим врагам. Сам Вильгельм узнал в Нормандии, насколько медленной и трудной задачей было захватить район, охраняемый даже элементарными укреплениями XI века; он мог быть уверен, что эта задача была бы невыполнимой для разрозненных отрядов простоватых англичан, находящихся в состоянии восстания и без подготовленного руководства.

Но в настоящее время, похоже, никто и не помышлял о восстании; замки были построены с расчетом на будущие чрезвычайные ситуации. В отсутствие Вильгельма правительство Англии не принимало никаких особо сложных мер. Это было поручено совместно Уильяму Фиц Осберну, старейшему другу герцога, и Одо из Байе, его сводному брату, которым должны были помогать такие выдающиеся командиры армии вторжения, как Хью де Грентманиль, Хью де Монфор и Уильям де Варенн. Епископ Байе был назначен главным ответственным за охрану Кента с его важнейшими портами и грозным замком Дувр. Хью де Грентманиль, кажется, командует Хэмпширом со своей штаб-квартирой в Винчестере; его шурин, Хамфри де Тиллеул, получил в свое распоряжение замок Гастингс, когда он был построен, и продолжал удерживать его до сих пор; Уильяму Фиц Осберну, который ранее был назначен графом Херефордом, похоже, было доверено управление всей Англией между Темзой и графством Бернисия, с возможным приоритетом перед своими коллегами.^[192] Со своей стороны, Уильям позаботился о том, чтобы вывезти из страны как можно больше людей, вокруг которых могла бы сплотиться национальная оппозиция. Эдгару Этелингу, графам Эдвину, Моркару и Уолтеофу, архиепископу Стиганду и видному кентскому правителю по имени Этельнот было предложено сопровождать своего нового короля в его путешествии по континентальным владениям.^[193] Мы не можем не подозревать, что

Вильгельм, должно быть, почувствовал юмор, а также политику присоединения к своей свите трех человек, каждый из которых надеялся сам стать королем Англии; но для туземных вождей было невозможно отказаться украсить затянувшиеся триумфы своего завоевателя, и в начале года компания с драматической готовностью отплыла из Певенси.

В тех отчетах об этом посещении, которыми мы располагаем, оно выглядит не более чем серией церковных представлений. Вильгельм поступил мудро, расточив английскую добычу церквям своего герцогства. Церковь аббатства Жюмьеж, строительство которой было делом рук Роберта, любимца Исповедника, была посещена и освящена 1 июля, но до этого король устроил великолепный пасхальный пир в Фекане^[194] где тридцать два года назад герцог Роберт Нормандский убедил нормандское баронство признать его семилетнего сына. незаконнорожденный сын как его предначертанный преемник. На празднике в Фекане присутствовало несколько дворян из-за нормандской границы, которые, похоже, считали Эдвина, Моркара и их товарищей интересными варварами, чьи длинные волосы придавали необычную живописность официальной церемонии. В Сен-Пьер-сюр-Див, где Уильям прошлой осенью провел четыре томительные недели в ожидании южного ветра, 1 мая состоялось еще одно большое собрание, посвященное освящению новой церкви Нотр-Дам. Два месяца спустя состоялось освящение Жюмьежа; и смерть архиепископа Маурилия Руанского в начале августа, по-видимому, дала повод для проведения еще одного из этих великих соборов, чтобы собраться и утвердить каноническое избрание его преемника. Монахи Руанского собора выбрали своим главой не кого иного, как Ланфрана Канского, но он, возможно, не без предварительной консультации со своим другом и повелителем королем Вильгельмом, отказался от этой должности, и когда на вторых выборах был избран Иоанн, епископ Авраншский, Ланфранк отправился в Рим и добыл для него паллий.^[195] Имело ли путешествие Ланфрана какое-либо значение ввиду надвигающихся перемен в Английской церкви, к сожалению, неясно из-за отсутствия доказательств; но его отказ от митрополичьего престола Нормандии наводит на мысль, что в частном порядке он уже был предназначен для более важных дел. В любом случае, это тот человек, которому мы, естественно, должны ожидать, что Вильгельм доверит такие послания, которые он, возможно, сочтет благоразумным направить Папе Римскому относительно своих недавних достижений и будущей политики в Англии.

От своего триумфального продвижения по Нормандии Вильгельма отвлекли плохие новости из-за Ла-Манша. Ни один из его помощников, по-видимому, не обладал и следом за более присущими его начальнику качествами государственного деятеля. Уильям Фиц Осберн, хороший солдат и верный друг Вильгельма, каким мы можем признать его, ни в малейшей степени не понимал трудной задачи примирения покоренного народа со сменой хозяев, а епископ Одо оставил о себе на английской земле зловещую память. Отъезд Вильгельма в Нормандию ознаменовался всеобщей вспышкой пороков, характерных для оккупационной армии, в отношении которых сами регенты, согласно нормандскому повествованию, были немало виноваты. Под влиянием прямого угнетения и во временном отсутствии страшного Завоевателя пассивное недовольство англичан вылилось в открытое восстание в трех далеко отстоящих друг от друга частях королевства.

Из трех восстаний то, что произошло на севере, было, пожалуй, наименее грозным в данный момент, но наиболее красноречиво свидетельствовало о будущих трудностях для нормандских правителей. Копсидж, нортумбрийский король, покорившийся при Баркинге, был наделен властью в своей родной провинции, но жители этого округа продолжали признавать английского правителя в Освульфe, сына Эдвульфа, который был подчиненным графом Бернисии при Моркаре. Копсайдж в первом случае смог лишиться собственности

своего соперника, но последний выждал момент, собрал вокруг себя банду преступников и застал Копсайджа врасплох, когда тот однажды пировал в Ньюберне-на-Тайне. Граф на мгновение сбежал и нашел убежище в деревенской церкви; но его убежище было предано, церковь была немедленно подожжена, а его самого зарубили, когда он пытался вырваться из горящего здания.^[196] Все это было не столько преднамеренным восстанием против нормандского правления, сколько урегулированием частной вражды по обычаю Нортумбрии, и вполне возможно, что это произошло до того, как Вильгельм отплыл в Нормандию. Освульф смог продержаться до следующего лета, но затем встретил свой конец в малоизвестной схватке с разбойником с большой дороги, и провинция осталась без графа до конца года, когда Госпатрик, сын Мэлдред, дворянина, имевшего наследственные права на титул, обратился в суд и сразу выкупил графство у Уильяма.^[197] Тем временем, однако, нортумбрийцев вполне устраивал период неоспоримой анархии, и они не предпринимали попыток помочь повстанцам в других частях страны.

Лидером западного восстания был некий Эдрик по прозвищу “Дикий”, которого норманны считали племянником Эдрика Стреоны, знаменитого предателя времен Этельреда. Этот человек подчинился Завоевателю, но, очевидно, отказался сопровождать его в Нормандию, и нормандский гарнизон замка Херефорд начал опустошать его земли. Это привело к открытому восстанию, и он пригласил Бледдина и Риваллона, королей Гвиннеда и Поуиса, присоединиться к нему в грабительской экспедиции в Херефордшир, которая опустошила эту страну до реки Лагг, но не смогла сильно ослабить военные владения норманнов в графстве.^[198] Захватив большую добычу, Эдрик удалился в горы со своими валлийскими союзниками и в следующий раз появляется в истории два года спустя, когда он вернулся, чтобы сыграть роль во всеобщем смятении, которое встревожило Англию в 1069 году.

Самое грозное из трех восстаний, которые ознаменовали период отсутствия Вильгельма, имело своей целью освобождение Дуврского замка от его нормандского гарнизона.^[199] Это единственное восстание из трех, имеющее понятный военный мотив, и оно содержит определенные черты, которые предполагают, что оно было спланировано кем-то, обладающим большими политическими способностями, чем можно приписать обычному английскому флагу. Граф Юстас Булонский, человек самого высокого ранга среди французских союзников Завоевателя, уже получил обширный земельный надел в Англии в награду за свои заслуги в кампании при Гастингсе, но он каким-то образом попал в немилость к королю и покинул страну. Лидеры повстанцев, зная это и считая графа компетентным лидером, решили на этот раз забыть о расовых различиях ради возможного шанса на освобождение и предложили ему пересечь Ла-Манш и завладеть Дуврским замком. Юстас, как и Стефан Блуа, более известный граф Булонский, считал выгодным контролировать кратчайший путь из Франции в Англию; он посадил большой отряд рыцарей на несколько кораблей, находившихся в его распоряжении, и совершил ночной переход в надежде застать гарнизон замка врасплох. В момент высадки Одо из Байе и Хью де Монфор случайно отвели основные силы своих войск за Темзу; факт, который наводит на мысль, что повстанцы соблюдали необычную секретность при планировании своих передвижений. Таким образом, граф смог занять город и беспрепятственно осадить замок, но не смог застать гарнизон врасплох, как он надеялся, и встретил ожесточенное сопротивление. Штурм продолжался несколько часов, но гарнизон более чем стойко держался, и, наконец, Юстас дал своим войскам сигнал отходить к своим кораблям, хотя было известно, что задержка в два дня привела бы на сторону повстанцев большое подкрепление. Также должно было быть известно, что в то же время Одо из Байе с его обученными войсками оказался бы в опасной близости от Дувра; и невозможность в XI веке успешно провести осаду вопреки времени является некоторым оправданием довольно позорного отступления

Юстаса. Однако первые признаки отступления были обращены в пользу гарнизона, который немедленно предпринял вылазку и поверг осаждающих в замешательство, которое усилилось ложным слухом о приближении епископа Байе. Большая часть булонских войск была уничтожена в отчаянной попытке добраться до кораблей, несколько человек, очевидно, пытались спуститься по склону скалы, на которой стоит Дуврский замок. Сам граф Юстас, хорошо знавший окрестности, отделился от своих людей и сбежал верхом в незарегистрированный порт, где ему посчастливилось найти корабль, готовый выйти в море. Англичане, лишившиеся, таким образом, своего лидера, рассредоточились по стране и таким образом избежали непосредственных последствий своего разгрома, поскольку нормандские силы в Дувре были недостаточно сильны, чтобы преследовать разбитых повстанцев на всех их разбросанных направлениях отступления.^[200]

Когда в его королевстве внешне восстановился порядок, но кипело подавленное восстание, Вильгельм отплыл из Дьеппа 6 декабря и на следующий день высадился в Уинчелси. Королева Матильда по-прежнему оставалась во главе Нормандии, но ее старший сын Роберт теперь был связан с ней в правительстве, и Роджер де Бомон, который был ведущим членом ее совета во время ее регентства в 1066 году, по этому случаю сопровождал своего господина в Англию.^[201] Король устроил рождественский пир в Вестминстере; церемония, на которой мужчины обеих рас присоединились на равных правах, и на данный момент могла показаться вероятной, что недавние беспорядки действительно были последними угасающими усилиями английского национализма. И все же перспектива наступления нового года на самом деле была очень угрожающей. Политическая ситуация в Англии в то время хорошо описана Ордериком Виталисом, который сообщает нам, что каждый район, которым Вильгельм овладел с военной точки зрения, находился в его распоряжении, но что на крайнем севере и западе люди были только готовы оказывать такое повиновение, какое им заблагорассудится, желая быть такими же независимыми от короля Вильгельма, какими они раньше были независимы от короля Эдуарда и его предшественников.^[202] Такая позиция, которая дает частичное объяснение ниспровержения Англии в 1066 году и частичное оправдание разграбления Нортумбрии в 1069 году, также дает ключ к цели, лежащей в основе непрерывной деятельности Вильгельма в течение следующих двух лет. В Эксетере, Стаффорде и Йорке Уильям, по сути, учил своих новых подданных, что его не устроит ни что иное, как безоговорочное подчинение всей земли; что Англия больше не должна быть собранием полунезависимых графств, а целостным государством под прямым правлением короля, отождествляемого с Уэссексом не больше, чем с Нортумбрией или Восточной Англией. Объединение Англии, наконец-то осуществленное таким образом, без сомнения, было достигнуто почти бессознательно под диктовку практической целесообразности момента, но это не умаляет ни величия самого дела, ни силы и мудрости Завоевателя, памятником которому оно является.

Тем временем опасность откуда-то издалека угрожала нормандским владениям Англии. События, относящиеся к совсем недавней истории, доказали, что английская политика все еще представляет интерес для правителей Норвегии и Дании; и нынешняя возможность не могла не привлечь ни одного скандинавского принца, который мог бы сравниться со славой великих королей прошлого поколения. Смерть Гарольда Хардрады, на время приостановившая норвежские притязания на Англию, сделала Свена Эстритсона, короля Дании, бесспорно, самой значительной фигурой в скандинавском мире; и к нему, соответственно, английские лидеры или, по крайней мере, те из них, которые были на свободе, обращались за помощью в предыдущие месяцы.^[203] Как сам датчанин и племянник Кнута, Свен Эстритсон мог бы вызвать особую симпатию мужчин Нортумбрии и не был бы неприемлемым для мужчин южного Данило; ни один местный претендент не обладал

подобными преимуществами в отношении чего-либо подобного в столь обширной части Англии. Действительно, Свен, чьим преобладающим качеством была осторожность, странно контрастирующая с характером его датских предков и его великого норвежского соперника, до настоящего времени откладывал принятие мер, но непосредственной причиной возвращения Вильгельма из Нормандии был страх, что северный флот может внезапно появиться в Хамбере.

В этот момент, когда над севером и востоком его королевства нависла неминуемая угроза вторжения, Вильгельм был отозван из своей штаб-квартиры в Лондоне необходимостью подавления опасного восстания на крайнем западе. Вероятно, правление Вильгельма еще не было общепризнано за пределами восточной границы Девоншира, хотя из судебных актов мы знаем, что Сомерсет уже проявлял к нему показное послушание. Но главный интерес следующего эпизода заключается в странно независимом отношении, занятом городом Эксетер. В одиннадцатом веке столица Девона, несомненно, могла претендовать на место Йорка, Норвича и Винчестера среди полудюжины самых могущественных городов Англии. С его мощными укреплениями, которые делали его в некотором смысле ключом к Дамнонийскому полуострову, контролируя также важные торговые пути между Англией, Ирландией и Бретанью, Эксетер в руках англичан стал бы постоянной угрозой норманнскому правлению, едва ли менее грозной, чем независимый Йорк. Настрой горожан был яростно антинорманнским, и они приступили к принятию энергичных мер по обеспечению своей обороны, зайдя так далеко, что привлекли к себе на службу таких иностранных купцов в городе, которые были способны носить оружие. Нам также говорят, что они пытались склонить другие города присоединиться к ним в сопротивлении иностранному королю, и не исключено, что они могли привлечь подкрепление с противоположного берега Бретани. Для Уильяма было в первую очередь важно подавить восстание такого масштаба до того, как оно успеет распространиться, но прежде чем предпринять какие-либо действия и, вероятно, для того, чтобы проверить правдивость поступивших к нему сообщений о том, что происходит в Девоншире, он послал потребовать, чтобы вожди Эксетера принесли ему присягу на верность. Они в ответ предложили любопытный компромисс, сказав, что готовы платить обычные налоги своего города королю, но что они не будут присягать ему на верность и не впустят его в свои стены. Это было почти равносильно неповиновению и вызвало у Уильяма замечание, что не в его обычае принимать подданных на таких условиях. Переговоры фактически прекратились; Девоншир превратился во враждебную страну, и Вильгельм выступил из Лондона, предприняв эксперимент, вдвойне смелый в условиях такого кризиса, призвав туземцев фюрда помочь в сокращении численности их соотечественников.

Жители Эксетера, услышав весть о приближении Вильгельма, начали опасаться, что зашли слишком далеко; и, когда король приблизился, знатные люди города вышли ему навстречу, приведя заложников и заключив полную капитуляцию. Вильгельм остановился в четырех милях от города, но посланники по возвращении обнаружили, что их сограждане, явно не желая полагаться на милосердие короля, готовятся к продолжению сопротивления, и они связали свою судьбу со своими горожанами. Уильям пришел в ярость, услышав эту новость. Его положение действительно было достаточно тяжелым. Стояла глубокая зима; часть его армии состояла из англичан, чья верность могла не выдержать неожиданной проверки его оружия, и Свегн Датский мог высадиться на востоке в любой момент. Прежде чем взять город в осаду, Вильгельм предпринял попытку запугивания, и когда армия подошла к стенам, одного из заложников намеренно ослепили перед воротами. Но, похоже, это ужасное зрелище только укрепило решимость горожан, и на восемнадцать дней Уильяма задержали у ворот Эксетера, несмотря на его постоянные попытки либо взять стены штурмом, либо подорвать их.

Наконец, после того, как многие из его людей пали при атаке, казалось бы, Завоеватель впервые в жизни был вынужден предложить условия защитникам восставшего города. Подробности заключительной сцены осады не очень ясны; но вполне вероятно, что наиболее влиятельные граждане теперь, как и ранее в ходе борьбы, были за подчинение и что они убедили своих товарищей воспользоваться предложением короля Вильгельма о мире. У них действительно была особая причина добиваться королевской милости, поскольку основное бремя налогообложения в любом городе, естественно, ложилось на его более богатых жителей, и в данном случае Вильгельм, по-видимому, дал обещание, что обычные платежи, причитающиеся королю от города, не будут увеличены. Бедняки Эксетера добились добровольного помилования и гарантии сохранности жизни и имущества, но поведение их лидеров, несомненно, подразумевает определенное отсутствие бескорыстного рвения к национальному делу; и местный хронист многозначительно отмечает, что горожане покинули город, “потому что их предали таны”. Другая сторона картины показана Ордериком Виталисом, который описывает, как “процессия самых красивых девушек, старейшин города и духовенства, несущих свои священные книги и священные сосуды”, вышла навстречу королю и совершила торжественный обряд. подчинение ему. С большой долей вероятности было высказано предположение, что реальной целью процессии было добиться от короля клятвы соблюдать условия капитуляции, данные на упомянутых “священных книгах и священных сосудах”, и в любом случае свидетельство Книги Страшного суда показывает, что Эксетер не понес финансового наказания за свое смелое сопротивление. Чтобы держать жителей Эксетера в узде на будущее, был построен замок, который был доверен Болдуину де Мель, сыну графа Жильбера Брионнского, но это не было признаком особой немилости, поскольку для Уильяма было общепринятым вопросом политики - защищаться от гражданских восстаний путем основания предупредительных крепостей.^[204]

Одним из непосредственных последствий падения Эксетера стало бегство и окончательное изгнание одной из двух величайших леди Англии того времени. Гита, племянница Кнута и вдова графа Годвина, через которую Гарольд унаследовал королевскую кровь, нашла убежище в Эксетере и теперь, до того, как Вильгельм вступил в город, сбежала по воде с несколькими другими женщинами, которые, вероятно, опасались бесчинств, которые могли произойти при вступлении армии северян. Должно быть, они обогнули Край Суши и поплыли вверх по Бристольскому каналу, поскольку затем, судя по всему, поселились на унылом острове, известном как Плоский Холм, у побережья Гламоргана. Здесь они пробыли долгое время, но наконец в отчаянии беглецы покинули свое безрадостное убежище и беспрепятственно отплыли во Фландрию, где высадились и были гостеприимно приняты в Сент-Омере. Больше о графине ничего не известно, но ее дочь Гунхильд приняла монашество и мирно скончалась во Фландрии в 1087 году, примерно за два месяца до того, как злейший враг ее дома скончался в Руане.

Вполне вероятно, что Гита выбрала Флэт-Холм в качестве своего убежища в надежде присоединиться к движению, которое в это время набирало обороты среди английских изгнанников в Ирландии. По крайней мере, достоверно известно, что еще до окончания лета трое незаконнорожденных сыновей Гарольда, которые провели предыдущий год с королем Дублина, внезапно вышли в Девонское море на пятидесяти четырех кораблях. Они преследовали южное побережье Бристольского канала и даже осмелились войти в Эйвон и напасть на сам Бристоль, но были без особых трудностей отброшены жителями богатого порта и, отплыв обратно, высадились в какой-то неизвестной точке на побережье Сомерсета. Здесь они были пойманы и жестоко избиты уроженцами Сомерсетшира под предводительством Эднота, англичанина, который был командиром конницы при Эдуарде Исповеднике, но который явно был готов верно служить новому королю. Эднот был убит в

битве, но налетчики были вынуждены сесть на свои корабли, и после короткого периода беспорядочных опустошений вдоль побережья они отплыли обратно в Ирландию, не сделав ничего, чтобы ослабить контроль норманнов над юго-западом Англии, но набрав достаточно добычи, чтобы побудить их повторить свою экспедицию в течение следующего года.^[205]

Для Вильгельма было хорошо, что даже ценой некоторой потери престижа он овладел Эксетером в первые месяцы 1068 года, а оставшуюся часть года наблюдал всеобщую вспышку восстания против нормандского правления. Прежде чем вернуться на восток Англии, Вильгельм устроил вооруженную демонстрацию в Корнуолле; и весьма возможно, что именно в это время он закрепил за своим сводным братом, графом Робертом Мортенским, территориальное положение в этой кельтской стране, которое показывает, что Завоеватель при случае был вполне готов создавать компактные феодалы по континентальному образцу. Граф Роберт никогда не был официально наделен графством Корнуолл, но на западном полуострове он занимал положение большей территориальной силы, хотя и более низкого официального ранга, чем его брат, епископ Одо, в его далеком графстве Кент. Восстание в Эксетере, без сомнения, научило Уильяма, что было бы целесообразно прикрывать любое будущее восстание в Девоншире, превратив Корнуолл в единое нормандское поместье, и его собственное присутствие с армией на западе в это время значительно упростило бы предварительную работу по конфискации.

Завершив продвижение по Корнуоллу, король Вильгельм двинулся маршем на восток, распустил фюрд и устроил свой пасхальный пир (23 марта) в Винчестере. В течение нескольких недель в стране царил мир, и во время этой передышки герцогиня Матильда прибыла в Англию и была коронована в Вестминстере на Троицу (11 мая) Эддредом, архиепископом Йоркским. Это событие стало четким выражением желания Вильгельма править как английский король, поскольку Матильда осталась в Англии, а ее четвертый сын, Генрих, родившийся в начале следующего года, обладал в глазах англичан преимуществом, которое по англосаксонскому обычаю принадлежало сыну коронованного короля и его супруги, родившемуся в этой стране. Роберт, будущий наследник Нормандии, по-видимому, остался во главе герцогства, а Ричард, второй сын Завоевателя, вероятно, сопровождал свою мать через Ла-Манш. По счастливой случайности, мы точно знаем имена тех, кто присутствовал на празднике Троицы,^[206] и список этот значителен. Среди представителей духовного сословия нормандская иерархия поставляла епископов Байе, Лизье и Кутанса, но архиепископы Кентерберийский и Йоркский, а также епископы Эксета, Рамсбери, Уэллса и Лондона все были английского происхождения, хотя последние четверо из них были иностранного происхождения, а восемь присутствовавших аббатов также были людьми времен короля Эдуарда. Миряне, присутствовавшие на церемонии, образовали более разнородную группу; Эдвин, Моркар и Уолтеоф кажутся странно неуместными рядом с графами Мортен и Ю; с Уильямом Фиц Осберном, Роджером де Монтгомери и Ричардом, сыном графа Гилберта Брионнского. Общество, собравшееся в Вестминстерском аббатстве в тот Троицын день, представляет собой поразительную картину старого порядка, который менялся, но еще не уступил место новому, и примечательно, что прародительница всех королей Плантагенетов, Тюдоров и Стюартов была коронована на глазах у людей, занимавших самое высокое положение в королевстве в последние дни независимой Англии.

Эта торжественная инаугурация новой династии могла состояться всего за несколько недель до того, как Вильгельму пришлось возобновить унылую работу по подавлению своих непримиримых подданных. После полутора лет молчаливого согласия с нормандским правлением графы Эдвин и Моркар внезапно предприняли судорожную попытку поднять

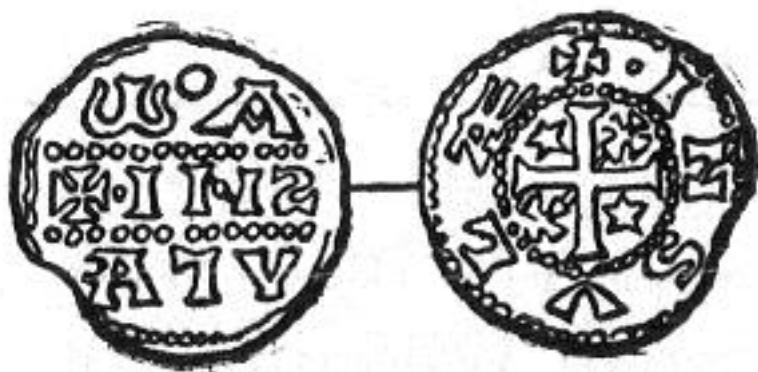
страну против иностранцев. Их положение при дворе Вильгельма, должно быть, было в лучшем случае позорным, и хотя, как мы видели, король обещал одну из своих дочерей в жены Эдвину, он до настоящего времени удерживал ее из уважения к ревности, которую его норманны испытывали к привилегированному англичанину. Под влиянием своих личных обид Эдвин и его брат откололись от двора и возглавили восстание, которое, хотя и носило всеобщий характер, по-видимому, получило наибольшую поддержку в графстве Моркар в Нортумбрии. Восстание также отмечено возрождением союза между домом Леофрика и валлийскими принцами, который время от времени вызывал беспокойство во время правления Исповедника; ибо Бледдин, король Северного Уэльса, пришел на помощь Эдвину и Моркару,^[207] как и годом ранее, он присоединился к херефордширскому рейду Эдрика Дикого. Восстание стало поводом для общего отделения ведущих англичан от двора Вильгельма, поскольку Эдгар Этелинг, его мать и сестры вместе с Марлессвегеном и многими видными нортумбрийцами во главе с Госпатриком, их недавно назначенным графом, вероятно, опасаясь, что их могут признать причастными к вине Эдвина и Моркара, быстро отбыли на север страны.^[208]

Очагом беспорядков, очевидно, был город Йорк. Маловероятно, что Вильгельм до сих пор предпринимал какие-либо систематические попытки установить нормандское правление за пределами Хамбера, но мы видим, как достопочтенный архиепископ Альдред прилагает напряженные усилия, чтобы обуздать насилие жителей своего города. Его протесты были бесполезны, и в то время как нортумбрийцы с энтузиазмом готовились к войне по примеру своих предков, Вильгельм предпринимал шаги, которые положили конец восстанию в течение нескольких недель, не нанеся ни единого удара.

Именно в связи с этими событиями Ордерик делает замечания, которые уже цитировались, о роли нормандского замка в пресечении самых отважных усилий восставших англичан. Некоторые из величайших крепостей средневековой Англии берут свое начало от оборонительных постов, основанных Вильгельмом во время войны 1068 года. “Вследствие этих волнений, - сказал Ордерик, - король тщательно обследовал самые неприступные точки страны и, выбрав подходящие места, укрепил их против набегов врага”.^[209] Но, помимо этих “недоступных точек”, мы видели, что Вильгельм взял за правило возводить замки во всех крупных районах и вдоль всех наиболее важных дорог в стране, и нынешняя кампания представляет собой отличный пример его практики в этом вопросе. Первой крепостью, построенной в это время, было скромное земляное сооружение, которое в последующие два столетия превратилось в великолепный замок Уорик. Генрих де Бомон, сын того Роджера де Бомона, который был советником королевы Матильды в 1066 году, был назначен командующим им, и Завоеватель двинулся на север; но, возможно, еще до того, как он покинул долину Эйвон, Эдвин и Моркар, теперь, как всегда, неспособные следовать последовательному курсу действий, внезапно отказались от своего собственного дела и позорно подчинились. Капитуляция лидеров повстанцев не повлияла на действия короля; он продолжил свое наступление, вероятно, опустошая равнину Лестер, когда пересекал ее, а в Ноттингеме, на отвесном утесе, нависающем над городом, он поставил еще один замок, возвышающийся над долиной Трент в том месте, где реку пересекает одна из главных дорог, ведущих из Лондона на север Англии. Марш был возобновлен без промедления, и в какой-то момент на дороге к северу от Ноттингема армию встретили жители Йорка, которые принесли ключи от своего города и предложили дать заложников в обмен на их хорошее поведение в будущем. Дезертирство Эдвина и Моркара лишило восстание его номинальных лидеров, а военная оккупация Ноттингема угрожала изолировать восставшую область; но также вероятно, что быстрые передвижения Вильгельма застали защитников северной столицы врасплох еще до того, как их приготовления были завершены. В самом Йорке некий Арчил,

которого норманны считали самым могущественным человеком в Нортумбрии, явился к Вильгельму и отдал своего сына в заложники, и на линии городских стен, на слиянии рек Уз и Фосс, возник третий замок этой кампании, ныне представленный только курганом, на котором покоится знаменитая средневековая крепость, известная как “Башня Клиффорда”. В крепости находился гарнизон из отборных людей, но ее кастелян, Роберт Фиц Ричард, известен нам только по обстоятельствам его смерти в следующем году.

В это время внимание короля Вильгельма требовали другие дела, помимо укреплений Йорка. Опасность угрожала со стороны Шотландии, ибо мятежники обратились за помощью к королю Малькольму Кэнмору, и за Твидом собиралась огромная армия. Северная граница Англии была еще не защищена замками Бервик и Карлайл, а на западе владения короля Шотландии простирались на юг до залива Моркамб. Также лучшие английские авторитеты утверждают, что Эдгар Этелинг и его друзья уже нашли убежище у короля Малькольма во время своего бегства от двора Вильгельма, а брак сестры этелинга с шотландским королем очень скоро превратил северное королевство в *точку отсчета* для всех неугомонных националистов в Англии. У Вильгельма явно были веские причины определить свою позицию по отношению к королю Шотландии, тем более что это дало бы ему возможность заявить о верности и подчинении в тот момент, когда он был всемогущ на севере. Был найден посол в лице епископа Этельвина Даремского, который поднял восстание вместе с остальной частью Нортумбрии, но заключил мир с Завоевателем и довел нынешнее дело до успешного завершения. Король Малькольм послал представителей в Йорк вместе с епископом Дарема, и, согласно нормандскому рассказу, они поклялись в верности Вильгельму от имени своего господина. В планы Завоевателя не входило ввязываться в ненужную войну в Шотландии, и, поскольку все цели его путешествия на север были на данный момент достигнуты, он снова повернул на юг через Линкольн, Хантингдон и Кембридж, в каждом из которых были возведены неизбежные замки с гарнизонами.^[210]

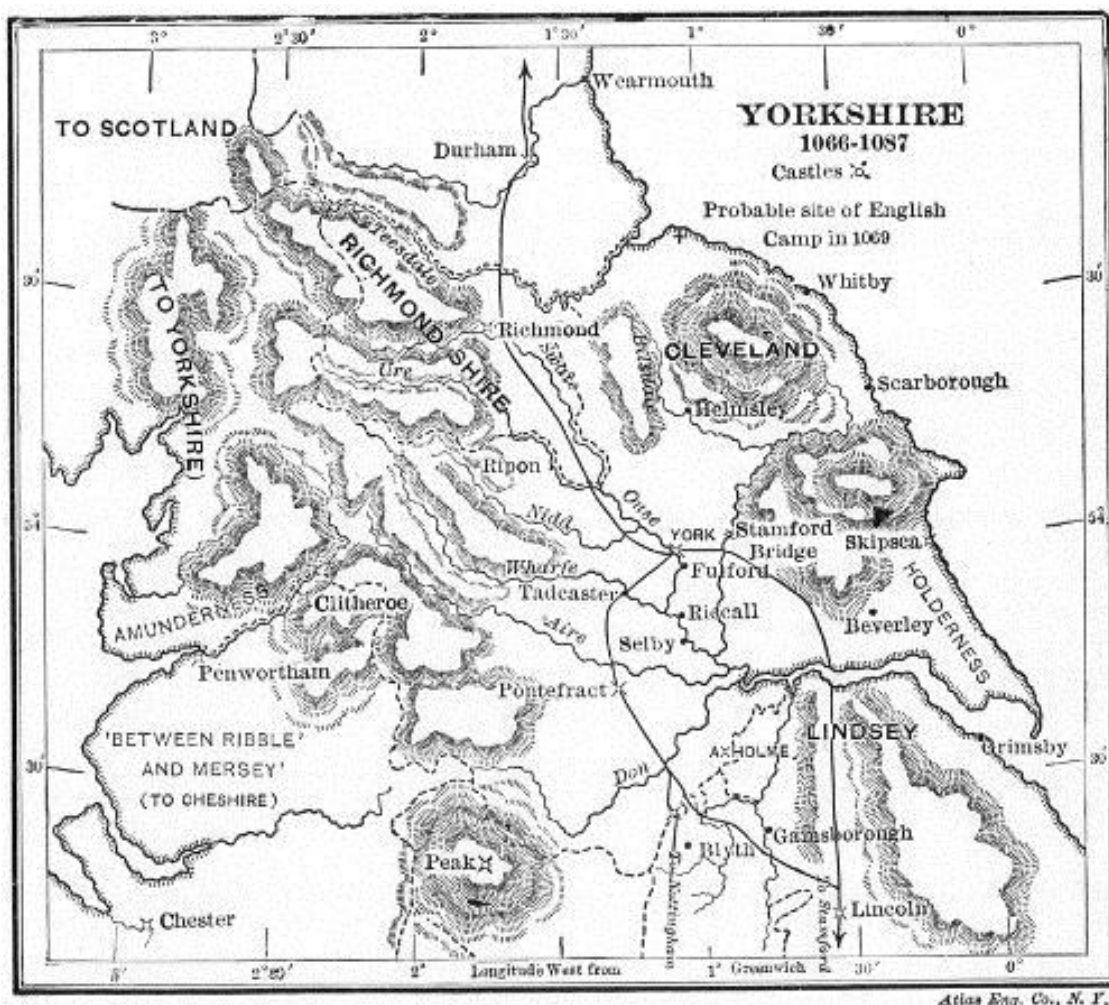

Отрицатель Болдуина Лилльского

ГЛАВА VII ДАТСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ И ЕГО ПРОДОЛЖЕНИЕ

1068 год завершился под благовидным предлогом мира, и единственным результатом восстаний в Эксетере и Йорке стало доказательство тщетности изолированного сопротивления королю, который мог с равной решимостью нанести удар как на западе, так и на севере. Следующий год начался с двух восстаний на севере страны, которые послужили

непринужденной прелюдией к пятнадцати месяцам непрекращающейся борьбы, в ходе которой сила нормандского влияния на Англию была окончательно испытана. Бегство Госпатрика прошлым летом привело к освобождению бернийского графства, и в начале 1069 года Завоеватель предпринял эксперимент по назначению барона нормандского барона-вельможи из приграничной провинции. Его выбор пал на некоего Роберта де Комина, который немедленно отправился на север во главе отряда из пятисот рыцарей. Известие о его назначении опередило его, и жители Нортумбрии, которые в течение двух лет наслаждались фактической независимостью, были не намерены спокойно подчиняться правлению иностранного графа. Соответственно был образован союз, члены которого обязались либо убить незнакомца, либо погибнуть при попытке. До епископа Дарема Этельвина, очевидно, дошли слухи о заговоре, поскольку, когда граф приблизился к Дарему, его встретил епископ, который предупредил его о надвигающейся опасности. Роберт не обратил на это внимания, и его войска вели себя плохо, когда вошли в Дарем, убив нескольких более скромных арендаторов епископа, но не встретив вооруженного сопротивления. Граф принимал гостей в доме, принадлежащем епископу, а его люди были расквартированы по всему городу, открыто игнорируя предупреждение епископа. Но ночью большой отряд нортумбрийцев подошел к городу, и на рассвете они ворвались в ворота и начали преднамеренную резню французов. Неожданность была полной, но граф и его ближайшие спутники вовремя пришли в себя, чтобы дать им возможность сразиться за свои жизни. Они не могли рассчитывать на пощаду, и их защита была настолько отчаянной, что мятежники не смогли ворваться в дом и в конце концов подожгли его, а граф и его люди погибли в огне. Из пятисот норманнов в Дареме только одному выжившему удалось спастись бегством.^[211]

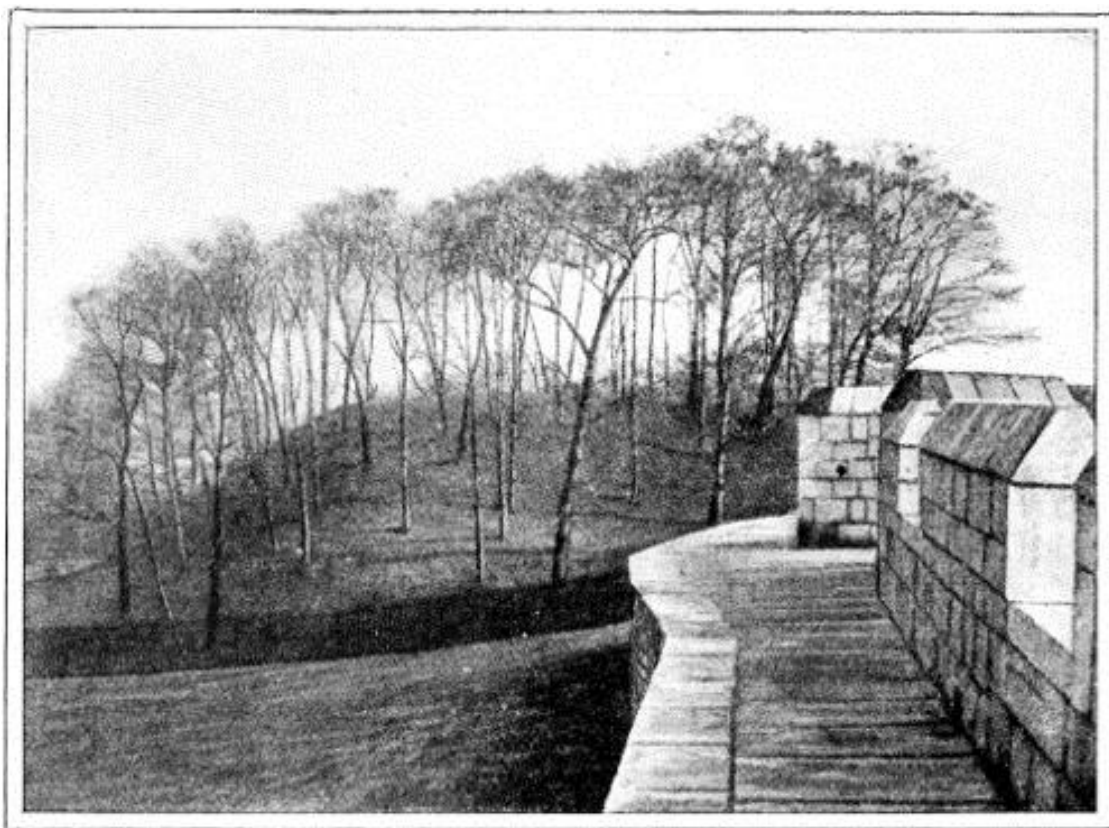

ЙОРКШИР

1066-1087

За этим эпизодом быстро последовала смерть Роберта Фиц Ричарда, губернатора Йорка, который погиб вместе с несколькими своими людьми в малоизвестной схватке, в результате которой, тем не менее, замок не был захвачен норманнами. Воодушевленные этими событиями, Эдгар Этелинг, Марлессвеген, Арчил и Госпатрич вновь появились на сцене, и предприняли решительную атаку на крепость, так что Уильям Мале, который, по-видимому, стал кастеляном после смерти Роберта Фиц Ричарда, отправил срочное послание королю, в котором говорилось, что он должен немедленно сдаться, если не получит подкрепления. Получив это обращение, Завоеватель лично вылетел в Йорк, рассеял мятежников с большими потерями и заложил второй замок в нескольких сотнях ярдов от первого, но на противоположном берегу Уза. Эта крепость, курган которой, известный как холм Бейл, до сих пор примыкает к городской стене, была передана на попечение не кого иного, как графа Уильяма Фиц Осберна, и король через восемь дней вернулся в Винчестер, чтобы отпраздновать там Пасху. За его отъездом последовало возобновление английской атаки, теперь направленной против обоих замков, но Уильям Фиц Осберн и его люди хорошо зарекомендовали себя в борьбе с повстанцами.^[212]

Однако к этому времени стало очевидно, что дух восстания в целом распространился повсюду, и королева Матильда была отправлена обратно в Нормандию, чтобы снова принять командование герцогством. Из сбивчивого рассказа Ордерика Виталиса или "Тощих анналов" Англосаксонской хроники нельзя извлечь связного повествования о военных событиях этого года, но общая схема истории довольно ясна. Мы, кажется, выделяем три отдельных мятежных региона: Девон и Сомерсет, Шропшир и Стаффордшир и, что наиболее опасно из всех, Йоркшир и север. У нас нет оснований предполагать, что английские лидеры имели какую-либо мысль об объединении в общем сопротивлении норманнскому владычеству; их планы простирались не более чем на разрушение отдельных крепостей, осуществление изолированной мести за нанесенный местным жителям ущерб. С другой стороны, рассредоточение очагов восстания случайно привело к некоторым эффектам объединения; норманны были вынуждены разделить свои силы, и быстрота, с которой король Вильгельм метался по стране от пункта к пункту, доказывала, что он, по крайней мере, считал ситуацию достаточно шаткой.

ХОЛМ БЕЙЛ, ЙОРК
НА МЕСТЕ ВТОРОГО ЗАМКА Вильгельма I.

В начале лета трое сыновей Гарольда повторили свою прошлогоднюю пиратскую вылазку. Они высадились 24 июня в устье Тау на шестидесяти шести кораблях и совершили набег на большую часть Девоншира, но в конце концов были отбиты Брианом Пентьеврским и исчезли с тех пор из английской истории.^[213] Местные силы были способны отразить рейд такого рода без поддержки, но с мощным вооружением, которое в это время готовилось на фьордах Дании, дело обстояло иначе. Свен Эстритсон, наконец, был готов действовать, и эта новость еще раз взбудоражила неустойчивый патриотизм мужчин Нортумбрии. Датская армия была набрана на обширной территории к югу от Балтийского моря; там было множество авантюристов из Польши, Фризии и Саксонии, и мы читаем о контингенте дикарей-язычников из Литвы. Сообщалось, что флот состоял из двухсот сорока судов; количество, способное, если бы каждое судно было полностью загружено, перевозить силы, значительно превышающие численность любой армии, которую Уильям мог бы выставить в поле, не вызывая туземное ополчение. Экспедицией командовали Гарольд и Кнут, сыновья короля Свена, и Асбьорн, его брат, и в нее входило много датчан высокого ранга, среди которых упоминается по имени Кристиан, епископ Орхуса.^[214]

Флот вышел в море в конце августа и, должно быть, обогнул берега Фризии и Голландии, поскольку впервые коснулся английского побережья в Дувре. Королевские войска были достаточно сильны, чтобы предотвратить высадку как здесь, так и в Сэндвиче, где датчане повторили попытку, но устье Оруэлла не охранялось, и часть захватчиков высадилась в Ипсвиче с намерением разграбить окрестности. Нам, однако, сообщили, что “сельские жители”, под которыми, вероятно, подразумеваются английские крестьяне округа, вышли и, убив тридцать налетчиков, заставили остальных искать убежища на своих кораблях. Аналогичный штурм Норвича был отбит Ральфом де Вейдером, графом Восточной Англии и губернатором замка Норвич, и датчане двинулись дальше к Хамберу. Тем временем известие

об этих событиях было доведено до короля Вильгельма, который, как нам сказали, охотился в то время в лесу Дин на границе с Уэльсом; и он, видя, где на самом деле находится ключ к ситуации, немедленно отправил гонца в Йорк предупредить гарнизон и дать указание, чтобы они вызвали его лично, если враг окажет на них сильное давление. Он получил обнадеживающий ответ, что им не потребуется его помощь в течение ближайшего года, и, соответственно, продолжал оставлять оборону севера в руках своих подчиненных, в то время как датчане плыли вдоль побережья Линдси.

Это интересный вопрос, насколько далеко могли зайти люди английского племени данло, помня о своем скандинавском происхождении, чтобы объединиться с армией короля Дании в то время. В начале века жители графств, расположенных вдоль нижнего Трента, приветствовали Свена Раздвоенную Бороду по этому поводу, и он разместил свою штаб-квартиру в Гейнсборо в этом районе. До тех пор, пока англосаксонская правовая система сохраняла видимость жизнеспособности, весьма определенный барьер обычного права отделял Данлоу от графств восточного мидленда, и детали его местной организации все еще сохраняли немало специфических черт, явно указывающих на северное происхождение. С другой стороны, в именах владельцев земли в этом районе до завоевания, зафиксированных в Книге Страшного суда, явно преобладает английский элемент, в то время как партикуляризм самой Нортумбрии, возможно, был скорее политическим, чем расовым. Вполне вероятно, что жители Линкольншира предпочли бы датчанина норманнскому или английскому королю, но они не играют особой роли в событиях этой кампании, которая сосредоточена вокруг города Йорка и подходов к нему по суше и воде.

Пока датский флот все еще находился в Хамбере, к нему присоединились английские изгнанники из Шотландии, Эдгар Этелинг, Госпатрик и Марлесвеген, с которыми теперь ассоциировались Уолтеф, граф Хантингдон и другие, менее известные люди. Эдгар, который совершал набеги в Линкольншир независимо от своих датских друзей, чудом избежал захвата гарнизоном замка Линкольн; но он благополучно добрался до Хамбера, хотя и всего с двумя спутниками, и объединенные силы, как и у Гарольда Хардрады тремя годами ранее, прошли вверх по Узе и высадились для прямой атаки на Йорк. Добровольцы собирались со всех соседних стран, и, по крайней мере, по численности, это была грозная армия, которая 21 сентября появилась перед северной столицей, причем англичане составляли авангард, а датчане - арьергард. Норманны в Йорке не предприняли попыток удержать городскую стену и сосредоточили свою оборону на двух крепостях у Уз, подожгли соседние здания, чтобы их древесина не могла быть использована для засыпки крепостных рвов. Пламя распространилось, город был опустошен, и, что было еще хуже для средневекового сознания, разрушению подверглась церковь Святого Петра. Последовавшая за этим битва вскоре закончилась; в самый день прибытия датчан, когда город все еще горел, гарнизон замков предпринял вылазку, враг превосходил их численностью внутри городских стен и уничтожил, после чего захват самих укреплений был легким делом. Сами замки представляли собой всего лишь деревянные сооружения, возведенные на земляных насыпях; их защитники были безнадежно ослаблены неудачей вылазки, и более поздняя традиция в стихах повествует о том, как Уолтеф, сын Сиварда, стоял у ворот и своим топором рубил норманнов одного за другим, числом до сотни, когда они пытались прорваться.^[215] После взятия замков ненависть англичан к этим признакам рабства вспыхнула с яростью; деревянные здания были мгновенно разрушены и повержены на землю, а незадачливый Уильям Малет с женой и детьми в плену был одним из немногих норманнов в Йорке, переживших тот день.

11 сентября, еще до того, как датская армия приблизилась к стенам Йорка, архиепископ Элдред, один из немногих англичан высокого ранга, принявших нормандское завоевание как необратимое, скончался, измученный преклонным возрастом и горем из-за разорения, которое, как он предвидел, вот-вот обрушится на жителей его провинции. Падение Йорка было самым серьезным препятствием, которое до сих пор мешало планам короля Вильгельма в Нормандии или Англии; оно легко могло привести к образованию датского княжества за Хамбером; оно, несомненно, подстегнуло мятежные движения на юге. В ярости от этой новости король приказал ужасно изуродовать беглецов, рассказавших эту историю, в качестве предупреждения своим капитанам о возможном предательстве^[216] а затем отправился на север. Когда он приблизился к границе с Нортумбрией, датчане отказались от своего нового завоевания и направились к своим кораблям, переправились на них через Хамбер и обосновались среди болот острова Эксхольм. Это движение отвлекло марш короля; он ударил прямо на Линдси с отрядом кавалерии и сокрушил несколько разрозненных отрядов врага, которые были рассеяны по болотам. Датчане, сочтя свое положение несостоятельным, снова сели на свои корабли и переправились на йоркширский берег, куда Уильям не имел возможности последовать за ними. Поэтому он оставил часть своих войск под командованием графов Мортена и Ю для защиты Линдси, а сам повернул на запад, чтобы подавить местное восстание, вспыхнувшее в Стаффорде.

Мы ничего не знаем о лицах, ответственных за это последнее восстание, и не имеем ни малейшего представления об их целях, но вполне возможно, что они действовали заодно с людьми, которые в это время осаждали новый замок Шрусбери. Вильгельм в этом году сражался с людьми кельтской, а также скандинавской расы, ибо Бледдин, король Гвиннеда, в третий раз за три года поднял оружие против норманнов на границе с Уэльсом. К людям Северного Уэльса Эдрик Дикий привел отряд из Херефордшира, и жители Честера, который, по-видимому, еще не был оккупирован норманнами, присоединились к нападению. Союзникам удалось сжечь город Шрусбери и уйти до того, как нормандские войска прибыли на помощь замку, но стаффордширским повстанцам повезло меньше. Нам просто говорят, что король Вильгельм “уничтожил большое количество мятежников легкой победой при Стаффорде”, но проведенный во вторник обзор страны на значительной части земель, которые он возвращает как “опустошенные”, предполагает, что Стаффордшир в это время получил от руки Вильгельма некоторую долю участия, которая должна была обрушиться на Йоркшир до окончания года.

Тем временем восстание на юго-западе шло своим чередом. Здесь, как и везде, планы восставших англичан, похоже, не простирались дальше захвата отдельных замков; особенно королевской крепости, которая была построена в Эксетере после осады предыдущего года, и личной крепости графа Роберта де Мортена в Монтакуте в Сомерсете. Командование против осаждавших Монтакут принял епископ Джеффри Кутанский, который быстро рассеял повстанцев с помощью армии, собранной из Лондона, Винчестера и Солсбери, главных городов на главной дороге с востока в Девон и Сомерсет. Ситуация в Эксетере осложнялась позицией самих горожан, которые, должно быть, стремились не лишиться привилегий, полученных ими от короля Вильгельма по договору, который так недавно положил конец их собственному восстанию. Соответственно, когда новый замок был осажден полчищами девонцев и корнуолльцев, горожане перешли на сторону норманнов; и гарнизон, совершив вылазку, поверг мятежников в состояние замешательства, которое завершилось прибытием Бриана из Пентьевра, который продвигался на помощь жителям замка.

Теперь, когда больше не предвиделось никакой опасности, на землях между Трентом и Северном у короля Вильгельма были развязаны руки для решения нортумбрийских проблем. Его помощники в Линдси ухитрились застать врасплох нескольких датчан, когда те участвовали в деревенских празднествах, которыми мужчины этого района предвосхищали обычные оргии середины зимы и на которые они, по-видимому, пригласили своих датских друзей. Это, однако, было тривиальным делом; существовала вероятность, что датчане вернутся, чтобы завладеть Йорком, и когда Завоеватель в следующий раз появится после битвы при Стаффорде, его найдут в Ноттингеме на пути в северную столицу. На протяжении пятидесяти миль к северу от Ноттингема он следовал маршрутом, по которому в прошлом году продвигался к Йорку, но его внезапно остановили в том месте, где рассматриваемая дорога пересекает Эйр недалеко от современного города Понтефракта. Мост был сломан, и реку, вздувшуюся, скорее всего, из-за зимних дождей, нельзя было ни перейти вброд, ни переплыть на лодках, в то время как противник укрепился на противоположном берегу. По этой последней причине восстановить мост было невозможно, и в течение трех недель армия бездействовала из-за этого неожиданного препятствия. Наконец рыцарь по имени Лисуа де Монастери, обследовав реку в поисках брода на многие мили выше и ниже лагеря по сломанному мосту, обнаружил реальную переправу где-то среди холмов к западу от Лидса и форсировал ее с шестьюдесятью всадниками, несмотря на усилия врага на левом берегу. Продемонстрировав возможность переправы в этом месте, Лизуа вернулся в Понтефракта; и под его руководством вся армия перешла Эйр, а затем повернула к Йорку по труднопроходимой местности, граничащей с великой равниной Уз. Когда армия приблизилась к Йорку, пришло известие, что датчане эвакуировали город, поэтому король разделил свои силы, отправив один отряд занимать и восстанавливать разрушенные замки, а другой - в Хамбер, чтобы держать датчан в узде. Но у него самого были другие дела, и в это время он не приезжал в Йорк.

Казалось бы, нормандский переход Эйра, каким бы опасным он ни был, действительно деморализовал нортумбрийских повстанцев и их датских союзников. Последние, как мы видели, сразу же отступили к Хамберу, не нанеся ни одного удара; масса вооруженных англичан, по-видимому, одновременно отступила к холмам западного Йоркшира, поскольку Завоеватель теперь перешел к их преследованию и к окончательному покорению негостеприимной земли. С мрачной решимостью он прокладывал свой путь по лесистым долинам, пересекающим великую горную цепь северной Англии, и намеренно опустошал этот регион, чтобы ни одно человеческое существо не могло найти там средств к существованию. Соппротивление, разрозненное и безрезультатное, он, должно быть, встретил; но теперь на этот раз покорность не принесла пользы, и те, кто погиб в безымянных битвах, в которых отчаявшиеся люди безнадежно бросались на линию его неумолимого марша, пережили более короткие муки, чем те, кто выжил, увидев, как их дома со всем их имуществом тлеют на пути уничтожающей армии. Но вскоре из поверженных людей был выбит дух, и, не опасаясь неожиданности или засады, Вильгельм смог еще больше разделить свою армию и ускорить печальный процесс уничтожения. Вскоре его солдаты были разбиты лагерями на площади в сто миль, и север и восток Йоркшира постигла участь, которую Завоеватель лично обрекал на Западный Райдинг. Перед Рождеством, вероятно, вся земля от Северного моря до залива Моркамб, за редчайшими исключениями, превратилась в безлюдную пустыню.

Захват Йоркшира - одно из немногих событий такого рода, в отношении которых обычная риторика средневекового хрониста подтверждается только документальными свидетельствами. Только из рассказов Ордерика Виталиса и Симеона Даремского мы могли бы составить четкое представление об ужасающей реальности великого опустошения, но

несколько колонок "Обзора Судного дня Йоркшира", где предпринята попытка оценить последствия опустошения для королевской казны, бесконечно более наводят на размышления. Страница за страницей, с убийственной повторяемостью, поместье за поместьем сообщается об "опустошении", и даже в тех местах, где была восстановлена сельскохозяйственная жизнь, а сожженные деревни отстроены заново, люди, населявшие их, образовывали жалкие группки посреди окружающих руин. Что касается судьбы людей, бежавших от армии короля Вильгельма в роковом декабре, то нельзя рассказать ничего определенного. Многие продавали себя в рабство в обмен на еду, многие пытались пробиться на юг, в более процветающие графства Мидленда; местная история Ившемского аббатства повествует о том, как толпы беглецов из районов, посещенных Завоевателем в ходе этой кампании, заполнили улицы маленького городка, и как каждый день пятеро из шести из них, измученные голодом и изнуренностью, умирали, и приор монастыря их хоронил. Многие, без сомнения, пытались выжить по соседству со своими старыми домами, пока не пройдет суровая зима; но пятьдесят лет спустя на севере хорошо помнили, как тела тех, кого сейчас настиг голод, лежали, разлагаясь, на обочинах дорог. Даже во времена Стефана южный писатель Уильям Малмсберийский рассказывает нам, что плодородные земли севера все еще хранили многочисленные следы того, что произошло зимой 1069 года.

Праздник Рождества вызвал короткий перерыв в мрачном продвижении короля Вильгельма. Его работа ни в коем случае не была завершена на севере; датчане все еще находились в Хамбере; Честер оставался фактически независимым. Итак, регалии и королевская посуда были доставлены из сокровищницы в Винчестере, и рождественский пир был проведен в Йорке со всей традиционной пышностью, насколько позволяли место и повод. Церемония закончилась, кампания возобновилась, и в Новом году Завоеватель отправился на охоту за отрядом англичан, которые, по-видимому, окопались среди болот, которые тогда лежали между Кливлендскими холмами и устьем реки Тис.^[217] Повстанцы, однако, ночью бежали, услышав о наступлении короля, и Уильям провел у Тиса пятнадцать дней, в течение которых граф Уолтеф лично выразил свое подчинение, а Госпатрич отправил послов, которые поклялись в верности от его имени. Таким образом, Госпатрич был восстановлен в своем графстве, и Уильям вернулся в Йорк, предпочитая ездить верхом по труднопроходимой местности Востока римской дороге, которая вела на юг от Тиса близ Дарлингтона вниз по равнине Уз.^[218] Вполне вероятно, что Уильям выбрал этот маршрут с целью выследить любые разрозненные банды объявленных вне закона англичан, которые могли до сих пор держаться вместе в этом недоступном регионе; но его войско сильно пострадало от холода, многие лошади погибли, а однажды он сам сбился с пути и на целую ночь отделился от своей армии всего с шестью спутниками. Однако Йорк, наконец, был достигнут в безопасности, и завоевание Нортумбрии было завершено.

Теперь можно было приступить к заключительному этапу кампании, и, приняв меры, необходимые для обеспечения безопасности Йорка, Вильгельм отправился в последний и самый грозный из многих походов этой памятной зимы, к единственному важному городу Англии, который так и не покорился его власти. Честер все еще оставался в руках англичан, и, помимо его стратегического значения, жители великого порта определенно привлекли внимание короля Вильгельма той ролью, которую они сыграли в недавней осаде Шрусбери. Его власть на севере никогда не будет надежной, пока он не захватит город, где ирландские викинги и валлийские горцы могли в любой момент собрать свои силы для нападения на заселенные срединные земли. С другой стороны, географические трудности на пути прямого перехода из Йорка в Честер были огромными. От края Йоркской равнины до долины Мерси

высота местности никогда не опускается ниже 500 футов над уровнем моря; и, поскольку римское шоссе из Йорка в Манчестер пришло в упадок, никакие дороги не пересекали эту дикую местность, за исключением тех, что служили для сообщения между деревнями. Но более серьезная причина опасности заключалась в том факте, что сама армия теперь начала проявлять зловещие симптомы, которые легко могли перерасти в настоящий мятеж. Напряжение затянувшейся кампании сказывалось на солдатах, и наемная часть армии, представленная солдатами из Анжу, Бретани и Мэна, начала требовать увольнения, жалуюсь, что эти непрерывные марши были более невыносимы, чем даже утомительная служба в замковой охране. Завоеватель в ответ просто заявил, что ему ни к чему трусы, которые хотят покинуть его,^[219] и, положившись на лояльность своих собственных подданных в армии, он направился напрямик к холмам, разделяющим современные графства Йоркшир и Ланкашир. По крайней мере, часть пути, которым мы следовали в конце января, должно быть, пролегла через районы, лишившиеся всех припасов во время великого опустошения декабря; и армия временами была вынуждена питаться лошадьми, погибшими в болотах, которые постоянно преграждали путь наступлению. Ливни и град, обрушившиеся в это время, были сочтены заслуживающими упоминания в самом раннем отчете о походе, которым мы располагаем, и мы можем видеть, что только пример собственного мужества и выносливости короля Вильгельма сполнил армию и привел ее в целостности и сохранности на Чеширскую равнину. Честер, по-видимому, сдался, не осмелившись выдержать осаду, и с его покорностью, гарантированной, как обычно, основанием замка,^[220] работа Завоевателя на севере наконец была завершена. Из Честера он перебрался в Стаффорд, где был возведен еще один замок с гарнизоном, а затем прошел маршем прямо через Англию к Солсбери, где армия была распущена, за исключением людей, которые протестовали против нынешней экспедиции и теперь были продержаны при оружии еще сорок дней в знак немилости короля.

Тем временем, с помощью искусной дипломатии Вильгельм застраховал себя от активной враждебности со стороны датского флота. Граф Асбьорн и его сподвижники пока мало что выиграли от своей английской авантюры; и граф оказался очень сговорчивым, когда к нему прибыло тайное посольство от короля, обещавшее ему крупную сумму денег и право снабжать своих людей за счет жителей побережья на оставшуюся часть зимы с единственным условием, что он впредь до своего отъезда будет соблюдать мир по отношению к королевским войскам. Граф, получивший таким образом некоторую личную выгоду, согласился на условия, и до наступления весны датские корабли все еще находились в английских водах.

Опустошение Нортумбрии, самое заметное событие за эти двенадцать месяцев непрерывной деятельности, было мерой, оправдать которую было бы невозможно и дерзко. Это было логическим результатом противостояния непримиримого народа непреклонному завоевателю. После того, как битва при Гастингсе разрушила кажущееся единство старого английского государства, каждая из его составных частей все еще могла обеспечить мир полным подчинением или честь последовательным и слаженным сопротивлением; люди Нортумбрии избрали единственный путь, который наверняка привел бы к катастрофе, и, какими бы ужасными ни были последовавшие за этим страдания, мы не можем сказать, что месть была незаслуженной. Война в XI веке была в лучшем случае жестоким делом, но мы не можем справедливо обвинять Завоевателя в том, что он намеренно усугублял ее ужасы без побуждения, которое он, должно быть, считал необходимостью. Ему приходилось иметь дело с людьми, которым он не мог доверять, которые поклялись в подчинении и нарушили свои клятвы, а средств в его распоряжении было немного. Он не мог депортировать население Нортумбрии, как Кромвель должен был депортировать коренных ирландцев при схожих

обстоятельствах; его норманнов было еще слишком мало, чтобы эффективно разместить гарнизоны на всех диких землях между рекой Хамбер и шотландской границей. Единственный путь, который оставался Завоевателю, состоял в том, чтобы лишить мятежников возможности восстать снова, и он последовал этому пути с ужасающим успехом. И именно по этой причине — что Нортумбрия была опустошена не в пылу войн, а намеренно, по велению политической необходимости — описавшим это летописцам этот акт показался самым ужасным. Люди слишком хорошо привыкли к виду разрушенных деревень, умирающих от голода женщин и детей; но все это казалось менее ужасным как дело рук шотландских и датских флибустьеров, чем как сознательное намерение коронованного короля этой страны. Мы также не должны забывать, что мы не знаем, насколько король Вильгельм на самом деле грешил против нынешней военной практики своего времени. Монашеские хронисты, чье мнение об этом случае заслуживает нашего внимания в силу его гуманности, были людьми, приведенными самим фактом своего призвания к более ясному пониманию ценности индивидуальной жизни, чем то, которым обладал окружающий их мирянин. Мы знаем, что Ордерик Виталис думал о великом походе, возможно, даже о том, что думал об этом Вильгельм Пуатье, личный капеллан Завоевателя, но мы не знаем, каким это представлялось Уильяму Фиц Осберну или Роджеру де Монтгомери.

Согласно утвержденному им обычаю, после этих событий Завоеватель отпраздновал Пасху в Вестминстере, и на празднике присутствовали три папских легата высокого ранга, чье присутствие знаменует начало церковной реформации, которую нам придется рассматривать в своем месте как аналог правовых и административных изменений, произведенных нормандским завоеванием. Однако тем временем разбитая национальная партия собирала свои силы для последнего боя, и центр английского сопротивления переместился на крайний восток страны.

На каждом этапе нормандского завоевания всегда существовал какой-то конкретный район, вокруг которого в то время сосредоточивались основные интересы, а военные операции в других местах имели второстепенное значение. Именно жители Кента и Сассекса приняли на себя основную тяжесть первого удара вторжения; именно жители севера удерживали поле боя в 1069 году, и теперь, в последний период английского сопротивления, наше внимание сосредоточено на прямоугольном участке земли, который лежит между Уэлландом, Эрминстрит, Уз и Уошем. Даже в наши дни, после восьми столетий осушения, нетрудно реконструировать географические особенности, которые в 1070 году сделали Фенландию самой труднодоступной частью Англии к югу от Хамбера. За исключением узкого тракта к северу от Хантингдона и Сент-Айвса, ни одна часть этого района не поднимается выше ста футов над уровнем моря, и большая его часть все еще была покрыта болотами и заливами со стоячей водой, которые дали восточной половине этого региона название остров Эли. Поскольку земледелие уже распространилось в этом негостеприимном квартале, это можно справедливо отнести на счет пяти великих аббатств Питерборо, Торни, Кроуланда, Рэмси и Эли, которые господствовали над болотами и вокруг которых разворачивались события кампании 1070 года.

Аббат Бранд из Питерборо, чье признание Эдгара Этелинга королем так глубоко тронуло гнев Завоевателя во время его коронации, скончался 27 ноября 1069 года.^[221] В этот момент король Вильгельм был в гуще своих нортумбрийских трудностей, и, похоже, что никаких назначений в Питерборо не было назначено до более спокойных времен следующей весны. Однако в мае или раньше аббатство было передано человеку, чей выбор на этот пост доказывает, что король получил предупреждение о надвигающемся волнении на востоке. Торольд из Фекана, аббат Малмсберийский, вероятно, принес пользу в северном Уилтшире,

пока Уильям был занят за Хамбером, поскольку репутация сурового воина, которую он создал на юге, стала причиной его перевода на опасный пост в Фенландии. “Клянусь величием Божьим, - сказал король Вильгельм, - если он больше рыцарь, чем аббат, я найду ему человека, который выдержит все его атаки, где он сможет доказать свою доблесть и рыцарство и попрактиковаться в военном искусстве”.^[222] Человек, о котором идет речь, был не кто иной, как знаменитый Хирвард, и Торольд незадолго до этого был его отцом. видел следы работы его рук.

Количество достоверных фактов, которые мы знаем о Хирварде, очень мало по сравнению с огромной массой легенд, которые сложились вокруг его имени. Его происхождение совершенно неизвестно, но в "Судном дне" есть несколько случайных записей, которые связывают его с западной окраиной Фенленда и все они происходят в Линкольнширской части обзора. Из этих записей мы узнаем, что Хирвард был арендатором двух великих аббатств Фенленда, а именно Кроуленда и Питерборо, и мы также заключаем, что прежний дом считал его неподходящим человеком для ведения дел. Присяжные заседатели Эйвеланда Вапентейка в Линкольншире сообщили членам комиссии "Судного дня", что аббат Ульфкетил из Кроуленда передал поместье аббатства в деревне Риппингейл Хереварду на условиях, которые будут согласовываться ежегодно, но они добавляют, что аббат снова вступил во владение землей до того, как Херевард бежал из страны, потому что он не выполнил свое соглашение.^[223] С другой стороны, Херевард, по-видимому, все еще владел землями аббатства Питерборо, которыми он владел, в тот момент, когда его имя впервые появляется в национальной истории.

Где-то в течение мая, но еще до того, как аббат Торольд вступил во владение своим аббатством, датский флот, о котором мы ничего не слышали с прошлого года, отплыл вверх по Узе в Эли. До сих пор его лидеры, по-видимому, соблюдали соглашение, которое они заключили с королем Вильгельмом после взятия им Йорка, и тот факт, что теперь они, похоже, снова перешли в наступление, вероятно, объясняется заявлением в Англосаксонской хронике о том, что король Дании Свегн лично прибыл в Хамбер.^[224] Жители Фенленда явно ожидали отвоевания Англии датчанами, и при появлении графа Асбьерна в Эли они в большом количестве присоединились к нему. Среди них и, вероятно, во главе их был Хирвард, и первым плодом союза стал успешный набег на богатый и незащищенный монастырь Питерборо. Монахи получили достаточное предупреждение о приближающейся опасности, чтобы отправить срочное сообщение аббату Торольду с просьбой о помощи, а также спрятать некоторые из наиболее ценных сокровищ своего дома, и затем в полдень Хирвард и его банда напали на них. Они приплыли на лодке, поскольку даже в то время существовали каналы, соединявшие Уз в Эли с Нене в Питерборо, и начали требовать допуска в аббатство.^[225] Но монахи закрыли свои двери и стойко защищали их, так что Хирварду пришлось сжечь дома, которые толпились вокруг ворот аббатства, чтобы силой войти. Кстати, весь Питерборо был сожжен дотла, за исключением церкви и единственного дома, но разбойники проникли внутрь монастыря. Монахи умоляли их не причинять вреда, но, не вняв им, они ворвались в церковь, схватили все ценные предметы, какие только смогли достать, и попытались снести большой крест руд. На крики окружавших их монахов они кричали, что делают все это на благо церкви, и поскольку Хирвард был жильцом аббатства, монахи ему поверили. Действительно, сам Хирвард спустя годы заявлял, что руководствовался в этом вопросе самыми благими намерениями, поскольку верил, что датчане победят короля Вильгельма, и считал, что было бы лучше, если бы сокровища церкви некоторое время оставались в руках его друзей, чем если бы они навсегда перешли во владение французов.

Итак, монахи были рассеяны, а богатства Золотого городка были перевезены в Эли и переданы датчанам, которые, похоже, не разделяли чувств Хирварда относительно его конечного назначения. Среди пленников, которых увезли из Питерборо, был приор Этельвольд, который в надежде на лучшие дни тайно посвятил себя возвращению реликвий, хранившихся в украшенных драгоценными камнями гробницах, которые составляли самую ценную часть только что захваченной добычи. Преследуя эту цель, он намеренно стремился завоевать расположение разорителей его дома, и преуспел в этом настолько, что датчане передали свои сокровища на его хранение и пообещали ему епископство в Дании, если он решит вернуться с ними. Будучи человеком осмотрительным, он притворился, что выполняет их пожелания, а сам тем временем обзавелся инструментами, необходимыми для извлечения реликвий. И в определенный день, когда датчане устраивали большой пир, чтобы отпраздновать обретение столь великого сокровища столь малой ценой, Этельвольд взял свои инструменты и приступил к работе, начав свои операции с реликварием, в котором, как он знал, находилась рука Сент-Освальда. Чтобы предотвратить вторжение, он поставил двух слуг на стражу: одного в доме, где пировали датчане, а другого на полпути между последним местом и местом его собственных трудов. Задача продвигалась без больших трудностей, чем можно было ожидать, хотя один из сундуков был так плотно закован в железо, что Этельвольд отказался бы от него, если бы не верил в Бога и Сент-Освальда. Наконец все реликвии были собраны и временно спрятаны в соломе постели настоятеля, при этом он позаботился о том, чтобы заменить золотую и серебряную фурнитуру святынь на прежнее место. Но в критический момент датчане разошлись, чтобы идти к вечерне, и Этельвольду грозила неминуемая опасность быть схваченным, и в этом случае вполне вероятно, что его благочестивое рвение было бы вознаграждено венцом мученичества. Но, не выходя из своей комнаты, приор, покрытый потом и очень красный от работы в жаркий июньский полдень, умылся холодной водой и вышел к своим тюремщикам как ни в чем не бывало, и они, которые, как нам сказали, почитали его как отца, столпились вокруг него, но не задавали неудобных вопросов. И на следующий день он послал двух своих слуг в Хирвард — потому что его товарищи наводнили все водные пути — под предлогом, что они хотят привезти что-то из Питерборо, но на самом деле они отправились в ближайший монастырь Рэмси и передали реликвии на попечение тамошнего настоятеля.

На этом этапе приключения приора Этельвольда затрагивают течение общей истории. Король Вильгельм, чтобы, по-видимому, отделить восставших англичан от их датских союзников, заключил договор со Свеном Датским, по которому его подданным должно было быть разрешено беспрепятственно отплыть на родину со всей добычей, которую они награбили за последние месяцы. Они воспользовались этим предложением, но мало что от него выиграли, потому что поднялся сильный шторм, который разметал их корабли, и последнее, что мы слышим о сокровищах Питерборо, — это их уничтожение в безымянном датском городке в большом пожаре, возникшем из-за пьянства их хранителей. Тем временем Этельвольд, справившись со своими неприятностями, собрал своих братьев-монахов и вернулся в Питерборо, где они нашли аббата Торольда и восстановили службы, которые были приостановлены во время недавних беспорядков. Одна неожиданная трудность действительно проявилась: люди Рэмси отказались отдать реликвии, которые были доверены их попечению в минуту опасности. Но аббат Рэмси вскоре образумился; ризничий монастыря получил сверхъестественное указание на то, что его дом поступает несправедливо, и Торольд из Питерборо пригрозил сжечь аббатство Рэмси дотла, если реликвии не будут возвращены. Таким образом, героические усилия Этельвольда не привели к срыву их цели.

События развивались так быстро, что между прибытием Хирварда в Питерборо и уходом датского флота прошла всего одна неделя. Но должен был пройти еще целый год, прежде чем остров Эли был окончательно очищен от его гарнизона повстанцев. Не похоже, что уход датчан имел какое-либо значение для оккупации Эли англичанами, и зимой 1070 года остров стал местом сбора последних приверженцев распавшейся национальной партии. Сейчас их осталось очень мало. Эдгар, их номинальный глава, жил в мире с королем Шотландии Малькольмом; Уолтхоф, последний представитель датских графов Нортумбрии, в этот момент наслаждался графством в срединных землях, которое, есть все основания полагать, включало в себя сам остров Эли. С другой стороны, Эдвин и Моркар наконец-то покинули двор Вильгельма и подняли последний из своих тщетных протестов против нормандского правления.

До сих пор неразлучные, на этот раз братья-графы пошли разными путями, и результат оказался катастрофическим для них обоих. Моркар присоединился к разбойникам в Эли; Эдвин отправился в шотландское королевство, и из наших скудных сведений о его последних месяцах можно сделать вывод, что он вынашивал какой-то грандиозный план по возрождению старой дружбы между своим домом и валлийскими принцами и поддержке объединения с помощью Шотландии. Но судьба настигла его прежде, чем он успел в очередной раз продемонстрировать свою политическую никчемность, и обстоятельства его кончины были трагическими и загадочными. Три брата, которые были с ним в близких отношениях и сопровождали его в его странствиях, предали его норманнам, и при попытке к бегству его отступление было перекрыто рекой, поднявшейся в тот момент из-за высокого прилива. На ее берегу последний граф Мерсии обратился в бегство и с двадцатью всадниками на своей стороне отчаянно оборонялся, пока весь отряд не был перебит; сам Эдвин, по-видимому, пал от рук трех предателей из его окружения. Ему отрубили голову, и те же три брата принесли ее королю Вильгельму в ожидании большой награды. Но Победитель тут же объявил их вне закона за измену своему господину и пролил слезы горя над головой Эдвина, ибо красивый, непостоянный молодой граф, несмотря на все свои недостатки, действительно завоевал любовь сурового монарха, от которого он трижды восставал.^[226]

Эдвин пал из-за предательства, но встретил свою смерть при свете солнца; другая судьба уготована его брату и тем из его товарищей, чей конец нам известен. Дело защитников Эли с самого начала было безнадежным. Их восстание было помехой упорядоченному поведению англо-нормандского правительства, но банда преступников на фенландии мало что могла сделать, чтобы повлиять на ход событий в других местах; над Эли не было большой дороги или реки, а его остров был слишком мал, чтобы поддерживать независимое существование отдельно от остальной части страны. Его сокращение было лишь вопросом времени, осложненным географическими трудностями района. Было необходимо перекрыть все водные пути, ведущие из болот в открытое море, а это предполагало сосредоточение значительного количества кораблей и вооруженных людей вдоль Большого и Малого Уз. Осада четверти Кембриджшира потребовала больших затрат людей и денег, чем осада одного города или замка; но Хирвард и его друзья в свое время были отброшены к самому Эли, откуда их отряды время от времени совершали набеги на соседние деревни. Завоеватель расположил свою штаб-квартиру в Кембридже, примерно в пятнадцати милях от Эли, и его главная атака была направлена в том месте, где Уз пересекает древняя дамба близ деревни Олдрет. Но даже от последнего места оставалось преодолеть около шести миль болот, прежде чем можно было достичь самого Эли, и нам достоверно известно, что Уильям приказал построить мост длиной в две мили на западной стороне острова.^[227]

Легендарные рассказы о подвигах Хирварда повествуют о борьбе, которая разгорелась до того, как нормандская армия прорвала естественную оборону Эли, но мы не можем быть уверены в точных средствах, с помощью которых это место было окончательно взято. Одно из течений традиции приписывало падение Острова предательству аббата и монахов Эли, и, хотя авторитетность такого утверждения не является первоклассной, оно обычно принимается как представляющее истину в этом вопросе.^[228] По крайней мере, несомненно, что положение, в котором оказались монахи Эли, было в лучшем случае нежелательным. Поведение Хирварда и его людей в Питерборо доказывает, что они не уважали святыне места, и если аббатство купило немедленную безопасность, потворствуя деяниям преступников по соседству, оно рисковало окончательно конфисковать свои земли, когда король Вильгельм восстановил порядок. Небольшая вина должна лежать на аббате, если он преодолел дилемму, в которую был поставлен, помогая Завоевателю в захвате Острова. Но какова бы ни была непосредственная причина падения Эли, большое количество его защитников попало в руки Вильгельма, и многие из них получили от него такую же меру, какую двадцать лет назад он принял по отношению к жителям Алансона. Некоторых ослепили или иным образом искалечили и отпустили на свободу, других бросили в тюрьму. Сам граф Моркар был отправлен в Нормандию пленником и передан на попечение Роже де Бомона^[229]; другие известные пленники были разбросаны по стране в разных крепостях. Но Хирвард, который во всех наших источниках выделяется как лидер сопротивления, сбежал через болота, и небольшая часть его банды покинула Остров в его компании.^[230]

Каким бы ни было недавнее поведение монахов Эли, аббатство было вынуждено дорогой ценой купить покой короля. Первоначально Завоеватель потребовал семьсот марок серебром, но оказалось, что деньги были невелики, и потребовалось еще триста марок, прежде чем королевский чиновник счел аббата и монахов уволенными. Более того, на саму территорию аббатства вторглись, чтобы найти место для замка, господствующего над южными болотами: сам король Вильгельм выбрал эту территорию во время кратковременного визита, который он нанес Эли однажды, когда монахи сидели за ужином. Строительство замка, согласно нормандской интерпретации англосаксонского долга *берботов*, было возложено на мужчин трех соседних графств Кембриджа, Хантингдона и Бедфорда, и при строительстве его охранял отряд отборных рыцарей. Другой замок в Алдрете господствовал над восточными подступами к острову.^[231] С другой стороны, некоторой компенсацией за эти беспорядки было бы то, что в течение четырех лет после падения Эли и при жизни аббата Терстана король Вильгельм издал указ об официальном возвращении аббатству всех земель, которые оно несправедливо отняло в последние годы.^[232] Теперь, когда не следовало опасаться дальнейшей опасности со стороны националистических наклонностей монахов Эли, не было никаких причин, по которым аббатству нельзя было позволить спокойно пользоваться своими древними владениями; но запись заявления, последовавшего за указом Завоевателя о реституции, доказывает, что многие из выдающихся людей страны, включая архиепископа Стиганда и графа Юстаса, были вынуждены покинуть аббатство. из Булони, совершал массовые грабежи в поместьях Сент-Этельтрайт.

Дальнейшая судьба Хирварда остается предметом полной неопределенности; после своего бегства через болота Эли он исчезает в ночи, которая поглотила весь класс, к которому он принадлежал, мелких местных землевладельцев времен короля Эдуарда. В последующие годы были распространены две линии предания о том, как он кончил. Согласно более драматичному повествованию, Хирвард примирился с Завоевателем, сопровождал его в Манселской кампании 1074 года, женился на знатной и богатой англичанке и, наконец, пал перед превосходящими силами противника от рук нескольких норманнов, вражду которых

он, по-видимому, спровоцировал в дикие дни своего изгнания.^[233] В другой истории Хирвард все еще пользуется благосклонностью короля Вильгельма и женится на той же английской леди, что и в предыдущей легенде, но он, наконец, умирает с миром после многих лет спокойного владения землями своего отца.^[234] Выбор, который мы можем сделать между этими расходящимися традициями, в значительной степени будет определяться выводами из более достоверных исторических источников информации. Весьма вероятно, что Хирвард заключил мир с королем Вильгельмом — обе традиции сходятся в этом пункте; и то случайное выражение в повествовании о разграблении Питерборо, что Хирвард “впоследствии часто говорил монахам, что он делал все к лучшему”, доказывает, по крайней мере, что после смуты 1071 года был период, когда Хирвард поддерживал мирные отношения со своими соседями-монахами. Точно так же совпадение обеих ветвей традиции в отношении его брака говорит в пользу его вероятности, но отрицательные свидетельства “Книги Страшного суда” вынуждают нас отнести период его жизни к зиме 1085 года. Ни в одной части Англии в последнее время не было более многочисленного племени коренных туземцев, чем в родном графстве Хирварда Линкольн, но имени Хирварда среди них нет, а земли, которыми он владел в аббатстве Питерборо, были сданы в аренду иностранцу. Но если легенда о Хирварде не согласуется сама с собой, то существует более существенное расхождение между ролью, которую ее герой играет в письменной истории, и его положением как героя романа. По крайней мере, несомненно, что этот человек должен был быть чем-то большим, чем вульгарный флибустьер, который фигурирует в истории о разорении Питерборо. Ему мы можем смело приписать долгую оборону острова Или, и мы можем быть уверены, что эта оборона сопровождалась подвигами храбрости, из которых менестрель и менестрельский менестрель могли бы соткать ткань легенд и чудес. В конце концов, Хирвард в литературе, если не на самом деле, является английским героем нормандского завоевания. Местный летописец мог бы выразить свое горькое сожаление по поводу трагедии короля Гарольда, простой народ Англии мог бы превратить графа Уолтхофа в неканонизированного святого, но Хирвард не отличался большим рангом от простых людей, которые сделали его деяния своей историей. И немаловажно, что история сопротивления норманнскому завоевателю, какой бы бесславной ни была большая ее часть, заканчивается именем человека, в котором грядущие поколения могли бы видеть настоящего поборника независимости побежденной расы.

Пенни Свена Эстутсона

ГЛАВА VIII

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ГОДЫ АНГЛИЙСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

Завоевание Англии возвысило Вильгельма Нормандского до положения достоинства и влияния намного выше всех его собратьев-вассалов французской короны, оно возродило блеск славы, которую нормандская раса завоевала при более раннем завоевании южной Италии, но это не означало безоговорочного выигрыша для нормандского государства, рассматривавшегося просто как феодальная держава. Процесс, превративший герцога нормандского в короля английского, означал выход Нормандии из феодальной политики Франции на четыре года, и за этот промежуток времени в пределах французского королевства произошли определенные изменения значительной важности. Война за анжуйское наследство теперь закончилась; Фульк ле Решен благополучно отправил своего брата в тюрьму и мог начать проявлять себя как истинный наследник Джеффри Мартеля, возобновляя планы последнего по территориальному расширению. Король Франции Филипп достиг возраста, когда он мог править лично, и было неизбежно, что вражда между Нормандией и Францией станет глубже и упорнее теперь, когда Вильгельм достиг ранга, который ставил его в один ряд со своим сюзереном, и мог использовать ресурсы своего нового королевства для осуществления любых замыслов, которые он мог бы вынашивать в отношении целостности королевских владений. Важнее всего было то, что граф Болдуин Фландрский умер в 1067 году, и происходили события, которые на двадцать лет поставили богатое графство в стойкое противостояние интересам англо-нормандского государства.

Между 1067 и 1070 годами Фландрия находилась под властью графа Балдуина VI, старшего сына Балдуина Лилльского, который значительно расширил свои границы, женившись на Ричильдис, наследнице соседнего имперского феода Эно. Графы Фландрии взяли за правило передавать свое наследство безраздельно выбранному наследнику, и Роберт, младший сын старого графа Балдуина, перед смертью своего отца обезопасил себя от окончательного лишения наследства, женившись на Гертруде, вдове Флорана I, графа Голландии, и взяв на себя опеку над ее сыном Теодорихом. После смерти Балдуина VI родовые владения Фландрии перешли к его старшему сыну Арнульф, который был передан под опеку своего дяди Роберта, в то время как Эно перешло к Балдуину, второму сыну, под регентством его матери Ричильдис. Два регента с самого начала были в плохих отношениях, но Роберту в то время было трудно сохранить свое положение в Голландии, и Ричильдис вскоре завладела Арнульфом, наследником Фландрии, и правила там от его имени. Но ее властное поведение быстро сделало ее непопулярной в графстве, и вскоре Роберту было предложено вторгнуться во Фландрию и править там по собственному праву. Он принял приглашение, и Ричильдис наняла короля Франции Филиппа, чтобы тот поддержал ее армией, и предложила свою руку и владения Уильяму Фиц Осберну, графу Херефорду. Граф, как добрый странствующий рыцарь, принял это приключение и поспешил на помощь леди с полного согласия своего господина короля Вильгельма, но попал в засаду, устроенную его врагом Робертом в Бавинкхове, близ Касселя, и погиб там вместе со своим подопечным Арнульфом. Ричильдис еще некоторое время поддерживала борьбу с помощью войск, предоставленных князем-епископом Льежским; но после их поражения под Монсом, за которым чуть позже последовала сдача Теруэн, церковной столицы Фландрии, она удалилась в монастырь Максин, и Роберт, которого в истории обычно называют “фризцем” по названию его прежнего княжества на берегах Зюйдер-Зее, с тех пор постоянно владел Фландрией.

Предприятие Уильяма Фиц Осберна означало расторжение союза между Нормандией и Фландрией, который был основан браком Завоевателя в 1053 году. Это правда, что

французские, а также нормандские войска были вовлечены в катастрофу при Бавинкхове, но Вильгельм намеренно отказался заключить мир с Робертом, признав его право на Фландрию, и бросил его в объятия короля Франции, поддержав притязания Балдуина, брата покойного Арнульфа. Тесная дружба, которую на какое-то время установила эта политика между Францией и Фландрией, может свидетельствовать о том, что Вильгельм на этот раз подчинил государственные вопросы личным чувствам, но его собственные отношения с бывшим королем Франции, возможно, научили его тому, что союзы, которые французский монарх заключал с одним феодалом из-за общей враждебности по отношению к другому, вряд ли были очень прочными или постоянными. Вскоре после этих событий король Филипп отказался от своих фламандских связей неспровоцированным захватом Корби, предпочтя, возможно, мудро, определенную территориальную выгоду рискованному дипломатическому соглашению; и когда Роберт Фризский в 1085 году наконец попытался перейти в наступление на Вильгельма, он нашел поддержку не во французской монархии, а в далеких державах Норвегии и Дании.^[235]

Более опасными, чем открытая враждебность Фландрии, были симптомы недовольства, которые в это время начали проявляться в зависимом от норманнов штате Мэн. К счастью для Уильяма, графство сохраняло спокойствие, пока он занимался делами Англии, и восстание, которое нам сейчас предстоит рассмотреть, произошло в то время, когда он мог полностью посвятить себя работе по его подавлению. Националистическая партия в штате Мэн была только подавлена, но не раздавлена завоеванием 1063 года, и примерно через пять лет нормандского правления их надежды начали возрождаться, вероятно, благодаря внешнему внушению со стороны графа Фулька Анжуйского. На поле боя было два возможных претендента, оба связанные браком с линией местных графов: Азо, маркиз Лигурии, муж Герсендис, старшей сестры Герберта, смерть которого в 1063 году привела к нормандской оккупации, и Джон де ла Флеш, который женился на Пауле, младшей из трех сестер Герберта. Сеньор Ла Флеш был анжуйским лордом, но в последовавшей войне он принял сторону норманнов, и националисты подали прошение маркизу Лигурийскому, который появился в Мэне со своей женой Герсендис и своим сыном Хью, причем последний был принят как наследник графства.^[236] Азо привез с собой большой запас сокровищ от своей итальянской светлости, с помощью которых он добился признания притязаний своего сына на большую часть баронства Мансель, но из-за перебоев с поставками его сторонники начали отступать, и вскоре он с отвращением удалился за Альпы, оставив жену и сына поддерживать семейное дело под опекой Джеффри из Майенн.

До сих пор восстание Манселя шло обычным чередом в своем роде, но последовало более интересное развитие событий.^[237] Вскоре после ухода Азо жители Ле-Мана, отвергнув лидерство своих баронских союзников, пошли своим путем, что дает им честь примерно на двадцать лет предвосхитить движение за муниципальную независимость, которое в следующем поколении должно было революционизировать статус крупных городов Фландрии и северной Франции. Жители Ле-Мана образовали “коммуну”^[238]; то есть гражданскую республику, управляемую выборными должностными лицами и занимающую признанное юридическое положение в феодальной иерархии, к которой она принадлежала. Если бы эта ассоциация сохранялась, граждане в своем коллективном качестве могли бы управлять своим городом герцога Нормандии или графа Анжу, но они пользовались бы полной независимостью в своем местном самоуправлении, и никакой принцип феодального права не помешал бы им по-прежнему коллективно выступать в качестве повелителя собственных вассалов. Мы не знаем, побудили ли их к этому шагу известия об итальянских прецедентах в том же направлении, но образование коммуны подняло восстание на уровень, достойный революции. Горожане, как обычно в таких случаях, объединились в клятве

соблюдать свою конституцию и вынудили Жоффруа Майенского и других баронов по соседству присоединиться к ним. В этом были заложены семена будущих неприятностей, поскольку Жоффруа Майенский, типичный феодальный дворянин, не одобрял муниципальную автономию, и в значительной степени именно его притеснения как представителя Азо и его наследника подтолкнули граждан к утверждению своей независимости.

С самого начала у молодой республики все шло хорошо. До нас доходят слухи о различных нарушениях общепринятых обычаев, о смертной казни, применяемой за незначительные проступки, и об определенном пренебрежении к священным временам года церкви; но горожане смогли без особых происшествий приступить к работе по разрушению замков, господствовавших над окрестностями. Коммуна Ле-Ман прожила недостаточно долго, чтобы столкнуться с проблемой объединения могущественной сельской феодальности в целостное городское государство, и ее свержение, когда оно произошло, произошло внезапно и позорно. Примерно в двадцати милях от Ле-Мана замок Силле удерживался его сеньором Гуго против коммуны, и жители столицы созвали всеобщий сбор своих сторонников в графстве, чтобы предпринять осаду крепости. Значительное количество людей подчинилось призыву, и общинная армия отправилась в Силле во главе с Арнольдом, епископом Ле-Мана. У самого замка к армии из Ле-Мана присоединился Жоффруа Майенский со своими арендаторами; но Жоффруа почувствовал неуместность объединения с толпой мятежных бюргеров в нападении на замок собрата-дворянина, и он тайно вступил в сношения с Гуго Силле. Был ли разгром гражданского воинства, произошедший на следующий день, результатом измены Джеффри, сейчас решить невозможно, но внезапная вылазка гарнизона привела осаждающих в замешательство, и, хотя они пришли в себя достаточно, чтобы продолжать бой, в конце концов они были рассеяны сообщением о том, что сам Ле-Ман перешел в руки врага. Большое количество из них погибло в последовавшей панике, скорее из-за стремительности их бегства, чем из-за усилий жителей Силле, и епископ Арнольд был среди пленников.

В столице царила полная неразбериха. Дело коммуны было безнадежно дискредитировано, и Силле совершил предательство как в городе, так и в лагере. Замок Ле-Ман был оккупирован в националистических интересах Герсендис Лигурийской, которая сразу же после отъезда своего престарелого мужа в Италию стала любовницей Жоффруа Майенского. Но Жоффруа после своего поведения в Силле не решился вернуться в столицу, и Герсендис, не в силах выносить отсутствие своего возлюбленного, начала замышлять сдачу ему замка. Вскоре ее цель была достигнута, и в течение многих дней бушевала ожесточенная борьба между горожанами и Жоффруа Майенским, который теперь овладел их крепостью. Преданные и отчаявшиеся жители Ле-Мана обратились за помощью к Фульку Анжуйскому и продолжали осаду с такой яростью, что Жоффруа был вынужден ночью бежать. По прибытии Фулька замок сдался ему и был разобран, за исключением тех его укреплений, которые можно было использовать для общей обороны города от более сильного врага, который уже был в пути.

Как бы быстро ни развивались события, у нас еще было время, чтобы известие о восстании было доведено до короля Вильгельма в Англии, а вестником зла был не кто иной, как сам Арнольд бишоп из Ле-Мана. Задолго до того, как армия Вильгельма была приведена в движение, Арнольд вернулся в Ле-Ман, чтобы сыграть, как мы видели, несколько позорную роль в катастрофе при Силле. Тем временем Вильгельм собрал войско, которое особенно интересно тем фактом, что в нем впервые англичане объединились с норманнами на службе повелителю обоих народов за морем. Англичане следующего поколения считали, что

именно их соотечественники сослужили лучшую службу в этой кампании, а Уильям Малмсберийский считал, что, хотя англичан с легкостью победили на их собственной земле, они всегда казались непобедимыми в чужих краях.^[239] В данном случае, однако, призывов к ратным подвигам было мало. Уильям вошел в штат Мэн через долину Сарте и осадил Френе, лорд которого, Хьюберт, вскоре был вынужден сдать сам Френе и меньший замок Бомон ниже по реке из-за разграбления его земель. Следующим пунктом атаки был Силле, но Гуго де Силле подчинился еще до того, как началась капитуляция его замка, и Вильгельм двинулся на юг, в сторону Ле-Мана. После раздоров и неразберихи последних месяцев люди повсюду были расположены приветствовать короля как восстановителя мира, замки с готовностью сдавались ему, и путь в обезумевшую столицу был открыт. Здесь тоже, после небольшой задержки, его приняли без сопротивления, но жители Ле-Мана, прежде чем отдать ключи от города, получили от короля клятвенное обещание, что он простит их за бунт и будет уважать их древние обычаи и независимость их местной юрисдикции.^[240] Коммуна Ле-Ман прекратила свое существование, но в свои последние минуты она показала себя достаточно сильной, чтобы добиться возмещения ущерба от своего грозного завоевателя и защититься от возможных последствий феодальной реакции.

Теперь война вступила в новую фазу. Граф Фульк был не прочь отказаться от положения, которое он завоевал в Ле-Мане в качестве защитника его коммуны, и, если бы не необычная сила англо-нормандской армии, вполне вероятно, что он предпринял бы некоторые усилия, чтобы воспрепятствовать походу Вильгельма на город. Однако на данный момент он удовлетворился тем, что обратился к Джону де ла Флешу, ведущему стороннику Вильгельма в Анжуйской области, который немедленно обратился к своему союзнику за помощью. Вильгельм немедленно отправил ему на помощь войска под командованием Вильгельма де Мулена и Робера де Вье Пона, что привело к еще большему расширению района боевых действий. Фульк приступил к осаде Ла-Флеша и призвал к себе на помощь графа Хоэля Бретонского.^[241] Объединенное бретонско-анжуйское войско намного превосходило бы любые силы, которыми располагали лейтенанты Вильгельма на поле боя в этом квартале; и во главе большой армии, которая теперь, как и раньше, состояла как из английских, так и из нормандских войск, он лично поспешил к Ла Флешу, и все свидетельствовало о серьезном сражении первого класса. Но в решающий момент неназванный кардинал Римской церкви вместе с несколькими благочестивыми монахами вмешался в защиту мира, и в кругу нормандских лидеров графы Уильям де Эвре и Роджер де Монтгомери придерживались того же мнения. Были проведены различные конференции для обсуждения условий возможного урегулирования, и, наконец, в Бланшеланде, сразу за стенами Ла Флеша, был заключен договор.^[242] Теперь, как и десятью годами ранее, Роберт Нормандский был избран графом Мэна, и ему Фульк Анжуйский передал прямой сюзеренитет, на который он претендовал над баронами графства, вместе со всеми феодами, которые были частью брака Роберта с Маргарет, его нареченной невестой в 1061 году. Роберт, в свою очередь, признал Фулька правителем штата Мэн и выразил ему почтение в этом качестве. Вильгельм пообещал компенсацию тем баронам Манселя, которые приняли сторону анжуйцев в последней войне, и Фульк официально примирился с Джоном де ла Флешем и другими анжуйскими дворянами, которые объединились с королем Англии.

Этот договор, по сути, был компромиссом. Все непосредственные преимущества, правда, были на стороне норманнов: наследник Нормандии теперь был законным графом Мэна, а графство Роберта означало эффективное правление Вильгельма Завоевателя, который даже присвоил титул своего сына и в торжественных документах иногда добавлял к своим нормандским и английским достоинствам титул “принц людей Мэна”. Тем не менее, с другой стороны, официальное признание анжуйского владычества было немаловажной вещью. Это

дало последующим графам Анжу выгодное положение, которым они не пренебрегали. Граница, отделявшая сюзеренитет от непосредственного правления, достаточно четкая в законе, быстро стала бы нечеткой, когда сюзереном стал бы такой сильный принц, как Фульк Речинский, а арендатором - такое беспомощное существо, как Роберт Кертоз. Прошло более шестидесяти лет, прежде чем граф Анжуйский стал непосредственным лордом штата Мэн, но семена такого развития событий были заложены Бланшеландским мирным договором.

В период, последовавший за подавлением восстания на Фенландах в 1070 году, основная часть нашей исторической информации относится к делам континентальных владений Завоевателя. Но в самой английской истории это время имело решающее значение. Ее характер был не таков, чтобы привлечь внимание средневекового хрониста, стремящегося заполнить свои страницы чередой сражений: за исключением восстания графов в 1075 году, в Англии внешне царил мир со времени бегства Хирварда и до смерти Завоевателя; но именно к этому времени мы должны отнести систематическое внедрение нормандских методов правления и постепенное примирение английского народа с тем фактом, что он бросил свою последнюю попытку обрести независимость и что, хорошо это или плохо, но они должны извлечь максимум пользы из постоянного правления своих чужеземных хозяев. Процесс такого рода, сам по себе в значительной степени подсознательный, лежал за пределами понимания лучшего монастырского летописца, и мы никогда точно не узнаем, в каком свете великие перемены предстали перед крестьянством отдельно взятой английской деревни; но есть определенные вопросы, лежащие скорее на поверхности истории, относительно которых мы располагаем определенной информацией и которые сами по себе имеют немалое значение.

На первом месте среди этих последних стоит вопрос об отношениях между Завоевателем и его беспокойным соседом, или, как, вероятно, назвал бы его Вильгельм, его неуправляемым вассалом, Малькольмом Кэнмором, королем Шотландии. Шотландский вопрос был просто отложен на некоторое время после подчинения в 1068 году, и вплоть до смерти Завоевателя между королями оставалось несколько спорных вопросов, каждый из которых мог послужить достойным предлогом для войны, если бы таковой понадобился. В частности, с точки зрения короля Вильгельма, английская граница на северо-западе настоятельно требовала исправления положения. С тех пор как Камбрия была пожалована Малькольму I. Примерно в 954 году юго-западная граница Шотландии пересекалась с английской границей под прямым углом в особенно опасном месте. С холмов, которые поднимаются на 2000 футов вдоль границы между Камберлендом и Даремом, долина реки Тис постепенно спускается к плодородной местности, лежащей между вересковыми пустошами Северного Райдинга Йоркшира и холмами Кливленда. Пока Лотиан оставался частью Бернийского графства, стратегическое значение Тисдейла в значительной степени скрывалось; ни один король Шотландии не мог опустошить равнины северного Йоркшира, не столкнувшись с возможностью того, что его страна может подвергнуться нападению, а его собственное отступление будет отрезано ответным рейдом из Бамбурга или Данбара. Но передача Лотиана Малькольму II. после битвы при Кархеме в 1018 году существенно изменила военную ситуацию, и, если бы не разногласия внутри шотландского королевства, последовавшие за смертью Малькольма, вполне вероятно, что Йоркшир во время правления Исповедника получил бы наглядное доказательство опасности, надвигавшейся с северо-запада.

Малькольму наследовал Дункан, сын его сестры от Кринана, мирского настоятеля Данкельда; а после смещения Дункана Макбетом, вождем пиктов по ту сторону Форты, положение нового короля было слишком нестабильным, чтобы позволить ему эффективно вмешиваться на стороне Нортумбрии. Полагаясь на поддержку горцев, Макбет, похоже,

оставил Камберленд фактически независимым, и недавно было доказано, что в течение какой-то части первых пятнадцати лет его правления Камберленд был в основном заселен английскими феодалами, которые, похоже, считали себя подданными графа Сиварда Нортумбрийского.^[243] Со своей стороны, Сивард поддержал партию Малькольма, сына Дункана; но когда через три года после смерти Сиварда Малькольм стал королем Шотландии, ситуация начала меняться, и Камберленд снова стал угрозой миру в северной Англии.

Восстановление сына Дункана на троне Шотландии придало особое значение брачным отношениям, существовавшим между его родом и семьей, которая в течение столетия владела наследственным графством Берникия. Сложные отношения, объединявшие местных графов Берниции, лучше всего проиллюстрировать в табличной форме,^[244] но схема наследования Нортумбрии довольно ясна. Сивард, хотя датчанин по происхождению, был связан браком с великим бернийским домом, но после его смерти в 1055 году древняя семья была лишена графства в пользу сначала Тостига, а затем Моркара. Однако их графства были всего лишь эпизодами общего соперничества между домами Годвинов и Леофриков, и о привязанности нортумбрийцев к их местной династии свидетельствует тот факт, что во время кризиса 1065 года Моркар назначил Освульфа, сына графа Эдвульфа II, подчиненным графом Бернисии за Тайном. После убийства Освульфа его двоюродный брат Госпатрич, как мы видели, купил признание семейных притязаний у Завоевателя; и не исключено, что последний, назначая Госпатрича своим наместником в Нортумбрии, возможно, имел в виду какую-то идею обеспечения мира со стороны Шотландии и умиротворения местных настроений на севере через графа, который унаследовал кровь древних лордов Бамбурга и был близким родственником короля Шотландии. План в первую очередь провалился из-за дезертирства Госпатрика летом 1068 года, но быстрота, с которой его восстановление последовало за подчинением, которое он через доверенное лицо передал Уильяму на берегу Тиса в конце 1069 года, сама по себе знаменательна. В промежутке, образовавшемся после смещения Госпатрика, произошел катастрофический эксперимент с назначением Роберта де Коми́на. Сейчас, как и два года назад, было так же важно помешать жителям Нортумберленда и Дарема объединиться с Малькольмом Шотландским против нормандского правительства; и теперь, как и раньше, Госпатрик был единственным человеком, который мог, если бы захотел, выполнить эту работу. Но не прошло и года, как ненадежное спокойствие на севере было снова нарушено, и шотландская опасность вновь проявилась в самых острых формах.

Из приведенной выше таблицы мы могли бы заключить, что Малькольм, благодаря своим связям с англичанами, был бы естественным защитником любых обездоленных туземцев, которые могли бы искать убежища при его дворе, и мы видели, что Эдгар Этелинг дважды был вынужден бежать за пределы Твида. Мы не располагаем информацией о мотивах, побудивших Малькольма в течение 1070 года разорвать мир с королем Вильгельмом. В своем варварском сознании Малькольм, возможно, воображал себя мстителем за обиды своих английских друзей, опустошая земли, с которых они были изгнаны, или, что более вероятно, уход Завоевателя с севера мог показаться ему безопасной возможностью для продолжительного грабительского набега. Возможно, он считал, что его двоюродный брат Госпатрич предал дело своего народа, отдав дань уважения норманнскому завоевателю, но какова бы ни была непосредственная причина, он внезапно напал на Нортумбрию через Камберленд и Тисдейл, опустошил Кливленд и Холдернесс, а затем снова повернул назад, на современное графство Дарем.^[245] И именно во время поджога города Вермут Эдгар Этелинг со своей матерью и сестрами в сопровождении Марлсвена, бывшего лейтенанта Гарольда на севере, и других потрепанных остатков национальной партии высадился со своих

кораблей в гавани.^[246] Пока датчане под командованием графа Асбьерна держались Хамбера, казалось бы, этелинг довольствовался бесцельным блужданием с ними, но их отъезд в Эли вынудил его в третий раз за два года искать убежища при шотландском дворе. Малькольм спустился к беглецам и заверил их в радушном приеме в Шотландии, куда они без промедления отплыли, а сам с удвоенной энергией принялся за свое разрушительное дело.

Ибо тем временем Госпатрич делал то, что считал своим долгом как законный граф Бернисии: пока Малькольм опустошал Дарем, Госпатрич опустошал Камберленд. Действия, предпринятые королем Малькольмом, на какое-то время уничтожили всякую возможность коалиции между шотландцами и берниканцами, и в данном случае верность Госпатрика была безупречной, хотя его командование было плохим. Ему удалось перевезти большую добычу в свою крепость Бамбург, но он ничего не сделал, чтобы остановить грабежи шотландского короля, и известие о том, что происходило в Камберленде, привело Малькольма в состояние ярости, в котором он совершал самые ужасные зверства по отношению к сельским жителям региона, через который пролегал его поход на север. Несмотря на то, что Малькольм был пойман с поличным, по возвращении в Шотландию он застал английских изгнанников наслаждающимися его покоем и немедленно настоял на том, чтобы Маргарет, сестра этелинга, была выдана за него замуж. Какой-то проект подобного рода, несомненно, обсуждался во время предыдущих визитов этелинга в Шотландию, но Маргарет испытывала желание посвятить себя религиозной жизни; и только тот факт, что само существование беглецов зависело от милости Малькольма, побудил этелинга дать свое согласие на этот союз. Точная дата церемонии неизвестна, но ее вполне обоснованно можно отнести к 1071 году, и с союзом королевских домов Шотландии и Уэссекса северное королевство начинает выходить из своей варварской изоляции и занимать постоянное место в политической схеме английских государственных деятелей.

Для Уильяма этот брак не был поводом для поздравлений. Это означало, что шотландский двор определенно заинтересуется восстановлением старой английской династии; до тех пор, пока такое событие было возможно, оно, вероятно, делало Шотландию одновременно убежищем и местом вербовки для любого политического изгнанника, который мог бы попытаться вернуться силой и оружием. Чтобы свести к минимуму это зло и отомстить за опустошение 1070 года, Завоеватель летом 1072 года лично отправился в Шотландию. Экспедиция была спланирована с большим размахом; был вызван фюрд, и военно-морские силы, находившиеся под командованием Уильяма, сотрудничали с местным воинством. Малькольм, по-видимому, чувствовал, что ему не по силам встретиться с войском такого размера в открытом поле; он позволил Уильяму пройти через Лотиан и пересечь Форт без каких-либо серьезных препятствий, и два короля встретились в Абернети на реке Тэй. Там Малькольм вновь выразил свое почтение Уильяму, заключил мир и дал заложников для его соблюдения, среди которых был Дональд, его сын от первой жены Ингибиорг. Экспедиция не могла быть направлена на достижение большего, чем это, и Уильям сразу же повернул на юг, возвращаясь по своим следам по великой дороге восточного побережья.^[247]

В настоящее время, по-видимому, ничего не было сделано для улучшения обороны северной границы. Карлайл оставался в руках шотландцев, и место будущего Ньюкасла на Тайне упоминается только в отчете об этом марше из-за того факта, что река была затоплена в тот момент, когда армия пыталась пересечь ее, что вызвало неудобную задержку. Важность Тисдейл-гэп была в достаточной степени доказана событиями 1070 года, но не было предпринято никаких попыток каким-либо особым образом защитить русло реки. С другой стороны, нам не следует упускать из виду возможность того, что первое создание графства

Ричмонд непосредственно к югу от реки Тис, возможно, было связано с целесообразностью размещения постоянных вооруженных сил в этом квартале. Графство, о котором идет речь, было пожаловано Бриану Пентьеврскому в 1068 году или ранее и перешло от него к его брату Алану ко времени событий, с которыми мы имеем дело.^[248] Насколько нам известно, король Вильгельм никогда не создавал графство, кроме как в целях защиты границ, и географические факты, которые мы только что отметили, делают совершенно невероятным, что Ричмонд был исключением из этого правила.

В это время, по-видимому, произошли два важных изменения в правительстве Нортумбрии. Первым было назначение Уолчера Лотарингского епископом Дарема и поселение его в замке, специально построенном для него, чтобы он мог быть защищен от любых спазматических восстаний со стороны людей его великой епархии. Вторым событием стало низложение графа Госпатрика. Как нам сообщили, он был признан виновным в соучастии в убийстве Роберта де Комина и штурме датчанами Йорка в 1069 году, хотя его преступления в обоих этих делах были совершены до его примирения с Вильгельмом в 1070 году. Какова бы ни была истинная причина его падения, за этим немедленно последовало восстановление дома Сивардов на их прежнем положении на севере, поскольку графство Нортумбрия теперь было передано Уолтефу Хантингдонскому, сыну Сиварда, и оставалось в его руках до катастрофы, которая постигла его три года спустя. Госпатрик тем временем отправился ко двору своего кузена и получил от него большое поместье в Лотиане с центром вокруг города Данбар, пока не восстановит расположение короля Вильгельма. Этим актом его политическое значение прекращается; Судный день доказывает, что все или часть его йоркширских поместий были возвращены ему ко времени проведения Опроса, но он так и не восстановил свой прежний ранг и влияние.

С большой долей вероятности было высказано предположение, что одним из условий Абернетийского мира было изгнание Эдгара Этелинга из Шотландии.^[249] Вскоре после этого он, судя по всему, начинает серию путешествий, которые вскоре снова привели его в Англию в качестве почетного гостя короля Вильгельма. Его первый визит был нанесен во Фландрию, где он был уверен в добром приеме со стороны Роберта Фризского, к тому времени смертельного врага Вильгельма. После неопределенно длительного пребывания во Фландрии он вернулся в Шотландию, где высадился в начале июля 1074 года и был гостеприимно принят своей сестрой и ее мужем. Однако вскоре он получил приглашение от короля Франции Филиппа, предлагавшего передать ему во владение замок Монтрей, который он мог бы использовать в качестве базы для нападения на своих врагов.^[250] Предложение демонстрирует значительный стратегический смысл молодого короля Франции. Монтрей был первым участком территории, который дом Капетингов получил на побережье Ла-Манша, но он был отделен владениями дома Вермандуа от основных королевских владений и лежал между графствами Понтье и Булонь. Обосновавшись в Монтрее, Эдгар мог бы получать постоянную поддержку от Роберта Фризского; и если бы графы Понтье или Булони пожелали восстать против нормандских связей, территория Эдгара позволила бы сформировать компактную и мощную лигу против наиболее уязвимой части нормандской границы.

Эдгар выполнил просьбу короля Филиппа и отправился морем, чтобы завладеть его замком; добрая воля его шотландских покровителей выразилась во множестве дорогих подарков. К несчастью для успеха его предприятия, он был быстро отброшен штормом к английскому побережью, а некоторые из его людей попали в плен, но ему удалось снова добраться до Шотландии, хотя и в очень плачевном состоянии. Довольно любопытно, что это небольшое

изменение его планов, по-видимому, заставило его полностью отказаться от идеи оккупации Монреа, и нам говорят, что его шури́н посоветовал ему заключить соглашение с королем Вильгельмом. Завоеватель находился в то время в Нормандии, но он с готовностью выслушал предложения Эдгара и распорядился выслать эскорт для сопровождения его через Англию и через Ла-Манш. О встрече короля и этелинга в Нормандии у нас нет подробностей, но английские писатели были поражены почестями, которые Завоеватель оказал своему бывшему сопернику,^[251] и "Судный день" раскрывает последнего в мирном владении [possession](#), более тысячи акров земли на северо-востоке Хартфордшира. До конца правления Вильгельма Эдгар оставался политической фигурой.

Теперь мы подошли к центральному событию правления Вильгельма в Англии - восстанию графов в 1075 году. Восстание, о котором идет речь, в достаточной степени характеризуется названием, которое обычно присваивается ему; это было движение, возглавляемое двумя из семи графов, занимавших государственные должности в Англии, подстрекаемое мотивами, присущими людям их ранга, и не нашедшее большой поддержки за пределами их личных иждивенцев. За этим не стояло никаких народных или провинциальных чувств; это даже нельзя назвать чисто нормандским восстанием, поскольку большая часть английского баронства осталась верна королю Вильгельму, и его самым поразительным результатом стала казнь последнего английского графа за соучастие в замыслах его нормандских союзников.

После смерти Уильяма Фиц Осберна в 1071 году графство Херефорд перешло к его сыну, глупому и порочному молодому человеку, во всех отношениях выродившемуся преемнику испытанного и верного друга Завоевателя. С момента наследования графского титула Роджер, по-видимому, жил в угрюмой изоляции в своем пфальце по ту сторону Северна; его имя до сих пор не было обнаружено среди посетителей двора Вильгельма, которые были свидетелями пожалованных королем хартий в эти годы, и мы бы ничего не узнали об этом человеке или его характере, если бы не сохранившиеся три письма, адресованные ему старым другом его отца архиепископом Ланфранком. В то время, когда были написаны эти письма, Вильгельм находился в Нормандии, а Ланфранк был оставлен в качестве своего рода неофициального регента, и на этом посту ему явно было не по себе из-за слухов о растущем недовольстве Роджера. Ланфранк в своей переписке был тактично неопределен по последнему пункту, но он был очень откровенен в отношении личных актов угнетения и несправедливости Роджера. Приводя в пример Уильяма Фиц Осберна, "которого, - говорит Ланфранк, - я любил больше всех на свете", архиепископ умолял сына своего друга изменить свое поведение и обещал встретиться с ним и дать совет по любому поводу, который тот выберет. Но Роджер оставался непреклонным, и в последнем письме из трех, которыми мы располагаем, Ланфранк объявляет Роджера отлученным от церкви до тех пор, пока он не возместит ущерб тем, кому причинил вред, и не помирится с королем за его произвол в своем графстве.

Положение Уолтхофа в это время уже было описано. Его бернийское графство в данном случае имело меньшее значение, чем группа графств в восточных центральных графствах, на которые он также обладал комитальными правами. Четыре графства Нортгемптон, Бедфорд, Хантингдон и Кембридж вместе с обширными поместьями Уолтхофа в Лестершире и Уорикшире сделали большой шаг к соединению Херефордского пфальца с отдаленным графством Восточная Англия, самым опасным районом нынешнего восстания.

Граф Восточной Англии, Ральф Вейдерский, мог бы, как и Уолтеоф, претендовать на то, чтобы считаться англичанином; ибо, хотя его мать была бретонкой, а отец также носил нормандское имя Ральф, последний был англичанином норфолкского происхождения и был

графом Восточной Англии при Эдуарде Исповеднике и в первые годы правления Завоевателя. Ральф младший, несмотря на наследование графства своего отца, отождествляется скорее с землей своей матери Бретанью, где ему принадлежали поместья Вейдер и Монфор, чем с Англией.^[252] Как и Роджер Херефордский, судя по тем же свидетельствам, граф Ральф, по-видимому, постоянно отсутствовал при дворе Вильгельма, и его единственное появление в истории правления последнего, предшествовавшее его собственному восстанию в 1075 году, произошло в 1069 году, когда он отбил датчан от устья Яра.

Непосредственной причиной нынешней вспышки было возражение Завоевателя против брака, который планировался между графом Ральфом и Эммой, дочерью Уильяма Фиц Осберна и сестрой Роджера Херефордского. Причины действий Завоевателя достаточно понятны; ничто не могло быть дальше от его интересов, чем установление ряда брачных уз среди более крупных вассалов его короны, особенно когда стороны, которые должны были быть связаны таким образом, обладали широкими военными и территориальными полномочиями, которые в то раннее время были неотъемлемы от графского достоинства. Нет никаких оснований предполагать, что лояльность графа Ральфа была заподозрена ранее или что было что-то более серьезное, чем королевский запрет на его брак, который теперь подтолкнул его к бунту. Без согласия короля свадьба была отпразднована и свадебный пир состоялся в Эксинге в Кембриджшире, деревне в графстве Уолтхоф. Графы Роджер и Ральф уже сделали приготовления к своему восстанию, их друзья были осведомлены об их намерении, а их замки были готовы выдержать осаду; и в конце концов была предпринята решительная попытка отвратить Уолтхофа от его временной верности королю Вильгельму. Его присоединение к их делу, вполне возможно, принесло бы с собой некоторую поддержку Англии, он пользовался большой популярностью как воин, и планы и мотивы заговорщиков были раскрыты ему на свадебном пиру с поразительной откровенностью. Повод был едва ли таков, чтобы давать трезвые советы, и в единственном имеющемся у нас расширенном изложении первоначального сюжета условия предложения, сделанного Уолтефу, были изложены в длинной речи, в которой низложение Завоевателя объявлялось делом, угодным Богу и людям, и выдвигалось каждое событие в жизни Вильгельма, которое можно было использовать для его дискредитации, усиливаясь в зависимости от вкуса заговорщиков или литературного мастерства нашего информатора. Более важными, чем гротескные преступления, приписываемые Завоевателю, являются планы, составленные графами на случай его изгнания. Нам говорят, что их целью было восстановить Англию в том состоянии, в котором она существовала во времена Эдуарда Исповедника. С этой целью один из трех главных заговорщиков должен был стать королем, два других - графами; Уолтеф, в частности, должен был получить третью часть Англии. Вильгельм был объявлен полностью оккупированным за морем, предполагалось, что его норманны в Англии недовольны наградой, которую они получили за свои услуги, и было высказано предположение, что коренные англичане, возможно, захотят восстать еще раз, если им представится шанс отомстить. Уолтхоф был уверен, что шансы на успешное восстание никогда не будут выше, чем в данный момент.^[253]

Повествование Ордрика Виталия, которому мы до сих пор следили, заставляет Уолтеофа с негодованием отказываться участвовать в каких-либо планах подобного рода. На примерах Ахитофела и Иуды Искарота он продемонстрировал зловещую участь предателя и заявил, что никогда не нарушит доверия, оказанного ему королем Вильгельмом. Из-за его отказа присоединиться к заговору он был вынужден дать страшную клятву не выдавать замысел, и восстание было совершено без его помощи; но после его подавления история делает Уолтефа обвиненным в государственной измене Джудит, его женой, перед королем, и

описывает его поведение в тюрьме и способ его конца с большим количеством деталей и не невероятным приближением к фактам дела. Кажется вполне очевидным, что Уолтхоф не принимал эффективного участия в военных действиях, последовавших за свадьбой Эксинга, и мы можем рассмотреть сложный вопрос, связанный с его судом и казнью, отдельно от подробностей войны.

План кампании, которому следовали обе стороны, был чрезвычайно прост. Ни графство Восточная Англия, ни графство Херефорд, действуя само по себе, не могли добиться какого-либо постоянного успеха против лояльных частей страны; целью лидеров повстанцев было объединить свои силы, а целью помощников короля Вильгельма было предотвратить это объединение. Линию Северна охраняли от графа Роджера Херефордского местные магнаты Вустершира, епископ Вульфстан и шериф графства Урс д'Абето, Эйджелвиг, аббат Ившема, и Уолтер де Лейси во главе отряда, состоящего из местного фюрда совместно с рыцарями-арендаторами из их собственных поместий.^[254]

Восстание в Херефордшире вскоре закончилось; граф Роджер так и не переправился через Северн и вскоре был взят в плен, но граф Восточной Англии был человеком более способным. Прежде чем начать восстание, графы обратились за помощью извне; королю Дании была подана заявка на флот, и из Бретани было привлечено подкрепление, в значительной степени, без сомнения, из бретонских поместий Ральфа де Вейдера. От штаб-квартиры последнего в Норвиче большая дорога римского происхождения заманчиво тянулась через Норфолкскую равнину к королевскому замку Кембридж, и граф Ральф двинулся на запад в надежде соединиться с Роджером Херефордским; но в неизвестном месте по соседству с этой линией, обозначенном Ордериком Виталисом как “Фагадун”, армия мятежников была разбита и рассеяна, и из письма, которое Ланфранк написал королю сразу после этого события, архиепископ, очевидно, рассчитывал на быстрое подавление всего восстания. То, что эта надежда не оправдалась, было вызвано героизмом невесты графа Ральфа, которая лично взяла на себя защиту замка Норвич, в то время как ее господин отправился в Данию и продержался три месяца, несмотря на все, что могли сделать нормандские военачальники. В конце концов она была вынуждена сдаться на определенных условиях. Бретонские арендаторы графа Ральфа в Англии были обязаны покинуть свои земли и отступить в Бретань в течение сорока дней; наемникам той же расы было разрешено в течение месяца покинуть страну. Сама Эмма, которой принадлежали все военные почести, отправилась в Бретань, где встретила своего мужа, и Норвичский замок снова был занят от имени короля.

Путешествие графа Ральфа в Данию не было бесплодным, поскольку флот из двухсот датских кораблей появился в Хамбере вскоре после падения Норвича под командованием Кнута, сына короля Свена Эстритсона, и некоего ярла по имени Хакон.^[255] Их приход вновь открыл бесконечную возможность дальнейших неприятностей; Завоеватель через архиепископа Ланфранка приказал епископу Дарема Уолчеру тщательно следить за обороной своего замка.^[256] Но первой целью обычного датского командира тех времен всегда была добыча, и Кнут, успешно ускользнув от королевских войск, удовлетворился разграблением Йоркского собора и быстро уплыл во Фландрию. В тот самый год, когда началась эта экспедиция (1075), Свен Эстритсон умер, и Гарольд, его старший сын, сменивший его, сохранял мир по отношению к Англии на протяжении всего своего правления. Осенью 1075 года Вильгельм вернулся в Англию, а на Рождество приступил к делу о личностях и имуществе взбунтовавшихся графов. Уолтеоф и Роджер были в его власти; Ральф был в безопасности за морем, но его английские земли оставались для конфискации, и те из его бретонских сообщников, которые находились в руках короля, были наказаны в соответствии с модой

того времени. Граф Роджер был отправлен в тюрьму, но поначалу его заключение было не слишком тяжелым, и если бы не его оскорбительное поведение по отношению к королю, он мог бы добиться своего освобождения в свое время. К несчастью для себя, он смертельно оскорбил Вильгельма, бросив в огонь богатый подарок из шелков и мехов, который король прислал ему однажды на Пасху, и вечный плен был ответом на оскорбление. Относительная мягкость обращения Завоевателя с Роджером очень разительно контрастирует с его отношением к третьему графу, замешанному в восстании, и ни один инцидент в карьере короля Вильгельма не вызывал большего осуждения со стороны средневековых и современных историков, чем приговор, который он позволил вынести графу Уолтефу.

Мы уже набросали в общих чертах рассказ о действиях Уолтхофа, приведенный Ордериком Виталисом, и теперь будет неплохо кратко рассмотреть независимую историю, рассказанную местными английскими хрониками.^[257] По всем признакам несомненно, что Уолтеф был замешан в государственной измене, предложенной в Эксинге, и не менее ясно, хотя Ордерик скрывает этот факт, что он быстро раскаялся и по совету Ланфранка раскрыл весь план королю Вильгельму в Нормандии.^[258] Роль, которую сыграл Ланфранк, объяснима не только видом регентства, которое он занимал в королевстве в то время, но также его положением митрополита англиканской церкви и его репутацией известного доктора канонического права. Ни один человек не был более квалифицирован, чтобы высказать здравое мнение относительно обстоятельств, при которых нескромная клятва может быть нарушена без вины за лжесвидетельство; и епитимья, которую он наложил на Уолтхофа за намеренное нарушение обязательства, которое он взял на себя в Эксинге, по-видимому, была принята всеми сторонами как удовлетворительное решение вопроса. Со своей стороны, Вильгельм выжидал подходящего момента; он, по-видимому, принял подарки, которые Уолтхоф предложил в качестве цены за свой мир, и удовлетворился тем, что держал графа под своим собственным наблюдением до его возвращения в Англию. Только после этого Уолтхоф был фактически арестован, и было высказано предположение, что причиной этого действия был страх, что он может сбежать к датчанам в Хамбере.^[259] На совете середины зимы 1075 года он предстал перед судом, независимо от того, была ли информация против него выдвинута его женой, графиней Джудит, или нет, и хотя в то время против него не было вынесено определенного приговора, он был отправлен в более строгое заключение в Винчестер.

Первые пять месяцев 1076 года дело Уолтхофа оставалось нерешенным. Ясно, что в высших кругах существовала значительная неопределенность относительно того, что с ним делать. Ланфранк вступился за него, очевидно, зайдя так далеко, что объявил его невиновным во всяком соучастии в восстании. Нам ничего не сообщается о собственных чувствах Завоевателя по этому поводу, но странная задержка с оглашением окончательного приговора наводит на мысль, что на протяжении всех этих месяцев он колебался между двумя мнениями. Наконец возобладала более суровая точка зрения, и под влиянием норманнских соперников Уолтхофа при королевском дворе, согласно Ордерику Виталису, король отдал приказ о казни последнего английского графа.

Рано утром 31 мая Уолтхофа вывезли из его тюрьмы в Винчестере, чтобы он умер на холме Сент-Джайлс за городом. До сих пор привыкли к активной жизни своих северных предков, однообразие, монотонность его заключения, казалось бы, разрушила его мужество, и роковое утро нашли его в горькие страдания души. Палачи, которые боялись спасения и стремились поскорее покончить с работой, не вытерпели его молитв и плача и приказали ему встать, чтобы они могли выполнить их приказ. Уолтхоф умолял, чтобы ему разрешили произнести *отеческий молебен* за себя и за них, и они удовлетворили его просьбу, но на

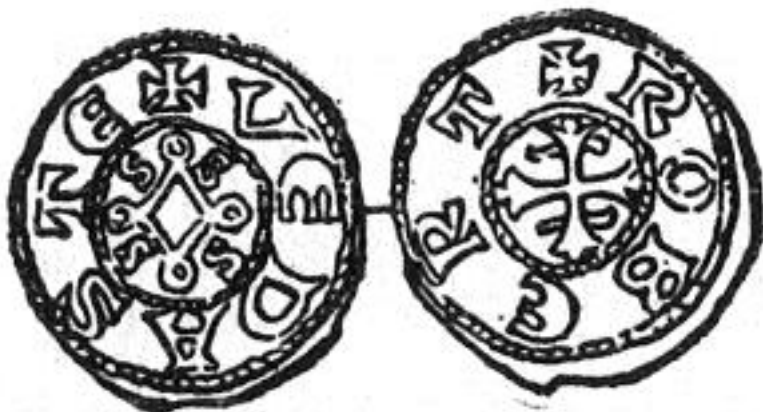
словах “и без предварительных указаний” голос подвел его, и он разразился потоком слез. Прежде чем он смог восстановить силы, ему снесли голову одним ударом, но монахи аббатства Кроулэнд, где спустя годы лежало его тело, сказали своему нормандскому посетителю Ордерiku Виталису, что отрубленная голова была должным образом услышана, чтобы закончить молитву “*sed libera nos a malo, аминь*”.

Дело графа Уолтхофа затрагивает два отдельных вопроса, которые следует различать при оценке справедливости поведения короля Вильгельма в этом вопросе. Первый заключается в том, насколько Уолтхоф действительно был замешан в замыслах графов Восточной Англии и Херефорда; второй - в том, что, исходя из предположения о его серьезной вине, было бы законным наказанием за это. Маловероятно, что на первый вопрос когда-либо будет дан окончательный ответ, поскольку по странной случайности никто из наших авторитетов не проявляет полного бескорыстия, когда они рассказывают об обстоятельствах падения Уолтхофа. Англосаксонский хронист и Флоренс Вустерская, соотечественницы покойного графа, находятся под некоторым предшествующим подозрением в преуменьшении степени, до которой он скомпрометировал себя; и Ордерик Виталис, к которому мы, естественно, должны обратиться за изложением нормандской стороны дела, основывал свой [отчет](#) Уолтхофе на информации, полученной от монахов Кроулэнда в то время, когда граф, по всеобщему мнению, быстро превращался в национального мученика. Повествование Ордерика, написанное под таким влиянием, имеет такую же историческую ценность, как и любое общепризнанное произведение мартиролога; то есть, оно, вероятно, представляет подлинную традицию в деталях смерти своего героя, но не заботится о том, чтобы скрупулезно учитывать факты, которые могли бы нанести ущерб его репутации. И вот на этот раз у короля Вильгельма нет апологета; но шестьдесят лет спустя такой беспристрастный писатель, как Уильям Малмсберийский, признал^[260], что нормандская история о Уолтхофе сильно отличалась от той, которую выдвинули англичане. С такими ненадежными авторитетами в качестве наших единственных проводников мы вряд ли должны пытаться решить вопрос, который во времена короля Стефана уже был животрепещущим вопросом, но наша нерешительность должна заставить нас остановиться, прежде чем обвинять короля Вильгельма в судебном убийстве.

На вторую из проблем, возникающих в связи с этим делом, — приговор, последовавший за осуждением Уолтхофа, — можно найти более удовлетворительный ответ. Нет ничего более вероятного, чем то, что Завоеватель, отправив Роджера Херефордского в тюрьму и обезглавив Уолтеффа, просто применил к преступникам высокого ранга великий принцип, согласно которому люди нормандской или английской расы должны судиться соответственно по нормандскому или английскому праву.^[261] Граф Роджер как нормандец, согласно практике, о которой мы уже имели возможность упомянуть, был приговорен к тюремному заключению, но английский закон рассматривал государственную измену как тяжкое преступление, и Уолтхоф понес строгое юридическое наказание за свое преступление. Действительно, сам Уолтхоф в версии Ордерика своего ответа заговорщикам в Эксинге вынужден заявить, что английский закон приговаривает предателя к лишению головы, и вполне вероятно, что он был лучше информирован по этому вопросу, чем некоторые из более поздних историков, взявшихся за его защиту. В течение следующего столетия члены нормандского баронства, обосновавшегося в Англии и поднявшего безуспешное восстание, равномерно получали приговоры в соответствии с правилом, которое применялось к мужчинам их расы; и казнь предателя короля вряд ли произойдет между 1100 и 1200 годами и лишь изредка в течение тринадцатого века. Но Уолтхоф не имел подобной привилегии, и каким бы суровым ни был вынесенный ему приговор, он не мог жаловаться на то, что ему было отказано в формальном правосудии.

Восстание 1075 года привело к продолжению небольшой континентальной войны. Граф Ральф, как мы видели, бежал в свои поместья в Бретани, и его появление совпало по времени с началом всеобщего восстания среди бретонских баронов. Граф Хоэль, владевший по собственному праву пятью шестыми Бретани, был первым в своем роду, кто осуществил эффективное правление всем полуостровом, и этот факт был мало по душе его более многочисленным подданным. Недовольные нашли лидера в Джеффри “Гренонате”, графе Ренна, незаконнорожденном сыне Алана III; и лишенный собственности граф Восточной Англии привлек на их сторону ресурсы своего баронства Вейдер. Ральф и Джеффри захватили замок Дол; и восстание приняло такие серьезные масштабы, что Хоэль послал в Англию за помощью к королю Вильгельму. Вильгельм, всегда желавший утвердить нормандское влияние в Бретани, воспользовался представившейся возможностью и в 1076 году пересек Ла-Манш с войсками, которые для хронистов Вустера и Питерборо представляли собой английскую крепость, и осадил Дол. Результатом стала серьезная потеря престижа, поскольку гарнизон ответил на обращение Хоэля к Вильгельму встречным обращением к Филиппу Французскому и доблестно держался в ожидании помощи. Филипп выступил в поход с большой армией, продвинулся к Долу и в какой-то мере отомстил за поражения своего отца при Мортемере и Варавилле, вынудив Уильяма поспешно отступить с потерей своего багажа и припасов. Вильгельм больше не участвовал в войне, которая затянулась еще на три года, но закончилась в 1079 году окончательным успехом при Хоэле.^[262]

Тем временем в административной географии Англии произошли определенные важные изменения. Графствам Херефорд и Восточная Англия, освободившимся из-за измены графов Роджера и Ральфа, было позволено приостановить свое существование. Графство Уолтхоф Нортгемптон также вымерло, хотя его вдова, графиня Джудит, владела в 1086 году большими поместьями, разбросанными по графствам, которые находились под управлением ее мужа. Не было никакой особой причины, по которой в Нортгемптоншире должен был появиться граф, но по-прежнему было крайне необходимо, чтобы Уильяма представлял постоянный лейтенант на границе с Шотландией. Граф Бернисии теперь был найден в лице Уолчера Лотарингского, чье назначение более чем на шестьдесят лет предвосхитило начало длинной череды епископов Дарема, чьи светские полномочия в пределах своей епархии привели к созданию “графства палатин”, просуществовавшего до 1836 года.^[263] Эксперименту с назначением Уолчера было суждено закончиться трагическим провалом, но на четыре года дела в Нортумбрии вновь погрузились в необычайную неизвестность, и Завоевателя больше никогда не призывали вести армию на север.

Отрицатель Робера ле Фрисона

ГЛАВА IX

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

С Бланшеландским миром мы вступаем в последнюю фазу жизни Вильгельма Завоевателя, и это при том, что более половины его английского правления все еще было впереди. Следует признать, что за этим заключительным этапом нельзя проследить единства цели или достижений; история этих последних лет представляет собой немногим более чем серию разрозненных эпизодов, детали которых сами по себе нам известны очень несовершенно. Фактически, историки обычно рассматривали этот период как нечто вроде упадка в характере и судьбе Завоевателя; упадок, который люди следующего поколения были склонны приписывать сверхъестественной мести, преследовавшей короля за казнь графа Уолтхофа в 1076 году. “Его решимость была такова, - говорит Ордерик, - что он по-прежнему храбро сражался со своими врагами, но теперь успех не увенчивал его предприятия так, как раньше, и его сражения не часто увенчивались победой”.^[264] Эта идея карающей судьбы, характерная для средневекового сознания, получила от историков различные адаптации и пояснения на примерах, но, возможно, более разумным объяснением покорности последних лет Завоевателя было бы то, что достижения десятилетия между 1060 и 1070 годами неизбежно делают последующую историю чем-то вроде разочарования. Последние войны Завоевателя действительно достаточно незначительны по сравнению с кампаниями при Ле-Мане и Гастингсе, но самое уникальное начинание в его жизни приходится на два года после его завершения; и с учетом того, что перед нами обзор “Страшного суда”, нам не нужны дополнительные доказательства того, что дальновидность политики короля и сила его исполнительной власти все еще оставались неизменными в самом конце его карьеры.

Главной причиной трудностей, с которыми сталкивался король в эти последние годы, было чрезмерное стремление Роберта Нормандского получить свое наследство. Было вполне естественно, что Роберт хотел насладиться реальной властью; по крайней мере, в течение дюжины лет он был признанным наследником Нормандии, и недавно Бланшеландский мир закрепил за ним графство Мэн. Но уже в 1074 году графы Херефорд и Норфолк, планируя свое восстание, как считается, учли разногласия между королем и его старшим сыном среди шансов в свою пользу,^[265] и несомненно, что Роберт был крайне недоволен своим положением в течение некоторого времени, прежде чем он поднял открытое восстание. Хронология его передвижений далеко не ясна; но в тот или иной момент он предпринял отчаянную попытку захватить замок Руан, а когда это не удалось, он немедленно нашел убежище и базу для операций на земле Гуго де Шатонефа, могущественного сеньора на границе Нормандии и королевских владений, который позволил ему занять свои замки Раймаласт, Сорель и Шатонеф. Король Вильгельм, со своей стороны, конфисковал земли повстанцев; он также взял на свое жалованье графа Ротру де Мортань, сюзерена Гуго де Шатонефа за Раймаласт; и вскоре Роберт был вынужден искать более отдаленную ссылку в чужих краях. Сначала он посетил Фландрию, но Роберт Фризский, несмотря на свою вражду к своему грозному шурина, не счел нужным тратить свои ресурсы на своего безответственного племянника, поскольку последний представлен как странствующий по Турени, Германии, Аквитании и Гаскони в большой нужде. Он был доведен до такого положения, что его мать спровоцировала единственный спор, который нарушил домашний покой супружеской жизни Завоевателя, отправив припасы своему сыну в изгнание. Король, узнав об этом, пришел в ярость, осыпал свою королеву упреками в том, что она

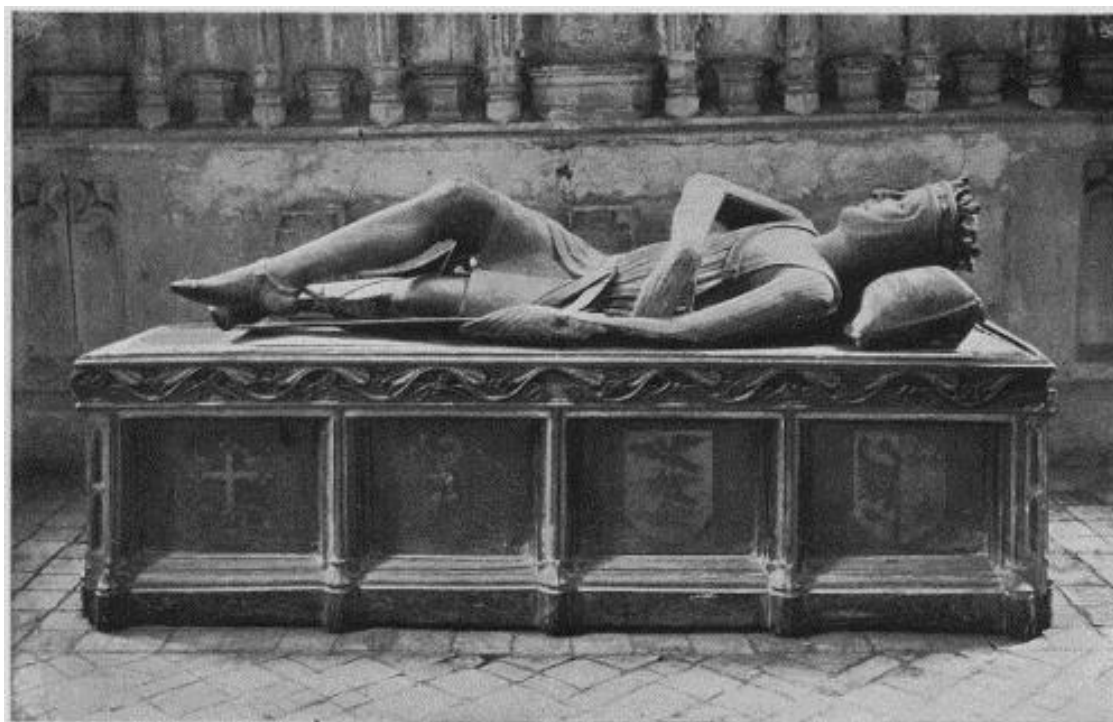
поддерживает мятежника, и приказал схватить и ослепить одного из ее посланцев, который случайно оказался в его власти. Последний, однако, бретонец по имени Самсон, получил своевременный намек на опасность от лиц, пользующихся доверием королевы, и укрылся в монастыре Святого Эврула, “для безопасности как своей души, так и тела”, - говорит Ордерик Виталис, который около сорока лет был его сокамерником в аббатстве.

Наконец король Филипп сжалился над беглецом Робертом и позволил ему обосноваться в замке Жербер в Бовези. Покровительство короля Роберту с точки зрения политики связано с его подарком Монреаю Эдгару Этелиngu в 1074 году; Филипп всегда был готов воспользоваться недорогой возможностью потревожить своего могущественного вассала. Вокруг Роберта, в этой пещере Адуллама, собрались искатели приключений из Нормандии и французского королевства, в том числе многие люди, которые до сих пор были хорошими подданными короля Вильгельма, но теперь сочли целесообразным последовать примеру растущего состояния его наследника. Вильгельм нанес ответный удар, разместив гарнизоны в ближайших к Гербер-Руа нормандских замках, чтобы помешать мятежникам нарушить границу; и каким-то образом он, должно быть, привлек на свою сторону короля Франции; поскольку, когда в последние дни 1078 года он официально осадил замок своего сына, мы знаем из достоверных источников, что король Филипп присутствовал в его лагере.^[266] Осада длилась три недели, и в одной из частых стычек между лоялистами и повстанцами произошло знаменитое столкновение с оружием между Завоевателем и его сыном. Уильям был ранен Робертом в руку, его лошадь была убита под ним, и если бы не беркширский флаг, Токиг, сын Вигода Уоллингфордского, доблестно подвел королю другого скакуна,^[267] вполне вероятно, что его жизнь подошла бы к позорному концу под стенами Гербероя. Весьма возможно, что скандал, вызванный этим эпизодом, побудил некоторых видных представителей нормандского баронства предложить свое посредничество между королем и его наследником. Осада, по-видимому, была снята по обоюдному согласию; Вильгельм удалился в Руан, Роберт снова направился во Фландрию, и примирение было достигнуто усилиями Роже де Монтгомери, Роже де Бомона, Хью де Грентемезниля и других личных друзей короля. Роберт был восстановлен в благосклонности, его сообщники были помилованы, и он еще раз получил официальное подтверждение своего титула на герцогство Нормандия. В течение короткого времени, как показывают хартии, он продолжал занимать свое законное место при дворе своего отца, но вскоре его бродячие инстинкты стали слишком сильны для него, и он снова покинул герцогство, чтобы не возвращаться туда при жизни своего отца.

Естественно, возникает желание провести некоторое сравнение между этими событиями и восстанием, которое сто лет спустя потрясло владения Генриха II. По сути, причина каждого беспорядка была одной и той же — беспокойство правящего короля обеспечить себе престолонаследие, встречавшееся с таким же беспокойством со стороны обреченного наследника наслаждаться плодами господства. И в каждом случае характер соответствующих наследников был во многом одинаковым. Роберт Кертоз и Генри Фиц Генри, оба скорее рыцарские, чем политические деятели, показали себя неспособными оценить мотивы, побуждавшие их отцов желать сохранить неприкосновенность семейных владений; тот факт, что они сами были лишены возможности награждать своих личных друзей и наказывать своих врагов, казался им достаточной причиной для того, чтобы поставить под угрозу результаты государственной мудрости, создавшей то самое наследство, которым они надеялись воспользоваться. Роберт Нормандский, грубое предвосхищение рыцарского облика более поздних времен, представляет тип характера, который до сих пор был неизвестен среди сыновей Ролло, тип, от которого не было никакой пользы в суровые дни, когда феодальные государства современной Европы находились в

стадии становления, и который не мог достичь какого-либо утонченного развития до тех пор, пока Крестовые походы не подняли искусство и идеалы войны на более высокий уровень. Вильгельм Завоеватель, ни в коем случае не лишенный рыцарских инстинктов, никогда не позволял им заслонять его понимание того, чего требовала политика момента; Генрих II. новый дух повлиял на него гораздо меньше; оба правителя в равной степени не испытывали симпатии к сыновьям, для которых высокое положение означало исключительные возможности для возбуждения и славы военных приключений, а не суровые обязанности правительства.

Мы мало что знаем определенного о ходе событий, последовавших за примирением короля Вильгельма и его наследника. Следующие два года действительно образуют практический пробел в личной истории Завоевателя, и не представляется вероятным, что он когда-либо посещал Англию в течение этого промежутка времени. В его отсутствие король Шотландии воспользовался возможностью еще раз распространить разрушения по всей границе, и летом 1079 года он опустошил страну до самого Тайна, без помех, насколько позволяют наши свидетельства, со стороны священнослужителя графа Нортумбрии. Успех этого рейда был достаточным доказательством слабости Северной границы Англии, и в следующем году^[268] Роберту Нормандскому было поручено командование контрэкспедицией в Шотландию с приказом принять подчинение короля Шотландии или, в случае, если он проявит упрямство, обращаться со своей землей как со страной врага. Нормандская армия проникла в Шотландию до Фолкерка и, согласно одному из свидетельств, получила заложников в качестве гарантии повиновения короля Малькольма. Другое, более современное повествование, однако, утверждает, что эта часть экспедиции была безрезультатной; но, в любом случае, Роберт по возвращении основал огромную крепость Ньюкасл-на-Тайне в качестве барьера против будущих вторжений со стороны Шотландии.

КУВШИН, ФОТО. ГЛОСТЕР

МОГИЛА РОБЕРТА КОРТОЗА

Некоторую информацию о собственных передвижениях Вильгельма в Нормандии в течение 1080 года можно почерпнуть из хартий и других юридических документов. 7 января он был в

Кане,^[269] а 13-го он появляется в Бошервиле на Сене^[270]; на Пасху он устроил большую вечеринку. двор, вероятно, в Руане.^[271] На Троицу он председательствовал на соборе в Лилебоне,^[272] где был обнародован свод канонов, который поразительно иллюстрирует его мнение относительно отношений, которые должны существовать между церковью и государство.

Троица в 1080 году пришлась на 31 мая, и в начале месяца в Англии произошли серьезные беспорядки. Епископ Даремский Уолчер оказался как непопулярным, так и неэффективным графом Нортумбрии. Сам иностранец и церковник, он, должно быть, с самого начала был оторван от диких англичан, оказавшихся под его властью, и ситуация усугублялась тем фактом, что священническая должность епископа вынуждала его по большей части осуществлять государственную работу через заместителя. Он доверил управление своим графством своему родственнику по имени Гилберт,^[273] и во всех вопросах бизнеса он полагался на советы разношерстной пары фаворитов, один из которых благородный нортумбрийский король по имени Лигульф, который снискал его благосклонность благодаря преданности, которую он исповедовал святому Катберту, другой - благородному нортумбрийскому монарху. будучи своим собственным капелланом, Леобвин, иностранец. Вскоре между епископом и капелланом вспыхнула ревность, и, наконец, последний, потерпев поражение от своего соперника в ссоре в присутствии епископа, посвятил вышеупомянутого Гилберта в свои тайны и убедил его тайно уничтожить англичанина. Услышав эту новость, епископ пришел в смятение и, стремясь доказать свою невиновность, созвал общее собрание мужчин своего графства в Гейтсхеде. Собрание собралось, но берниканцы были в опасном настроении; епископ не рискнул проводить совещание на открытом воздухе и укрылся в соседней церкви. Собрание мгновенно вышло из-под контроля, церковь была окружена и подожжена, а епископ и его спутники были изрезаны толпой на куски.

За такой поступок, как этот, не могло быть пощады. Наказание убийц было возложено на товарища Уолчера, прелата Одо из Байе, и месть, которую он совершил, была суровой. Должно быть, было невозможно с точностью установить имена тех, кто на самом деле участвовал в преступлении, но очевидно, что мужчины со всех концов Бернисии принимали участие во встрече в Гейтсхеде, и все графство считалось замешанным в убийстве. Соответственно, весь район был razорен, и епископ Байе приговорил к смерти и увечьям в масштабах, необычных даже для одиннадцатого века.^[274] К неблагодарному достоинству графства Нортумбрия Завоеватель назначил Обри де Куси, могущественного нормандского барона; но вскоре он отказался от задачи управления своей многострадальной провинцией и удалился в свои континентальные владения. Ему наследовал Роберт де Моубрей, которому было суждено стать последним графом Бернисии, но который оказался более успешным, чем кто-либо из его предшественников, в деле поддержания порядка и наблюдения за передвижениями короля Шотландии; и на следующие десять лет Нортумбрия под его суровым правлением перестает беспокоить центральную администрацию.

Главный интерес следующего года в истории Завоевателя заключается в необычной экспедиции, которую он предпринял в это время за пределы своего непосредственного правления в отдаленные районы Уэльса. Различные, но скудные описания этого события, которыми мы располагаем, несколько противоречивы. Хронист Питерборо говорит, что король “в этом году повел армию в Уэльс и там освободил много сотен человек”. В Анналах Камбрии говорится, что “Вильгельм, король Англии, пришел в собор Святого Давида, чтобы помолиться там”. Вполне возможно, что Завоеватель действительно совершил свои богослужения в усыпальнице апостола Уэльса, но для вооруженной демонстрации в этой

неспокойной стране не было недостатка в светских мотивах. Пока норманны в самой Англии были лишь правящим меньшинством, сдерживающим недовольное население, завоевание Уэльса было невозможно; и все же по всем причинам королю было целесообразно показать валлийцам, какие резервы силы скрываются за его сторонниками графами Шрусбери и Честером. Экспедиция представляет дополнительный интерес как один из самых ранних случаев, когда зафиксировано, что феодальное войско Англии было призвано выступить в поход; местный историк Абингдонского аббатства отметил, что почти всем рыцарям, принадлежащим к этой церкви, было приказано отправиться в Уэльс, хотя настоятель остался дома.^[275] Не похоже, что кто-либо из коренных принцев Южного Уэльса подвергся перемещению в это время; единственным постоянным результатом экспедиции, по-видимому, стало основание замка Кардифф^[276] как форпоста на земле врагов. Стратегическая граница Англии в этой части состояла из линии крепостей, охранявших нижнее течение Уая, и урегулирование валлийского вопроса, как и урегулирование шотландского вопроса, было наследием, которое Завоеватель оставил своим преемникам.

После этих событий, но не раньше конца года, король Вильгельм удалился в Нормандию, и, вероятно, провел большую часть 1082 года в своем герцогстве. Но его возвращение в Англию ознаменовалось одним из самых драматических инцидентов за всю его карьеру - знаменитой сценой ареста Одо, епископа Байе и графа Кентского. До самого момента падения епископа отношения между братьями, по-видимому, были внешне дружественными, и в английской хартии текущего года епископ появляется при дворе в полном соответствии со своими светскими и духовными титулами.^[277] Причина окончательного разрыва неизвестна. Ордерик Виталис^[278] приписал это беспрецедентным амбициям епископа Одо, который, не довольствуясь своим положением в Англии и Нормандии, должен был строить планы по обеспечению своего избрания на папскую кафедру на следующей вакансии. Согласно этой истории, епископ купил себе дворец в Риме, подкупил сенаторов, чтобы те перешли на его сторону, и нанял большое количество нормандских рыцарей, включая ни много ни мало графа Честерского, чтобы они последовали за ним в Италию, когда придет время действовать. Какими бы ни были планы Одо, Уильям получил известие о них в Нормандии и поспешил пересечь Ла-Манш, перехватив Одо на острове Уайт. Фактически Одо не был арестован, но был помещен под стражу, и для рассмотрения его дела было созвано специальное заседание Консилиума коммуны. Последующее судебное разбирательство проводилось на острове Уайт, вполне возможно, в королевском замке Карисбрук, и король Вильгельм, похоже, сам инициировал импичмент своего брата. Статьи, выдвинутые против Одо, состояли из двух частей: конкретного обвинения в уклонении королевских рыцарей от исполнения их законных обязанностей и общего обвинения в притеснении и неправомерных действиях по отношению к церкви и коренному населению страны. Задача вынесения решения по этим пунктам по обычному праву принадлежала баронам в совете, но они не смогли вынести приговор из-за страха перед грозным обвиняемым, стоявшим перед ними, и сам Завоеватель был вынужден отдать приказ об аресте Одо. Здесь возникла еще одна трудность, ибо никто не осмеливался поднять руку на епископа; и когда Уильям собственноручно схватил своего брата, Одо воскликнул: "Я епископ и слугитель Господа; епископ не может быть осужден без суда папы". На это заявление о епископских привилегиях Уильям ответил, что он арестовал не епископа Байе, а графа Кентского, и Одо был немедленно отправлен под стражей в Руанскую башню. Позже было высказано предположение, что различие между светскими и духовными функциями епископа было предложено королю Ланфранком,^[279] чье мнение как эксперта в области канонического права было неопровержимым; и помимо драматического интереса сцены, судебный процесс над Одо имеет особое значение как один из немногих

зарегистрированных случаев, в которых вопрос об иммунитете священнослужителей поднимался до обнародования закона. Конституции Кларендона.

Единственное имеющееся у нас подробное повествование об этих событиях было составлено примерно через сорок лет после рассматриваемой даты, и схема, приписываемая епископу Одо, вполне может показаться слишком дальновидным проектом, чтобы быть предпринятой этим очень трезвомыслящим человеком, но в целом нам, вероятно, не мешало бы с уважением отнестись к версии инцидента Ордерики. Ибо, хотя воинственный лорд Байе мог показаться нам неподходящим преемником святого Гильдебранда, до сих пор было неясно, насколько церковь в целом действительно отождествляла себя с идеалами, которые нашли своего величайшего выразителя в Григории VII, а ситуация в самой Италии была такова, что требовала вмешательства прелата, способного управлять светской властью. Борьба между папой и императором была в самом разгаре, и в течение трех лет со дня ареста Одо сам Хильдебранд должен был умереть в изгнании из своего города, в то время как нормандское влияние было всемогущим в южной Италии. Традиция, представленная в повествовании Ордерики, демонстрирует оценку общей ситуации, и если мы рассматриваем мотив, приписываемый приготовлениям Одо, просто как монастырские сплетни следующего поколения, то все же заключение епископа в тюрьму является несомненным фактом, а необычная горечь короля Вильгельма по отношению к своему сводному брату наводит на мысль, что нечто большее, чем политическая нелояльность, дало толчок к планам последнего. Тем не менее заключение, в котором епископ Одо искупил свои амбиции, не могло быть применено с особой строгостью, поскольку в течение пяти лет, прошедших между его опалой и смертью Уильяма, он, по крайней мере иногда, появлялся при дворе своего брата.

Круг ближайших сподвижников Завоевателя теперь быстро распадался. 3 ноября 1083 года королева Матильда скончалась и была похоронена в монастыре Святой Троицы в Кане, который она основала в обмен на безопасность своего господина среди опасностей его вторжения в Англию. Архиепископ Ланфранк и граф Роджер Монтгомери почти в одиночку представляли друзей юности короля Вильгельма на соборах последних четырех лет его правления. Несмотря на все опасности своей супружеской жизни, Матильда Фландрская хорошо сыграла свою роль; если Вильгельм Завоеватель единственный из всех мужчин своего дома до конца сохранил незапятнанную сексуальную чистоту, то хотя бы отчасти это можно отнести на счет его любви к невесте, которую он завоевал тридцать лет назад вопреки всякому церковному осуждению. Не следует также рассматривать превосходство Матильды исключительно в домашней сфере; Уильям мог оставить свое герцогство в ее руках, когда намеревался завоевать королевство для себя и для нее, и Уильям не был пренебрежительным судьей в отношении практических способностей других. Едва ли мы найдем во всей английской средневековой истории другую королеву-консорт, которая занимала бы место одновременно более видное и более почетное.

Через год после смерти королевы Матильды внимание Завоевателя в последний раз было сосредоточено на делах штата Мэн, причем таким образом, который иллюстрирует неопределенность, с которой норманны все еще сохраняли свою южную зависимость. Двадцать лет нормандского правления не смогли примирить Мансо с инопланетным правительством. Восстание 1073 года доказало силу и масштабы недовольства, и из событий текущего года становится ясно, что нормандский элемент в штате Мэн был не более чем гарнизоном на враждебной территории, хотя беспорядки, вызвавшие Вильгельма на поле боя в 1084 году, были всего лишь восстанием знатного барона Манселя, сражавшегося за свою собственную руку, что не должно называться национальным движением. В центре

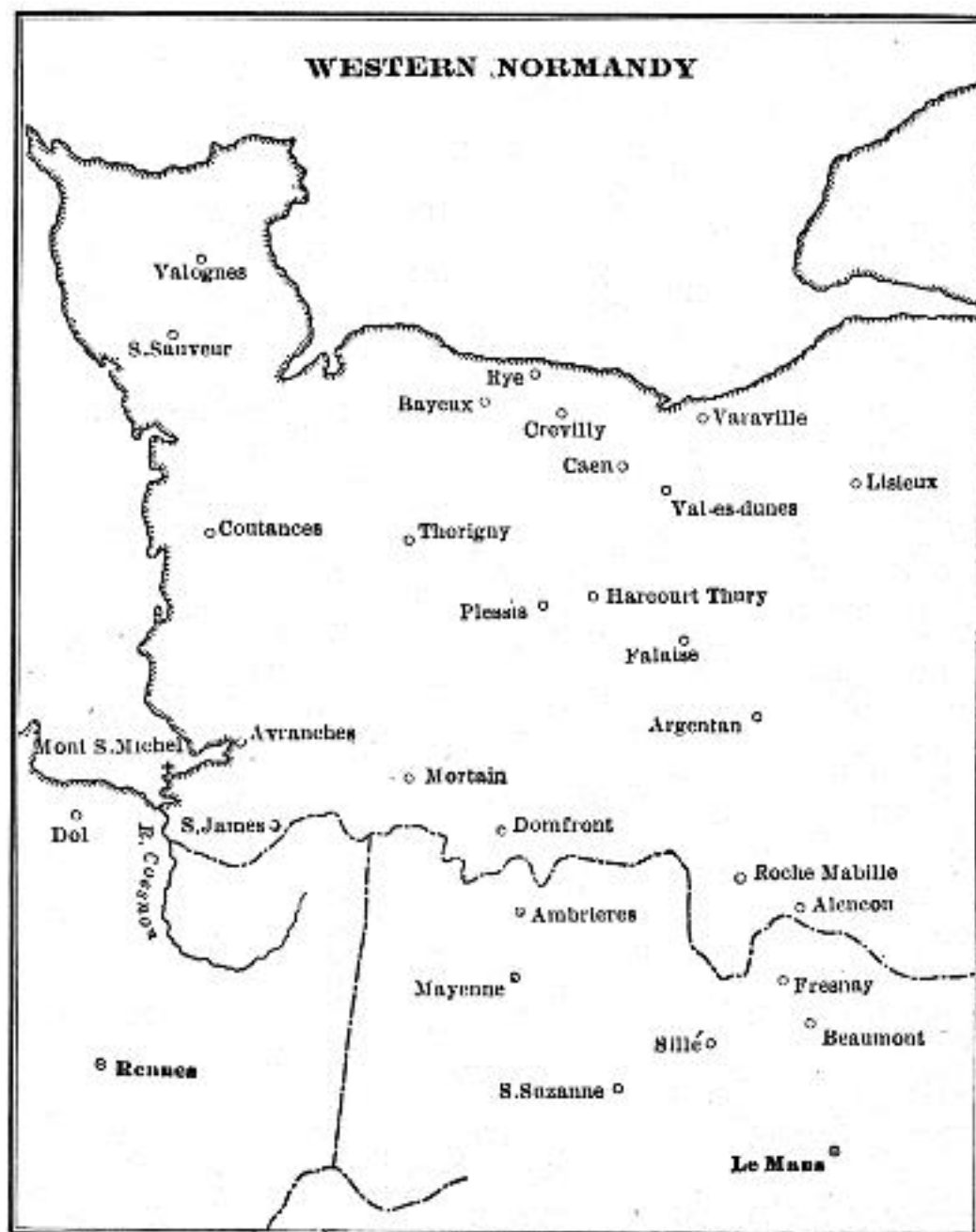
графства на высокой скале возвышается замок Сент-Сюзанна, возвышающийся над рекой Арне, одним из меньших притоков Сарта. Эта крепость вместе с замками Бомон и Френе на реке Грейтер принадлежала Хьюберту, виконту Мэна, который был видным лидером манселских националистов в войне 1063 года и впоследствии женился на племяннице герцога Роберта Бургундского. Внушительный как из-за своего положения в штате Мэн, так и из-за связей с домом Капетингов, Хьюберт проявил себя непокорным подданным нормандского *сенаторского принцепса*, и после ряда актов недовольства он поднял открытое восстание, покинул свои замки Френе и Бомон и сосредоточил свои силы на высоте Сент-Сюзанна. Подобно Роберту Нормандскому в Жербер-Руа пятью годами ранее, Юбер превратил свой замок в место встречи всех неугомонных авантюристов французского королевства, которые вскоре стали невыносимы для нормандских гарнизонов в Ле-Мане и его окрестностях. Последние, по-видимому, были недостаточно сильны, чтобы разделить свои силы для нападения на Сент-Сюзанну, и послали призыв о помощи королю Вильгельму, который вслед за этим собрал армию в Нормандии и приготовился к своему последнему вторжению в Мэн.

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ

(ПО ЗАМЫСЛУ ФРАНЦУЗСКОГО ХУДОЖНИКА ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА)

ОРИГИНАЛ ЭТОЙ КАРТИНЫ, НЫНЕ УТРАЧЕННЫЙ, БЫЛ НАПИСАН ХУДОЖНИКОМ ПРИ ВСКРЫТИИ МОГИЛЫ ЗАВОЕВАТЕЛЯ В 1522 ГОДУ. КОПИЯ, ВЫПОЛНЕННАЯ В 1708 ГОДУ, ХРАНИТСЯ В РИЗНИЦЕ СВ. ЦЕРКОВЬ ЭТЬЕНА В КАНЕ; НАСТОЯЩАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ВЗЯТА С ФОТОГРАФИИ ЭТОЙ КОПИИ

ЗАПАДНАЯ НОРМАНДИЯ

Но впервые в жизни Завоеватель оказался лицом к лицу с неприступной крепостью. “Он не рискнул осаждать замок Святой Сюзанны”, - говорит Ордерик,

“поскольку она была неприступна из-за своего положения на скалах и густых зарослей виноградников, которые окружали ее, он также не мог удержать врага внутри крепости, как ему хотелось, поскольку последний был достаточно силен, чтобы контролировать снабжение и командовал коммуникациями. Поэтому король построил укрепление в долине Боньен и разместил там сильный отряд войск для отражения набегов врага, поскольку сам был вынужден вернуться в Нормандию по важным делам”.^[280]

Поскольку у Уильяма не было никаких перспектив взять замок ни штурмом, ни блокадой, ему посоветовали спасти свой личный престиж отступлением, но гарнизон его контрподразделения под командованием его лейтенанта Алана эрла Ричмонда оказался не в состоянии справиться с поставленной перед ним задачей. В течение трех лет, по словам

Ордерики, операции в долине Арне затягивались, и слава об успешном сопротивлении Юбера привлекала все больший поток добровольцев из отдаленных уголков Франции. Наконец, когда многие прославленные рыцари были убиты или взяты в плен, обескураженные норманны в Боньене решили добиться примирения между королем и виконтом. Вильгельм в то время находился в Англии и, получив сведения о потерях норманнов при Сент-Сюзанне, проявил готовность договориться с Хьюбертом, который после этого пересек Ла-Манш под подписку о невыезде и был восстановлен в благосклонности королевского двора.^[281]

Этой неудачей закрывается рекорд достижений Conquerors в штате Мэн. События следующих десяти лет доказали, что триумф Юбера Сент-Сюзаннского был чем-то большим, чем случайный успех мятежного дворянина; за ним и его командой авантюристов стояла национальная сила, которая вышла на передний план, когда Хели де ла Флеш боролся за графство Мэн с Уильямом Руфусом. В процессе, который в течение следующего полувека консолидировал феодальный мир Франции, Мэн не смог сохранить изолированную независимость, но его окончательное поглощение Анжу было менее противно местному патриотизму и географическим фактам, чем его аннексия лордами Руана. Те, у кого есть склонность к историческим параллелям, могут справедливо провести одну из них между войнами Вильгельма в штате Мэн и нападением его потомка Эдуарда I. на автономию Шотландии, имея в виду то, каким образом первоначальный успех был сведен на нет после смерти великого солдата, который его завоевал, непримиримой решимостью покоренного народа. Но существует проблема, на которую нельзя дать полного ответа, - вопрос, почему работа короля Вильгельма, столь постоянная в случае Англии, была так скоро прекращена в случае с родственной страной Мэн.

Возможно, что снисходительность Завоевателя к Юберу Сент-Сюзаннскому была связана с более грозной опасностью, угрожавшей Англии с севера и востока. Над землей снова нависла скандинавская опасность. Гарольд Датский, старший сын Свена Эстритсона, умер в 1080 году, а его брат и преемник Кнут женился на дочери заклятого врага Вильгельма, графа Роберта Фландрского. Таким образом, был заключен семейный союз между двумя сильнейшими военно-морскими державами севера, и в 1085 году король и граф спланировали совместное вторжение в Англию. Кнут попытался привлечь короля Норвегии Олафа к участию в экспедиции и получил от него контингент из шестидесяти кораблей, но Олаф не присоединился лично, мотивируя это тем, что норвежские короли всегда были менее успешны, чем датские, в предприятиях против Англии, и что его королевство еще не оправилось от катастрофы 1066 года.^[282] Но сейчас, как и в предыдущем году, у Англии не было флота, доступного для серьезных морских операций; и подданные короля Вильгельма, должно быть, думали, что его оборонительные меры были столь же разрушительны для затронутых районов, как и проход самой армии вторжения. Король был в Нормандии, когда ему сообщили об опасности, и он поспешил через Ла-Манш с большим отрядом французских и бретонских наемников, “так что люди удивлялись, как земля может прокормить всю эту армию”, - отмечает хроникер Питерборо. Король распорядился расквартировать войско среди своих баронов, а затем намеренно приступил к опустошению районов страны, подверженных нападениям; мера предосторожности, которая удержала бы врага от продвижения далеко от побережья, но которая, должно быть, жестоко ударила по беднейшему населению восточных графств.^[283] Тем временем в Лиймском фиорде было собрано большое вооружение из Фландрии и Дании, и все было готово к путешествию, когда 10 июля 1086 года Кнут был убит в церкви Одензее.^[284] Его смерть означала прекращение экспедиции, но, вероятно, его неудачные планы способствовали одному из самых заметных событий правления Вильгельма — принесению клятвы в Солсбери в 1086 году.

Король отпраздновал праздник 1086 года в Винчестере и посвятил в рыцари своего младшего сына Генриха на Троицынском соборе в Вестминстере. Вскоре после этого он снова повернул на запад и к первому августа прибыл в Солсбери, где провел собрание весьма исключительного характера. “Там к нему пришли его витаны, - говорит англосаксонский хронист, - и все землевладельцы Англии, кем бы они ни были, и поклялись ему в верности, что они будут верны ему вопреки всем людям”.^[285] Местный хронист в своей камере в Питерборо, очевидно, был впечатлен масштабом всех мер Завоевателя за эти последние годы, и его заявление о том, что все землевладельцы Англии пришли на собрание в Солсбери, не следует понимать слишком буквально, но он достаточно ясно увидел, какова была истинная цель знаменитой клятвы. Немаловажным было то, что король Вильгельм был достаточно силен, чтобы потребовать от каждого крупного арендатора в своем королевстве абсолютной клятвы верности себе лично, без явного упоминания об узах почтения, которые связывали отдельных арендаторов с их непосредственными хозяевами. Но каким бы важным ни было это четкое изложение принципа, согласно которому притязания короля на верность превыше притязаний сеньора на службу, его не следует понимать как подразумевающее какие-либо революционные изменения в нынешних доктринах феодального права. Весьма вероятно, что эта всеобщая присяга была потребована с единственной целью обезопасить себя от перехода нелояльных рыцарей и баронов на сторону Кнута Датского в неизбежном случае его высадки. В XI веке новости распространялись медленно, и король Вильгельм, находившийся в Солсбери 1 августа, не мог знать об убийстве в Одензее 10 июля. Но помимо этого, любой феодальный монарх теоретически мог бы утверждать, что факты субинфеодализации не должны лишать его суверенных прав; вопрос заключался всего лишь в возможности обеспечения соблюдения последних. Исключительная власть, которой пользовались Вильгельм и его преемники в этом отношении, была обусловлена близкими отношениями, установившимися между королем и его феодалами в результате обстоятельств Завоевания; присяга в Солсбери была поразительным инцидентом и немногим более.

Вероятно, вскоре после знаменитой сцены в Солсбери Завоеватель в последний раз пересек Ла-Манш. Ни один хронист не записал название порта, в котором произошла последняя посадка короля Вильгельма, но мы знаем, что он зашел на остров Уайт по пути в Нормандию, и мы можем предположить, что он отплыл из какой-нибудь гавани Хэмпшира или Сассекса. Его подданные, вероятно, радовались его отъезду, поскольку в последние годы Англия переживала тяжелые времена. Лето 1086 года было катастрофическим для населения, которое никогда не жило далеко от пределов средств к существованию. “Этот год был очень тяжелым, ” сетует местный хронист, “ и разорительным и печальным в Англии из-за маррейна; кукурузу и фрукты собрать было невозможно, и трудно даже представить, какой ужасной была погода, были такие ужасные раскаты грома и молнии, от которых погибло много людей, и всегда становилось все хуже и хуже. Всемогущий Бог исправит это, когда ему будет угодно ”. Но неурожай привел к неизбежной череде голода и мора, и 1087 год был хуже, чем 1086-й. Именно агония этого года вызвала к жизни знаменитую картину финансовых поборов Завоевателя, как скупой король сдавал свои земли в аренду по самой высокой арендной плате, которую можно было выжать из бедняков правдой или неправдой; как его слуги взимали незаконную пошлину. Средневековые финансы не были достаточно гибкими, чтобы приспособливаться к смене хороших и плохих сезонов; и во времена бедствий люди были раздавлены арендной платой и налогами, которые, как показывает “Книга страшного суда”, они могли позволить себе достаточно хорошо переносить в годы нормального достатка. Монах из Питерборо не принял этого во внимание, и все же он ясно чувствовал, что достиг апогея катастрофы, когда записывал смерть Вильгельма Завоевателя.

Вопрос о французском Вексене, который по странной случайности стоил Завоевателю жизни, возник во времена герцога Роберта Нормандского и Генриха I Французского. Мы видели, что король Генрих в обмен на помощь, оказанную ему Робертом в трудное время его восшествия на престол, уступил французский Вексен нормандскому герцогу. Дрого, правящий граф, остался верен нормандскому роду и сопровождал герцога Роберта в Святую Землю, где и умер; но его сын Уолтер пожелал отделить Вексен от ассоциации с Нормандией и перейти под непосредственный суверенитет короля Франции. Он доказал свою враждебность к Вильгельму Нормандскому в кампании при Мортемере и своими претензиями на графство Мэн в 1063 году, но умер, не оставив потомства, и его владения перешли к его двоюродному брату Ральфу III, графу Валуа. Дом Валуа не был враждебен Нормандии, и с 1063 по 1077 год его могущественные владения представляли постоянную угрозу королевским владениям. Но в последний год семейные поместья были разрушены драматическим событием. Симон де Крепи, сын графа Ральфа, успешно сохранивший свое положение против Филиппа I. Тем не менее, он почувствовал желание посвятить себя религиозной жизни и в первую брачную ночь внезапно объявил о своем решении, убедил свою молодую невесту последовать его примеру и удалился от мира. Филипп I. после этого Вексен был присоединен к королевским владениям без сопротивления Вильгельма Нормандского, который в то время был сильно занят делами штата Мэн.^[286] В течение десяти лет Уильям молча соглашался с положением дел, и его нынешние действия приняли форму возмездия за определенные набеги, которые французы в Манте в последнее время совершали через нормандскую границу. Было очевидно, что бесполезно ожидать вмешательства короля Филиппа, и Вильгельм, соответственно, еще раз поднял весь вексенский вопрос и потребовал владения Понтуазом, Шомоном и Мантом, тремя городами, которые господствуют над всей провинцией.

Похоже, что Филипп не предпринимал никаких попыток защитить свою границу, которой угрожали, и, как сообщается, он отнесся к угрозам Уильяма с презрением. Вслед за этим Завоеватель, уязвленный каким-то оскорблением, которое произошло в то время, внезапно бросился с нормандским войском через Эпте и опустошал страну, пока не дошел до самого Манта. Накануне гарнизон покинул свои посты, чтобы осмотреть разрушения, произведенные норманнами в окрестностях, и был застигнут врасплох прибытием короля Вильгельма. Гарнизон и захватчики вместе сломя голову ворвались в ворота города, но норманны одержали победу, и Мант был безжалостно сожжен. А затем король Вильгельм, проезжая среди тлеющих руин своего последнего завоевания, каким-то не совсем ясным образом был сильно отброшен на луку седла, и его травма оказалась неподвластной грубой хирургии одиннадцатого века.

Пораженный таким смертельным ударом, король Вильгельм покинул опустошенный Вексен и отправился в свою столицу Руан, и в течение шести недель палящего лета его могучие силы боролись с болью от неизлечимой раны. Сначала он лежал в самом городе Руан, но с течением дней ему становилось все труднее выносить шум оживленного порта, и он приказал своим слугам отнести его в монастырь Сен-Жерваз, который стоит на холме к западу от города. Прогрессирование болезни до конца не затронуло его чувства, и в тихом монастыре Победитель рассказал историю своей жизни своим сыновьям Вильгельму и Генриху, своему другу и врачу Жильберу Мамино, епископу Лизье, Гунтару, аббату Жюмьежа, и нескольким другим, пришедшим засвидетельствовать кончину своего повелителя. До наших дней сохранились два независимых повествования об *апологии* короля Вильгельма, и, хотя монашеская традиция, возможно, несколько обрамила эту историю в назидательных целях, все же мы можем видеть, что Завоеватель, находясь под сенью неминуемой смерти, пересмотрел ход своей истории отнюдь не с неблагоприятными намерениями. Он с

удовлетворением вспоминал свою постоянную преданность и служение Святой Церкви, свое покровительство ученым людям и религиозным домам, основанным при нем. Если бы он с юности был военным человеком, он частично возложил бы вину на вероломных родственников, ревнивого сюзерена, агрессивных соперников, которые окружали его с детства, но завоеванию Англии в этот свой высший момент он не пытался найти оправдания. Из-за его боли и усталости слава, которую он пролил на нормандский народ, меркла перед воспоминаниями о резне в Гастингсе и опустошенных деревнях Йоркшира. В самом деле, никакое предвидение грандиозного исхода своего дела не могло бы удовлетворить тревогу Завоевателя о благополучии своей души, и под влиянием честолюбия он встал на путь, который привел к результатам, превосходящим его собственные намерения и понимание. Нам не нужно верить, что епископ Лизье или аббат Жюмьеж подтасовали слова Уильяма, когда мы читаем о его раскаянии в событиях, которые обеспечили ему место в истории.

Завоевателю оставалось распорядиться своим наследством, и здесь на этот раз политическая целесообразность уступила место народным настроениям. Мы не можем не верить, что Завоеватель, если бы это было в его власти, предпринял бы некоторые усилия для сохранения политического союза Англии и Нормандии. Но судьба обрушилась на него без предупреждения и постановила, что его работа должна быть на некоторое время прекращена. С мрачными предчувствиями недоброго Вильгельм признал, что право первенца и почтение, оказанное нормандскими баронами Роберту более двадцати лет назад, сделали невозможным лишение наследства безжалостного изгнанника, но Англия, по крайней мере, должна перейти в более сильные руки. Уильяму Руфусу было суждено недолгое и бурное правление своим островным королевством, но теперь оно стало наградой за постоянную верность и хорошее служение своему могущественному отцу. Родившемуся в Англии Генриху, который должен был остаться безземельным, Завоеватель завещал пять тысяч фунтов серебра из своей казны и в ответ на его жалобу на то, что богатство ему будет бесполезно без земли, предсказал будущее воссоединение англо-нормандских государств под его властью. И затем, пока Генрих занимался сбором и взвешиванием своих сокровищ, Победитель вручил Вильгельму регалии английской монархии и запечатал письмо, рекомендующее его архиепископу Ланфранку в качестве будущего короля, и, поцеловав его, благословил его и велел ему поспешить в Англию, прежде чем люди там узнают, что их господин мертв.

В несколько оставшихся часов король Вильгельм был вдохновлен священниками и знатью, стоявшими вокруг его постели, возместить ущерб некоторым жертвам его политики, которые все еще оставались в нормандских тюрьмах. Среди тех, кто был освобожден по его приказу, были Вульфнот, сын графа Годвина, и Вульф, сын короля Гарольда; узники Эли, граф Моркар и Сивард Барн; граф Роджер Херефордский и некий англичанин по имени Алгар. Подобно призракам из другого мира, эти люди ненадолго вышли на свет, прежде чем окончательно исчезнуть в застенках Уильяма Руфуса; но был один государственный заключенный, чье помилование, с неохотой требуемое у Победителя, не было отменено его преемником. Только особое заступничество графа Роберта Мортенского обеспечило освобождение его брата, епископа Одо. Епископ превзошел Завоевателя в угнетении и жестокости по отношению к народу Англии, и сожаление о его собственных грехах честолюбия и несправедливости не расположило короля к снисхождению к вине его брата в этом отношении. Наконец, совершенно измученный, он сдался против своей воли, предсказав, что освобождение Одо принесет разорение и смерть многим.

Именно в связи с освобождением епископа Одо Ордерик рассказывает о последнем зарегистрированном деянии в жизни Уильяма. Некий рыцарь по имени Бодри де Гитри,

сослуживший хорошую службу в войне при Святой Сюзанне, впоследствии оскорбил короля, покинув Нормандию без лицензии, чтобы сражаться против мавров в Испании. В результате его земли были конфискованы, но теперь были возвращены ему, Уильям заметил, что, по его мнению, более храброго рыцаря нигде не существовало, только он был экстравагантен и непостоянен и любил странствовать по чужим странам. Бодри был соседом и другом монахов Святого Эврула, отсюда, без сомнения, и интерес, который его реставрация представляла для Ордерика Виталиса.

На последней стадии болезни короля Вильгельма боль несколько утихла, и он мирно проспал всю ночь на среду, 8 сентября. Он проснулся на рассвете, и в тот же миг из долины под монастырем Сен-Жерваз донесся звон большого колокола Руанского собора. Король спросил, что это значит; те, кто наблюдал за ним, ответили: “Милорд, колокол в церкви Святой Марии звонит к празднику простых чисел”. Тогда Победитель, воздев руки, воскликнул: “Марии, пресвятой Богородице, я вверяю себя, чтобы ее благословенным заступничеством я примирился с ее возлюбленным Сыном, Господом нашим Иисусом Христом”. В следующее мгновение он был мертв.

Почти шесть недель король беспомощно лежал в своих покоях в монастыре, но, наконец, смерть настигла его внезапно, и окружавшие его люди мгновенно в смятении разбежались. Каждый человек знал, что на многие мили вокруг Руана в этот день будет мало безопасности для жизни или имущества, и мертвый король был оставлен на милость своих собственных слуг, в то время как его друзья из всех сил старались добраться до своих домов до того, как великая весть разнесется из города по открытой местности. К тому времени, когда духовенство Руана поднялось, чтобы распорядиться о том, как достойно похоронить своего господина, его тело было раздело, его покои разобраны, а его слуги разошлись, забрав награбленное. Архиепископ Руана распорядился, чтобы короля доставили в церковь его собственного основания в Кане, но в городе не осталось ни одного знатного человека, и только горный рыцарь по имени Херлвин сопровождал Завоевателя в его последнем путешествии по своему герцогству. По реке и дороге тело было доставлено в Кан, и процессия духовенства и горожан двигалась ему навстречу, как вдруг из города показался столб пламени. Горожане, которые хорошо знали, что это значит среди их узких улочек и деревянных домов, бросились назад тушить пожар, в то время как монахи монастыря Святого Стефана приняли тело короля и со всеми почестями, какие только могли, перенесли его в свой дом за стенами.

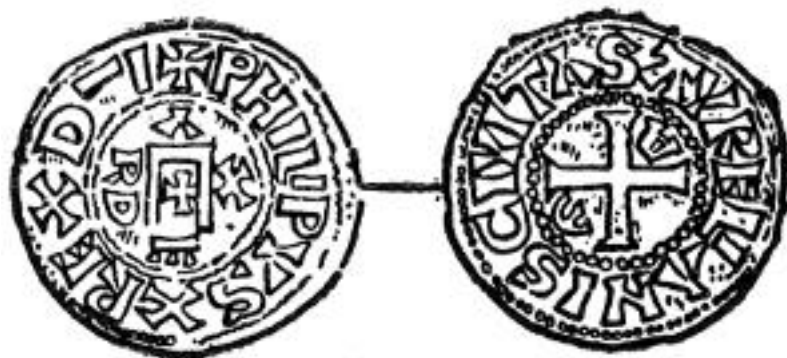

АНГЛИЯ

В 1087 году

Вскоре после этого Завоеватель был похоронен в присутствии почти всех прелатов нормандской церкви. Епископ Эвре, дежуривший у смертного одра короля, произнес проповедь, восхваляя его за славу, которую его победы принесли его народу, и за строгость его правосудия в землях, которыми он правил. Но затем странная сцена прервала ход церемонии. Некий Асцелин, сын Артура, вышел вперед и громко заявил, что местом, в котором была приготовлена могила, был внутренний двор дома его отца, несправедливо захваченный покойным для основания своего аббатства. Аскелин требовал возмещения ущерба, но епископы и другие магнаты разняли его и, убедившись, что его требование было справедливым, заплатили ему шестьдесят шиллингов за землю, где находилась могила. А

затем, с нарушением обряда, Победителя положили между хорами и алтарем церкви Святого Стефана.

Отрицатель французского короля Филиппа I.

ГЛАВА X УИЛЬЯМ И ЦЕРКОВЬ

До настоящего времени мы рассматривали церковные отношения Вильгельма Завоевателя только в той мере, в какой они непосредственно затрагивали политические вопросы. Но эта тема имеет свое собственное единство, совершенно независимо от ее влияния на ход войны или дипломатии, и ни один аспект деятельности Завоевателя не известен нам более подробно. Можно добавить, что ни один аспект деятельности Завоевателя не является более наглядным для общего характера его правления и не имеет большего значения для будущей истории. В течение четырех с половиной столетий развитие церкви в Англии шло по тем направлениям, которые он указал.^[287]

Но церковь в Нормандии была первой заботой Вильгельма, и некоторая оценка его работы здесь необходима для понимания тенденций, которые определяли его церковную политику в Англии. В общих чертах, отношения Вильгельма с церковью как в Нормандии, так и в Англии определялись двумя основными идеями. Вне всякого сомнения, он искренне стремился к реформе церкви, как бы он понимал эту фразу — расширению и более строгому соблюдению монашеской жизни, улучшению образования и нравственности светского духовенства, разработке особого церковного закона. Но он был не менее полон решимости во что бы то ни стало подчинить церковь в его владениях государству, и соблюдение им этого принципа в конечном счете привело его в оппозицию к той самой партии в церкви, которая больше всего сочувствовала его планам церковной реформы. Между Гильдебрандом, недвусмысленно утверждавшим, что глава церкви является господом мира, и Вильгельмом, безошибочно утверждавшим, что король Англии стоит над всеми людьми во всех отношениях, как церковных, так и светских, посредством своих верховных владений, несомненно, существовали разногласия. Но два великих человека сохраняли мир удивительно долго, и только за десять лет до смерти Вильгельма между ним и Курией возникли серьезные разногласия по вопросу о церковном управлении.

В этом вопросе, действительно, Вильгельм всего лишь сохранял прерогативы, которые он унаследовал от своих предшественников и которые одновременно отстаивали другие

принцы его времени. Мы уже отмечали тесную связь церкви и государства, царившую в Нормандии в начале XI века, в связи с ее влиянием на общий абсолютизм, которым пользовался герцог. Но этот факт имеет более широкое значение, поскольку определяет весь характер церковной жизни в герцогстве. Права покровительства, которыми обладал герцог, его вмешательство в процесс принятия церковного законодательства, его власть смещать прелатов, попавших под его немилость, не только запрещали автономию церкви, они ставили ее духовное благополучие, а также ее профессиональную эффективность в существенную зависимость от личного характера ее светского главы. В этих условиях было мало места для роста ультрамонтанских идей среди нормандского духовенства; и то влияние, которое папство оказывало в Нормандии, по крайней мере, до 1066 года, было обусловлено гораздо больше традиционным почитанием Святого Престола и случайным уважением к характеру отдельных его обитателей, чем каким-либо признанием юридического суверенитета папы в духовных вопросах. Сам Вильгельм в вопросе о своем браке бросил вызов папству, и обвинения Курии нашли лишь слабый отклик среди прелатов нормандской церкви.

С ультрамонтанской точки зрения эта зависимость церкви от государства была большим злом, но, по крайней мере, это было зло, которое само по себе компенсировалось в Нормандии. Хаос, который сопровождал поселение норманнов в десятом веке, привел к полному разрушению всей церковной организации страны, и ее восстановление было полностью обусловлено инициативой светской власти. Сменявшие друг друга герцоги Нормандии, начиная с Ричарда I. и далее, проявляли поразительное рвение в проведении церковной реформы.^[288] Однако их рвение, должно быть, было напрасным, если бы их успех зависел от сотрудничества нормандского духовенства; упадок церкви в Нормандии зашел слишком далеко, чтобы допустить ее реформирование изнутри. Реформаторская энергия, которая делает XI век блестящим периодом в церковной истории Франции, была сосредоточена в это время в великих аббатствах Фландрии и Бургундии, обитатели которых, однако, были полностью компетентны и по большей части желали взяться за восстановление церковного порядка в Нормандии. Из этого квартала, и в частности из аббатства Клуни, монахи были завезены в герцогство герцогами Ричардом I и II., и под их руководством была проведена реформа нормандской церкви в соответствии с высшими монашескими идеалами того времени. Очень постепенно, но со все возрастающей силой, влияние иностранных реформаторов приобретало все больший контроль над каждым звеном в нормандской иерархии. Высшее духовенство, которое поначалу сопротивлялось движению, превратилось в его поборников в результате разумных назначений, производимых сменявшими друг друга герцогами. Даже высокогорное духовенство, чье непреодолимое невежество вызвало гнев первых реформаторов, было привлечено в рамки реформы, отчасти благодаря присоединению деревенских церквей к монастырям, но прежде всего благодаря образовательной работе, проводимой школами, которые были одними из первых плодов монашеского возрождения.

Если основание новых монастырей можно рассматривать как свидетельство, процесс расширения и реформ шел беспрепятственно на протяжении всего бурного правления Вильгельма Завоевателя. Период феодальной анархии не обязательно противоречил конечным интересам церкви. Среди беспорядка и угнетения светской жизни церковь все еще могла бы демонстрировать пример общества, основанного на законе и дисциплине, она могла бы в бесчисленных индивидуальных случаях защищать слабых от беспричинных травм и, конечно, могла бы надеяться выйти из хаоса с более широким влиянием и увеличенными доходами. Средний барон был очень готов искупить свои проступки основанием нового религиозного дома или оказанием помощи старому, и бессмертная церковь имела время на

своей стороне. По крайней мере, в Нормандии беспорядки, вызванные меньшинством Вильгельма, совпали с основанием новых монастырей почти во всех епархиях нормандской церкви; а провозглашение Божьего перемирия в 1042 году значительно расширило компетенцию церковной юрисдикции по отношению к светским делам.

С победой Вильгельма при Валь-эс-дюнах кризис миновал, и в течение следующих сорока лет нормандская церковь плыла спокойно. Каким бы автократичным ни был Уильям по темпераменту, ничто так не способствовало его успеху, как его исключительная мудрость в выборе своих служителей в церкви и государстве и его способность привлекать их к своей службе узами личной дружбы с самим собой. Отношения между Вильгельмом и Ланфраном, пожалуй, самый яркий тому пример, но были и другие, менее известные члены нормандской иерархии, которые поддерживали личную близость со своим хозяином. А Уильям был космополитом в своих симпатиях. Ученым и благочестивым людям из всех уголков христианского мира он доверил ответственные посты в нормандской церкви; в 1066 году почти всеми крупными аббатствами Нормандии управляли иностранные монахи. Космополитизм был главной нотой средневековой культуры, и под этим влиянием в Нормандии можно проследить настоящее возрождение образования. Для памяти Вильгельма хорошо, что это было так; если бы не труды Вильгельма Пуатье и Вильгельма Жюмьежского, двух типичных представителей нового учения, потомки остались бы в полном неведении о правлении Завоевателя в Нормандии. Но еще более важно то, что таким образом Нормандия постепенно готовилась стать воспитателем Англии, а также ее завоевателем. Сохранившиеся реликвии литературной деятельности Нормандии того времени — массовые сборники, богословские трактаты и книги о чудесах, которые она произвела, — представляют мало интереса для широкого круга изучающих историю, но важным моментом является то, что они являются симптомами интеллектуальной жизни, энергично проявляющей себя в тех единственных направлениях, которые были для нее возможны в начале XI века. Только после того, как эта интеллектуальная жизнь была пересажена на завоеванную почву Англии, она дала свой величайший результат — философскую историю Уильяма Малмсберийского, логическое повествование Эдмера, и это лишь два ее проявления; но в вопросах культуры, так же как в вопросах политики и войны, нормандская раса в эти годы бессознательно готовилась к своим последующим достижениям за Ла-Маншем.

Нельзя отрицать, что английская церковь остро нуждалась в подобном внешнем влиянии. Странный упадок, который, казалось, охватил светское правительство Англии, затронул и ее религиозную организацию. Английская церковь так по-настоящему и не оправилась от датских войн времен Альфреда. Она была возрождена к новой деятельности усилиями Дунстана и его коллег-реформаторов десятого века, но энергии, которую они вложили в нее, едва хватило на их собственную жизнь, и в 1066 году церковь в Англии очень неблагоприятно сравнивалась с церквями континента во всех отношениях. Там, где они были католиками, страна стала провинциальной; ее культура была слабым отголоском культуры восьмого века, они разрабатывали новые методы исследования тайн веры; она все больше и больше ассимилировалась с государством, они изо всех сил пытались освободиться от светского контроля. В Англии было достаточно возможностей для работы великого церковного реформатора, но растущая секуляризация руководителей церкви делала маловероятным, что он придет изнутри.

Ego. W. di omnipotentis gra opante angloru
 rex. omib; meis fidelibus int^{re} anglieas partes co
 morantib; notu esse uolo qd concedo sco petro
 noui monasterii. & Ryuuillono eide genobu
 abbi necn & monachis mibi diuino seruitio ua
 cunab; eccliam Lutun; cu qnq; indus atq; decimis &
 cu aliis redditib; q ad p dicta eccliam p tinent. in
 sup & eccliam de clara cu qtuor indus & una unyata
 eiae atq; cu decimis & aliis redditib; q ad p dicta
 eccliam p tinent. Prefatas q; ecclias cu tris & qcqd
 in eis habeo sco petro & abbati. R. ita libes
 e cedo que ad modu illa tra cimiteru genobu
 ia semel nominata p pa erat sci petri suoniq;
 monachoru & ab omi seruitio liba. qm ego. ad
 aula mea faciendā mutuo ab abbe accepi. & p q
 ego don u istud sic ia dictu e. e cedo. Siqs aut p
 sup cor sci petri ecclie & nre ecessioni adu lari.
 istamq; donatione irrita facere uoluerit. ex co
 municationis supplicio in ppetuu cu pphanis
 puniatur. Et ut mun istud ita atq; incorp
 ualsum habeatur. signu istud ego ipse manu
 mea poto:

УМЕНЬШЕННОЕ ФАКСИМИЛЕ УСТАВА ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ Для ХАЙД - АББАТСТВА

Даже в 1066 году английская церковь все еще сохраняла отчетливые черты племенной организации, которые она унаследовала от века обращения. Его епархии в целом представляли гептархические королевства, и неопределенность их границ кое-где определенно прослеживается до неопределенных границ первобытных племен, церковными эквивалентами которых они были. Резиденции половины английских епископов XI века все еще располагались, как и резиденции их предшественников VII века, в отдаленных деревнях;

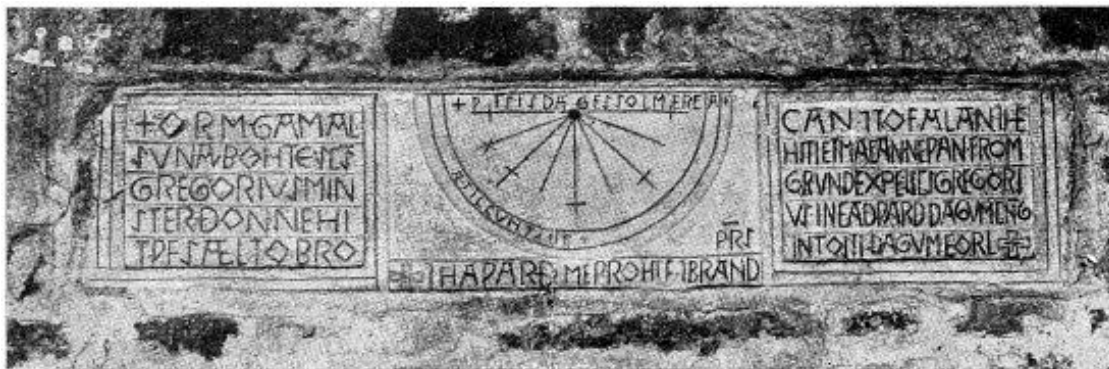
“места уединения, а не центры деятельности”, как их справедливо называли. Количество епархий было очень небольшим по сравнению с населением и площадью страны, и оно имело тенденцию к уменьшению; Эдуард Исповедник недавно объединил епархии Корнуолла и Девона под единым епископом Эксетера. В пределах своей епархии каждый епископ пользовался независимостью от архиепископского надзора, подобного которому не было известно его континентальным собратьям; каноническая власть архиепископов была утрачена, и в 1070 году все еще оставался открытым вопрос, принадлежали ли епархии Дорчестера, Личфилда и Вустера, которые представляли почти треть Англии, к провинции Кентерберии или Йорк. Более мелкие территориальные единицы церковного управления, архидьяконство и сельское благочиние, вряд ли можно проследить в Англии до завоевания, и отделения в нескольких епархиях бесконечно различались по организации.

То, что право назначать на высшие церковные должности принадлежало в Англии королю и Витанагемоту, не обязательно было злоупотреблением; другое дело, что лидеры церкви все больше и больше погружались в светские дела. Представительный епископ времен короля Эдуарда был бы энергичным политиком и деловым человеком. Элдред, архиепископ Йоркский, был послан королем в Германию для переговоров о возвращении Эдгара Этелинга; Лифинг Вустерский заслужил титул “красноречивого” за роль, которую он сыграл в дебатах Витанагемота; Леофгар Херефордский, воинственный человек, вызвавший серьезный скандал, продолжив носить усы после своего рукоположения, проводил кампании против валлийцев. В Нормандии этот тип прелатов быстро вымирал; Одо из Байе и Жоффруа де Кутанс резко выделялись среди своих коллег в 1066 году; но в Англии обстоятельства того времени требовали более активного участия высшего духовенства в государственных делах. Соперничество знатных графов при дворе Эдуарда породило, так сказать, варварское предвосхищение партийного правления, и в течение длительного господства дома Годвинов церковные звания, естественно, присваивались людям, которые могли быть политически полезны своему покровителю. Достаточно любопытно, что единственной силой, которая сдерживала секуляризацию английского епископата, был личный характер короля Эдуарда. Его иностранные наклонности проявились здесь в полной мере, и иностранные служители его церкви, которых он назначил епископами, образовали отдельную группу, с которой можно проследить начало церковной реформы в Англии. В течение короткого времени высший пост в английской церкви в лице неудачливого Роберта Жюмьежского занимал нормандский монах, находившийся в тесном контакте с Ключинской школой церковных реформаторов, который, по-видимому, пытался за короткий период своего правления повысить уровень образования среди духовенства своей епархии. Роберт пал прежде, чем смог многое сделать в этом направлении, но иностранное влияние, которое начало оказывать влияние на английскую церковь, не прекратилось с его изгнанием. То тут, то там, в последние годы правления Эдуарда, можно было встретить местных прелатов, которые понимали, что с церковью многое не так, и следовали иностранным образцам в своих попытках реформ; Элдред Йоркский пытался навязать строгое правило Хродеганга Мецского своим каноникам Йорка, Рипона, Беверли и Саутвелла, четырех величайших церквей Северной Англии. Но отдельные епископы не смогли продвинуться достаточно далеко в реформаторской работе, и их усилия, похоже, не вызвали особого сочувствия у большинства их коллег.

Иностранному наблюдателю ничто в английской церкви не показалось бы более аномальным, чем характер ее церковной юрисдикции. Действительно, в юридических книгах сменявших друг друга королей существовала огромная масса церковного права; именно при применении этого закона Англия рассталась с континентальным обычаем. В Англии епископ вместе с графом председательствовали на собрании дворян, свободных людей и

священников, которые составляли суд графства, а местные суды графства и сотни обладали широкой компетенцией по вопросам, которые на континенте были бы переданы специально церковному трибуналу. Епископ, по-видимому, обладал исключительной юрисдикцией в отношении профессиональных проступков своего духовенства, и понижение в должности преступного клерка, необходимое предварительное условие для его наказания мирскими властями, было вынесено клерикальными судьями, но все другие вопросы, представляющие церковный интерес, входили в компетенцию местных собраний. Церковные и светские законы издавались одним и тем же органом власти и управлялись одними и теми же судами, и церковь в целом, по-видимому, не обладала каким-либо органом, посредством которого можно было бы высказать коллективное мнение по вопросам общей важности. Никаких великих церковных соборов, подобных тем, о которых рассказывает Беда, нельзя проследить ни в правление Исповедника, ни, более того, почти за два столетия до его восшествия на престол. Церковный совет был поглощен Витанагемотом.

Ко всем более масштабным движениям, будоражившим религиозную жизнь континента в XI веке — Ключийскому возрождению, иерархическим притязаниям папства, — английская церковь в целом оставалась в безмятежном неведении. Его отношения с папством, естественно, были очень прерывистыми, и когда местный прелат посещал Святой Престол, он мог ожидать услышать от папы резкие слова о плюрализме и симонии. Со Стигандом папство не могло поддерживать никаких отношений, но, несмотря на все нападки сменявших друг друга пап, Стиганд в течение восемнадцати лет продолжал получать доходы от своих епархий Кентерберийской и Винчестерской, и другие прелаты соперничали с ним в нарушении принципа множественности, какие бы сомнения они ни испытывали по поводу его канонического положения архиепископа. Элдред Йоркский когда-то управлял тремя епископствами и аббатством одновременно. Церковные проступки какой-либо партии среди высшего духовенства были бы незначительным злом, если бы это не совпадало с общим снижением уровня обучения и работоспособности среди их подчиненных. Мы очень мало знаем о приходском священнике времен Исповеди, но то, что известно, не располагает нас рассматривать его как инструмент, имеющий большое значение для цивилизации его соседей. В подавляющем большинстве случаев он, по-видимому, был деревенским жителем, женатым, как и его прихожане, участвовавшим вместе с ними в сельскохозяйственных работах в деревне и отличавшимся от них только фактом своего рукоположения и обладанием таким знанием зачатков латыни, которое позволило бы ему читать церковные службы. Энергия, с которой епископы, последовавшие за Завоеванием, трудились над возвышением низшего духовенства, достаточно показательна для того, каким, должно быть, было их прежнее состояние. Меры, которые были приняты с этой целью иностранными реформаторами — например, всеобщее введение безбрачия, — могут показаться неуместными современному мнению, но Ланфранк и его коллеги знали, в чем корень проблемы. Только отделив церковь от государства, сделав приходского священника существом, отличающимся самыми четкими чертами от своего брата-мирянина, церковь смогла начать оказывать свое законное влияние на светскую жизнь нации.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ГЭМЕЛА СЫНА ОРМА

Из КРАТКОГО РАССКАЗА О СОБОРЕ СВЯТОГО ГРИГОРИЯ В КИРКДЕЙЛЕ, НАПИСАННОГО
преподобным Ф. В. ПАУЭЛЛОМ, ВИКАРИЕМ. ПЕРЕВОД ВЫГЛЯДИТ СЛЕДУЮЩИМ ОБРАЗОМ:

“СЫН ОРМА ГАМАЛЯ КУПИЛ СОБОР Святого ГРИГОРИЯ, КОГДА ВСЕ ЭТО БЫЛО РАЗРУШЕНО,
И ПОЗВОЛИЛ ОТСТРОИТЬ ЕГО ЗАНОВО ДЛЯ ХРИСТА И Святого ГРИГОРИЯ, ВО ВРЕМЕНА
КОРОЛЯ ЭДУАРДА И ВО ВРЕМЕНА ГРАФА ТОСТИ”.

На ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПАНЕЛИ ИМЕЕТСЯ ЦИФЕРБЛАТ—

“ЭТО ДНЕВНОЙ ЗНАК СОЛНЦА

В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ”.

А У ПОДНОЖИЯ —

“И СОТВОРИЛИ МЕНЯ ХАВАРТЫ И ЗАКЛЕЙМИЛИ, СВЯЩЕННИКИ”

Политические обстоятельства задержали начало церковной реформы более чем на три года после того, как битва при Гастингсе передала судьбы английской церкви в руки норманнов. Пока Завоеватель сражался при Стаффорде и Йорке, он не мог председательствовать на синодах в Винчестере и Лондоне. Таким образом, никаких шагов в этом вопросе не предпринималось до 1070 года, когда падение Честера уничтожило последний шанс на успешное английское восстание и сделало для Уильяма более нецелесообразным уступчивость Стиганду и националистической партии в английском епископате. Но в 1070 году работа была начата всерьез с немедленной санкции папы римского, выраженной в отправлении двух кардиналов-священников, посетивших Англию в том году. Не могло быть никаких сомнений в том, каким будет их первый шаг; и когда Стиганду было официально предъявлено обвинение в том, что он одновременно управлял кафедрами Винчестера и Кентерберии, узурпировал паллиум своего предшественника Роберта и получил свой собственный паллиум от раскольника Бенедикта X., у него не было никакой защиты, кроме заявлений против добросовестности короля. Три других епископа пали в то же время или примерно в то же время: Этельмер, брат Стиганда и епископ Восточной Англии, Этельвин, епископ Дарема, и Этельрик, епископ Селси. Ни в отношении одного из этих последних епископов нет никаких достоверных оснований, на которых основывалось их низложение; а в случае с Этельриком, пожилым человеком, известным своими обширными знаниями англосаксонского права, сам папа был обеспокоен этим вопросом, и некоторое время между ним и Ланфранком продолжалась переписка по этому вопросу. Но примечательным фактом является то, что эти четыре прелата являются единственными епископами, низложенными за все время правления Завоевателя. Ничто не было так далеко от цели Уильяма, как любая массовая зачистка местного епископата. Он был наследником короля Эдуарда и поэтому желал сохранить епископов короля Эдуарда на своих постах, поскольку это соответствовало

планам его союзника папы римского. С другой стороны, Уильям был не менее полон решимости заполнить все вакансии, которые естественным образом возникали у континентальных священников. В этом они с папой были в полной гармонии. Только таким образом континентальная культура и идеи церковного управления могли быть привнесены в Англию, и Уильям верил в свои собственные силы, способные подавить любые неудобные тенденции, которые могли возникнуть из-за ультрамонтанских идеалов его выдвигенцев.

Низложение Стиганда означало возведение Ланфранка в сан архиепископа Кентерберийского. Вероятно, папа предпочел бы ввести его в Коллегию кардиналов, но Вильгельм был полон решимости поставить своего старого друга во главе английской церкви, и Александр II уступил. Йорк, освободившийся после смерти Элдред в 1069 году, был отдан Томасу, казначею Байе, *протее* Одо, епископа этого престола, и человеку обширной и космополитической образованности. Почти сразу после его назначения между ним и Ланфранком разгорелся ожесточенный спор. Спор, о котором идет речь, был двояким — частично касался границ двух провинций, но также поднимал более важный вопрос о том, должны ли два английских архиепископа обладать одинаковым рангом или же архиепископ Йоркский должен быть вынужден принести клятву повиновения примасу Кентерберийскому. На совете, состоявшемся в Винчестере в 1072 году, оба вопроса были решены в пользу Кентерберии. Епархии Личфилда, Вустера и Дорчестера были отнесены к последним провинциям, и Ланфранк — частично вызвав опасения Уильяма относительно политической нецелесообразности независимого архиепископа Йоркского, частично искусной подделкой соответствующих документов — добился того, что северное архиепископство было официально объявлено подчиненным Кентерберийскому. В церковных, так же как и в светских вопросах, Уильям не питал особого уважения к партикуляризму Нортумбрии.

Собор, принявший решение по этому вопросу, был лишь одним из серии подобных собраний, созванных во времена архиепископства Ланфранк. Первое из серии уже состоялось в 1070 году, когда Вульфстану, необразованному, но святому епископу Вустерского, было предъявлено обвинение в *нарушении науки*. Он был спасен от неминуемого низложения отчасти своим благочестием, отчасти откровенным и ранним принятием нормандского правления; и он сохранил свой престол до своей смерти в 1094 году. В 1075 году третий собор из этой серии приступил к рассмотрению одной из величайших аномалий, представленных английской церковью, и поднял весь вопрос о епископской резиденции. В соответствии с его указами престол Личфилда был переведен в Честер, престол Селси - в Чичестер, а престол Шерборна - в Олд-Солсбери. Вскоре после этого резиденция епархии восточного Мидленда в Дорчестере была перенесена в Линкольн; а в 1078 году епископ Герберт Элмхемский, после неудачной попытки завладеть Бери Сент-Эдмундс, перенес свою резиденцию в Тетфорд, второй город Норфолка. Во всех этих изменениях была предпринята попытка следовать континентальной практике, согласно которой епископ обычно проживал в главном городе своей епархии. Но новые епископские места подразумевали новые кафедральные церкви, и правление Завоевателя стало свидетелем заметного увеличения церковных доходов,^[289] выраженное в предоставлении земель, размер которых можно установить из свидетельств Книги Страшного суда. Кое-где видны следы реорганизации церковного имущества и его использования на особые цели; все это позволило новым епископам выдержать напряжение, вызванное их великой строительной деятельностью. К 1087 году в семи из пятнадцати епархий были построены новые соборы.

Церковные соборы, которые предоставляли средства, с помощью которых король и примас претворяли в жизнь свои идеи церковной реформы, были органами несколько аномального

состава. Во времена Исповедника Витанагемот безразлично относился к священному и светскому праву, но его компетенция в религиозных вопросах не перешла целиком к его феодальному представителю, Общинному консилиуму. В правление Завоевателя церковный совет начинает отличаться от собрания баронов-мирян, но этот процесс еще не завершен. Сессия церковного совета обычно совпадала по месту и времени с собранием Консилиума коммуны; ни один церковный указ не имел силы до тех пор, пока на него не была получена санкция короля, и король и его бароны-миряне присоединились к собранию, хотя и не принимали активного участия в его обсуждениях. В их присутствии действительно не было особой необходимости, и на двух наиболее важных соборах правления Вильгельма, в Лондоне в 1075 году и в Глостере в 1085 году, духовенство провело собственное заседание, отличное от заседания Консилиума Коммуны. В любом случае духовные указы были обнародованы авторитетом архиепископа и прелатов, хотя для их принятия в качестве закона было необходимо королевское слово.

Ни один акт церковного законодательства, принятый за это время, не имел более широких последствий, чем знаменитый указ, ограничивающий компетенцию судов графства и сотни судов в отношении вопросов, относящихся к религии.^[290] Этот закон дошел до нас только в виде королевского указа, адресованного офицерам и рядовым придворным графства, так что его точная дата неизвестна. Но по сути своей достаточно вероятно, что вопрос о церковной юрисдикции был бы одним из первых вопросов, к которому Уильям и Ланфранк обратились бы своими руками, и принцип, подразумеваемый в судебном приказе, уже был признан всеми штатами континента. Согласно этому документу, ни одно лицо церковного звания не может быть судимо судом сотни, и это собрание больше не может обладать юрисдикцией в отношении дел, затрагивающих вопросы духовного права, даже если заинтересованными сторонами являются миряне. Все эти вопросы были отнесены к исключительной юрисдикции епископов и их архидьяконов, и таким образом в Англии было подготовлено место для принятия канонического права церкви.^[291] Каким бы важным ни было это постановление для последующей судьбы церкви, оно, возможно, имело еще большее значение из-за его влияния на развитие светского права. Каноны церкви в том виде, который они приняли в руках Грациана в следующем поколении, должны были подать законодателям-мирянам пример кодифицированного свода законов, стремящегося к логической последовательности и присущему разуму; свод, сильно отличающийся от собрания разрозненных нормативных актов, которые английская церковь XI века унаследовала от витанагемотов Альфреда и Эдгара. Мы не можем здесь проследить, каким образом усилия великих докторов канонического права повлияли на работу их светских современников; но факт такого влияния несомненен, и следующее столетие стало свидетелем его обильного проявления.

Перенос церковных дел из сферы народного права в сферу церковных канонов означал, что папа со временем фактически приобретает то, на что, без сомнения, он уже претендовал теоретически, — юридический суверенитет церкви в Англии. То, что Вильгельм признавал это, несомненно, и он был полон решимости, что этот факт никоим образом не должен умалять церковных прерогатив, которыми он уже пользовался в Нормандии и на которые в отношении Англии он претендовал как наследник короля Эдуарда. Современные церковники тоже говорят об этом, и ключ к отношениям Уильяма с папой дается в трех постановлениях, которые Эдмер в следующем поколении приписывает ему. Ни один папа римский не должен быть признан в Англии, ни одно папское письмо не должно быть получено, и ни один главный арендатор не должен быть отлучен от церкви без его согласия. Короче говоря, Уильям был готов пойти на уступки церковным идеям своих друзей-священнослужителей только в той мере, в какой они могли способствовать более

эффективному выполнению церковью своей духовной функции. Это был, конечно, компромисс, и не очень удовлетворительный; он немедленно привел к натянутым отношениям между самим Вильгельмом и Хильдебрандом, он был прямой причиной ссоры между Вильгельмом Руфусом и Ансельмом и косвенно стал причиной более ожесточенной борьбы, которая разгорелась между Генрихом Анжуйским и Бекетом. Однако в одном пункте король и папство были в полном согласии, и именно этот факт не позволил их разногласиям по высшим вопросам церковной политики обостриться при жизни Завоевателя. Обе стороны были согласны с настоятельной необходимостью реформирования массы английского духовенства в области морали и образования, и здесь, по крайней мере, работа Завоевателя была постоянной и соответствовала самым строгим церковным идеям того времени.

Мы уже отмечали, что для людей XI века церковная реформа подразумевала всеобщее соблюдение церковного безбрачия. Винчестерский совет 1072 года издал указ против нецеломудренных клерков, но этот вопрос не рассматривался подробно еще четыре года, и достигнутое затем урегулирование было гораздо более снисходительным к приверженцам старого порядка, чем можно было ожидать. В нем проводилось различие между двумя классами светского духовенства. Все клерки, которые были членами любого религиозного учреждения, будь то кафедральный капитул или коллегия светских каноников, должны были соблюдать целибат в будущем. Обращение, примененное к высокопоставленному духовенству, было кратким. Было бы безнадежной задачей навязать безбрачную жизнь всему приходскому духовенству Англии, но можно было бы предпринять шаги к тому, чтобы женатый священник стал вымершим видом в течение жизни следующего поколения. Соответственно, приходские священники, которые были женаты в то время, могли продолжать жить со своими женами, но все последующие духовные браки были категорически запрещены, и епископам было предписано не посвящать в духовный сан ни одного мужчину, который ранее не принял определенного обета безбрачия. При всем этом Ланфранк явно стремился не издавать декретов, которые нельзя было бы привести в исполнение немедленно, даже если эта политика предполагала неизбежную задержку до того, как английское духовенство в этом важном отношении будет приведено в соответствие со своими континентальными собратьями. Следующее столетие только началось, прежде чем местное духовенство в целом было вынуждено принять правило безбрачия.

Монашеское возрождение, последовавшее за завоеванием, развивалось в том же направлении. Простым основанием религиозных домов правление Завоевателя не может претендовать на высокое место. Те монастыри, которые берут свое начало с этого периода, по большей части были связаны с каким-либо континентальным учреждением. Собственное аббатство Святого Мартина на Месте битвы Завоевателя было основано как колония из Мармуте, хотя вскоре оно получило полную автономию от юрисдикции родительского дома. Примечательным событием стало то, что в 1076 году Уильям де Варенн основал в Льюисе первый Клунийский приорат в Англии, хотя не похоже, чтобы какой-либо другой дом этого ордена возник в этой стране до 1087 года. В истории монашества интерес времен правления Завоевателя сосредоточен вокруг старых независимых бенедиктинских монастырей Англии и их реформы под руководством аббатов, привезенных с континента. Здесь предстояло проделать большую работу; не только в отношении ужесточения монашеской дисциплины, но и в приспособлении этих древних домов с их обширными землями и многочисленным зависимым населением к новым условиям общества, которые стали результатом Завоевания. Должна была быть обеспечена рыцарская служба; имущество монастыря должно было быть организовано таким образом, чтобы оно могло нести светское бремя, налагаемое политикой Завоевателя; иностранные аббаты временами были рады положиться на юридические знания, которые местные монахи могли привнести в тонкости

господствующей системы землевладения. Настоятели Завоевателя часто были скорее деловыми людьми, чем святыми; их работа то тут, то там неправильно понималась монахами, которыми они правили, и все же не подлежит сомнению, что более строгая дисциплина, более эффективное исполнение монашеских обязанностей, более высокое представление о монашеской жизни были результатами их правления.

Влияние их работ не ограничивалось монастырскими стенами. Вводя более точное разграничение монашеских обязанностей, они не забывали о требованиях монастырской школы. Очень постепенно школы таких домов, как Сент-Олбанс и Малмсбери, стали оказывать влияние на массу местного духовенства. И этот процесс был ускорен благодаря контролю, которым монастыри обладали над значительной долей приходских церквей страны. Передача деревни аббатству означала, что в его церкви будет служить священник, назначенный аббатом, а во времена нормандии ни один барон не основал бы религиозный дом, не передав ему ряд церквей, расположенных в его поместье. Уже в 1066 году несколько монастырей Англии пользовались большим покровительством; и нормандские аббаты одиннадцатого и двенадцатого веков не замедлили использовать влияние, которым они обладали таким образом, для возвышения местного духовенства.

Конечно, у этой картины есть и другая сторона. В маленьком мирке монастыря, как и в большом мире государства, именно характер правящего человека определял, приведет ли господство континентальных идей к добру или ко злу. Самодержавие аббата могло при случае выродиться в чистую тиранию: классический пример - Терстан Гластонберийский, который натравил отряд вооруженных людей на своих монахов за то, что они сопротивлялись введению им амброзианского метода совершения богослужений.^[292] Аббату было легко использовать земли своей церкви как средство обеспечения своих нуждающихся родственников в Нормандии^[293]; благочестивый основатель в следующем поколении часто явно выступал против ненужного увеличения рыцарских сборов в монастырских поместьях. Настоятель, небрежно относящийся к своим обязанностям, может пренебречь обслуживанием деревенских церквей, пристроенных к его дому; и было бы трудно призвать его к ответу за это. Но, судя по имеющимся у нас свидетельствам, мы можем только заключить, что церковь в Англии действительно избежала большинства зол, которые могли возникнуть в результате наложения новой духовной аристократии. Тяжелые случаи, о которых у нас есть информация, совершенно очевидно, являются исключениями, получившими особое распространение именно по этой причине.

И против опасностей, на которые мы только что указали, мы должны противопоставить несомненный факт, что с нормандским завоеванием английская церковь сразу переходит от периода застоя к периоду бурной деятельности. В ведении религиозной жизни, в образовании и архитектуре, во всем, что вытекало из тесного соприкосновения с культурой и духовными идеалами континента, правление Завоевателя и главенство Ланфранка достойно открывают великолепную историю средневековой англиканской церкви. И с нашей стороны будет только справедливо приписать заслугу за этот результат в значительной степени самому королю Вильгельму. Пусть будет допущено, что фактическая работа по реформированию была проделана епископами и аббатами Англии под руководством Ланфранка; все равно останется фактом, что Завоеватель выбрал в качестве своих духовных помощников людей, которые были готовы и способны осуществить реформу. Ничего не было бы проще, чем королю Вильгельму, пришедшему с завоеванием, обращаться с английской церковью как с законной военной добычей. Его деградация под властью феодальных прелатов типа Жоффруа де Кутанса привела бы скорее к его светской автократии, чем против нее. Если бы он довел церковь до бессилия, он избавил бы своих преемников от многих

неприятностей. Но, уверенный в том, что он сам всегда будет главенствовать как в церкви, так и в государстве, он был доволен тем, что доверил ее руководство лучшим и сильнейшим людям, которых он знал, и если он предвидел опасности будущего, то оставлял их предотвращение тем, кто пришел после него.

Здесь нельзя дать подробного отчета о прелатах, которых Завоеватель назначил на церковные должности в Англии. По своему происхождению они представляли собой очень разнородный класс людей. Некоторые из них были монахами из великих аббатств Нормандии; Гундульф Рочестерский происходил из Кана, Ремигиус Дорчестерский - из Фекана; другие, такие как Роберт Херефордский, были лотарингского происхождения. При Завоевателе, как и при его преемниках, служба при королевском дворе была прямой дорогой к церковному продвижению; и клерки королевской часовни не были наименее достойны новых прелатов. Осмунд Солсберийский, достигший окончательной канонизации, был канцлером с 1072 по 1077 год. Но сразу возникает вопрос об отношениях, которые существовали между этими иностранными владыками церкви и англичанами, клерками и мирянами, которыми они правили. Они могут быть образованными и ревностными, но в то же время оставаться совершенно оторванными от коренного населения Англии. Предполагать это, однако, было бы большой несправедливостью по отношению к новым прелатам. Само разнообразие их происхождения не позволяло им разделять расовую гордость светской знати, и их положение слуг вселенской церкви говорило в том же направлении. Они выучили английский язык, и по крайней мере некоторые из них проповедовали сельским жителям на местном наречии. Они сохранили культ местных святых, хотя и не без оснований критиковали основания, на которых некоторые короли и прелаты были канонизированы, и в большинстве епархий они сохранили без изменений формы ритуала, разработанные англосаксонской церковью. Среди всех сил, которые способствовали ассимиляции англичан с норманнами в столетие, последовавшее за завоеванием, деятельность епископов и аббатов короля Вильгельма, безусловно, должна занимать высокое место.

Дружеские отношения, которые существовали между Вильгельмом и Курией во время понтификата Александра II. были прерваны не сразу с восшествием на престол Гильдебранда в 1073 году, но вскоре появились зловещие симптомы надвигающейся междоусобицы. Для Вильгельма больше не имело жизненно важного значения сохранить благосклонность папства — теперь он был бесспорным хозяином как Англии, так и Нормандии. Нельзя было ожидать, что Гильдебранд, гениальный человек, в страстном характере которого врожденная ненависть к компромиссам вступает в противоречие с присущим государственному деятелю признанием требований практической целесообразности, воздержится от продвижения церковных притязаний, продвижению которых была посвящена вся его душа. Завоеватель действительно далеко продвинулся в реформаторской деятельности, но ни в Англии, ни в Нормандии он не выказывал ни малейшего намерения соответствовать гильдебрандиновской концепции образцовых отношений, которые должны существовать между церковью и государством. По собственной воле он назначал своих епископов и аббатов, а они, в свою очередь, воздавали ему почести за свои мирские владения; он по своему усмотрению контролировал общение между своими прелатами и Святым Престолом. Это послужило обильным поводом для ссоры; удивительно, что она не разгоралась в течение шести лет после вступления Хильдебранда в должность.

Непосредственной причиной вспышки стало воздержание английских и нормандских епископов от участия в общих синодах церкви, которые Хильдебранд созывал в Риме в эти годы. Ланфранк был главным нарушителем в этом отношении, но вскоре Хильдебранд пришел к пониманию, что Ланфранк действовал только в соответствии с приказами своего

господина, и гнев из-за этого открытия побудил папу перейти в наступление на своего бывшего союзника. Ланфранк был безапелляционно вызван в Рим; избранному архиепископу Руана Уильяму Бона Анима было отказано в папской конфирмации, а архиепископу Лиона Гебуину было дано чрезвычайное назначение примасом провинций Руан, Санс и Тур; шаг, который сразу же уничтожил церковную автономию Нормандии. Ответ Уильяма на эту атаку был характерен для этого человека. У него не было лишних друзей при папском дворе, и, ни в малейшей степени не уступая своих позиций в главном спорном вопросе, он ухитрился успокоить разгневанного папу заверениями в своей неизменной преданности Святому Престолу. Григорий выжидал своего часа; первенство архиепископа Гебуина ни к чему не привело. Вильгельм Руанский получил паллий, и вскоре после этих событий было обнаружено, что папа пишет предостерегающее письмо Роберту Нормандскому, находившемуся в то время в изгнании. Шторм на самом деле утих, но более серьезный кризис был уже близок.

Вполне возможно, что Григори считал, что одержал дипломатическую победу в недавней переписке. Правда, он не довел до конца свою главную мысль, но он добился от короля Англии заметного выражения личного уважения, и, возможно, это придало ему смелости вскоре после этого напрямую потребовать верности Вильгельма. В течение 1080 года, если принять наиболее вероятную дату, Григорий отправил своего легата Хьюберта к Вильгельму с требованием, чтобы последний принес присягу на верность Папе Римскому и обеспечил более своевременную выплату Петру причитающейся из Англии дани в размере пенсов. Выдвигая последнее требование, Гильдебранд всего лишь заявлял о своих правах; с незапамятных времен Пенсы Петра присылались в Рим из Англии, и Победитель признавал свои обязательства в этом вопросе. Но требование верности стояло на другой основе. Вильгельм, действительно, не мог быть к этому не готов; было неизбежно, что рано или поздно папство попытается добиться признания в сфере политики своей поддержки нормандских притязаний на Англию в 1066 году. Тем не менее, с точки зрения Уильяма, это было совершенно недопустимо. Насколько позволяют судить наши свидетельства, несомненно, что Вильгельм не давал обещания феодальной верности в 1066 году^[294]; для него, как, впрочем, и для Александра II, папство уже пожинало плоды в церковной сфере, в силу инициирования реформы английской церкви, в более тесной связи, установленной между Римом и Англией. Alexander II. Григорий был готов подчинить все вопросы духовной политики более насущным потребностям церковной реформы, и до сих пор следовал примеру своего предшественника; в данном случае он не сделал ничего, кроме заявления о признании, на которое он мог возлагать лишь слабые надежды. Ибо Вильгельм прямо отверг требование папы, заявив, что никто из его предшественников никогда не присягал на верность какому-либо бывшему папе и он никогда не обещал сделать ничего подобного. У нас нет сведений о том, какой прием встретил ответ Вильгельма в Риме; но, какое бы негодование он ни испытывал, обстоятельства не позволили Григорию предпринять наступательные действия против короля Англии. В тот самый год, когда началась эта переписка, Григорий столкнулся с антипапой, выдвинутой императором; и с этого времени трудности папы на континенте увеличивались вплоть до его смерти в изгнании пять лет спустя. Фортуна оставалась верна Уильяму, даже в его церковных отношениях.

Нет необходимости подробно проследивать историю взаимоотношений Уильяма с церковью в последние годы его жизни. В Англии реформаторская работа, хорошо начатая в предыдущем десятилетии, продолжалась без перерыва под руководством новых прелатов. Действительно, есть некоторые свидетельства того, что к концу правления Вильгельма английское духовенство опережало своих нормандских братьев в строгости жизни и уважении к каноническим правилам; по крайней мере, в 1080 году, на синоде в

Лилебонне,^[295] король счел необходимым взять на себя юрисдикцию над более грубыми преступлениями духовенства на том основании, что нормандские епископы совершили более тяжкие преступления. были небрежны в их судебном преследовании. Но в Англии лидеры церкви, похоже, до последнего пользовались доверием короля, и их реформаторское рвение не нуждалось в королевском вмешательстве. Работа Дунстана и Освальда, в то время сорванная неблагоприятными обстоятельствами, наконец, в более странных условиях, чем они могли себе представить, достигла своего завершения.

ГЛАВА XI АДМИНИСТРИРОВАНИЕ

Искусство управления государством в одиннадцатом веке все еще было простым или, по крайней мере, нетехническим делом. Это требовало скорее сильной воли от государя, чем профессиональных знаний от его министров: ответственность лежала на короле, а его долг перед подданными был ясен и признавался всеми людьми. Никто не сомневался, что поддержание порядка было работой короля, но метод ее выполнения был оставлен на его усмотрение. Это была нелегкая задача, но это была задача, которая была бы выполнена тем лучше, чем проще были бы задействованные учреждения, тем более непосредственно каждый акт правительства воспринимался как личный акт главы государства. Время для узкоспециализированной администрации Генриха II еще не созрело; должно было пройти более двадцати лет, прежде чем из пересаженного нормандского баронства удалось сформировать подготовленную команду администраторов, прежде чем король понял, кому он мог безопасно доверить постоянную работу гражданского правительства. Администрация Завоевателя по своей природе была эмпирической; ни Нормандия, ни Англия ничего не могли предложить в плане централизованной рутины, но, несмотря на все это, именно из простых мер, принятых Вильгельмом, берет свое начало средневековая конституция Англии.

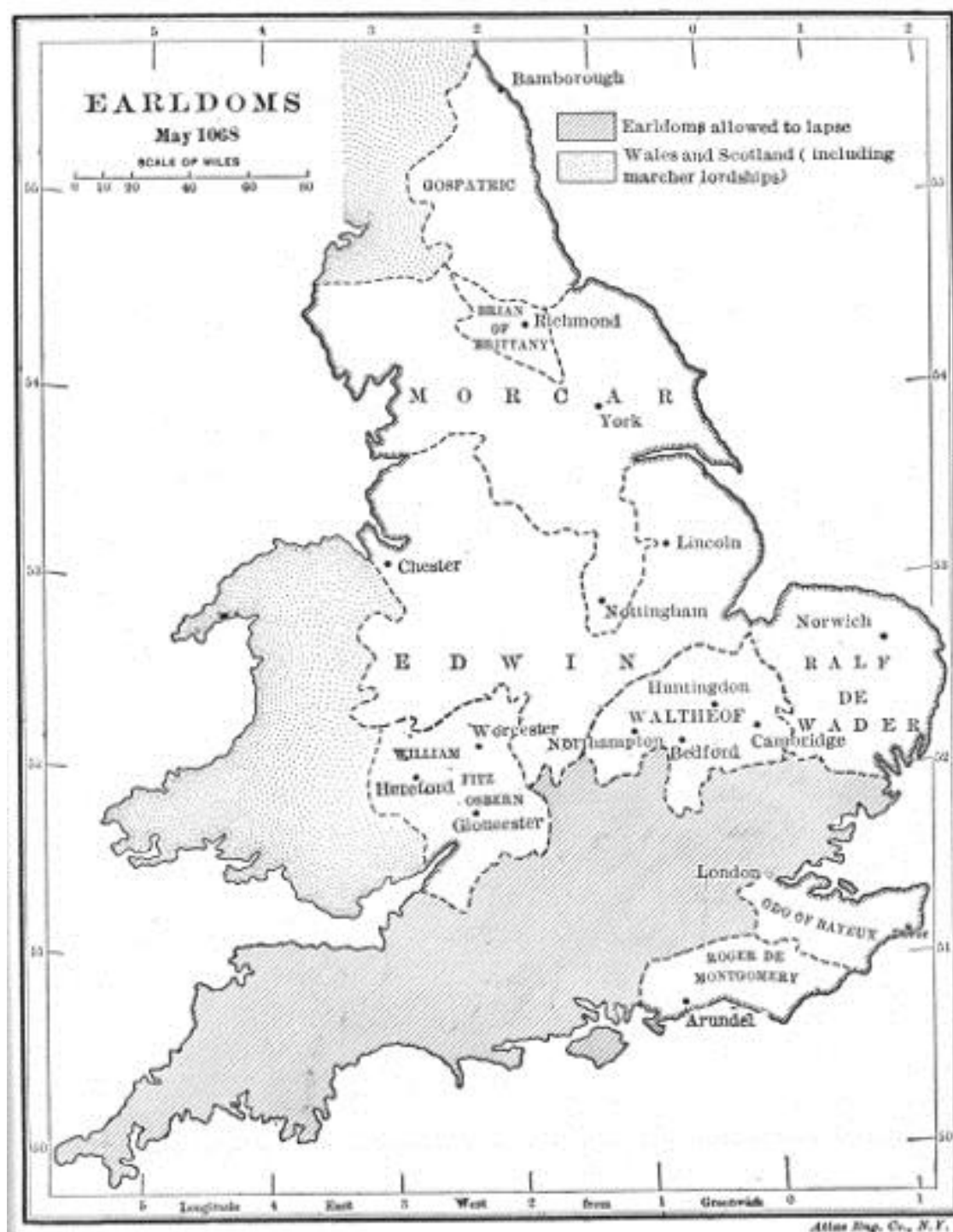
Точно так же, как в Нормандии герцога окружала неопределенная группа "оптиматов", с которыми, как ожидалось, можно было консультироваться в особо важных случаях, так и в Англии более крупные арендаторы короля, миряне и духовенство, сформировали потенциальный совет, "Консилиум коммуны" более поздних авторов. Связь между советом в его английском и нормандском проявлениях была чем-то более близким, чем простое сходство состава; многие люди, которые были свидетелями коронации королевы Матильды на Пасхальном соборе 1068 года, должно быть, присутствовали на собрании в Лилебоне, где обсуждалось вторжение в Англию; и, судя по свидетельствам хартий, бароны, сопровождающие короля в Нормандии, вероятно, появятся как лорды английских феодалов на страницах Книги Страшного суда. Роджер де Монтгомери, Генри де Феррерс, Уолтер Гиффард, Генри де Бомон — подобные им люди, которые были великими по обе стороны Ла-Манша, часто навещают своего повелителя, будь то в Руане или в Винчестере. Их присутствие, действительно, было гарантией добросовестности; барон, который, будучи вызван, пренебрег повиновением, тем самым сразу же попал под подозрение: то, что граф Роджер Херефордский упорно отсутствовал при дворе Уильяма, считалось признаком недовольства.

Мы знаем, что в Англии у короля было принято проводить большой совет трижды в каждый год. "Более того, - говорит хронист Питерборо, - он был очень богомольным человеком: он надевал свою корону трижды в год, когда бывал в Англии. На Пасху он надевал его в

Винчестере, на Троицу в Вестминстере, в середине зимы в Глостере, и тогда с ним были все великие люди всей Англии — архиепископы и епископы, аббаты и графы, дворяне и рыцари”; “для того, - добавляет Уильям Малмсберийский, - ”чтобы послы из других стран могли восхититься великолепием собрания и дороговизной праздников”. Поскольку Консилиум коммуны практически возникает только в эти великие сезоны, мы можем привести список тех, кто, как известно, присутствовал на пасхальном празднике 1069 года и Рождественском празднике 1077 года, к которому мы можем добавить список тех, кто присутствовал при короле, когда он проводил свой пасхальный праздник 1080 года в Нормандии.^[296]

Будет ясно, что ассамблея такого рода в высшей степени непригодна для того, чтобы быть органом систематического правления. У этих великих людей, епископов, графов и аббатов, была своя работа, которая надолго удерживала их вдали от присутствия короля. Консилиум коммуны - это самое большее, что следует из его названия, консультативный орган. Как таковая, она играет ту роль, которую “Витан” играет в англосаксонской политике, и возникает вопрос, можно ли считать ее продолжением этой ассамблеи в изменившихся условиях и с ограниченными полномочиями, или же она исходит из какого-то совершенно иного принципа.

Очевидно, что нормандский совет ни в коем случае не является народным собранием; мы, конечно, не можем сказать о нем, как было сказано о “Витане”, что “теоретически каждый свободный человек имел право присутствовать”. С другой стороны, вполне вероятно, что предполагаемый популярный состав Витана иллюзорен, в то время как характер органа, который посещал Эдуарда Исповедника, можно было бы описать наравне с советами Завоевателя как состоящий из “архиепископов и епископов-суфражисток, аббатов и графов, дворян и рыцарей”. Но вполне вероятно, что это сходство телосложения носит лишь поверхностный характер. Если бы потребовалось дать определение Консилиуму коммуны, мы могли бы, возможно, рискнуть сказать, что потенциально он состоял из всех тех людей, которые занимали главенствующее положение в короне благодаря военной службе, из тех *tenentes in capite*, чьи владения в Domesday занесены в отдельные рубрики. Это определение включало бы крупных церковных арендаторов, в то время как оно исключало бы ничем не примечательную толпу сержантов (*servientes*) и королевских дворян, и это указывало бы на одно наиболее важное обстоятельство, в котором Консилиум Коммуны отличается от своего древнеанглийского представителя. Все члены нормандского совета связаны с королем самыми прочными из всех уз - узлами пребывания в должности. Эта великая перемена, в силу которой каждый акр земли в Англии стал принадлежать королю опосредованно или непосредственно, влияет на конституционные отношения не меньше, чем на общественные; королевский совет - это орган, состоящий из людей, которые являются его собственными арендаторами. Из этого технического различия вытекает различие огромной важности; влияние короля на свой совет становится прямым и неизбежным до степени, невозможной до Завоевания. При Эдуарде Исповеднике не исключено, что Витан пойдет своим путем, лишь скудно учитывая личные пожелания короля; при Завоевателе и его сыновьях воля короля превыше всего. Наиболее правдивым является то, что три нормандских короля были людьми совершенно иных качеств, чем слабоумный Эдуард; но, тем не менее, прочные узы между королем и его баронами не позволяли последнему в совете следовать независимому политическому курсу. Нормандские короли были достаточно мудры, чтобы принимать советы, и слишком сильны, чтобы эти советы когда-либо переходили в диктовку.

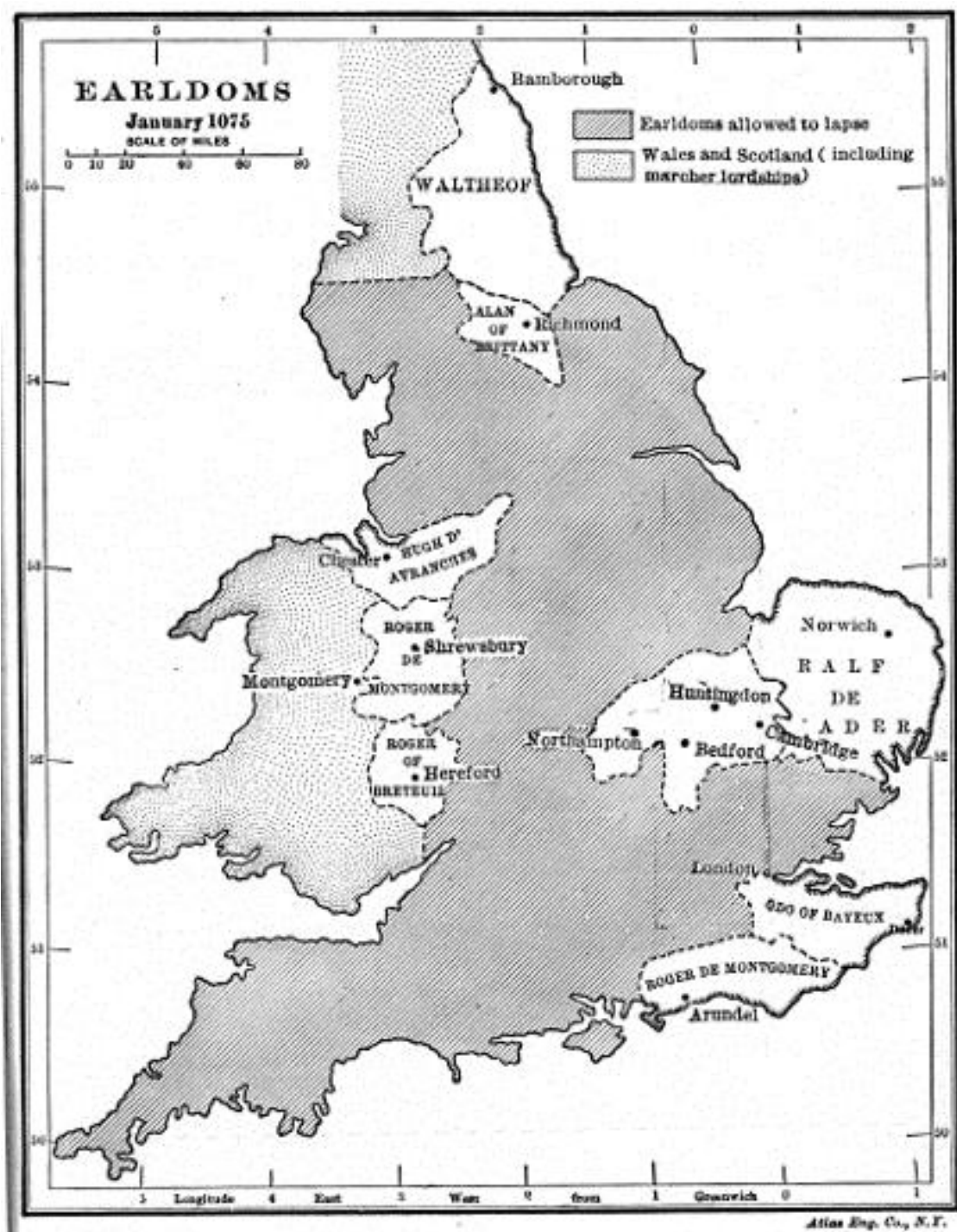
ГРАФСТВА Май 1068 г.

Каким бы отличным ни был Консилиум коммуны от Витана, мы, тем не менее, встречаемся в первые годы правления Вильгельма с определенными собраниями, которые справедливо можно рассматривать как переходные формы между ними. Вплоть до последнего восстания Эдвина и Моркара немало англичан продолжали занимать высокие посты при дворе Вильгельма; и среди свидетелей немногих сохранившихся хартий того времени все еще существует изрядная доля английских имен. Такие люди, как Эдвин и Моркар, сами, должно быть, представляли независимые традиции древнеанглийского витана, и есть другие имена, которые являются общими для позднейших хартий короля Эдуарда и самых ранних хартий короля Вильгельма. Поскольку нам очень редко удастся мельком увидеть собрание этого

промежуточного типа, мы можем привести список тех, кто присутствовал при короле на Троицынском соборе 1069 года или вскоре после него, взятый из хартии, возвращающей церкви Уэллса земли, которые, как говорят, Гарольд, “воспламененный алчностью”, присвоил несправедливо:

Король Вильгельм; королева Матильда; Стиганд, архиепископ; Элдред, архиепископ; Одо, епископ Байе; Хью, епископ Лизье; Герман, епископ Тетфорда; Леофрик, епископ Эксетера; Этельмер, епископ Элмхэма; Уильям, епископ Лондона; Этельрик, епископ Селси; Уолтер, епископ Херефорда; Реми, епископ Линкольна; Этельнот, аббат Гластонбери; Леофвард, аббат Мичелни Вульфволд, аббат Чертси; Вульфгит, аббат; граф Уильям; граф Уолтеоф; граф Эдвин; Роберт, брат короля; Роджер, “принцепс”; Уолтер Гиффард; Хью де Монфор; Уильям де Курселль; Серло де Бурка; Роджер де Арундел; Ричард, сын короля; Уолтер Фламандец; Рамбрихт Фламандец; Терстан; Болдуин “де Вайлен лейдж”; Ательхард; Херменк; Тофиг, “министр”; Динни; “Альфге атте Торн”; Уильям де Уолвилл; Банди, Торговец; Роберт, Торговец; Роберт де Эли; Роджер “пинчерна”; Вулфверд; Скотоводство; Адсор; Бриси; Брихтрик.^[297]

Начиная с величайших личностей церкви и государства, список постепенно сужается до ряда малоизвестных имен, носители которых не могут быть идентифицированы за пределами этой записи. Некоторые из этих последних могут быть местными жителями, связанными с поместьями, к которым относится грант, но большинство из даже английских имен могут быть узнаваемы в общей истории того времени. Особая ценность этого списка заключается в том, что он показывает нам англичан и норманнов, связанных, по-видимому, на равных условиях, при дворе Завоевателя. Поучительно видеть, как английские графы Нортгемптон и Мерсия ставят подписи между графом Уильямом Фиц Осберном и графом Робертом Мортейнским; тот факт, что люди, чьи имена являются одними из величайших в Книге Страшного суда, являются свидетелями одного и того же документа с людьми, подписавшими хартию Эдуарда Исповедника, помогает нам преодолеть пропасть, отделяющую англосаксонскую Англию от нормандской. Но это явление ограничено годами, непосредственно последовавшими за завоеванием; очень внезапно, после даты этого документа, английский элемент при дворе Вильгельма уступает место и исчезает, а вместе с ним исчезают названия, которые объединяют древнеанглийское “Витан” с нормандским “Консилиум”. Это факт, на который мы уже имели возможность сослаться, поскольку общее изменение политики Вильгельма, произошедшее в 1070 году, затрагивает каждый аспект его истории.

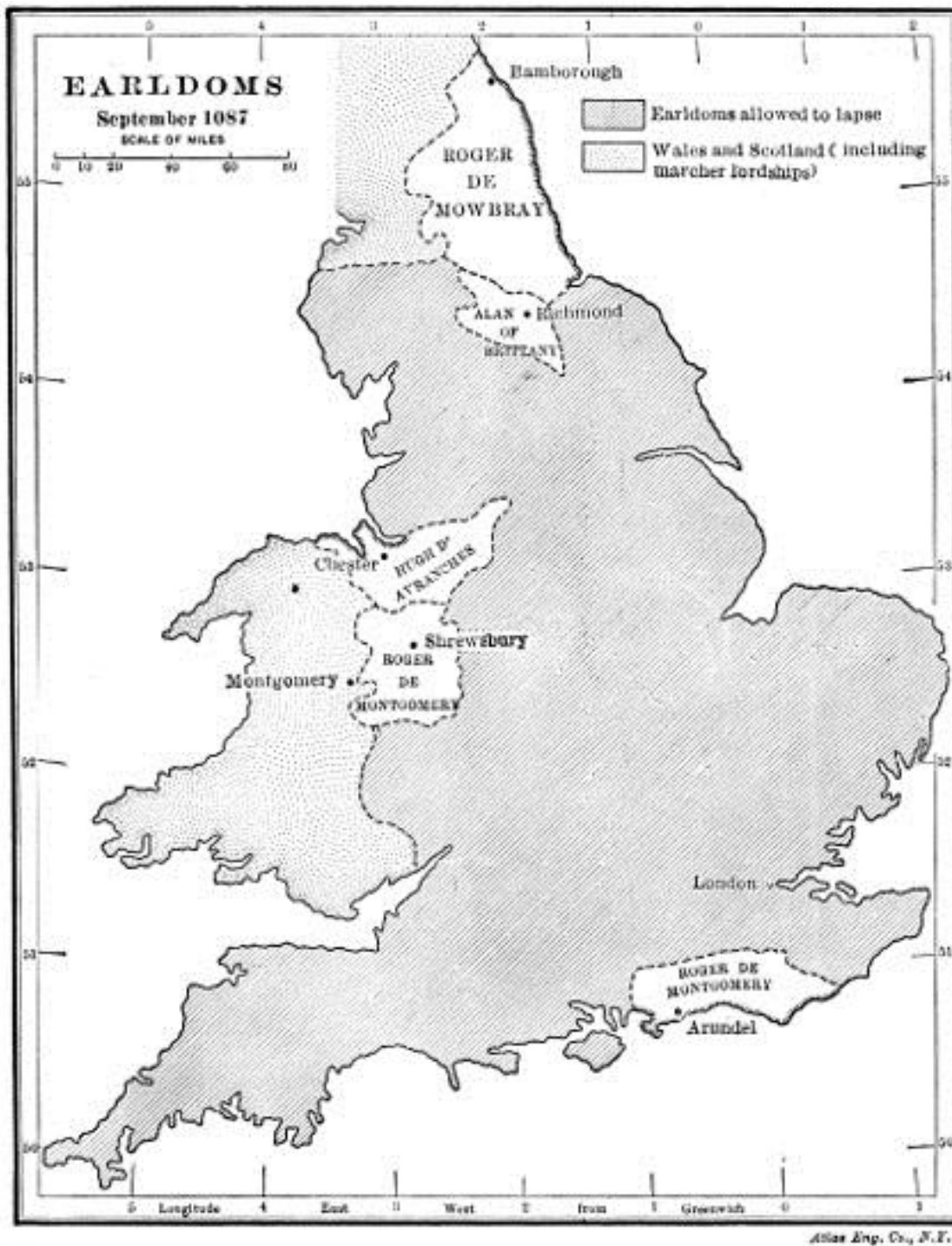
ГРАФСТВА

Январь 1075 г.

Функции этого суда или совета, по-видимому, были столь же неопределенными, как и его состав. В основном, без сомнения, они носили церемониальный характер; этот аспект собора, очевидно, имел в виду Уильям Малмсберийский, когда писал отрывок, процитированный на странице [отсутствует][отсутствует]. Иногда он выступает как судебный орган, Уолтеоф был осужден на Зимнем соборе 1075 года; в то время как из его консультативных полномочий у нас есть яркий пример в “глубокой речи” в Глостере, которая привела к созданию Книги Страшного суда. Если название, которое прилагается к самой старой копии законов Вильгельма, имеет какую-либо силу, они были обнародованы в соответствии со старыми английскими обычаями королем *cum principibus suis*; в частности,

говорится, что одно положение было предписано “in civitate Claudia”, что может свидетельствовать о том, что рассматриваемый закон был принят на одном из зимних соборов в Глостере. Но только в одном мы можем быть уверены: какие бы функции ни выполнял Совет, движущей силой, лежащей в основе всех его действий, была воля короля.

В более поздние времена главный судья выступал в качестве обычного председателя Совета, но во времена правления Вильгельма трудно найти хоть одного чиновника, носящего этот титул. Без сомнения, когда Вильгельм был в Англии, он сам председательствовал в своем совете; когда он был в Нормандии, если совет вообще собирался, что маловероятно, его место, вероятно, занял бы представитель, которого он оставил после себя. Возможно, невозможно привести датированный список наместников, появившихся в правление Вильгельма; наши сведения о них очень скудны. Мы видели, что в 1067 году Уильям Фиц Осберн и Одо из Байе были оставлены “регентами” Англии, когда Вильгельм совершил свой первый визит в Нормандию после завоевания; сохранилось интересное предписание того года, в котором “Виллельм синг и Виллельм зорл” совместно обращаются к местным магнатам Сомерсетшира.^[298] Во время восстания трех графов в 1075 году ясно, что Ланфранк был королевским наместником, должность, которую он, вероятно, снова занимал во время последнего континентального визита Вильгельма в 1086-107 годах. По нескольким причинам вполне вероятно, что Одо из Байе был регентом незадолго до своего падения в 1082 году; именно как представитель короля он жестоко отомстил убийцам епископа Уолчера Даремского в 1080 году, и наиболее наводящая на размышления история в Абингдонском Чартуларии показывает нам, что король Вильгельм отказывается от решения, вынесенного его братом по местному иску во время его регентства.^[299] Из того же справочника мы узнаем, что в какой-то момент между 1071 и 1081 годами сама королева Матильда выслушивала просьбы в Виндзоре “вместо короля, который тогда находился в Нормандии”,^[300] хотя это, конечно, не обязательно означает, что она была регентом в каком-либо более широком смысле этого термина. Как правило, судебные приказы, которые король отправлял из Нормандии в Англию, будут адресованы непосредственно обычным властям графства; и наши знания о преемственности представителей Вильгельма почерпнуты из случайных сообщений в других местах.

ГРАФСТВА

Сентябрь 1087

Насколько мы можем видеть, короля Вильгельма всегда сопровождало разное количество его баронов; постоянно меняющийся кортеж следовал за королем в его путешествии по стране. Этому непостоянному органу, так же как и торжественному совету, наши латинские власти присвоили название королевского двора "Curia Regis" - фраза, которая сразу же связывает аморфную группу придворных Вильгельма со специализированным исполнительным органом Генриха II. В некотором смысле, без сомнения, суд Вильгельма был единственной исполнительной властью своего времени, но использование этих современных терминов ведет прямо к анахронизму; судебная функция Curia Regis была столь же важна, как и ее исполнительная работа, и суд, в конце концов, был лишь частью того

более крупного совета, в котором, как мы видели, были объединены “судебные”, “исполнительные” и “законодательные” полномочия. Если мы хотим провести для себя различие между двумя органами, которые молчаливо отождествляются всеми ранними авторами, мы можем сказать, что Curia Regis состояла как раз из тех членов Консилиума Коммуны, которым посчастливилось присутствовать при короле в любой данный момент. Но мы должны помнить, что для людей XI века королевский “двор” и королевский “совет” были одним и тем же; любое различие между ними, которое мы можем провести, существует для нашего собственного удобства и не более того; двор был всего лишь уменьшенной формой совета.

Даже те люди, которых чаще всего можно встретить при короле, по-видимому, не отличаются ни специальными юридическими знаниями, ни определенным официальным положением. Высокопоставленные придворные, такие как стюард и констебль, появляются неоднократно; их должности еще не были присоединены ни к одному из крупных баронских домов, и вполне вероятно, что их официальные обязанности являются реальностью; но, хотя, например, стюард Эдо Фиц Хьюберт (де Рай), по-видимому, был личным другом всех трех нормандских королей и, соответственно, часто подписывает их распоряжения, таких представителей официального класса, по-видимому, всегда сопровождают присутствующие неофициальные бароны. Их присутствие также очень нерегулярно; даже канцлер гораздо реже упоминается в хартиях Завоевателя, чем в хартиях Генриха I или II., и в этих обстоятельствах мы можем справедливо спросить, как действовал этот непрофессиональный орган, когда от него требовалось вести себя как суд. Английские свидетельства мало помогают нам, но мы получаем полезный намек на порядок действий в некоторых нормандских хартиях, и можно процитировать анализ одной из них:

Наконец обе стороны были вызваны в королевский суд, в котором заседали многие дворяне страны, из которых Джеффри, епископ Кутанса, был уполномочен королем в качестве судьи в споре, а также виконт Ранульф, Нил, сын Нила, Роберт де Юзепон и многие другие способные судьи, которые усердно и всесторонне исследовали причину спора и вынесли решение, что мельница должна навечно принадлежать святому Михаилу и его монахам. Самый победоносный король Вильгельм одобрил и утвердил это решение”.^[301]

Джеффри, епископ Кутанса, является одним из наиболее частых посетителей английских судов Вильгельма, и мы можем подозревать, что этот метод нередко использовался в Англии, когда сложность спорного вопроса превышала юридическую компетенцию суда в целом. Фактически, это образует первый этап в том разделении юридического ядра внутри индифферентированной *курии*, которая создала исполнительный орган времен двух великих Генрихов. Ранняя часть этого процесса проходит почти полностью в неведении относительно Англии, и мы должны серьезно сомневаться в том, привел ли он к каким-либо очень определенным результатам после смерти Завоевателя; поскольку именно Генриху I, а не его отцу, мы должны поручить формирование организованного корпуса королевских администраторов. В этом, как и в других институциональных вопросах, правление Завоевателя было временем предварительных мер и простых решений; по сути, это период истоков.

Королевский двор - очень подвижный орган. Король постоянно переезжает с места на место, и там, где он находится в любой момент, находится и его двор. Можно составить маршрут следования наших королей, начиная с Генриха II. и далее, но в случае с Вильгельмом это невозможно, поскольку в его хартиях в порядке исключения нет пункта о датировке. Вильгельма действительно можно увидеть издающим судебные приказы в самых разных частях своего королевства: в Винчестере, древней столице Уэссекса, и Йорке, древней

столице Нортумбрии; в охотничьих местах, таких как Брилл и Вудсток; в Даунтоне в Уилтшире, Дройтвиче и Бертон-он-Тренте; но список мест, которые, как нам известно, посещал Вильгельм и его двор в мирное время, очень мал по сравнению с материалами, которыми мы располагаем для описания маршрута Генриха I или даже Уильяма Руфуса. К этому недостатку информации в значительной степени следует отнести тот факт, что, по сравнению с Генрихом I., Уильяма редко^[302], который можно найти в северных частях его королевства; вероятно, что более полное знание деталей его успехов выявило бы ряд незарегистрированных визитов в графства за пределами Уотлинг-стрит.

ПРИКАЗ УИЛЬЯМА В КОВЕНТРИ

Естественным средством перехода от королевского двора к местным подразделениям страны, графствам и сотням, являются признанные средства связи между ними, те судебные приказы, о которых уже упоминалось. По форме судебный приказ - это просто письмо, адресованное лицам, ответственным за выполнение содержащихся в нем указаний, и обычно оно засвидетельствовано, как мы видели, большим или меньшим числом лиц, присутствовавших вместе с королем во время его выдачи. Такое письмо могло быть написано либо на латыни, либо на староанглийском, первый, конечно, был более распространен при нормандских королях, и обычно оно заверялось большой королевской печатью. Это простое устройство, по-видимому, было законным средством, с помощью которого была осуществлена большая передача земель, последовавшая за Завоеванием; король отправлял шерифу графства один из таких судебных приказов, предписывающих ему передать определенному барону во владение определенные определенные земли, и шерифу не требовалось дополнительного ордера. Мы можем привести следующее в качестве примера судебного приказа в его латинской форме:

“Уильям, король Англии, приветствует Болдуина, шерифа Девоншира, и всех его баронов и слуг в этом графстве.

Знайте, что я даровал моим боевым монахам [де Белло] церковь Святого Олафа в Эксетере с землями Ширефорда и со всеми другими землями и имуществом, принадлежащими упомянутой церкви. А потому я желаю и приказываю, чтобы они держались свободно и в мире и отказались от всех обязанностей земной службы, от всех просьб и претензий, и

[посещения] судов удела и сотни, и от каждого гельда и ‘шотландца’, и от помощи, и от подарков, и от данегельда, и от армейской службы, с саке, соке и инфангенетефом; [более того, отказались] от всех работ по строительству замков и мостов, как и подобает подаянием в моих владениях. Засвидетельствованы Томасом, архиепископом Йоркским, и Уильямом, сыном Осберта из Винчестера”.

[303]

Любые комментарии по поводу привилегий, предоставляемых этим документом, выходят за рамки нашей нынешней цели, которая заключается лишь в том, чтобы проиллюстрировать способ, которым король Вильгельм рассылал свои инструкции в различные части своего королевства. Но формула обращения заслуживает внимания, поскольку она предполагает, что судебный приказ действительно был направлен в суд графства, где периодически встречались шериф и “бароны и королевские слуги” графства. Там оно будет зачитано в присутствии собравшихся мужчин округа, и шериф немедленно приступит к приведению его указаний в исполнение. Шериф в глазах короля, несомненно, является исполнительным должностным лицом графства, и его важность не следует измерять современными ассоциациями, вызываемыми его титулом. Латинское слово, которое мы переводим как “шериф”, - это *viscomes*, и это слово также обозначает французского *виконта*, факт, который ни в коем случае нельзя игнорировать, поскольку шерифы полувека, последовавшего за Завоеванием, гораздо больше похожи на своих французских современников, чем их английские преемники двенадцатого века или графские ривзы англосаксонского периода. Во-первых, они в некотором смысле являются настоящими *комитетами наместников*: шериф был главным должностным лицом в каждом графстве, в котором не было графа, а графств, созданных Уильямом, было немного, и, за исключением Кента, они располагались в отдаленных частях страны. Кроме того, несомненно, что по крайней мере некоторые из наиболее важных шерифств были наследственными во многом в том же смысле, в каком были наследственными великие графства до завоевания — примерами являются случаи Девона, Уилтшира и Эссекса, — к которым мы должны добавить, что ранние нормандские шерифы часто были очень великими людьми. Болдуин, шериф Девона, был сыном собственного опекуна Уильяма, графа Гилберта Брионнского, и двое его сыновей последовали за ним на этом посту. Эдвард, шериф Уилтширский, был предком средневековых графов Солсбери. Урс де Абето, попеременно разорявший и арендовавший церковь Вустера, был главным землевладельцем-мирянном в Вустершире, Хью Фитц Болдрик, шериф Йоркшира, был одним из главных арендаторов в этом графстве. В местной, как и в общей конституционной истории, крайне важно не переносить идеи времен Генриха II на институты, которые преобладали при Завоевателе. Если бы Вильгельм в 1070 году попытался осуществить всеобщее низложение своих шерифов, такое, как Генрих II. фактически осуществленное в 1170 году, эта попытка, мы можем быть уверены, привела бы к восстанию, и масса баронства встала бы на сторону официальных представителей своего класса. Но на самом деле, до тех пор, пока норманны все еще вторгались в завоеванную страну, со стороны Вильгельма было лишь проявлением политики - управлять через людей с сильным территориальным положением, людей, которые обладали властью приводить в исполнение приказы короля в своих собственных населенных пунктах. В выборе местных администраторов, как и в некоторых других аспектах своей политики, Вильгельм готовил трудности для своих преемников, но его оправдание заключалось в насущных потребностях его собственного времени. Возьмем, к примеру, великую передачу земель от англичан норманнам, которая никогда не могла бы быть осуществлена, если бы местное управление страной находилось в слабых руках.

В период, непосредственно последовавший за завоеванием, четыре года между 1066 и 1070 годами, которые во многих отношениях отличаются от остальной части правления Вильгельма, возможно, большинство владений шерифов продолжали принадлежать англичанам. В течение этого периода судебные иски были адресованы Эдмунду, шерифу Херефордшира, Саволду Оксфордширскому, Свегену Эссекскому и Тофику Сомерсетскому, и даже после 1070 года такие англичане, как Этельвайн, шериф Стаффордшира,^[304] продолжают серию. Фактически, развитие провинциальной администрации в этом отношении, по-видимому, шло по пути, очень похожему на тот, который мы отметили в случае с королевским двором; есть период, когда представители обеих рас смешиваются в управлении графствами, а также при особе короля. Но к концу царствования изменения в обоих отношениях стала почти завершена, и введение Нормана шерифов начал рано, до 1069 Урсе де Абетот уже приступил к исполнению своего ~~агрессивный~~^{агрессивный} курс как шериф Вустершира, и вполне вероятно, что даже к моменту коронации Уильяма Нормана Джеффри удалось Ансгар в Сталлер в его sherifffdom Лондона и Мидлсекса.^[305]

От шерифов мы, естественно, можем перейти к их старшим по званию графам. Наученный опытом, Вильгельм относился к обширным, полунезависимым графствам позднего англосаксонского периода с глубоким недоверием и, когда представился случай, позволил им исчезнуть. Все графства, принадлежавшие членам дома Годвинов, вымерли после битвы при Гастингсе, но крупные провинциальные правительства Мерсии и Нортумбрии, вероятно, просуществовали до окончательного восстания графов Эдвина и Моркара весной 1069 года. После их подавления остались три второстепенных графства англосаксонского происхождения: Восточная Англия, Нортгемптон и Берниция, владельцы которых, как мы видели, были в основном ответственны за восстание 1075 года. После триумфа Вильгельма в прошлом году графство Восточной Англии было упразднено, графство Нортгемптон прекратило свое существование на оставшуюся часть правления Завоевателя, и мы уже отмечали причины, которые привели к сохранению графства Бернисия. Аналогичные мотивы привели к созданию четырех графств, которые, как можно доказать, возникли до 1087 года и которые заслуживают подробного рассмотрения здесь. Это:

1. Херефорд, пожалованный Уильяму Фиц Осберну до января 1067 года.
2. Шрусбери, пожалованный Роджеру де Монтгомери около 1070 года.
3. Честер, пожалованный Хью д'Авраншу до января 1071 года.
4. Кент, пожалованный Одо, епископу Байе, возможно, до января 1067 г.

Точная территория графства Херефорд вызывает сомнения, поскольку существует определенное количество свидетельств, которые делают вероятным, что Уильям Фиц Осберн обладал графскими правами на Глостершир и Вустершир в дополнение к графству, из которого он получил свой титул. Мы уже обсуждали общее значение раннего указа, который король адресовал графу Уильяму и магнатам Глостершира и Вустершира, и свидетельства этого документа подтверждаются тем фактом, что граф, по-видимому, весьма произвольно распоряжался землей и собственностью в обоих графствах.^[306] По другим причинам вполне вероятно, что Глостершир находился в пределах графства Фиц-Осберн, поскольку владения Уильяма простирались далеко к югу от границы с Херефордширом до земель между Уай и Уском в современном графстве Монмут, и присоединение Глостершира к Херефордширу требуется для завершения линии графств, которые пролегали вдоль границы с Уэльсом. С другой стороны, представляется вероятным, что Вустершир никогда не принадлежал Роджеру, сыну Уильяма Фиц Осберна, поскольку в 1075 году главной целью королевских военачальников на западе было помешать ему пересечь Северн на помощь своим друзьям в

срединных землях. В любом случае ранняя дата создания графства Херефорд заслуживает внимания, поскольку она показывает, что в течение четырех месяцев после битвы при Гастингсе Уильям был достаточно силен, чтобы поставить иностранного графа во главе отдаленного и беспокойного пограничного графства. Каким бы коротким ни было его пребывание на посту графа, Уильям Фиц Осберн смог оставить там свой след; через пятьдесят лет после его смерти все еще оставался в силе указ, который он издал, о том, что ни один рыцарь не должен быть приговорен к уплате более семи шиллингов за любое преступление.^[307] Наконец, следует отметить, что в документе от 1067 г.^[308] Уильям Фитц Осберн назван “консулом палатином”, титул, который не должно быть истолковано как “палатинский граф”, но это скорее означает, что Уильям, хотя и был повышен до комитального ранга, все еще сохранял должность “дапифера” или управляющего двором, которую он унаследовал от своего отца, неудачливого Осберна из числа несовершеннолетних Завоевателей, и в силу которой граф Херефорд продолжал быть титулованным главой королевского дома.

К северу от Уильяма Фиц Осберна Роджер де Монтомери, другой друг юности Уильяма, основал графство, пронизанное рекой Северн, как Херефордшир пронизан рекой Уай, и простирающееся вдоль бывшей реки до города и замка, которым дом Монтомери оставил свое название. С точки зрения пограничной стратегии позиция Роджера была даже более важной, чем позиция его соседа Херефорда; поскольку Шрусбери, точка, где сходились дороги из Лондона, Стаффорда и востока, а также Честера и севера перед пересечением Северна, на протяжении всего средневековья оставалась ключом к среднему Уэльсу. К сожалению, дата, когда Роджер получил графство Шропшир, не может быть установлена с уверенностью, поскольку, хотя он появляется при дворе в ранге комита уже в 1069 году, единственный отчет, которым мы располагаем о действиях в Шрусбери в последнем году, фактически подразумевает, что город тогда находился в руках короля. Вероятно, это расхождение объясняется тем фактом, что до получения шропширского гранта Роджеру были переданы замок Арундел и город Чичестер в далеком графстве Сассекс.^[309] На самом деле весьма вероятно, что Роджер обладал графскими правами на последнее графство,^[310] и такой грант хорошо вписывался бы в общую политику Завоевателя, ибо Сассекс был лишь менее важен, чем Кент, как пункт прибытия с континента, а в одиннадцатом веке Арундел был портом. Скорее всего, Роджер был назначен графом Шрусбери после того, как события 1069 года показали, что коалиция валлийцев и англичан представляла собой самую серьезную опасность на данный момент, но он продолжал владеть Арунделом и Чичестером.^[311] Обосновавшись в Шрусбери, Роджер и его последователи быстро перешли в наступление на валлийцев, и в 1072 году Хью де Монтомери, старший сын графа, расширил свои набеги на юг до Кардигана. Помимо того, что Роджер де Монтомери был графом двух английских графств, он владел большими владениями в Нормандии и Франции; по праву своей жены он был графом Беллем, а в результате более отдаленного наследования стал сеньором Алансонским, в то время как серия брачных союзов поставила его во главе могущественной группы родственников. Но вполне вероятно, что место, которое он занимает в истории, объясняется не столько его обширными землями и великой властью, сколько тем несчастным случаем, что один из его рыцарей стал отцом величайшего историка, которого до сих пор породила Нормандия. Граф Шрусбери был великим бароном и верным рыцарем, но когда мы рассматриваем его как представителя лучших сторон нормандских завоевателей Англии, мы, сознательно или нет, руководствуемся местом, которое он занимает в повествовании хрониста, родившегося в его графстве, Ордрика Виталиса.

Обстоятельства, при которых было создано графство Честер, представляют определенную сложность. Сам Честер был последним крупным городом Англии, который требовал

отдельного захвата в руках Вильгельма, и он пал только в начале 1070 года. Затем нам говорят, что Уильям передал графство Чешир Гербоду, одному из своих фламандцев^[312] последователям, но оригинальная хартия^[313] того времени показывает нам Хью Люпус Авраншский уже именовался графом Честерским в феврале 1071 года или ранее. Гербод (который никогда не фигурирует ни в одном английском документе) был убит во Фландрии в прошлом месяце, так что мы можем только предположить, что, если он когда-либо и получил графский титул, он никогда им практически не владел и почти сразу отказался от него. Историческое графство Честер - это то, что оставалось в семье Хью Авраншского в течение двух столетий и образовало "палатинское графство", которое просуществовало до 1536 года. Это было пограничное графство в двойном смысле: Честер контролировал проход реки Ди в Северный Уэльс, а также прибрежную дорогу к Руддлану и Англси, в то время как до тех пор, пока вся Англия к северу от залива Моркамб была территорией Шотландии, было политично доверить большую власть человеку, который командовал маршрутом западного побережья из Мидлендса на север. Судя по свидетельствам "Книги Страшного суда", весь Чешир образовал одно компактное поместье в руках своего графа; это единственное графство в Англии, которым полностью владеет один главный арендатор. О графе Хью мы можем нарисовать не очень приятную картину. Он был предан всевозможным чувственным удовольствиям и так растолстел, что ни одна лошадь не смогла бы его унести; его, как и большинство его современников, обвиняют в неуважении к правам церковной собственности. С другой стороны, он был, насколько мы можем видеть, непоколебимо верен королю и в полной мере выполнял свой естественный долг - держать валлийцев подальше от английской границы; и маловероятно, что Вильгельм доверил бы летаргическому дураку один из самых ответственных постов в своем королевстве.

Случай Кента стоит особняком от случая с тремя родственными графствами. Последние были созданы как наиболее удобное средство обеспечения безопасности части страны, удаленной от центра власти. Важность Кента заключалась в его положении между Лондоном и портами Ла-Манша. Через графство проходила великая Дуврская дорога, главная артерия сообщения между всей северной Англией и континентом, очевидная линия, по которой захватчик мог нанести удар по Лондону. Восстание 1067 года доказало реальность такой опасности, и было разумно поручить управление графством человеку, который по родству был естественным наместником короля, когда последний находился за Ла-Маншем. Территориально Кент находился в руках своего графа гораздо менее полно, чем в случае с любым из трех западных графств, но владения Одо из Байе в остальной Англии ставили его в первый ряд землевладельцев. Дата создания графства не совсем точна; как и Уильям Фиц Осберн, Одо, возможно, получил свой графский титул во время своего совместного регентства с первым в 1067 году. В хартии, составленной не позднее 1077 года, к нему обращаются как к епископу Байе и графу Кентскому, а его графский ранг поразительно проявляется в обстоятельствах его драматического ареста в 1082 году.

Судя по более поздним событиям, создание этих четырех великих графств может показаться ошибкой со стороны Завоевателя. Херефорд, Кент и Шропшир, в свою очередь, служили опорными пунктами для грозного восстания в течение пятидесяти лет после Завоевания. Их формирование также контрастирует с общими принципами, которые регулировали распределение земли между нормандскими баронствами, принципами, которые в основном были направлены на воспроизведение дискретного характера более крупных староанглийских поместий. До завоевания ни один такой компактный участок территории, как графство Чешир, никогда не передавался в прямое владение какому-либо подданному. Но здесь, как и в случае с могущественными шерифскими владениями времен Уильяма, его оправдание заключалось в его насущных потребностях. Причина, по которой он создал

западные графства, была той же, что побудила его преемников доверить почти неограниченную власть великим лордам Уэльса. Было абсолютно необходимо обезопасить центральную Англию от любой опасности, исходящей от вторжения валлийцев, и у самого короля не было ни времени, ни средств, чтобы сразу завоевать Уэльс. Он нашел временное решение, разместив на спорной границе трех графов, достаточно сильных землями и людьми, чтобы держать валлийцев в страхе, и движимых личными интересами для выполнения своих желаний. И также мы должны помнить, что было разумно остерегаться повторения той комбинации независимых валлийцев и непримиримых англичан, которая была запланирована в 1068 году; все три западных графства были созданы до того, как взятие Эли в 1071 году положило конец серии национальных восстаний против Завоевателя. Наконец, от внимания не ускользнет тот факт, что с самого начала все четыре графства были переданы людям, которых Уильям хорошо знал и которым имел все основания доверять. Одо Кентский был его сводным братом; Роджер де Монтгомери и Уильям Фиц Осберн были молодыми людьми, которые уже были на его стороне в начале войны перед Домфроном; Хью Честерский принадлежал к семье, которая занимала домашние должности при его нормандском дворе. Уильям вполне мог бы почувствовать, что не может доверить делегированную ему власть более надежным рукам, чем эти.

Только четыре или пять графств были переданы под контроль отдельных графов, и в них, как и везде в Англии, старая английская система местного самоуправления сохранялась с небольшими изменениями. Суды удела и сотни продолжали собираться для решения судебных и административных дел своих соответствующих округов, хотя манориальные суды, возникшие в большом количестве в результате Завоевания, постоянно отказывались от этой работы. Мы очень мало знаем об обычной процедуре местных судов; подробности их действий фиксируются только тогда, когда они принимают участие в каком-нибудь особенно важном деле, таком как дознание во вторник. Прекрасную иллюстрацию того, как механизм суда графства применялся для разрешения юридических споров, дает следующий отчет, взятый из истории церкви Рочестера:

“Во времена Вильгельма Великого, короля Английского, отца Вильгельма, также короля этой страны, возник спор между Гундульфом, епископом Рочестерским, и Пико, шерифом Кембриджским, по поводу определенной земли, расположенной во Фрекенхеме, но принадлежащей Айлхему, которую один из королевских сержантов по имени Олчет, осмелился занять на основании пожалования шерифа. Ибо шериф сказал, что земля, о которой идет речь, принадлежит королю, но епископ заявил, что она принадлежит церкви Святого Андрея. И вот они предстали перед королем, который приказал собрать всех мужчин этого удела, чтобы по их вердикту [*judicio*] было определено, кому по праву должна принадлежать эта земля. Теперь они, собравшись, из страха перед шерифом заявили, что земля принадлежит королю, а не блаженному Андрею, но епископ Байе, который председательствовал на слушании дела, не поверил им и распорядился, чтобы, если они уверены, что их вердикт верен, они должны выбрать двенадцать человек из своего числа, чтобы подтвердить клятвой то, что все сказали. Но когда двенадцать человек удалились, чтобы обсудить этот вопрос, они были повергнуты в ужас сообщением от шерифа, и поэтому, вернувшись, они поклялись, что то, что было заявлено ранее, соответствует действительности. Так вот, этими людьми были Эдвард из Чиппенхэма, Херулд и Леофвин ‘сака’ из Эксинга, Эдрик из Айлхэма, Вулфвин из Ландвейда, Ордмер из Беллингема и еще шестеро лучших людей графства. После всего этого земля осталась в руках короля. Но в том же году некий монах по имени Грим пришел к епископу как посланец от Бога, ибо, когда он

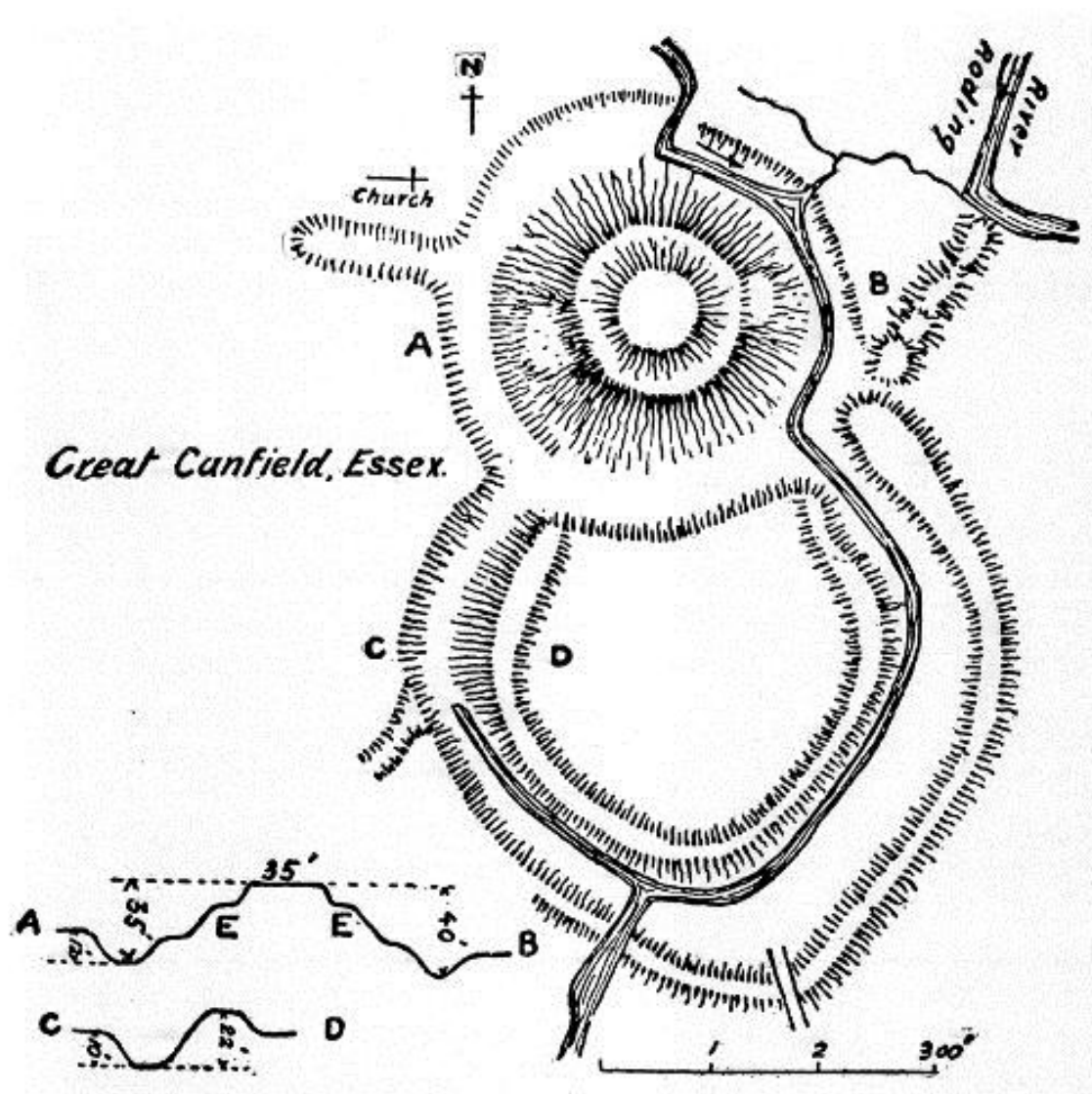
услышал, в чем поклялись кембриджцы, он был поражен и в гневе назвал их всех лжецами. Ибо этот монах ранее был управляющим Фрекенхэмом и получал услуги и обычные платежи от рассматриваемой земли, как и от других принадлежащих ей земель, в то время как в том поместье под его началом находился один из тех самых людей, которые привели к присяге конфирмацию. Когда епископ Рочестерский услышал это, он пошел к епископу Байе и рассказал ему историю монаха по порядку. Тогда епископ Байе вызвал монаха к себе и услышал от него тот же рассказ, после чего вызвал одного из тех, кто поклялся, который тотчас пал к его ногам и признал себя лжецом. Затем он снова вызвал человека, который поклялся первым, и на допросе он также признался в своем лжесвидетельстве. Наконец, он приказал шерифу отправить оставшихся присяжных в Лондон, чтобы они предстали перед ним вместе с двенадцатью другими лучшими людьми графства для подтверждения присяги первых двенадцати. Туда же он созвал многих знатных баронов Англии, и когда все собрались в Лондоне, как французы, так и англичане вынесли решение, что все присяжные лжесвидетельствовали, поскольку человек, в честь которого все поклялись, признал себя лжецом. После такого приговора епископ Рочестерский сохранил землю, как и было справедливо, но поскольку вторые двенадцать присяжных пожелали заявить, что они не согласны с теми, кто принес присягу первыми, епископ Байе сказал, что они должны доказать это испытанием железом. Они пообещали сделать это, но потерпели неудачу, и по решению других жителей своего графства выплатили королю триста фунтов”.^[314]

В этом отрывке мы получаем яркую картину того, как две системы правления, нормандская и английская, работали совместно. В вышеупомянутых сделках спорный вопрос передается для урегулирования в древний суд графства Кембриджшир и определяется клятвами английских присяжных заседателей, но процедура является нормандским нововведением, и именно брат Завоевателя председательствует при рассмотрении дела о признании вины. Террор, вдохновленный шерифом, является красноречивым комментарием к смутным жалобам хронистов на притеснения королевских чиновников, и мы можем приветствовать этот случайный взгляд на отношения между английским народом графства и грозным председателем их суда. Но остальные детали этой истории вполне могут объясниться сами по себе.

Но иск такого рода не следует рассматривать как типичный для обычной работы суда графства; не каждый день ему приходилось обсуждать дела короля и епископа. Именно исключительный ранг заинтересованных сторон в данном случае позволил им оспорить первоначальное решение суда графства и применить процедуру, совершенно чуждую методам старых английских местных собраний. Насколько мы можем видеть, практика разрешения споров вердиктом небольшой группы присяжных была полностью нормандским нововведением, и мы можем быть уверены, что она не была бы применена в данном случае, если бы правдивость жителей графства не была поставлена под сомнение. В течение десяти лет с даты нашего рассказа финансовые права короля по всей Англии должны были быть подтверждены инквизицией присяжных в ходе расследования в судный день, но применение этого метода в обычных судебных делах оставалось в высшей степени исключительным вплоть до начала анжуйского периода, и наш пример, возможно, может претендовать на то, что он является первым зарегистрированным примером его использования. Обязанность суда графства по всем искам подобного рода, которыми он, по всей вероятности, ограничился бы в вышеупомянутом случае, если бы король не был привлечен к участию в споре, состояла просто в том, чтобы заявить обычное право, относящееся к рассматриваемому вопросу. В принципе, судебное решение такого рода полностью отличается от вердикта под присягой, вынесенного людьми, отобранными с учетом их знания местности, какими были присяжные заседатели в нашей истории: если бы

оно было вынесено честно, результат был бы одинаковым в любом случае — земля была бы передана соответствующему лицу; но в то время как это лишь случайно, если не неизбежно, вытекало бы из неисполненного решения суда в целом, вынесенный под присягой вердикт заключался бы в фактической награде. Последний принцип породил анжуйские присяжные заседатели; первый принцип продолжал лежать в основе деятельности судов графства и сотни до тех пор, пока они выполняли судебные функции. Интерес вышеупомянутого дела Айлхэма заключается в его переходном характере: оно показывает нам, что присяжные заседатели использовались в качестве второстепенного средства после того, как обычная практика суда графства не принесла удовлетворения; уже в 1077 году оно доступно для исправления ошибок, возникающих *“pro defectu recti”* со стороны членов местных собраний.

Но точно так же, как введение суда присяжных привело к тому, что новая процедура вступила в конкуренцию с устаревшими методами местных судов, совершенно иной набор причин подорвал их влияние в корне. За столетия до завоевания значительные судебные полномочия были переданы в частные, в основном церковные, руки, но постепенное расширение сферы частного правосудия, пока оно не стало неотъемлемой частью всей манориальной организации, было обусловлено феодальными принципами, восторжествовавшими в 1066 году. Частная юрисдикция в том виде, в каком она существовала во времена Завоевателя, представляет собой сочетание по меньшей мере трех различных принципов. Во-первых, король может наделять юрисдикционными правами кого ему заблагорассудится; с этой точки зрения частный суд будет представлять собой часть королевской власти в руках подданного. Но, во-вторых, сам король - лишь первый из ряда людей, обладающих этими правами в силу своего ранга; вполне вероятно, что политическая теория XI века допускала, что великий человек от природы обладал такими способностями к правосудию, которые соответствовали его личному статусу, хотя и не могла дать рационального объяснения этому факту. И затем, даже во времена Завоевателя можно проследить идею, распространенности которой суждено было охватить Англию манориальными судами, что арендаторские отношения между лордом и его арендатором дают первому юрисдикционные полномочия над вторым; что независимо от королевского пожалования или своего личного ранга лорд имел право содержать суд для своих “людей”; что экономические отношения между землевладельцем и арендатором создают соответствующую связь в сфере юрисдикции. Именно первые два из этих принципов породили “саке и сок” англосаксонского права, именно последний объясняет распространение манориального правосудия в столетие, последовавшее за завоеванием.^[315] Стоит провести эту классификацию, поскольку она выявляет одну из основных линий расхождения между английским и французским правом в средние века. То, что в Англии было наименее устойчивым из наших трех принципов, элемент личного ранга, стал во Франции основой знаменитой классификации юрисдикционных полномочий на “высшую, временную и базовую справедливость”, которая просуществовала до Революции, и главная причина этого различия кроется в обстоятельствах Нормандского завоевания. К этому моменту, каким бы ни было объяснение частного правосудия, которое могло быть распространено среди тех, кто беспокоился о подобных вопросах, все такие полномочия прямо или косвенно исходили от короля; непосредственно, когда Завоеватель недвусмысленно предоставлял барону “саке и сокэ”, косвенно, если последний утверждал, что его суд основан на его владении своей землей, поскольку сама земля принадлежала королю, который даровал ее ему. Таким образом, здесь, в Сфере местного правосудия, мы видим объединение нормандских и английских идей; судебная власть, вытекающая из факта владения жильем, добавляется к судебной власти, которая осуществляется на основании королевского разрешения.

ПЛАН ЗАМКА ГРЕЙТ-КЭНФИЛД, ЭССЕКС

Не следует думать, что нормандские бароны в своих владениях по ту сторону Ла-Манша осуществляли юрисдикционные полномочия раньше, чем те, которыми обладали английские дворяне и феодалы, которых им было суждено сместить. Тот факт, что дарования частного правосудия, которые Завоеватель предоставил своим последователям в Англии, были изложены в тех же общепринятых фразах, которые использовал бы в подобном случае Эдуард Исповедник, можно отнести к желанию Вильгельма сохранить формы старого английского права; но нет сомнения, что нормандские бароны были вполне довольны принятием англосаксонских формул как удовлетворительного выражения юрисдикционных полномочий, которыми они должны были обладать. На самом деле, последних было достаточно. Таким образом, когда Завоеватель подтвердил свои “обычаи” аббату Эли, они включали “саке и сок, пошлину, команду и инфангенетейф, хамсокне и грибрайс, фихтвит и фирдвит в пределах районов и за их пределами, а также наказания за все другие преступления, которые могут быть исправлены на его земле и над его людьми, как он применял их в день, когда король Эдуард был жив и мертв”.^[316] Термины, подобные этим, охватывают почти всю область “гражданского и уголовного правосудия”. Саке и сокэ могут быть истолкованы как право на проведение судебного разбирательства; плата объясняется сама собой; “команда” подразумевает, что люди могут быть “заверены гарантией” в суде,

процесс, который слишком техничен, чтобы объяснять его здесь, но предоставление которого позволило суду рассматривать иски, возникающие в связи с передачей земли; [“infangenethef”](#) [“infangenethef”](#) - это право судить и казнить воров, пойманных на чьей-либо земле; [“hamsocne”](#) (или, скорее, [“hamfare”](#)) - это нарушение в доме мужчины; [“гритбрайс”](#) - нарушение особого порядка получателей гранта; [“фихтвайт”](#) - штраф за общее нарушение порядка; [“фирдвайт”](#) - штраф за неявку в национальное ополчение, фюрд. Подобные привилегии в пределах области, к которой они применимы, позволяют суду получателей субсидий принимать к сведению все преступления и проступки, которые, как можно было бы ожидать, могли произойти при обычном ходе событий; остров Эли и несколько десятков внешних поместий были практически полностью изъяты из национальной системы правосудия. У нас нет оснований предполагать, что средний барон в Нормандии был наделен чем—либо подобным этим полномочиям, и нам не нужно предполагать, что завоевателям Англии очень часто предоставлялись гранты такого широкого применения; но когда через два года после даты “Книги Страшного суда” мы обнаруживаем, что Роджер де Бусли — великий барон, [безусловно](#)[безусловно](#), но не принадлежащий абсолютно к первому разряду - даровал своим монахам из Блайта "мешок и сок, оружие, команду и инфангенетеф, железо, ров и виселицу со всеми другими привилегиями [*libertates*], которыми я раньше пользовался у короля", ^[317] мы можем видеть, что феодализация правосудия зашла далеко ко времени смерти короля Вильгельма.

Тогда мы можем справедливо задаться вопросом, какое отношение эти новые манориальные суды имели к старым национальным судам, которые им было суждено вытеснить. Что касается собраний ста и уделов, то ответ довольно прост: две системы юрисдикции были параллельными. Мы должны помнить, что суд сотни ни в каком смысле не уступал суду графства, и точно так же суд манориала ни в каком смысле не уступал ни одному из этих органов; решение о том, перед каким из них ему обратиться со своей жалобой, зависело от отдельного истца, за самым важным исключением — что лорд стороны, на которую был направлен иск, мог, если пожелает, “потребовать свой суд” и таким образом присвоить прибыль от судебного разбирательства. Здесь была самая могущественная сила, неуклонно уводящая бизнес от графств и сотен, и привлекающая его в сферу ведения поместья. Но затем желания крестьянства проявились в том же направлении: двор поместья был совсем рядом; он состоял из соседей, которые знали о заботах друг друга и постоянно участвовали в общих сельскохозяйственных работах деревни; он удовлетворял тенденции к местной изоляции, которые были особенно сильны в раннем средневековье. Манориальный суд вершил правосудие у себя дома, и мы должны помнить, сколько препятствий возникает при обращении в сотни и графства. Во всем Стаффордшире их было всего пять сотен; во всем Лестершире - только четыре вапентаке; рассмотрение иска в любом из этих судов должно было означать ужасную усталость и потери, учреждение манориального суда должно было означать немедленное устранение задержек с исполнением закона. Он был бы исключительно дальновидным вилланом, который в 1086 году мог предвидеть, что удобный местный суд в конечном итоге станет средством, с помощью которого его потомки будут поставлены в зависимость от воли лорда, без какой-либо другой защиты, кроме традиционного и неписаного “обычая поместья”; что установление правосудия лорда в конечном счете исключит всякую ссылку на более независимое, хотя и более устаревшее правосудие людей сотни графства со стороны меньшего населения его деревни.

Здесь заслуживает внимания один вопрос, связанный с возникновением манориальных судов — вытеснили ли они какой-либо суд, присущий виллу в целом, независимо от ее манориального аспекта? Ясно, что время от времени мужчины деревни должны были встречаться, хотя бы для того, чтобы обсудить детали ведения хозяйства в открытом поле. Но

имело ли такое собрание какой—либо формальный устав или судебные функции - то есть было ли оно “городским спором” в общепринятом смысле слов^[318] — крайне сомнительна. Тот факт, что мы ничего определенного не слышим об этом в документах англосаксонского периода, не является вполне убедительным против его существования; скорее, дело в том, что судебное разбирательство в сто лет, по-видимому, является низшей стадией, достигнутой нисходящей серией национальных судов. Следовательно, вполне вероятно, что обычный городок никогда не обладал каким-либо иным двором, кроме того, который принадлежал ему в его манориальном аспекте.

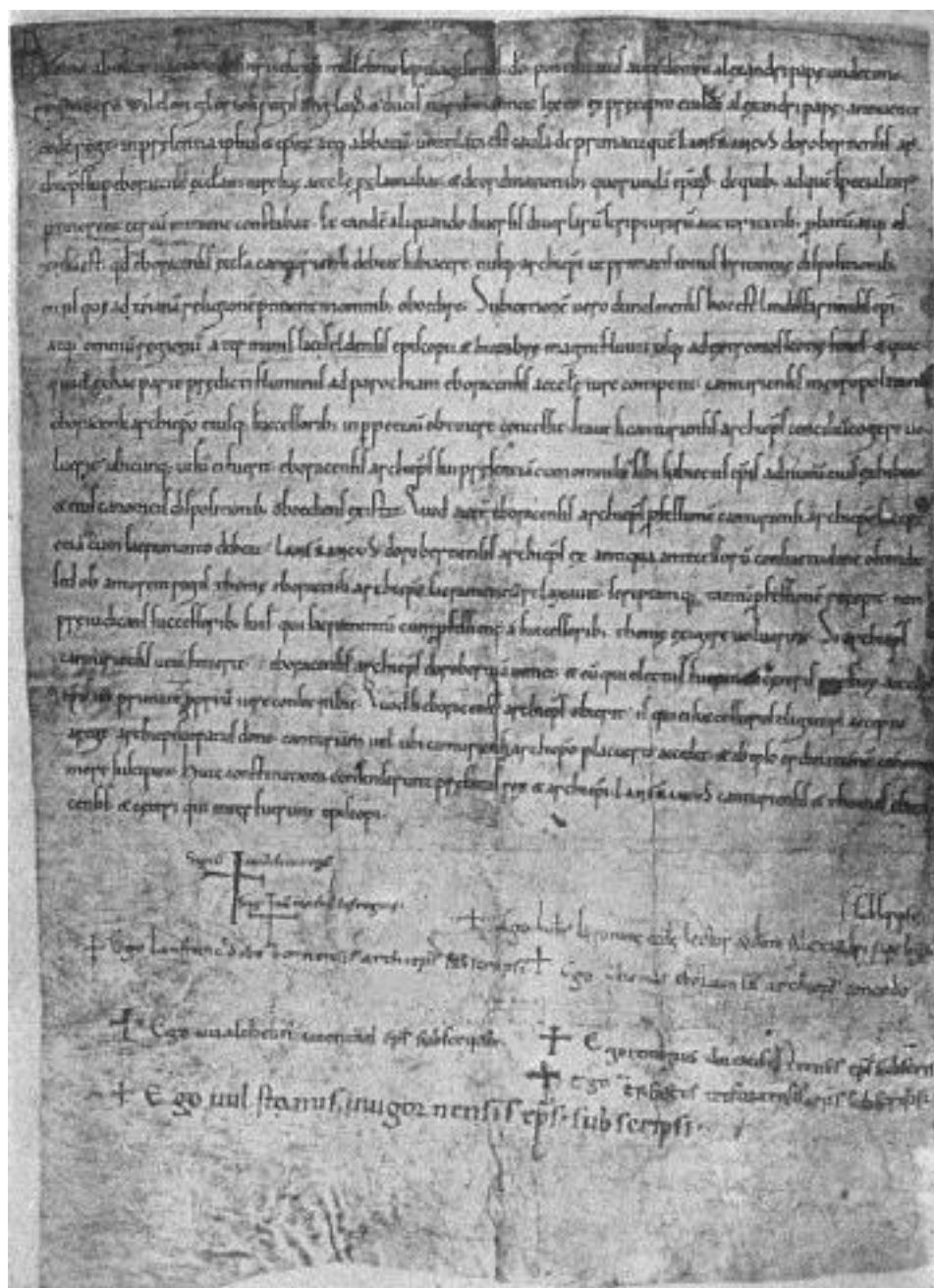
Мы видели достаточно, чтобы знать, что юрисдикционные и экономические аспекты феодализма были тесно связаны: манориальный суд был обычным дополнением к обычному поместью. Не менее тесно связаны на практике были военные и земельные элементы феодальной системы, и при поверхностном взгляде на эту систему именно эти последние элементы выступают на первое место. И это не совсем несправедливо, поскольку, хотя маловероятно, что какие-либо изменения, вызванные нормандским завоеванием, так глубоко повлияли на английскую общественную жизнь, как повсеместное установление частной юрисдикции, все же введение военного положения и создание феодальной армии, укоренившейся на почве Англии, являются явлениями первостепенной важности, и форма, которую они приняли в течение следующего столетия, была обусловлена, по сути, личными действиями самого Завоевателя и политическими потребностями его положения.

Быстрота, с которой была завоевана Англия, достаточно ясно продемонстрировала неэффективность англосаксонской военной системы, и изменения, внесенные в этот вопрос королем Вильгельмом, были революционными как в деталях, так и в принципе. Военная сила, имевшаяся в распоряжении Эдуарда Исповедника, состояла из двух частей: во-первых, фюрда, или местного ополчения, основанного на примитивной обязанности каждого свободного человека служить для защиты своего графства, и, во-вторых, отряда хаускарлов, профессиональных латников, которые служили за плату и, следовательно, были подчинены лучшей дисциплине и могли служить дольше, чем деревенские солдаты графств. Нет веских доказательств того, что англосаксонский король был обременен какими-либо военными обязанностями, кроме тех, которые лежали на нем как на свободном человеке, но есть определенные отрывки, которые предполагают, что в последние дни существования древнеанглийского государства король на практике вызывал только одного человека с каждых пяти участков земли и что он возлагал на своих более могущественных подданных ответственность за надлежащий внешний вид их иждивенцев. Если это была попытка создать небольшое, но боеспособное войско из огромного войска фюрда, то было слишком поздно спасать ситуацию, и, насколько нам известно, именно профессиональные хаускарлы приняли на себя основную тяжесть великих битв 1066 года. По крайней мере, по происхождению домоправитель должен был быть человеком, который жил в доме своего господина в качестве личного слуги; и, хотя мы знаем, что люди этого класса получали земельные пожалования от последних местных королей, нет оснований полагать, что их владения были обусловлены их заслугами, или даже что они были чем-то иным, чем личным знаком расположения, совершенно не связанным с военным долгом получателя.

Основные черты нормандской системы были совершенно иными по сравнению с этим. Каждый главный арендатор короны, в качестве условия, на котором он владел своими землями, был обязан содержать, снаряжать и содержать в готовности к немедленной службе определенное количество рыцарей, и степень его ответственности в этом вопросе не была, за исключением в самом грубом смысле, пропорциональна его территориальному положению, но определялась исключительно волей короля. Сделки такого рода, скорее

всего, происходили в тот момент, когда каждый главный арендатор вступал во владение своим феодалом, и их соблюдение со стороны получателя гранта гарантировалось полной конфискацией имущества в случае его появления на королевском сборе менее чем с полным составом рыцарей. Убедившись в своей военной ответственности, арендатор обычно отправлял некоторых из своих рыцарей на часть своего поместья, оставляя остальных при себе. С течением времени безземельных рыцарей становилось все меньше и меньше, и к концу правления Завоевателя большая часть каждого феодала была разделена на рыцарские пожалования, владельцы которых в силу обстоятельств своего владения были обязаны служить своему господину при исполнении военной службы, которой он был обязан короне. Никакое определенное количество земли, измеряемое либо оценкой, либо стоимостью, не составляло рыцарской платы; но, судя по свидетельствам более позднего периода, представляется несомненным, что каждый главный арендатор был обременен службой круглого числа рыцарей, двадцати, тридцати или тому подобного, и вполне возможно, что на эти круглые цифры повлияла нормандская *полиция* из десяти рыцарей, военное подразделение, которое, как мы знаем, преобладало за Ла-Маншем до завоевания Англии.^[319]

Но как только началась работа субинфекции, в Англии ей никогда не было установлено никаких ограничений ни в теории, ни на практике, и в самый ранний период нормандского правления мы находим рыцарей, которые считались главными арендаторами, передавая часть своей земли в субаренду другим рыцарям, а последние продолжали процесс по своему усмотрению. В Лестершире, например, поместье Лаббенхэм принадлежало королю архиепископу Йоркскому и было сдано им в аренду некоему Уолчелину, который уступил его своему собственному человеку по имени Роберт, который предоставил три участка земли в поместье неназванному рыцарю в качестве арендатора. Но это исключительный случай, поскольку для Domesday необычно показывать более двух лордов в порядке возрастания между крестьянином и королем. Подобный процесс не был чем-то неизвестным в Англии во времена короля Эдуарда; церкви сдавали землю в аренду своим феодалам; а феодалы, которых нормандский юрист считал бы принадлежащими королю, могли передавать свои поместья в субаренду своим иждивенцам. Но правовые принципы, лежащие в основе зависимого землевладения, никогда не разрабатывались в Англии в той мере, в какой они были разработаны в Нормандии до завоевания, и, по крайней мере, в двух важных аспектах существовала заметная разница между старой и новой системой. С одной стороны, крайне сомнительно, чтобы англосаксонское право развило идею о том, что вся земля, не находящаяся в непосредственном владении короля, прямо или косвенно принадлежала короне; а во-вторых, древнеанглийская система землевладения была гораздо более вялой и менее последовательной, чем ее нормандский соперник. Книга Страшного суда содержит частые упоминания о людях, которые могли оставить одного лорда и искать другого по своему желанию, и это отсутствие стабильности в том, что, возможно, было самым важным разделом частного права, означало соответствующую слабость во всей англосаксонской политике. Здесь, как и везде, работа Нормана способствовала сплоченности, постоянству и теоретической последовательности.

АВТОГРАФЫ К ВИНДЗОРСКОМУ СОГЛАШЕНИЮ

Новшеством в общепринятой практике было также то, что Завоеватель распространил на церковные сословия военные обязанности, которые он возложил на светских феодалов. Задолго до времен Исповедника церкви передавали землю в субаренду своим феодалам при условии, что последние будут нести военную службу, которой упомянутые церкви были обязаны королю; но рассматриваемая пошлина просто представляла собой сумму платы за службу, причитающуюся с земель каждого религиозного дома, и ни в коем случае не была результатом какой-либо сделки между королем и последним. С другой стороны, количество рыцарей, содержавшихся духовным арендатором короля Вильгельма, в конечном счете зависело от условий, которые этот арендатор, будь то епископ или монастырь, заключил с новым сувереном. Завоеватель не мог рискнуть лишить собственности местный религиозный дом, как он мог лишить собственности местного графа; но он мог настаивать на том, чтобы такая организация внесла свой вклад в новую армию, которую он насаждал на земле Англии, и он мог определить минимальную сумму вноса в каждом конкретном случае. Насколько можно судить по нашим свидетельствам, рыцарская служба, требуемая от монастыря,

устанавливалась гораздо более произвольным образом, чем служба, налагаемая на арендатора-мирянина; военные обязательства барона в основном, хотя и очень приблизительно, соответствовали бы размерам его феода, но никакой принцип подобного рода не мог быть применен к бремени, возложенному на церковные земли. Аббатства Питерборо и Абингдон были обязаны предоставить шестьдесят и тридцать рыцарей соответственно, но Св. Олбансу удалось отделаться *списанием со счета* шести человек, а Святому Бенету Халмскому было списано только три. Более чем вероятно, что политические условия способствовали возникновению этих резких разногласий; монастырь, подобный Питерборо, который проявлял сильные националистические тенденции, вполне мог быть наказан возложением тяжелого бремени служения поддержанию иностранного правления. С другой стороны, рассматриваемый процесс был расценен в совершенно ином свете нормандскими аббатами, которые постепенно появлялись в ходе правления, и английскими монахами, подчиненными их правительству. Для первых введение рыцарских сборов означало прекрасную возможность обеспечить своих нуждающихся родственников за Ла-Маншем; для вторых изъятие земли из непосредственных целей церкви привело к окончательному сокращению ежедневных запасов говядины и пива. Местный хронист Абингдонского аббатства с грустью рассказывает нам, как аббат Этельхельм послал в Нормандию за своими родственниками и наделил их имуществом монастыря до такой степени, что за один год даровал им семьдесят поместий, которых церкви все еще не хватало сто лет спустя.

Здесь, возможно, следует упомянуть трудный вопрос о действительной численности территориальной армии, которая по приказу короля Вильгельма выступила на завоеванную землю. В вопросах такого рода заявления так называемых хроникеров должны быть полностью проигнорированы; они представляют собой простые догадки и демонстрируют полную нечувствительность к военным и географическим возможностям данного случая. Недавно было предпринято несколько попыток, основанных на более надежных свидетельствах записей, оценить общее количество рыцарей, которых король имел право призвать под свои знамена в любой данный момент, и вполне вероятно, что результаты таких исследований представляют собой достаточно близкое приближение к истине в этом вопросе. Таким образом, в целом мы можем сказать, что общая рыцарская служба Англии была зафиксирована примерно в пяти тысячах рыцарей, из которых 784 были приписаны к главным религиозным арендаторам, 3534 были записаны как вклад баронов-мирян, остальные представляют собой соответствующую поправку на недостатки в наших источниках информации.^[320] Этот вопрос важен не только из-за влияния, которое владение рыцарской службой оказало на более позднее английское земельное право, но и из-за его отношения к родственной проблеме численности, участвовавшей в битве при Гастингсе, которая уже обсуждалась здесь.

От рыцарской службы мы вполне естественно можем перейти к родственной обязанности охраны замка. Замки, возникшие в Англии ко времени смерти Завоевателя, принадлежат к тому или иному из двух больших классов. С одной стороны, существовала королевская крепость, рассматривавшаяся как элемент системы национальной обороны, будь то от иностранного вторжения или восстания местного населения; ко второму классу относятся замки, которые были просто частной резиденцией их сеньора. В замках первого класса, которые в основном располагались в городских районах и вдоль больших дорог, губернатор был всего лишь королевским наместником; Генри де Бомон и Уильям Певерел были назначены командующими замками Уорик и Ноттингем соответственно, чтобы они могли удерживать эти города от имени короля. В таком случае было только естественно, что гарнизонная служба, а также служба в полевых условиях требовались от рыцарей, которых

должны были поставлять бароны по соседству; рыцари аббата Абингдонского должны были нести охрану Виндзорского замка. Из семидесяти замков, которые, как мы можем разумно предположить, существовали в 1087 году, двадцать четыре принадлежат к этому классу, а двадцать последних расположены в том или ином районе, и эта тесная связь района и королевского замка является чем-то большим, чем случайным обстоятельством. Хорошо известно, что в англосаксонские времена каждый обычный городок был военным центром округа, в котором он находился, и фактически являлся естественной базой операций при работе местной обороны. Норманны принесли с собой новые идеи в области оборонительной стратегии, но географические и экономические условия, которые придавали городкам их военное значение в ранние времена, не были отменены нормандским завоеванием; и по-прежнему было бы желательно защитить растущие центры торговли от внешних нападений, даже если с точки зрения норманнов было бы нецелесообразно обуздывать национальный дух жителей английских городов. Нельзя установить никаких общих правил относительно охраны этих королевских замков; нередко они находились в ведении короля у шерифа графства, в котором они могли быть расположены, но Завоеватель доверял свою крепость любому дворянину, обладавшему достаточным военным мастерством и лояльностью, и, как в случаях с Уориком и Ноттингемом, владение, которое первоначально было простой опекой, могло со временем перейти в прямое владение.

Более крупный класс частных замков менее важен с институциональной точки зрения. В Нормандии герцог имел право размещать в замках своей знати собственные войска, но Завоеватель, по-видимому, не распространил этот принцип на Англию. Весьма вероятно, что он настоял бы на том, чтобы его собственное согласие было дано на любое проектируемое укрепление со стороны его феодалов, но до тех пор, пока его правлению угрожало английское восстание, а не нелояльность норманнов, он не был бы сильно озабочен ограничением замковых тенденций своих последователей. Например, на границе с Уэльсом, где создание мощной линии замков было важной частью приграничной обороны, фортификационные работы в значительной степени должны были быть оставлены на усмотрение графов Шрусбери и Честера и на усмотрение первого поколения лордов марчера. К востоку от линии, проведенной с севера на юг через Глостер, находится почти половина от общего числа замков, которые, как мы можем предположить, были построены во времена правления Завоевателя, но только четырнадцать из них находились в частных руках.

Несмотря на все эти резкие изменения в высших отделах военного искусства, старый родной институт фюрда продолжал жить. Через два года после Гастингса, во время опасного кризиса, вызванного восстанием в Эксетере, мы видим, как Завоеватель созывает местное ополчение, и время от времени в течение его правления национальные силы продолжают призываться не только королем, но и его помощниками, такими как Джеффри де Кутанс во время освобождения Монтакута. Нет необходимости предполагать, что Вильгельм предвидел день, когда английский призыв может стать полезным противовесом восставшему феодальному войску; он унаследовал военную, а также финансовую и судебную власть своего родственника короля Эдуарда, и, естественно, его призыву подчинились бы все, кто не хотел, чтобы с ним тут же обращались как с мятежником. Не похоже, что Завоеватель существенно изменил структуру или оснащение фюрда; на самом деле ему не было необходимости делать это, поскольку его организация и вооружение, какими бы устаревшими они ни были по сравнению с армией феодалов, все же позволяли ему сражаться с восставшими англичанами или шотландскими налетчиками на более или менее равных условиях. В серьезном деле кампании Завоеватель полагался бы на небольшой, но

эффективный отряд рыцарей, находящийся под его командованием, и следует отметить, что никакой барьер расовых предрассудков не препятствовал вступлению англичан с достаточным положением в рыцарское сословие. Число англичан, которые занесены в Книгу Страшного суда наравне [с](#) нормандскими арендаторами крупного барона, значительно, и ни в коем случае нельзя исключать, что под поверхностью наших записей происходил процесс, который лишил разнородное ополчение времен короля Эдуарда его более богатых и боеспособных элементов. Многие фегны, которые раньше присоединились бы к армии своего удела с вооружением, немногим превосходящим, если вообще превосходящим, снаряжение крестьян по соседству, получают свою землю в качестве арендатора какого-нибудь барона и научатся перенимать военные методы своих нормандских братьев. Мы не можем с точностью определить этапы, на которых этот процесс выполнял свою работу, но когда пришло время Генриха II. чтобы реорганизовать местное ополчение, ему пришлось иметь дело с отрядом йоменов и горожан.

Теперь мы вкратце ознакомились с основными административными ведомствами, военными и политическими, в том виде, в каком они существовали при Завоевателе. В результате нашего обзора, возможно, можно сделать два общих вывода. Первый заключается в том, что во всей сфере государственного управления революционные изменения во всех существенных вопросах происходили при кажущейся преемственности внешних форм. Второе заключается в том, что работа Завоевателя ни в коем случае не является окончательной; потрясение от его завоевания разрушило устаревшую организацию старого английского государства, но развитие нового порядка, на котором было основано его правление, было задачей, оставленной за его потомками. The Curia Regis, которая сопровождала короля Вильгельма, когда он проезжал по своим владениям, была органом, подобного которому не видели во времена короля Эдуарда, но это был орган, очень непохожий на группу подготовленных администраторов, которые занимались государственными делами при президенте Генрихе II. Феодалное воинство в Англии обязано своим существованием Завоевателю, но как только оно прочно обосновалось на земле, при Генрихе I было введено скутажное право, что означало, что король отныне будет позволять воинству Завоевателя выживать только в той мере, в какой это может служить целям королевской казны. Разрушительная работа короля Вильгельма осуществлялась с непревзойденной тщательностью, порядком и быстротой, но было неизбежно, что процесс восстановления, который он начал, должен был далеко выйти за узкие рамки любой отдельной жизни.

Пенни Вильгельма I.

ГЛАВА XII КНИГА СТРАШНОГО СУДА

До завершения богатой событиями жизни Завоевателя оставалось два года, когда он издал указ о составлении этой летописи, которая должна была стать прочным памятником его правления в Англии. Вполне вероятно, что при должном внимании к условиям ее исполнения "Книга страшного суда" может претендовать на звание величайшей летописи средневековой Европы; безусловно, она заслуживает такого предпочтения среди юридических документов Англии. Ибо, хотя мы восхищаемся систематизацией, которой большое исследование уделяет графство за графством, мы также должны помнить, что ни один монарх до Вильгельма не мог обладать властью извлекать такое богатство информации со всей Англии от Ла-Манша до Тиса; и что тысячи сухих цифр, намеренно собранных на страницах "Страшного суда", представляют собой результат величайшей катастрофы, которая когда-либо влияла на национальную историю. Книге Страшного суда, действительно, нет равных, потому что она стала результатом уникальных обстоятельств. Другие завоеватели были столь же могущественны, как Вильгельм, и столь же требовательны к своим королевским правам; ни один другой завоеватель так последовательно не считал себя строгим преемником местных королей, которые были до него; прежде всего, ни один другой завоеватель не потруился составить отчет о порядке вещей, который он сам разрушил, и даже, как Вильгельм, о той его части, которая имела отношение к более эффективному ведению его собственной администрации. Книга Страшного суда - идеальное выражение нормандского гения в деталях управления [правительство](#).

Излишне говорить, что Вильгельм не собирался просвещать потомков относительно социального и экономического состояния своего королевства. Его цель была строго практической. О том, какое впечатление это произвело на современника, можно судить по тому хорошо известному отрывку, в котором хроникер Питерборо открывает длинную серию комментариев ко Дню суда, записывая свои впечатления от фактического осмотра:

После этого король провел большой совет и произнес очень глубокую речь со своими мудрецами об этой земле, о том, как она была населена и какими людьми. Затем он разослал своих людей во все графства по всей Англии и приказал выяснить, сколько сотен шкур находится в графстве, и какой землей владеет король, и какие запасы на этой земле, и какие взносы он должен получать каждый год от графства. Также он велел написать, сколько земли было у его архиепископов, епископов, аббатов и графов, и (хотя мой рассказ может быть несколько утомительным) что или сколько у каждого землевладельца в Англии было земли или запасов и сколько денег это могло стоить. Он так тщательно расследовал это дело, что не было ни одной шкуры или ярда земли, и даже (стыдно писать об этом, хотя он не считал это зазорным) быка, коровы или свиньи, которые не были бы указаны в его приказе. И все записи были доставлены ему позже”.

cxlix **TERRA RADULFI filii SEIFRIDE** **In hertfordshire**
Radulf^{com} fili² Seifrid ten² de rege **Clare**. **herald** tenent.
 Te se defid² p. v. hid. modo p. iii. hid² 7 dimid². 7 castellu de
 Windesore. e in dnm² hidi. 7 1/2. In dno. e una car.
 7 dimid². 7 1/2. uilli 7 vi. bord² cu. iii. car. 7 molin de. x. solid.
 7 xx. ac pra. Silua de. x. porc. De hac t²a ten² gener² e Rad
 dimid² hid² 7 nichil e ibi. Valut. vii. lib. modo. iii. lib² 7 x. sol.
Rog² fili² Seifrid ten² de rege **follescore**. **In blithedale**
 Lodric qda lib ho tenent² T. B. E. Te p. iii. hid se defid² p. i. hid
 in similit². 7 1/2. e. ii. car. In dno. e una. 7 iii. uilli 7 vi. car² cu. i.
 car. 7 xxx. ac pra. Valut. xl. sol. modo. iii. lib²
TERRA ERNOLTI DE HESDING **In Lancashire**
Ernolt² de hesding ten² de rege **Clare**. **vlward**
 tenent de rege. E. in alod. Te se defid² p. x. hid. in p. ii. hid.
 7 dim². 7 1/2. e. xii. car. In dno. e una car. 7 xi. uilli 7 xi. bord²
 cu. vii. car. lbi. ii. molin de. l. solid. 7 xxvii. ac pra. Silua
 de. xx. porc. 7. l. i. haga de. xx. solid 7 vii. denar.
 T. B. E. ualut. ix. lib 7 post. viii. lib. modo. xxiii. lib.
TERRA HUGON filii BALDRICI **In Lancashire**
Hugo fili² Baldric ten² de rege **Clare**. **Aluric** tenent
 de rege. E. in alod. Te p. v. hid. modo p. ii. hid 7 dimid².
 7 1/2. e. v. car. In dno. e dimid² car 7 iii. uilli 7 xi. bord² cu
 iii. car. lbi. iii. serui. 7 molin de. xx. solid. 7 v. ac pra. Silua
 de. l. porc. Val² 7 ualut. vi. lib.

ФРАГМЕНТ СТРАНИЦЫ КНИГИ СТРАШНОГО СУДА (НАЧАЛО РАЗДЕЛА О БЕРКШИРЕ)

Мнение в Питерборо было явно неблагоприятным для опроса, и Флоренс Вустерская сообщает нам, что действия королевских уполномоченных вызвали беспорядки в различных частях Англии. Точный объем информации, запрошенной комиссарами, не может быть выражен лучше, чем словами писателя, принадлежащего к соседнему аббатству Эли, который сделал независимую копию деклараций, представленных этим офицерам относительно земель его монастыря, и описывает характер расследования следующим образом:

“Это описание запроса относительно земель, который королевские бароны произвели в соответствии с присягой шерифа графства, всех баронов и их французов, а также всей сотни придворных - священников, ривов и шести вилланов от каждой деревни. Во-первых, [им требовалось] название поместья; кто владел им во времена короля Эдуарда и кто владеет им сейчас, сколько шкур [*hidæ*] есть, сколько плугов в поместье и сколько принадлежит мужчинам, сколько вилланов, котаров, рабов, свободных и сокеменов; сколько лесов, лугов и пастбищ, сколько мельниц и рыбных промыслов; сколько было добавлено к поместью или изъято из него, сколько все это раньше стоило и сколько оно стоит сейчас; и сколько всего имел или имеет там каждый свободный человек или сокеман. Все это повторялось трижды; со ссылкой на времена короля Эдуарда, и на то время, когда король Вильгельм подарил землю, и на настоящее время; и можно ли извлечь из этого больше, чем извлекается сейчас”.^[321]

Теперь, хотя этот факт может и не броситься в глаза при первом прочтении этих отрывков, все эти детали были полностью вспомогательными по отношению к одной главной цели — точному описанию местного распределения королевского “гельда”, или данегельда, единственного крупного прямого налога, взимаемого со всей Англии. Судный день - это, по сути, финансовый документ; это примечательный пример того настаивания на своих финансовых правах, которое было в высшей степени характерно для англо-нормандских королей и было главной причиной, по которой они смогли создать самое сильное правительство в Западной Европе. Каждый факт, зафиксированный в “Судном дне”, имеет прямое или косвенное отношение к выплате Данегельда, поскольку королевские уполномоченные знали свое дело, а настоящие писцы, оформлявшие результаты опроса, безжалостно отвергали все детали, которые не вписывались в общую схему их предприятия. Не следует упускать из виду, что этот факт готовит множество тонких ловушек для тех, кто хотел бы нарисовать картину английского общества на основе материалов, предоставленных Domesday; но подробнее об этом будет сказано позже, поскольку существуют определенные вопросы истории и терминологии, которые требуют внимания с самого начала.

Наиболее важным из этих моментов является значение тех “шкур”, которые упоминаются в обоих приведенных выше отрывках. Это, действительно, важный ключ к толкованию слова Domesday, и, к сожалению, он очень неуловим, поскольку термин восходит к очень раннему периоду англосаксонской истории, и за время его долгой истории ему придавалось более одного значения. Когда мы впервые встречаем слово “шкура”, кажется, что это слово обозначает количество земли, которого было достаточно для содержания нормального домашнего хозяйства; это среднее владение обычного свободного человека по англосаксонскому праву. В этом можно быть достаточно уверенными, но трудности возникают перед нами, когда мы пытаемся оценить вместимость шкуры с точки зрения площади. По этому поводу возникло много дискуссий, но мы можем сказать, что в настоящее время на этот счет существуют две основные теории: одна отводит шкуре сто двадцать акров

пахотной земли, другая - гораздо меньшее количество, например сорок восемь или тридцать акров, в любом случае с достаточным запасом древесины, воды и пастбищ для содержания плуга и его волов. В настоящее время, по-видимому, преобладает точка зрения, что площадь шкуры могла варьироваться от графства к графству — что, например, хотя мы знаем, что в одиннадцатом веке площадь шкуры составляла сто двадцать акров в Кембриджшире и Эссексе, вполне вероятно, что в Уилтшире она занимала сорок восемь акров. Каким бы важным, или, скорее, жизненно важным, ни был этот вопрос для изучающих англосаксонскую историю, нас он волнует не в такой степени, и мы должны перейти к изменению, которое произошло в представлении людей об этом многоквартирном доме и непосредственно влияет на изучение "Страшного суда".

Наш обычный свободный домохозяин, человек, который в седьмом веке владел "шкурой", был обременен многими обязанностями по отношению к племенному государству, к которому он принадлежал. Он должен был служить в местной армии, фюрде, содержать в порядке дороги и мосты в своем районе, помогать поддерживать укрепления своего района в качестве убежища во время вторжения и вносить свой вклад в поддержку местного короля или олдермена. Из этих элементов, и особенно из последнего, была разработана рудиментарная военная и финансовая система, которая зафиксирована в некоторых древних документах, дошедших до нас из англосаксонского периода, и заслуживают нашего внимания как прямые предки Книги Страшного суда. Их можно охарактеризовать как серию попыток выразить в терминах шкур способность нескольких округов Англии, с которыми они имеют дело, собирать дань или защищаться. Самый старый из этих документов, который сейчас широко известен как Племенное убежище,^[322] - это запись, дату которой невозможно установить в течение полутора веков, при этом большая часть ее текста совершенно непонятна, но по форме она достаточно ясна. Он состоит из цепочки имен с прикрепленными номерами шкур; таким образом, обитателям Пика присвоено 1200 шкур, обитателям Элмета - 600, кентишменам - 15 000, а хвиккам - 7000. Очевидно, что все это круглые числа, как, собственно, и все цифры, встречающиеся в документе; и это очень важный момент, поскольку он подразумевает, что распределение шкур, зафиксированное в этом раннем списке, было скорее приблизительным подсчетом, чем вычислением, поскольку мы не можем предположить, что на вершине Дербишира было всего 1200 свободных домовладельцев, а в Кенте - ровно 15 000. Эти цифры предназначены для того, чтобы приблизительно представить соответствующую численность таких округов, и выражаются даже в тысячах или сотнях, потому что с цифрами такого рода будет легко справиться, практика, которая, как мы видим, неизбежна, поскольку варварский царь времен Беды вряд ли стал бы проводить статистические расследования относительно точного количества шкур, находившихся под его "верховенством". Но нас беспокоит то, как мы увидим позже, что распределение шкур в Судный день, несмотря на всю кажущуюся статистическую точность, на самом деле в такой же степени является вопросом оценки и компромисса, как и грубый подсчет, который записан в племенных тайниках.

Эти замечания в равной степени применимы к следующему документу в серии финансовых отчетов, которая ведет ко Дню суда. Вероятно, во времена правления Эдуарда Старшего, когда Уэссекс восстанавливался после великого датского нашествия, какой-нибудь писец составил список укреплений, или "бургов", в основном в этой стране, с указанием количества шкур, выделенных на содержание каждого, и здесь мы снова находим круглые цифры, похожие на те, которые мы заметили в племенных убежищах.^[323] Таким образом, утверждается, что 700 шкурок принадлежат Шефтсбери, 600 - Лэнгпорту, 100 - Лингу. Очевидно, мудрецы Уэссекса постановили, что четное количество шкур, примерно пропорциональное площади, подлежащей защите, должно быть выделено на содержание

каждого из этих “бургов”, и предоставили мужчинам каждого округа самим распределять нагрузку между собой. Будет видно, что система, на которой основан этот документ (который удобно называть “Burghal Hidage”), гораздо более искусственна, чем та, которая представлена в Tribal Hidage — в последнем мы имеем дело с “народом” или “племенами”, если это слово не выражать слишком строго; здесь у нас есть условные районы, масштабы которых, очевидно, определяются внешней властью. Учитывая это, становится возможным провести определенные наводящие на размышления сравнения между “Городским убежищем” и “Книгой Страшного суда”. Таким образом, первый относит 2400 шкур к Оксфорду и Уоллингфорду соответственно, а 1200 - к Вустеру; и если мы подсчитаем количество шкур, внесенных в опросы Domesday в Оксфордшире, Беркшире и Вустершире, мы обнаружим, что во всех трех случаях общее количество шкур будет очень близко к количеству шкур, отнесенных к городам, представляющим эти графства в Burghal Hidage; соответствие слишком близкое, чтобы быть результатом случайности. Следовательно, если распределение шкур в городских убежищах является искусственным, мы должны быть готовы к выводу, что аналогичное распределение в Domesday также искусственно.

Прошло столетие, и в Англию снова вторглись датчане. В тщетной надежде откупиться от назойливого врага был введен знаменитый Данегельд, первоначально как чрезвычайный налог, но ему было суждено повышаться сначала нерегулярно, а затем с регулярными интервалами до конца двенадцатого века. Можно было бы предположить, что этот новый самозванец потребовал повторного утверждения старых Тайников, но до нас не дошло ни одной подобной записи. С другой стороны, у нас есть список округов с приложенными к ним соответствующими тайниками, который обычно известен как “Тайник графства” и относится к первой половине XI века. Этот документ^[324] образует связь между Городским убежищем и Судным днем; поскольку, хотя цифры, приведенные в нем для Вустершира, Беркшира и Оксфордшира, согласуются с более ранними данными, их оценка очень близка к оценке Судного дня в Стаффордшире, Глостершире и Бедфордшире.

Итак, мы подходим к нормандскому завоеванию. В самом начале своего правления Вильгельм, ничуть не смущенный легендой о своем святом предшественнике, который видел дьявола, сидящего на мешках с деньгами, и поэтому отменил Данегельд, наложил на народ чрезвычайно жесткий запрет. Время от времени во время его правления вводился “гельд”: в частности, в 1083 году он повысил налог на шкуру в размере семидесяти двух пенсов при обычной ставке всего в два шиллинга. Не исключено, что недовольство, вызванное этим тяжелым налогом, возможно, было одной из главных причин составления “Книги страшного суда”. Мы видели достаточно, чтобы знать, что система оценок, лежащая в основе “Страшного суда”, была, по крайней мере в принципе, очень древней. Должно быть, это стало очень несправедливо, поскольку даже за столетие, предшествовавшее Завоеванию, в Англии произошли огромные перемены. Мы знаем, что Уильям пытался исправить положение путем резкого сокращения расходов на сокрытие в отдельных округах, и ни в коем случае не исключено, что расследование во вторник должно было стать предварительным этапом к радикальному пересмотру всей национальной системы оценки. Уильям умер до того, как смог предпринять это, и, насколько нам известно, впоследствии к этому никогда не пытались прибегать, поскольку было указано, что в 1194 году выкуп за Ричарда I. был увеличен в некоторых графствах в соответствии с оценкой Судного дня.^[325] Эта жесткость искусственной старой системы делает ее детали особенно достойными изучения, поскольку странно видеть, что финансовое устройство, которое можно проследить со времен Альфреда, все еще можно использовать во времена Ричарда I. и Хьюберта Уолтера.

TERRA REGIS.

Rex ~~Willelmus~~ ten' ~~Willelmus~~ in dñio. Rex. E. tenuit.
Ibi. xx. hide. ^{tra ē.} In dñio ē una car. 7 xxii. uilli
7 ii. bord' cū. x. car. Ibi un' seruus. 7 piscaria de. vi. solid' 7 viii.
denar. 7 xl. de p'a. Silua. de. l. porc' de pasnag'. 7 alia silua
missa ē in defensa. 7 adhuc sunt in uilla. c. hage. 7 min'. ^{Exm}
sunt. xxvi. q'q' de gablo. 7 de aliis exeunt. xxx. solidi.
^{clerc} De tra hui' n' ten' ^{clerc} Albe una hid' 7 dimid'. 7 t'ia parte uni dene.
Walt' fili' ocher una hid' 7 dim' 7 una v' 7 tant' filius unde ^{clerc}
exeunt v. porc' de pasnag'. Gisleb' maminot. iii. uirg. Willel'
una hid'. Aluric. i. hid'. 7 alt' Aluric dimid' hid'. 7 p'br uille
una hid' 7 dim'. 7 ii. seruientes curie regis dimid' hid'. Eudo. apif'
J. R. E. ualb' xv. lib. 7 post'. vii. lib. Modo. xv. lib. / ii. hid'.
Rex ten' ~~Taceba~~ in dñio. Rex. E. tenuit. ~~In Taceba h'nd~~
Te se desit p. ii. hid'. 7 nung. geld'. Tra ē. xxv. car'. Ibi sunt
xxx v. uilli 7 xii. bord' cū. xx v. car'. 7 ibi xii. hage reddet
de firma. l. v. sol'. 7 ii. molini de xxii. sol' 7 vi. den'. 7 c. xl. vii.
de p'a. Silua. de. lx. porc'
Exatam hui' n' ten'. q. clercia cū. iii. hid'. que par' ibi 7 geld'
cū comitatu. 7 uat. iii. lib.
J. R. E. ualb' xv. lib. modo. xv. lib. 7 tam redd' xxxiii. lib.

ФРАГМЕНТ СТРАНИЦЫ КНИГИ СТРАШНОГО СУДА (НАЧАЛО РАЗДЕЛА О БЕРКШИРЕ)

Каковы же тогда основные характеристики этой системы? Большая часть его жизнеспособности, каким бы громоздким и неравномерным он ни был, несомненно, может быть объяснена тем фактом, что он был основан на древнем местном делении страны, графствах, вапентаках или сотнях, и виллах. Другими словами, распределение шкур, которое мы находим в Domesday, является результатом тщательно продуманной серии подразделений. В какой-то неопределенно отдаленный момент было постановлено, что каждое графство должно считаться содержащим определенное количество шкур, что Бедфордшир, например, должен считаться содержащим, то есть оцениваться в 1200 шкур. Затем жители Бедфордшира в своем графском суде распределили эти 1200 шкур между двенадцатью "сотнями", на которые было разделено графство, не обращая подробного внимания на площадь или население каждой сотни и даже, насколько можно судить, не подчиняясь какому-либо правилу, согласно которому сотня отвечала бы ровно за сто шкур, но следуя своим собственным приблизительным представлениям о том, какую долю из их общей оценки состояния своего графства должна нести каждая сотня. Таким образом, была

определена оценка сотен, и следующим шагом было распределение количества шкур, выделанных с каждой сотни, между различными деревнями, из которых она состояла, причем разделение продолжалось без какой-либо привязки к стоимости или площади. И тогда искусственность всей системы подтверждается самым поразительным фактом, открытие которого произвело революцию в изучении Книги Страшного суда, — что на юге и западе Англии подавляющее большинство деревень оценивается в некоторой доле или кратной пяти шкурам.^[326] Повсеместность этого “подразделения из пяти шкур” совершенно несовместима с любой теорией, согласно которой шкура Страшного Суда состоит из какого-либо определенного количества земли; в деревне может быть шесть или двадцать настоящих пахотных шкур, разбросанных по ее полям, но, если это согласуется со схемой распределения, которой придерживаются мужчины графства в графстве и сотни судов, эта деревня будет содержать все равно заплатил бы Данегельду за пять шкур. Таким образом, система оценки “Страшного суда” не была продуктом местных условий, а была произвольно навязана сверху. Шкура была не только мерой земли, но и финансовым термином, не связанным со всеми необходимыми соответствиями действительности.

Но, прежде чем перейти к дальнейшим вопросам терминологии, будет полезно привести несколько примеров применения “единицы из пяти шкур”, и, поскольку Бедфордшир был специально упомянут выше, мы можем взять наши примеры из этого графства. Соответственно, если с помощью карты мы проследим течение Уза через Бедфордшир, мы проедем недалеко от Оделла, Райзли и Рэдвелла, которые оцениваются в десять шкур каждый; Терли и Оукли - в пять; Павенхема, Стагсдена, Кардингтона, Уиллингтона, Копла и Нортхилла - в десять; Бланхема - в пятнадцать; Темпсфорда - в десять; Рокстона - в двадцать; Чостона - в десять; Вайбостона - в двадцать и Итон-Сокона - в сорок. Таким образом, в пределах узкой полосы одного округа мы обнаружили семнадцать примеров применения этого метода оценки, и нет необходимости множить конкретные случаи. Почти на каждой странице обзора, в котором мы читаем о шкурах, мы можем найти их объединенными в условные группы по пять, десять или тому подобное.

Однако не вся Англия оценивалась в шкурах; в стране существуют три другие системы оценивания. В Кенте, первом графстве, занесенном в Книгу Страшного суда, преобладала своеобразная система, при которой место шкуры занимал “сулунг”, состоящий из четырех “ярм” (*югера*) и, скорее всего, занимающий двести сорок акров, что соответствует двойной шкуре.^[327] Существование сулунга в Кенте как термина для измерения земли можно проследить до того времени, когда это графство было независимым королевством; процесс, посредством которого это слово стало обозначать просто финансовую единицу, несомненно, аналогичен аналогичному развитию, которое мы заметили в случае с “шкурой”. Взятый в сочетании с особым местным делением графства Кент и с хорошо известными особенностями землевладения, обнаруженными там, этот план подсчета “сулунгами” вместо шкур становится на свое место как должное продолжение независимой организации графства.

Другое древнее царство также сохраняет необычную форму оценки в “Страшном суде”. В Восточной Англии мы на этот раз получаем утверждение в арифметических терминах относительно суммы, которую каждый житель должен внести в Данегельд. Вместо того, чтобы говорить, что в деревне, скажем, пять шкур, и делать вывод, что эта деревня должна заплатить десять шиллингов или больше в зависимости от ставки, по которой данегельд взимается со шкуры, нам дают сумму, которую должен заплатить каждый житель, когда сотня, в которой он находится, платит двадцать шиллингов. Эта форма скользящей шкалы неизвестна за пределами Норфолка и Саффолка и является еще более явно искусственной,

чем оценка в других округах. Каждая сотня в Восточной Англии, по—видимому, была разделена на разное количество “младших”, - и было высказано предположение, что каждый младший должен был заплатить равную сумму в счет Данегельда, причитающегося с этой сотни,^[328] но оценка Восточной Англии в других отношениях представляет некоторые особые трудности сама по себе, хотя они не могут обсуждаться здесь.

Гораздо большее значение имеет оставшаяся финансовая единица, которую можно найти в Domesday. В Йоркшире, Дербишире, Ноттингемшире, Линкольншире, Лестершире и Ратленде все оценки выражаются в “карукатах”, а не в шкурах, причем каждый карукат состоит из восьми голов крупного рогатого скота, и каждый крупный рогатый скот содержит, как вероятно, пятнадцать (финансовых) акров. Это различие было отмечено в двенадцатом веке Хью “Кандидусом”, историком Питерборо, который говорит: “В Линкольншире нет шкур, как в других графствах, но вместо шкур есть участки земли, и они стоят столько же, сколько шкуры”. Очевидно, что по происхождению, по крайней мере, слово *Domesday carucata terræ* первоначально должно было означать пахотную землю, то есть количество земли, которое могло быть обработано за один год большой плужной упряжкой из восьми волов, в соответствии с какой бы системой земледелия ни существовало в то время, и столь же несомненно, что слово “бычий” происходит от вол. Но, точно так же, как шкура, карукат из обозначения меры земли превратился в абстрактную финансовую величину, подчиняющуюся тем же условиям распределения, которые применялись к предыдущей единице. Это подтверждается тем фактом, что в вышеупомянутых округах карукаты объединены в искусственные группы в соответствии с точно таким же принципом, который определял распределение шкур на юге, с одним весьма любопытным отличием в деталях. В то время как мы видели, что на юге и западе виллы номинально оцениваются в сумму, кратную пяти шкурам, в северо-восточных округах, которыми мы сейчас занимаемся, преобладающая тенденция заключается в том, что виллы оцениваются в сумму, кратную или составляющую доли шести шкур. Иными словами: оценка юга и запада была десятичной, оценка севера и востока - двенадцатиричной; в то время как мы должны ожидать, что беркширский вилль будет оценен в пять, десять или пятнадцать шкур, мы должны ожидать, что линкольнширский вилль будет оценен в шесть, двенадцать или восемнадцать шкур.^[329] Таким образом, у нас есть “единица с шестью ячейками”, которую мы устанавливаем рядом с “единицей с пятью ячейками”, которую мы уже рассматривали, и в отличие от нее.

Теперь эти детали становятся очень важными, когда мы рассматриваем географическую область, в пределах которой найдены эти карукаты, объединенные таким образом. Район между Уэлландом и Тисом обладает собственным историческим единством. Как и в случае с Восточной Англией и Кентом, финансовые особенности в этом квартале также сопровождаются особой местной организацией. Существование в этой части Англии “датских” топонимов с местными делениями, такими как вапентаке, которые можно отнести к северному влиянию, всегда рассматривалось как доказательство наличия там обширного скандинавского поселения; и теперь мы можем усилить этот аргумент, указав на вышеупомянутые финансовые особенности, которые, как мы знаем, характерны только для этого квартала и которые бесценны, поскольку позволяют нам с уверенностью определить точные границы территории, фактически заселенной датчанами в десятом веке. В самой Дании мы находим примеры использования двенадцатиричной системы счисления, аналогичной той, на которой, как мы видели, была основана оценка состояния вышеупомянутых северо-восточных графств в Судный день; и мы можем признать в последнем эквивалент территории “Пяти округов” Ноттингема, Дерби, Лестера, Линкольна и Стэмфорда, вместе с датским королевством Дейра (Йоркшир) за рекой Хамбер.

Какими бы утомительными ни казались эти подробности, выводы, к которым они нас приводят, ни в коем случае не являются маловажными. Во-первых, мы видим, как такие древние королевства, как Кент, Восточная Англия и Дейра, к которым мы можем добавить территорию Пяти округов, сохраняли в своих финансовых механизмах многие реликвии своей прежней независимой организации еще долгое время после того, как они утратили все следы политической автономии. И затем, во-вторых, мы получаем представление о принципах, которыми руководствовались нормандские правители Англии по отношению к местным институтам. Они не были сметены полностью; централизация вводилась только там, где это было абсолютно необходимо, и до тех пор, пока местных механизмов было достаточно для удовлетворения финансовых потребностей короны, в них никто не вмешивался. Здесь, как и везде, политика Вильгельма или его преемников не заключалась в том, чтобы нарушать древнюю организацию страны, поскольку ее вполне можно было приспособить к целям короля, который был достаточно силен, чтобы сделать свое правление реальностью на всей земле, и в этом отношении Завоевателю и его сыновьям нечего опасаться.

В приведенном выше отчете мы рассмотрели систему оценки Domesday в ее простейшей возможной форме, но теперь должны быть уведомлены о некоторых сложностях. Во-первых, план, на основе которого составляется само исследование, создает трудности на нашем пути, поскольку он представляет собой своего рода компромисс между географическим и штатным принципами. Таким образом, каждое графство указано отдельно в Domesday, но в пределах графства все поместья классифицируются в соответствии с главным арендатором, которому они принадлежали, а не в соответствии с сотней или другим местным подразделением, в котором они расположены. Это факт, к которому нам еще придется обратиться, но будет очевидно, что более чем один главный арендатор вполне может владеть землей в одном и том же населенном пункте, и в таком случае мы никогда не сможем быть уверены, не прочитав весь обзор округа, что мы получили полные сведения о каком-либо отдельном населенном пункте, содержащемся в нем. Другими словами, вилла и поместье никогда не были обязательно идентичными, и в некоторых частях Англии, особенно на севере и востоке, такой эквивалент был в высшей степени исключительным. Таким образом, следовательно, в важнейшей сфере финансов низшей точкой, до которой мы можем проследить применение какого-либо последовательного принципа при распределении "гельда", было не поместье, а деревня; и соответственно, прежде чем мы сможем обнаружить присутствие тех пяти- и шестиэтажных единиц, которые только что были описаны, нам часто приходится комбинировать ряд деталей, которые, взятые по отдельности, вообще не предполагают никакой системы. Здесь будут представлены два примера, один из Кембриджшира и один из Дербишира:

ХЭСЛИНГФИЛД (КАМБС.)^[330]

	Прячется.	Девственничая т.	Гектаров.
Король	7	1	
Пико - Шериф	4	3	
Граф Алан	1	½	
” ”	½		
Джеффри де Мандевиль	5	0	
Ги де Рейнбудкорт	1	1	3

Граф Алан	12
20 0	0

БРИСТОН (ДЕРБИ)^[331]

	Плодоносящие.	Бычководные.
Анри де Феррерс		3
Джеффри Алселин		1
Гилберт де Ганд	2	0
Роже де Бусли	3	0
” ”		4
	6	0

Эти примеры очень ясно показывают, что при оценке дробной части villis не было последовательного принципа, и типичны для аккуратности, с которой неперспективные цифры объединяются в равные суммы. Что касается того, каким образом жители деревни распределяли свою финансовую ответственность, мы почти полностью остаемся в неведении; у деревни или поселка, похоже, не было собственного суда, способного решить такой вопрос. Во многом, без сомнения, это было вопросом традиции; определенное хозяйство, которое когда-то отвечало за две шкуры, продолжало бы делать это, независимо от того, в чьи руки оно могло бы попасть, если бы оценка всего поселка не была произвольно повышена или понижена извне, когда оценка этого конкретного участка земли почти автоматически пострадала бы пропорционально. Но эти местные вопросы не входят в сферу компетенции наших скудных финансовых органов на ранних этапах, и поэтому мы ничего о них не слышим.

Теперь мы можем изучить обычную запись из "Книги Страшного суда" в свете приведенных выше выводов. Поместье в Ноттингемшире подойдет как нельзя лучше:

“М [анор] — В Ховерингеме у Свена было два участка земли и два поголовья крупного рогатого скота, оцененных в гелд. Там земли хватит на четыре плуга. Там у Уолтера [де Айнкурта] во владениях два плуга и пять сокеменов на трех с третью голов крупного рогатого скота этой земли, а также девять вишланов и три бордара, у которых четыре плуга. Там есть священник, церковь, две мельницы, дающие сорок шиллингов, и сорок акров луга. Во времена короля Эдуарда он стоил 4 фунта стерлингов; сейчас он стоит столько же и на десять шиллингов больше”.

Сначала мы должны посмотреть, как каждая деталь здесь вписывается в общую схему исследования. Заявление относительно бывшего владельца поместья было важным; ибо точно так же, как король Вильгельм утверждал, что он является законным преемником короля Эдуарда, точно так же он был полон решимости, чтобы каждый из его людей занимал в каждом поместье, которое он мог бы занимать, точное юридическое положение, занимаемое англичанином или группой англичан, в зависимости от обстоятельств, которых он лишил собственности в этом конкретном поместье. В частности, было важно, чтобы он взял на себя ответственность своего предшественника в отношении "гелда", причитающегося с его земли, что хорошо отражено в приведенной выше записи, поскольку Уолтеру де Айнкурту явно списывается то же количество каруатов и боватов, которое было зачислено на счет “Свена” до Завоевания. Вероятно, фискальный характер имеет и следующее заявление о том, что в Ховерингеме “земли хватит на четыре плуга”. При всей

своей кажущейся простоте, эта формула, которая чрезвычайно распространена в обследовании, при исследовании создает необычайное количество сложных осложнений. Взятый просто, это, по-видимому, обозначает количество плугов, которые могли бы найти применение в поместье, и, скорее всего, оно имеет такое сельскохозяйственное значение во многих графствах, аргумент в уме комиссаров заключается в следующем: если в этом поместье есть земля для большего количества плугов, чем там фактически можно найти, оно неосвоено, и когда-нибудь из него можно извлечь больше “земли”; если оно обрабатывается в полной мере своих площадных возможностей или сверх них (поскольку это часто случается), его оценка, вероятно, достаточно хорошо отражает его сельскохозяйственное состояние, и поэтому оно может выдержать. Проводя этот запрос о “пахотных землях”, комиссары, вероятно, выполняют инструкцию, которая предписывала им выяснить, получали ли король максимально возможную сумму из каждого поместья, но необходима большая осторожность, прежде чем мы решим, что они получают эту информацию совершенно одинаковым образом из каждого обследованного графства. В одном графстве, например, присяжные заседатели могут указывать количество земли в их поместье, которая вообще никогда не обрабатывалась плугом; в другом нам может быть предоставлено общее количество плугов, фактических и потенциальных, которые могли бы быть использованы в поместье; еще в третьем комиссары, возможно, приняли в качестве ответа заявление о количестве плугов, которые использовались во времена короля Эдуарда. Уполномоченных ни в малейшей степени не интересуют подробности о плугах и пашнях просто как таковых; их интерес полностью сосредоточен на возможном увеличении королевских сборов с каждого обследованного поместья. Но хорошо бы помнить этот факт, поскольку он создает самые серьезные трудности на пути любой оценки состояния сельского хозяйства Англии в XI веке.

Более понятными являются подробности, которые следуют далее в нашей статье. Можно видеть, что писцы провели различие между тремя разделами земли вилланов: сначала владения лорда, затем земли, принадлежащие ему сокемену, затем владения вилланов и бордаров. То, что такое различие должно было быть сделано, соответствовало инструкции, данной комиссарам, в соответствии с которой им было поручено выяснить не только, сколько плугов было в поместье и на земле вилланов соответственно, но и сколько у каждого свободного человека и землевладельца в поместье. Эти последние указаны таким образом, не обязательно потому, что они были более определенно ответственны за свою долю поместья Данегельд^[332], чем виллены и бордары за свою долю, но в значительной степени, без сомнения, потому, что они были менее непосредственно под контролем поместья. Мы видели, что сокемены и свободные люди Судного Дня, скорее всего, представляют социальные классы, пережившие Завоевание, и быстро модифицируются, чтобы соответствовать более строгим условиям землевладения, которые создало Завоевание. Но в Domesday процесс еще не завершен; землевладелец все еще является в некоторой степени независимым членом поместной экономики, и поэтому желательно точно указать место, которое он занимает в каждом поместье. Но то, что эта часть исследования не была существенной, доказывается тем фактом, что владения сокеменов, будь то плуги или земля, обычно объединяются с владениями вилланов и бордаров, даже при обследовании восточных графств, где свободное население было наиболее многочисленным.

Коммунистическая система сельского хозяйства достаточно хорошо представлена в этой статье; четыре упряжки плугов, которыми владели жители Ховерингема, насколько мы можем видеть, состояли из волов, поставляемых сокменами, вилленами и бордарами одинаково, и обзор не позволяет точно сказать нам, какая доля из тридцати двух волов, подразумеваемых в этих упряжках, была поставлена каждым из трех вышеупомянутых классов. Нам следует остерегаться предположения, что сокмены Судного Дня были неизменно богаче вилланов;

мы достаточно мало знаем об экономическом положении обоих классов, но мы знаем достаточно, чтобы видеть, что многие сокмены времен Завоевателя владели гораздо меньшим количеством земли, чем считалось в XIII веке обычным владением виллана. В выбранной нами записи мы можем видеть, что среднее количество волов, принадлежащих каждому мужчине в деревне, составляет что-то около двух; и мы можем подозревать, что у трех бордаров вообще не было волов; но хотя владение плужными волами могло здесь и там приниматься за линию разграничения между сельскими классами, мы не можем быть уверены, что это так везде, и, конечно, мы не можем предположить, что это имеет место здесь.^[333]

После перечисления нескольких классов крестьянства с их сельскохозяйственным инвентарем обзор обычно переходит к рассмотрению определенных побочных источников манориального дохода; в данном случае это церковь, мельницы и луг. Даже в XI веке отношения между владельцем поместья и церковью в его поместье носили собственнический характер; сеньор в большинстве случаев обладал правом адвоусона и мог делать пожертвования из десятины своего поместья религиозному дому на благо своей индивидуальной души. Деревенская церковь и деревенская мельница были по-своему источниками прибыли для лорда, и в выбранном нами случае следует отметить, что почти половина стоимости, присвоенной поместью присяжными суда Страшного дня, получена из доходов последнего. "Мельничный сок", право лорда заставлять своих арендаторов молоть зерно на его мельнице, долгое время оставалось выгодной чертой манориальной организации. Особая ценность луга заключалась в необходимости обеспечивать содержание пахотных волов сверх корма, который они получали, выпасая залежную часть деревенских земель. Распределение луговых угодий вдоль рек и ручьев округа в значительной степени определяет относительную ценность содержащихся в них деревень.^[334]

Стоимость, которая присваивается поместью в Книге Страшного суда, по-видимому, представляет собой, как правило, приблизительную оценку арендной платы, которую поместье принесло бы своему хозяину, если бы он сдал его в аренду, укомплектованным людьми и скотом. В целом, вполне вероятно, что присяжные должны были произвести такую оценку в отношении трех периодов, а именно 1066, 1086 годов и времени, когда король Вильгельм передал поместье его нынешнему владельцу. Последняя оценка, однако, часто опускается в завершенном обзоре; но она включается достаточно часто, чтобы мы могли сказать, что беспорядки, сопровождавшие завоевание, обычно сопровождались резким снижением стоимости сельскохозяйственных земель; и во многих графствах стоимость поместий в целом не смогла подняться до уровня, существовавшего до завоевания, за двадцать лет между 1066 и 1086 годами. Если принять во внимание всю Англию, то было подсчитано, что средняя стоимость шкуры или каруката будет очень близка к одному фунту, и ноттингемширское поместье, которое мы рассматриваем, в этом отношении достаточно типично. Но следует помнить, что присяжные заседатели при оценке стоимости, безусловно, должны были бы принять во внимание источники местных доходов, которые не были сельскохозяйственными по своему характеру, и численность крестьян и прибыль манориального суда будут включены в одну круглую цифру вместе со стоимостью трудовых услуг вилланов и арендной платой за мельницы и луга.

Наша попытка понять термины, используемые в типичной записи, может познакомить нас с вопросом вселенской важности - неопределенностью Судного дня. Мы не используем это слово как упрек. Составителям "Страшного суда" пришлось иметь дело с огромной массой самого трудноразрешимого материала, и чудо в том, что они смогли дать столь блестящий

отчет о своей задаче. Но, несмотря на все это, определение даже некоторых из самых распространенных терминов, используемых в Domesday, зачастую является весьма сложной задачей. Было показано, например, что слово *manerium*, которое мы можем перевести только как “поместье”, использовалось в самом расплывчатом смысле. Это может обозначать одно поместье, оцениваемое в сто коров, а другое - в восемьдесят акров; большинство поместий будут содержать определенное количество земли “в вотчине”, но есть многочисленные случаи, когда все поместье принадлежит лорду крестьянству; на юге Англии площадь поместья очень часто совпадает с площадью поселка, от которого оно получило свое название, но опять же, в одном поселке вполне может быть до десяти поместий, в то время как одно поместье с таким же успехом может простираться более чем на полдюжины деревень. Во многих случаях смутное впечатление, оставляемое Domesday, связано с неопределенностью его тематики — если нам трудно отличить свободного человека от сокемана, то это в значительной степени связано с тем фактом, что эти классы, по всей вероятности, действительно накладывались друг на друга. Точно так же, если мы не можем быть вполне уверены, что имели в виду составители нашего отчета, когда называли одного человека “бордаром”, а другого - “вилланом”, мы должны помнить, что в наши дни было бы нелегко дать точное определение “дачника”; а также что класс вилланов, который охватывал более половины сельского населения Англии, никак не мог обладать одинаковым статусом, богатством, привилегиями и обязанностями на этой обширной территории. Но существует еще одна причина путаницы, которая происходит исключительно из-за особенностей переписчиков “Страшного суда”, и это их закоренелая склонность использовать разные слова и фразы для обозначения одного и того же. Таким образом, когда они хотят отметить, что определенный человек не мог никому “передать” свою землю без согласия своего господина, мы находим, что они говорят: “он не мог уйти без своего разрешения”, “он не мог продать свою землю без своего разрешения”, “он не мог продать свою землю”, “он не мог продать или подарить свою землю без своего разрешения” — все эти фразы и многие другие описывают в точности ту же идею. Эта особенность пронизывает весь обзор; с другой стороны, она проявляется в поразительной эксцентричности переписчиков в вопросе написания имен собственных. Что касается географических названий, такое разнообразие в написании лишь затрудняет их идентификацию; но когда мы находим одного и того же англичанина, описанного в том же графстве, что и Аншил, Ашил и Ачи,^[335] вопросы становятся более серьезными. Ибо едва ли существует вопрос, по которому мы могли бы пожелать более точных свидетельств, чем о количестве англичан, которые продолжали владеть землей после Завоевания; и все же, из-за привычек переписчиков “Страшного суда”, мы никогда не можем полностью избавиться от неприятного подозрения, что два англичанина, чьи имена слегка напоминают друг друга, могут, в конце концов, оказаться одним и тем же человеком. На самом деле мы не можем винить переписчиков за то, что они облегчили свою монотонную работу, предаваясь такому удовольствию, которое могло принести им изменение фраз и правописания, но очень важно учитывать этот факт при работе с любым разделом изучения Страшного Суда, и пренебрежение этой предосторожностью привело многих исследователей к серьезным ошибкам.

Со всем этим тесно связан вопрос о существовании прямой ошибки в самой Книге Страшного суда. Чтобы показать, как это могло произойти, необходимо будет вкратце описать способ, которым был составлен большой обзор. “Король,” говорит англосаксонский хронист, “послал своих людей во все графства по всей Англии”. Мы не можем быть вполне уверены, объехали ли они несколько сотен каждого графства или просто провели одно заседание в его уездном городе^[336]; в любом случае перед ними предстал весь суд сотни, состоящий, как мы видели, из священника, старосты и шести крестьян от каждой деревни. Но из этого разнородного собрания, по-видимому, была выбрана небольшая группа

присяжных, которые в определенной степени несли ответственность за вынесенный вердикт. У нас есть списки присяжных для большинства сотен Кембриджшира, из которых следует, что из каждой сотни было выбрано по восемь человек, и, что очень важно, половина из них были французами, а половина - англичанами. Таким образом, члены комиссии получили для каждой сотни подтвержденный под присягой вердикт группы людей, отобранных из обеих рас и представляющих, насколько мы можем видеть, очень разные уровни общества. Мы не можем предположить, что точно такие же вопросы задавались присяжным в каждом графстве. Комиссарам, вполне возможно, была предоставлена некоторая свобода в адаптации формы расследования к различным местным условиям, и терминология их инструкций могла в некоторой степени отличаться в зависимости от части Англии, в которой они должны были проводиться; но сходство результатов, полученных из очень отдаленных графств, доказывает, что все расследование в судный день проводилось в соответствии с одним общим планом. Более вероятно, что различия, которые, несомненно, временами существуют между опросами в разных округах, на самом деле связаны с процедурой переписчиков, которые оформили местные отчеты в том виде, в каком они у нас есть.^[337]

Будет очевидно, что заполненные декларации из каждого округа, должно быть, состояли из серии стопроцентных листков, разложенных деревня за деревней в соответствии с последовательностью, которой придерживались уполномоченные при проведении расследования. Первой задачей переписчиков "Судного дня" было заменить географический порядок первоначальных возвратов порядком владения, основанным на распределении земли между главными арендаторами в каждом графстве. Они, должно быть, просматривали декларации от округа к округу, собирая все записи, относящиеся к земле, принадлежащей одному и тому же главному арендатору в каждом графстве, и распределяя их по соответствующим рубрикам, и мы знаем, что в процессе они не очень внимательно относились к местной географии. Там, где участок был разделен между двумя или более главными арендаторами, разделение должно было быть отмечено присяжными из сотни присяжных при составлении своего отчета; но, в то время как единство поселка в целом соблюдалось в первоначальных отчетах, переписчики Судного дня не обратили на это внимания, для которых феодальное устройство графства было в первую очередь важным соображением. Первый шаг, который необходимо предпринять для составления картины состояния любого округа, обследованного в Domesday, - это сбор разрозненных записей и полная реконструкция отдельных деревень. Любой, кто пытался выполнить это упражнение, может засвидетельствовать, что риск ошибки очень велик, и мы можем быть уверены, что для самих переписчиков "Страшного суда" он был не меньшим. Мы не часто можем проверить точность "Страшного суда" путем сравнения с другими документами, но нескольких случаев, когда это возможно, достаточно, чтобы разрушить всякую веру в буквальную непогрешимость великой летописи. Работа была выполнена под большим давлением и с опозданием, и мы не должны придираться к ее случайным неточностям.

"Книга страшного суда" в том виде, в каком мы ею располагаем, состоит из двух томов: второй, известный как "Малый Страшный суд", посвящен Эссексу, Норфолку и Саффолку, а первый содержит обзор остальной Англии. Эти два тома сильно отличаются по плану и трактовке. В Эссексе и Восточной Англии переписчики максимально точно следовали указаниям, которые мы процитировали на странице 458. Они перечисляют поголовье в нескольких поместьях с обилием подробностей, которые вполне оправдывают жалобу "Хроник Питерборо" на то, что не было ни одного быка, ни коровы, ни свиньи, которые не были бы указаны в королевском указе. Именно из обзора этих графств мы также черпаем большую часть нашей информации о различных типах и условиях жизни мужчин, их

трудовых отношениях и личном статусе. Но это богатство деталей сопровождается значительной неточностью исполнения, и в первом томе "Страшного суда" план иной. При составлении "Великого судного дня" переписчики отказались от идеи полностью переписать первоначальные отчеты и ограничились их *кратким* изложением; детали, которые были собраны об овцах и лошадях, отброшены за борт, и весь обзор составлен в более сжатых рамках. Наиболее разумным объяснением этого изменения является то, что так называемый второй том Domesday представляет собой первую попытку кодификации возвратов^[338]; что результат был признан слишком подробным для практических целей, и что вследствие этого было принято более сжатое изложение первого тома. Том, объединяющий Эссекс, Норфолк и Саффолк, содержит 450 листов, и даже Завоеватель, возможно, был бы потрясен результатами своего исследования, если бы все тридцать графств Англии были описаны в одном масштабе. Какой бы ни была причина, изменение сопровождается заметным улучшением качества изготовления и практичности.

“Первый” том "Судного дня" содержит 382 листа, и его расположение заслуживает внимания. В обычном порядке обзор проводится по всей Англии от Кента до Корнуолла; первые 125 листов тома фактически являются описанием графства Уэссекс. Далее, снова начиная с востока, описываются графства между Мидлсексом и Херефордширом; за ними следует обзор графств северного Мидленда от Кембриджшира до Уорика, по-прежнему следуя надлежащему порядку с востока на запад. За Уориком следует Шропшир, поскольку Вустершир принадлежит ко второму поясу Domesday, а остальная часть исследования продвигается с запада на восток от Шропшира до Ноттса, Йоркшира и Лестершира, завершая рассказ. В целом границы графств те же, что и в наши дни, но части Уэльса включены в состав Глостера, Херефорда и Беркшира; земли “между Рибблом и Мерси” образуют своего рода придаток к Йоркширу, а Ратленд в 1086 году еще не имел полного статуса графства. Не совсем легко объяснить, почему Domesday останавливается на тройниках и Риббле. В то время Камберленд и Уэстморленд действительно считались частями Шотландского королевства, но Нортумберленд и Дарем, несомненно, были английскими. Возможно, в последние годы они были слишком измотаны, чтобы стоить труда по обследованию; возможно, в этой дикой и беззаконной стране попытка провести обследование привела бы к чему-то большему, чем местные беспорядки. В любом случае, упущение "Судного дня" - это наша потеря, поскольку именно на крайнем севере древнеанглийское владычество просуществовало дольше всего; мы могли бы пожелать получить их описание во времена Завоевателя и составить его по тому же плану, что и имеющиеся у нас полные отчеты о феодализованном юге.

По всей Англии писцы, насколько это было возможно, придерживались последовательного плана при составлении деклараций по каждому графству. В качестве типичного примера подойдет случай Оксфордшира. Здесь, как и почти в каждом графстве к северу от Темзы, в первую очередь рассматривается окружной город; интересное описание Оксфорда занимает полтора столбца. Остальную часть фолианта занимает список всех жителей графства, которые владели землей в ведении короны, составленный и пронумерованный в том порядке, в каком их поместья указаны в основной части обзора. Шкала очередности, принятая составителями "Страшного суда", заслуживает замечания, поскольку она по существу совпадает с порядком, который мы находим в списках свидетелей торжественных хартий того времени. Первым идет король в случае с каждым графством, в котором он владел землей. Затем следует группа духовных арендаторов, владеющих им в пределах графства, сначала архиепископы, затем епископы, затем аббаты, или, скорее, аббатства, поскольку существует тенденция передавать земли, принадлежащие религиозному дому, самому фонду, а не его главе. Среди мирян графы стоят на первом месте, иностранные графы

ставятся в один ряд с их английскими представителями, одно и то же латинское слово (*comes*) выражает оба титула. Затем следуют различные "бароны", не отличающиеся никакими признаками ранга, которые, конечно, составляют большее число главных арендаторов в любом графстве, и, наконец, в большинстве графств владения ряда людей более низкого ранга объединены под одним заголовком как "земли королевских слуг, сержантов или дворян". Возвращаясь к случаю с Оксфордширом, мы находим короля, как всегда, первым в списке. За ним следуют архиепископ Кентерберийский и епископы Винчестерский, Солсберийский, Эксетерский, Линкольнский, Байе и Лизье, которым, в свою очередь, наследовали аббатства Абингдон, Баттл, Уинчкомб, Пре, церковь Сен-Дени в Париже и каноники Сент-Фридсвайд в Оксфорде. Граф Хью Честерский стоит первым среди мирян "комитального" ранга, за ним следуют графы Мортен и Эвре, граф Обри Нортумбрийский и граф Юстас Болонский. Затем идут бароны, числом двадцать три в Оксфордшире, чей порядок в списке, по-видимому, определяется не более чем призрачной идеей переписчиков сгруппировать их в соответствии с начальной буквой их дополнительных имен. Ближе к концу список становится немного разнообразнее; появляются три знатные дамы: Кристина, сестра Эдгара Этелинга; графиня Джудит, вдова Уолтхофа; и дама, которую расплывчато называют "женой Роже де Иври", в результате чего общее число достигает пятидесяти пяти. Затем следует другой барон, Хаскуит Мусард, крупный землевладелец из Глостершира, чьи владения в Оксфордшире, по-видимому, остались незамеченными переписчиками, поскольку они втиснуты в нижнюю часть двух томов обзора. За ним следует Туркилл из Ардена, англичанин, который был могущественен в Уорикшире, но владел только одним поместьем в Оксфордшире, описание которого следует за "землей Ричарда Энгейна и других тиг". Ричард Энгейн был королевским егерем и нормандцем, как и многие его товарищи, но примерно половина имен, внесенных в этот всеобъемлющий заголовок, безошибочно являются английскими, и, что достаточно характерно, они указаны в группе после представителей расы завоевателей. Пятьдесят девятый и последний заголовок в этом разнообразном списке гласит: "Эти земли принадлежат гонорару графа Уильяма", формула, которая объясняется тем фактом, что поместья, указанные в нем, принадлежали графу Уильяму Фиц Осберну, который, как мы знаем, был убит во Фландрии в 1071 году, а его сын и наследник был лишен наследства в 1075 году. Итак, мы видим, что, хотя арендаторы графа потеряли своего непосредственного господина в результате его конфискации, они не были признаны главнокомандующими короной, но были разделены на группы в ожидании более поздней феодальной практики, согласно которой арендаторы большого феода или почестей, находящихся в королевских руках, считались держащимися скорее за свою честь, чем за самого короля.

В настоящей главе мы в основном рассматривали "Книгу Страшного суда" с ее собственной точки зрения как финансовый регистр, но для большинства изучающих ее реальная ценность заключается в уникальном свете, который она проливает на юридические и социальные древности, а также на личную историю людей эпохи Завоевания. В этом последнем отношении различные части исследования ни в коем случае не имеют равной ценности. Место, отведенное каждому округу в Domesday, было определено исключительно по прихоти переписчиков; округам примерно одинаковой площади отведены совершенно разные пределы места в записи. В равной степени благодаря действиям переписчиков количество социальных и личных данных превышает необходимый минимум требуемой фискальной информации, которая включена в описание каждого округа. Обзоры Berkshire и Worcestershire, например, представляют собой многосторонние отчеты, которые проливают свет на каждый аспект истории того времени; в то время как, с другой стороны, для округов Дейнло финансовый скелет отчета остается голым и безжизненным; мы получаем столбцы статистики и мало что еще. Интерес к "Страшному суду", конечно, значительно возрастает,

когда мы можем дополнить его детали информацией, почерпнутой из каких-либо других записей того времени; например, Бакингемшир, в графстве которого в 1086 году не было религиозного дома, находится в невыгодном положении по сравнению с Беркширом, где местная история Абингдонского аббатства дополняет общую летопись и дает жизнь, по крайней мере, некоторым людям, имена которых и ничего больше, написаны на ее страницах. Помимо этого случайного источника света, "Страшный суд" передает часть своей наиболее ценной информации, когда фиксирует спор между двумя арендаторами относительно владения землей или отмечает новые "обычаи", сборы за проезд и так далее, которые были введены после Завоевания, поскольку тогда мы можем искать какое-то изложение местных обычаев или некоторую реконструкцию "status quo ante conquestum". И это, естественно, приводит к последнему разделу нашей нынешней темы - правовой теории, лежащей в основе "Книги Страшного суда".

Из всех наших рассказов о Завоевании совершенно ясно, что король Вильгельм считал себя и был полон решимости, чтобы его считали законным преемником своего кузена короля Эдуарда; он был истинным наследником как по крови, так и по завещанию. К несчастью, злые люди узурпировали его наследство, так что он был вынужден вернуть его силой и оружием; граф Уэссекс присвоил себе титул короля, и вся нация молча согласилась с его незаконным правлением. Но исход битвы был вынесен в пользу Вильгельма; великие люди королевства признали его королем и должным образом короновали; с его стороны было бы не более чем справедливо лишить наследства каждого англичанина как такового за его молчаливый или открытый мятеж. Более того, даже после того, как он был принят как король, его мятежные подданные во всех частях страны восстали против него; они справедливо утратили все права на его королевскую милость; их земли в силу этих неоднократных изменений перешли в его полное распоряжение. Некоторые подобные идеи лежат в основе той "великой конфискации", о которой Фримен, по сути, писал в "Страшном суде", и из них вытекают два важнейших вывода. Первое заключается в том, что времена короля Эдуарда, эта фраза, которая встречается нам на каждой странице "Судного дня", были последним периодом хорошего законодательства в стране; если какой-либо человек претендует на права или привилегии по давности, он должен ссылаться на то, что они были разрешены и приняты при последнем короле из древнего местного рода. Точно так же, как его подданные зывали к "закону короля Эдуарда" как к системе правления, при которой они хотели бы жить, так и для самого короля эти слова выражали проверку законности, которая должна была применяться к любым правам, возникшим до его личного предоставления. Редко "Страшный суд" относится к кому-либо из королей до Эдуарда; правление Завоевателя уже стало пределом юридической памяти; никогда, за исключением непреднамеренности, оно не относится к правлению Гарольда по имени. И затем, во-вторых, тот, кто хочет доказать законное владение своей землей, должен в последнем случае полагаться на "предписание и печать" короля Вильгельма. Весь смысл "Страшного суда", по-видимому, подразумевает, что все англичане как таковые считались лишенными наследства в результате Завоевания. За исключением земель Бога и его Святых, вся Англия принадлежала королю; то, как он мог распорядиться своим огромным наследством, зависело исключительно от его собственной воли. Если бы ему было угодно разрешить англичанину владеть его собственными или чужими землями, это было бы делом чистой воды благосклонности, и Теркилл из Уорика и Колсвегн из Линкольна не могли бы предложить никакого другого титула, кроме того, который закреплял их феодалы за окружавшими их нормандскими баронами. Но затем следует принцип, который прежде всего отличает нормандское завоевание— если Вильгельм вступил в законное владение в точном соответствии с положением местных королей, которые были до него, то каждый из его баронов в каждом из его поместий должен быть точным законным преемником, "наследником" англичанина, которого он вытеснил. Термин,

используемый Domesday для обозначения отношений старого и нового домовладельцев, наводит на размышления: англичанин - это *предшественник* норманна, слово, которое мы неадекватно переводим только как бесцветный “предшественник”. Вероятно, мы правы, называя нормандское завоевание единственным катастрофическим изменением в нашей социальной истории, но пока это изменение было неформальным; оно происходило под поверхностью закона; терминология "Страшного суда" свидетельствует о попытке привести социальные условия 1086 года к формулам, которые были бы уместны во времена короля Эдуарда. Когда нам говорят, что во времена короля Эдуарда в такой-то деревне было десять поместий или что раньше в определенном поместье жило двадцать вилланов, а сейчас их всего шестнадцать, мы можем серьезно усомниться в том, были ли термины “манор” и “виллен” известны в Англии до Завоевания, и все же мы можем признать, что использование этих слов по отношению ко дню Исповедника само по себе очень важно. Король Вильгельм как законный наследник короля Эдуарда желает последовательно действовать как таковой, насколько это возможно; его писцы в своей терминологии затрагивают непрерывность социальной истории, которой не существует.

Пожалуй, ничто не могло бы быть более наглядным для этих принципов, чем несколько выдержек“ взятых из линкольнширских "Крикунов— - изложения различных спорных требований, которые выявились в ходе опроса, и протокола их урегулирования присяжными в судный день. Следующие данные выбираются случайным образом в том порядке, в котором они введены в Domesday:

Кэндлсу вапентейк говорит, что Иво Тайллебуа должен получить то, на что он претендует в Эшби против графа Хью, а именно одну мельницу и один боват земли, хотя весь участок принадлежит Грейнхэму.

“Что касается двух участков земли, на которые Роберт Диспенсатор претендует против Гилберта де Ганда в Скренби через Виглака, своего предшественника [*предшественника*], в wapentake говорится, что у последнего был только один участок, и большая его часть принадлежала Бардни. Но Виглак уступил эту землю своему лорду Гилберту, и поэтому, согласно свидетельству очевидца, у Роберта там ничего нет.

“В том же Скренби Четелберн предъявляет один иск против Гилберта де Ганда через Годрика [но присяжные] говорят, что у него была только половина участка, и большая его часть принадлежала Бардни, и требование Четелберна несправедливо согласно wapentake, потому что его предшественник конфисковал землю. Жители Кэндлшоу-вапентак с согласия всего Райдинга говорят, что Сивате, Алнод, Фенчел и Ашель поровну разделили землю своего отца между собой во времена короля Эдуарда и удерживали ее так, чтобы, если возникнет необходимость служить королю и Сивате сможет уйти, другие братья помогали ему. За ним пошел следующий, и Сивате, и следующий помогал ему, и так далее по отношению ко всем, но Сивате был человеком короля”.

В этих отрывках очень ясно показана действительная работа следствия в Судный день. Во-первых, мы видим, что все действительно сводится к этим древним местным собраниям - вапентак и сотне судов. Они не только предоставляют необходимую информацию через представителей присяжных заседателей комиссарам, но и именно их вердиктом последние руководствуются в своих заявлениях по спорным искам. Если Иво Тайллебуа получит свою долю в этой мельнице и участке земли в Эшби, то это будет потому, что вапентейкский суд Кэндлшоу присвоил ее ему, а не графу Честеру. У этой простой процедуры большое будущее; если король сможет заставить местные суды выносить приговоры под присягой своим

должностным лицам, то в особых случаях он может своей милостью разрешить частным лицам использовать эти органы таким же образом. Дознание в судный день - благородный предок "судебных присяжных" Плантагенетов, а через них, по прямой линии, и присяжных в их совершенной форме. Но действия местных судов становятся вдвойне значимыми, когда мы вспоминаем их состав. Дела величайших людей страны, самого короля, обсуждаются очень скромными людьми, людьми, как мы видели, тщательно отобранными таким образом, чтобы представлять как французов, так и англичан. Нет ничего более полезного для исправления преувеличенных представлений о разделении и враждебности двух рас, чем должное воспоминание о роли, которую обе сыграли в расследовании "Судного дня".

Не менее важным является уважение, которое явно уделяется в приведенных выше обсуждениях строгим формам права, в частности английскому праву. В ходе нашего простого изложения не возникает никаких сложных проблем, но мы можем видеть, что нормандскому барону часто приходится отстаивать или отвергать свои притязания в соответствии с интерпретацией какой-либо древнеанглийской правовой доктрины. Мы знаем из других источников, что хитросплетения правил, которые во времена короля Эдуарда определяли права и статус свободных людей, стали предметом удивления для людей двенадцатого века, и мы можем подозревать, что комиссары Судного дня часто испытывали искушение разрубить эти устаревшие узлы. Но, насколько это практически возможно, они утверждают, что нормандец должен унаследовать только юридическое положение своего английского "предшественника"; Роберт Диспенсатор не может претендовать на землю, которая была конфискована Виглаком Жильберу де Ганду.

Наконец, всегда возникает искушение забыть, что между смертью короля Эдуарда и созданием "Обзора Страшного суда" прошло двадцать лет. Наше внимание естественно и справедливо сосредоточено на великой перемене, заменившей английский класс землевладельцев норманнами, так что мы склонны игнорировать борьбу, которая, должно быть, происходила между самими завоевателями при разделе добычи; борьбу, не менее реальную, потому что, насколько мы можем видеть, она велась в рамках закона. Смерть и конфискация наложили свой отпечаток на нормандское баронство; состав "Книги страшного суда" был бы совсем другим, если бы запись была составлена на дюжину лет раньше. Но даже помимо этого, было неизбежно возникновение трений внутри массы нормандской знати по мере того, как она занимала свое положение на завоеванной земле. Расследование "Страшного суда" предоставило прекрасную возможность для изложения и согласования противоречивых утверждений, и примеры, как правило, можно найти на каждой нескольких страницах "Книги страшного суда".

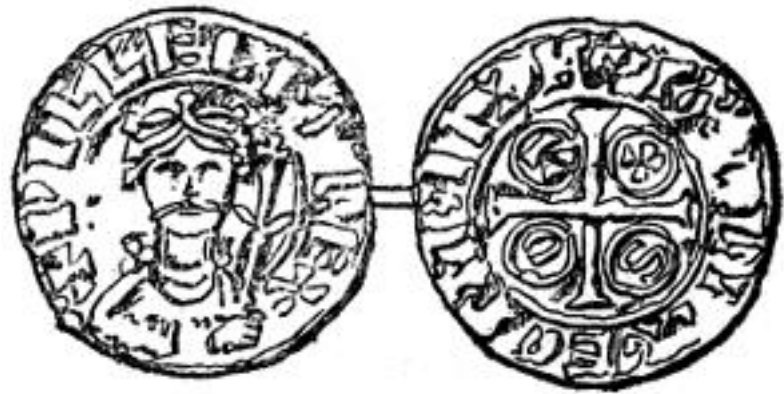
Последний момент в связи с исследованием, требующий особого внимания, - это происхождение названия, под которым оно общеизвестно. "Книга страшного суда" явно не является официальным названием; это популярное название, значение которого не вполне свободно от сомнений. Официально эта запись была известна как "Винчестерская книга" по названию города, в котором она хранилась; она была процитирована под этим названием, когда аббат Абингдона в царствование Генриха I. Доказал этим изъятием некоторых из его поместий у суда сотен Пиртона, Оксфордшир. Лучшее объяснение его другого, более известного названия можно дать словами Ричарда Фиц Нила, писавшего при Генрихе II.:

"Туземцы называют эту книгу "Domesdei", что метафорически означает "судный день", ибо, поскольку приговор этого строгого и ужасного последнего испытания невозможно обойти никакими уловками, поэтому, когда возникает спор по поводу того, что написано в этой книге, с ней советуются, и ее приговор нельзя ни оспорить, ни отклонить с уверенностью".^[339]

В целом это объяснение, вероятно, близко к истине. Мы вполне можем поверить, что простым людям того времени это строгое, доскональное расследование их скромных дел могло показаться намеком на последний великий день расплаты. Рассматриваемое в этом свете название приобретает особый интерес; оно является постоянным свидетелем невольного удивления, вызванного созданием этого величайшего произведения короля Вильгельма и нашего высочайшего послужного списка.

Пенни Вильгельма I.

Пенни Вильгельма I.

Генеалогические таблицы

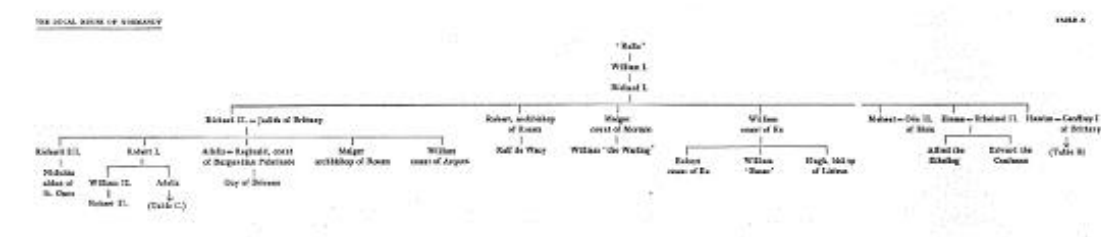

Таблица А: Герцогский дом Нормандии. [Транскрипция]

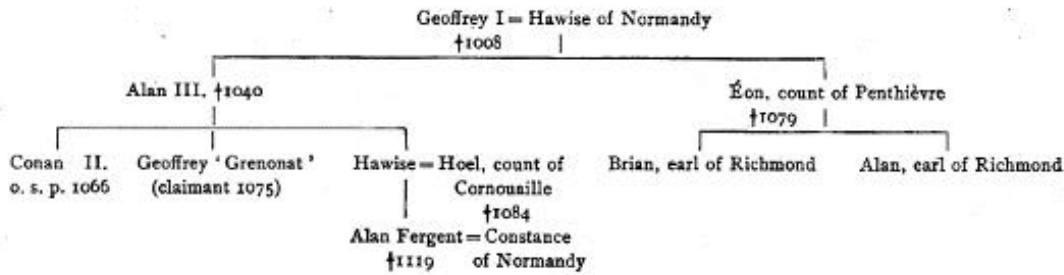

Таблица А: Графы Бретани. [Транскрипция]

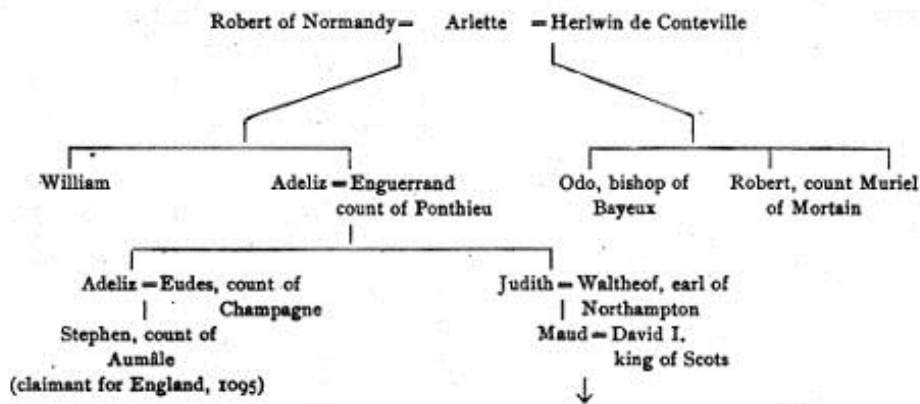

Таблица С: Потомки Арлетт. [Транскрипция]

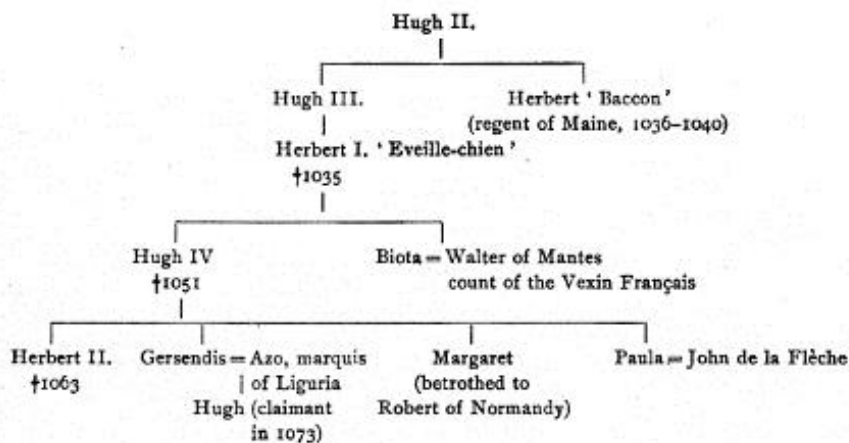

Таблица D: Графы штата Мэн. [Транскрипция]

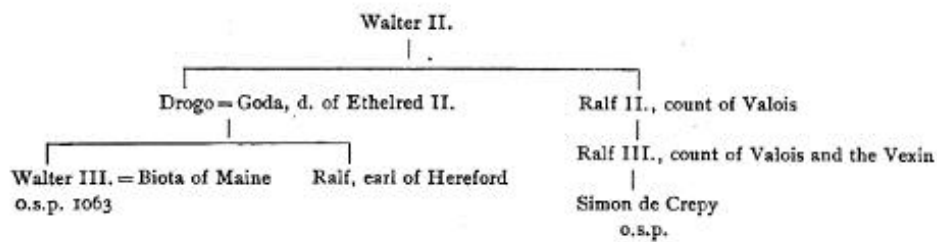

Таблица Е: Количество Вексин. [Транскрипция]

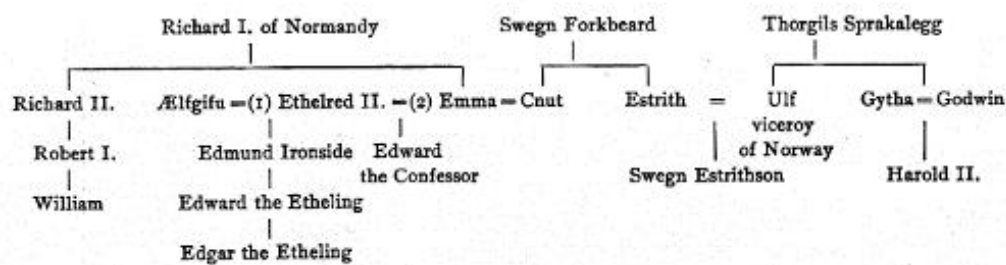

Таблица F: Наследование в 1066 году [\[Транскрипция\]](#)

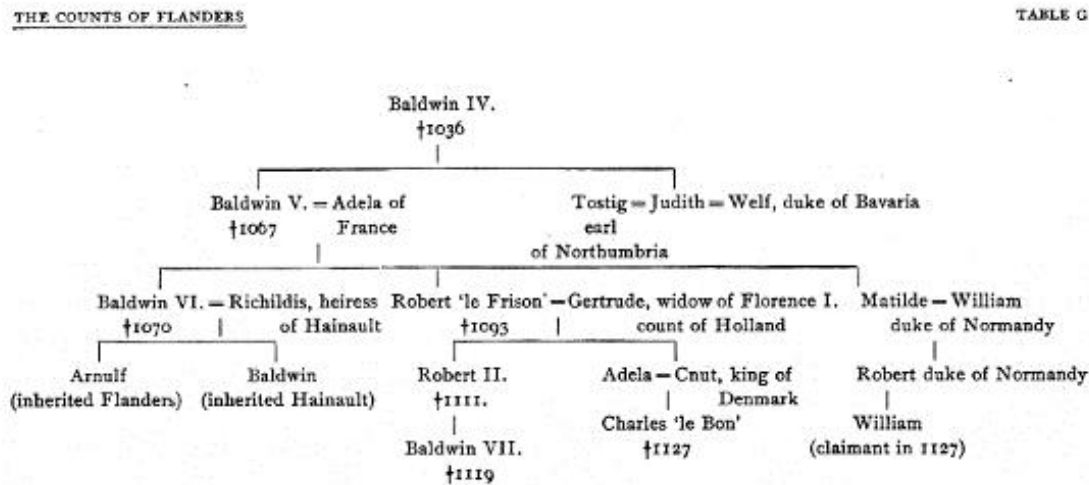

Таблица G: Графы Фландрии [Транскрипция]

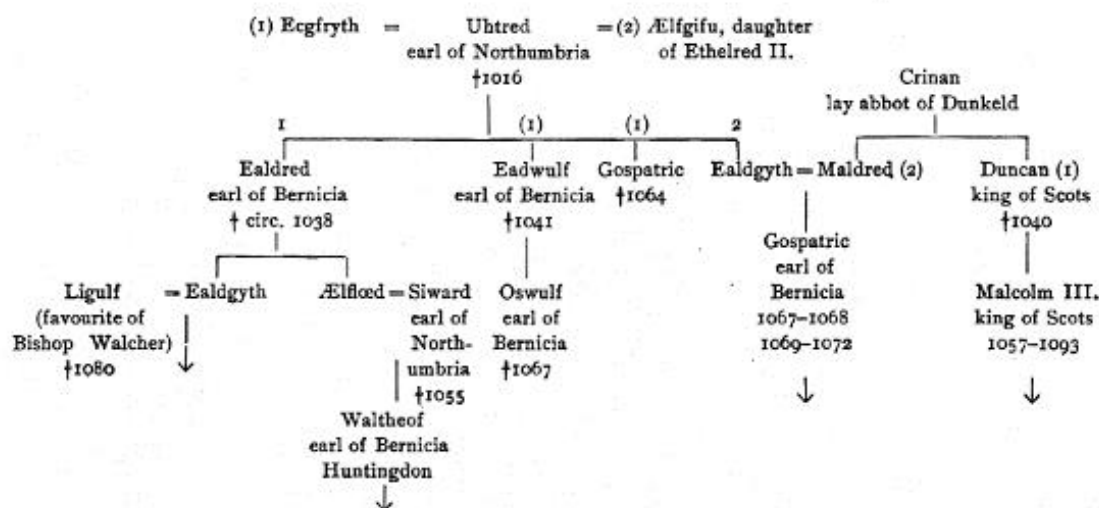

Таблица Н: Графы Нортумбрии [Стенограмма]

Конечное Дело

Сноски

1. Из каталога английских монет Британского музея, Англосаксонская серия.
2. Из Книги Артура Энгеля и Раймонда Серрюра "Нумизматика эпохи Муайен".
3. Из справочника монет Великобритании и Ирландии в Британском музее.
4. Границы Данелау в полном объеме подтверждаются некоторыми списками графств XII века, которые делят Англию на "Вестсексенелаж", "Мирченелаж" и "Данелаж". Что касается более ранних времен, территория Пяти округов ограничена налоговыми особенностями, описанными ниже (глава XII), а королевство Нортумбрия в значительной степени соответствует Йоркширу, описанному в Книге Страшного суда, но очень неясно, насколько далеко королевство Гутрума простиралось на запад после его окончательного заключения мира с Альфредом. Лондон был присоединен к Уэссексу, но граница, похоже, никоим образом не совпадала с более поздним разделением графств.
5. См. Ниже, главу XII.
6. Чедвик, Исследования в англосаксонских институтах, глава v.
7. Чедвик, указ. соч.
8. Мейтленд, "Книга страшного суда и не только", 167.
9. Смотрите отчет о совете в Бретфорде ниже, на странице 61.

10. См. Пламмер, "Жизнь и времена Альфреда Великого", 67.
11. "Неготовый" здесь обозначает A. S. *unrædig*— "лишенный совета" — и применяется к Этельреду из-за его независимости от советов витана.
12. E. H. R., vii., 209.
13. См. Экеля, Шарля ле Симпла.
14. Это отождествление нельзя считать определенным. См. Флодоард, изд. П. Лауэр.
15. Основные черты нормандского общества в XI веке в общих чертах описаны Поллоком и Мейтлендом в книге "История английского права", i, глава iii, на которой основан следующий очерк.
16. Скудные свидетельства, которые существуют по этому вопросу, обобщены Поллоком и Мейтлендом, Его Превосходительство, глава iii., и Хаскинсом, E. H. R., октябрь 1907г.
17. Смотрите по этому поводу Ф. Лота, "Фиделес оу Вассо".
18. See Histoire Général de France, Les Premiers Capetiens, p. 90; also Sœhnée, Catalogue des Actes d'Henri Ier No. 38.
19. See Bohmer's Kirche und Staat in England und in der Normandie, 20.
20. Самый полный отчет о правлении Кнута дан Фрименом. Нормандское завоевание i, глава vi. Фримен был склонен недооценивать ценность скандинавских свидетельств и, следовательно, рассматривал правление Кнута почти исключительно с английской точки зрения.
21. Ознакомьтесь с жизнеописаниями графов Эрика и Эглафа в примечаниях к Хартии Кроуфорда, № xii.
22. П. и М., i., 20.
23. Самое недавнее подробное обсуждение этого эпизода содержится в книге Пламмера "Две саксонские хроники", ii. Попытка Фримена обвинить Годвайна в соучастии была отмечена крайне произвольным отношением к современным властям.
24. Хеймскрингла, пер. Моррис и Магнуссон, том iii., стр. 10.
25. Указ. соч., стр. 181.
26. Это обязанность "госпитализации", освобождение от которой часто предоставлялось в англо-нормандских хартиях.
27. Свеген, старший сын Годвина, отправился в паломничество в Иерусалим и умер на обратном пути.
28. Смотрите карту графств 1066 года, приведенную Фрименом, Norman Conquest, ii.
29. В следующем поколении бытовало предание, что Госпатрик был убит королевой Эдит от имени своего брата Флоренс Вустерской в 1065 году.
30. История Виктории в Нортгемптоншире, i, 262-3.

31. Помимо будущего Завоевателя, у Роберта и Арлетт родился еще один ребенок — дочь по имени Аделиз, вышедшая замуж за графа Ангеррана Понтье; а после смерти Роберта сама Арлетт стала законной женой нормандского рыцаря по имени Херлвин Контевильский, два сына которого, Одо, епископ Байе, и Роберт, граф Мортен, сыграли значительную роль в последующей истории.
32. Ральф Глабер, iv., 6.
33. *De la Borderie*, Histoire de Bretagne, iii., 8–12.
34. Раунд, Календарь документов, сохранившихся во Франции, 526.
35. Этот грант основывается исключительно на авторитете Ordericus Vitalis, но он принят Flach, *Les origines de l'ancienne France*, 528-530.
36. Место проведения этого собора описано только Уильямом Малмсберийским, *Gesta Regum*, ii., 285.
37. Ordericus Vitalis, iii., 431.
38. Среди современников, совершивших это путешествие, можно упомянуть графа Фулька Нерру Анжуйского и архиепископа Элдреда Йоркского.
39. Ordericus, ii., 369. Tutorem sui, Ducis.
40. *Gesta Regum*, ii., 285.
41. *Gesta Regum*, ii., 285. “Normannia fiscus regalis erat.” Генри Хантингдонский, 189 год.
42. Таково мнение Люшера, *Монархические институты*, ii., 17.
43. Вильгельм Жюмьежский, vii., 3.
44. Круглый календарь документов, сохранившихся во Франции, № 37.
45. Круглый, Календарь, № 251.
46. Люшер, *Монархические институты*, ii., 233.
47. Это очень решительно утверждается Фрименом, ii., 201, и подразумевается Люшером, “Капитанские премьеры”, 163.
48. Вся история поездки герцога из Валони в Фалез основана исключительно на авторитете Уэйса и приводится здесь только в соответствии с традицией.
49. Топография битвы заимствована из Wace.
50. Вильгельм из Пуатье, 81 год.
51. Ордрик Виталис (iii., 342) указывает на продолжительность нынешней осады по сравнению со взятием Бриона за один день Робертом Нормандским в 1090 году. Но невозможно согласиться с его заявлением о том, что сопротивление Ги Бургундского затянулось на три года.
52. William of Poitiers, 81: “Bella domestica apud nos in longum sopivit.”
53. В несовершенно феодализованном государстве Англии, по-видимому, возобладала более строгая доктрина: смотрите о случае Уолтхофа ниже, стр. [338](#).[338](#).

54. Это не опирается на лучший авторитет, чем Уэйс. Мы знаем с большей уверенностью, что земли, которых лишился Гримбальд, были пожалованы Вильгельмом престолу Байе, епископом которого Одо, брат герцога, стал в 1048 году. История. Откр., xxii., 644.
55. “Vicissitudinem post hæc ipse Regi fide studiosissima reddidit.”
56. Вильгельм из Пуатье, 82 года.
57. Вильгельм из Пуатье, 82 года.
58. Вильгельм из Пуатье, 87 лет.
59. Вильгельм из Пуатье, 88 лет.
60. Вильгельм Жюмьежский, vii., 18.
61. Вильгельм Жюмьежский, vii., 18. Присягу герцога дает Уэйс: Роман де Ру, 9468.
62. Вильгельм из Пуатье, 89 лет.
63. Вильгельм Жюмьежский, vii., 19.
64. Вильгельм Жюмьежский, vii., 20.
65. Визит Вильгельма в Англию в 1051 году будет рассмотрен ниже, в главе IV, в его отношении к общему вопросу об английском престолонаследии.
66. Вильгельм из Пуатье, 92 года.
67. Это определенно утверждает Уильям Малмсберийский.
68. Смотрите в этом эпизоде, Раунд, Феодальная Англия, 382-385.
69. Страница 95.
70. Вильгельм Жюмьежский, vii., 7.
71. Labbè Concilia, xi., 1412.
72. Например, Freeman, N. C., iii., 92.
73. Граф Болдуин III принял титул маркиза на монетах, которые он выпустил.
74. Вита Эдварди (R.S.), 404.
75. Страница 97. По этому вопросу существует противоречие свидетельств того, что Вильгельм Жюмьежский, авторитет которого уступает лишь авторитету Вильгельма Пуатье, определенно утверждает участие Джеффри в кампании. См. Халфен, Графство Анжу, 77. С другой стороны, хотя не следует слишком настаивать на аргументации, основанной на молчании Вильгельма Пуатье, условия мирного договора 1053 года (см. Ниже), безусловно, предполагают, что король считал Джеффри виновным в нарушении феодальных обязанностей, и более поздним авторам, таким как Ордерик, нельзя безоговорочно доверять в отношении подробной истории этого периода.
76. Вильгельм из Пуатье, 99 лет.
77. См. Примечание, стр. [112112](#).

78. Вильгельм Жюмьежский, vii., 25.
79. Смотрите "Законы Бретея" мисс М. Бейтсон, англ. Hist. Rev., хх.
80. Вильгельм из Пуатье, 99, 100 лет.
81. В хартии, собранной Round, Календаре документов, сохранившихся во Франции, № 1256, есть упоминание о рыцаре по имени Ричард, который смертельно заболел во время защиты пограничного поста Шатонеф-ан-Тимере в этой кампании.
82. Вильгельм из Пуатье, 101 год. Уэйс приводит топографические подробности.
83. Вильгельм Жюмьежский, vii., 28. Битва при Варавиле привела к отступлению короля, но спорадические войны продолжались до 1060 года. Вполне вероятно, что нормандские хронисты придавали битве большее значение, чем она имела на самом деле.
84. См. Халфен, Графство Анжу, стр. 133.
85. История штата Мэн в этот период недавно обсуждалась Флахом, "Происхождение древней Франции", том iii., стр. 543-9.
86. Местные власти Манселя мало что могут сказать о войне 1063 года, ход которой описан Вильгельмом Пуатье, 103 *и далее*.
87. Смотрите таблицу на странице [506506](#).
88. Круглый. Календарь документов, сохранившихся во Франции, № 937.
89. Риваллон был братом Юнкене, архиепископа Дола, чье присутствие при нормандском дворе во время несовершеннолетия Вильгельма было отмечено выше. Де ла Бордери, iii, стр. [отсутствует].
90. Вильгельм Пуатье (109-112) является единственным авторитетом в отношении этой войны, и он не называет дат. Он определенно утверждает присутствие Гарольда и его спутников в нормандской армии, и его повествование не содержит ничего несовместимого с соответствующими сценами на гобелене из Байе. Война, вероятно, была направлена на установление нормандского сюзеренитета над Бретанью, и восстание Риваллона Долского, вероятно, дало Вильгельму такую возможность. De la Borderie, Histoire de Bretagne, iii., p. [missing].
91. Шартрские каноники отпраздновали его некролог 11 декабря, что обесценивает историю из "Вильгельма Жюмьежского" о том, что Конан был отравлен сторонником Вильгельма. Если бы Уильям захотел убить Конана, последний, несомненно, умер бы до того, как Уильям отплыл в Англию.
92. Схема политики, которую Грин ("Завоевание Англии", 522-524, изд. 1883) разработал в отношении их брака, основывается на этом предположении.
93. Стихотворение из Вустерской хроники, 1057 год.
94. Vita Eadwardi Confessoris (R. S.), 410.
95. Вустерская хроника, 1042 год: "Весь народ избрал Эдуарда и признал его королем, поскольку это принадлежало ему по праву рождения".
96. Чедвик, Исследования в англосаксонских институтах, Экскурс iv., стр. 355.

97. Единственный современный отчет о клятве Гарольда, которым мы располагаем, - это отчет Вильгельма Пуатье (ред. Джайлс, 108). Согласно этому, Гарольд поклялся (1) быть представителем Вильгельма (*викарием*) при дворе Эдуарда; (2) добиваться признания Вильгельма королем после смерти Эдуарда; (3) тем временем заставить Дуврский замок принять нормандский гарнизон и построить другие замки, которыми герцог мог бы командовать в своих интересах. В более позднем отрывке Вильгельм Пуатье утверждает, что герцог хотел женить Гарольда на одной из своих дочерей. Во всем этом нет ничего невозможного, и предполагать вместе с Фрименом, что прием нормандского гарнизона в замок, вверенный заботам Гарольда, был бы актом государственной измены, - значит вынашивать гораздо более поздние политические идеи в сделке XI века. Уильям был родственником Эдуарда, и у нас нет оснований предполагать, что король отнесся бы с неодобрением к поступку, который дал бы его кузену возможность заявить о своих притязаниях на престолонаследие, которые, есть все основания полагать, он сам санкционировал двенадцать лет назад.

98. Vita Edwardi Confessoris (R. S.), 432.

99. Вильгельм из Пуатье, 123 года.

100. Уильям Малмсберийский, Gesta Regum, ii., 299.

101. Заявление о том, что Вильгельм обещал, в случае успеха, сделать Англию вотчиной папства, сделано не кем иным, как Уэйсом, который не обладает авторитетом в подобных вопросах.

102. Monumenta Gregoriana.

103. Раунд, Джеффри де Мандевиль, 8.

104. Вильгельм из Пуатье, 124 года.

105. Уильям Малмсберийский, Настоящий король.

106. Приведенный ниже список напечатан Джайлзом в качестве приложения к Brevis Relatio. Скриптории, стр. 21.

107. Guy of Amiens, 34: "Appulus et Caluber, Siculus quibus jacula fervet."

108. Кингсли, "Поминки по Хирварду", изд. 1889, стр. 368.

109. Это было окончательное мнение Фримена. Северная Каролина, iii., 625.

110. Флоренс Вустерская, 1066 год.

111. Ordericus Vitalis, ii., 120.

112. Хроники Абингдона, Питерборо и Вустера, 1066 год.

113. Иоанн Оксенедский, монах святого Бенета Холмского, живший в XIII веке, утверждает, что Гарольд доверил защиту побережья Эльфвольду, настоятелю этого дома. Выбор аббата из Восточной Англии наводит на мысль, что его назначение было задумано как мера предосторожности против скандинавской опасности.

114. См. Введение выше, стр. 48.

115. Хеймскрингла, стр. 165.

116. Симеон Даремский, 1066 год.
117. Этот эпизод является последней записью в абингдонской версии Хроники и описан на северном диалекте.
118. Круглый календарь документов, сохранившихся во Франции, № 1713.
119. Вильгельм из Пуатье, 122 года.
120. W. P., 123. "Turmas militum cernens, non exhorrescens."
121. Гай Амьенский, изд. Джайлс, 58 лет.
122. Уильям Малмсберийский, Gesta Regum, ii., 300.
123. Вильгельм из Пуатье, 125 лет.
124. Вильгельм из Пуатье, 126 лет.
125. Хроника Абингдона, 1066 год.
126. Guy of Amiens: "Diruta quae fuerant dudum castella reformas; Ponis custodes ut tueantur ea."
127. W. P.: "Нормальное предлежание полового члена, altera Hastings occupavere".
128. Посмотрите на эту точку зрения, Феодальная Англия, 150-152гг.
129. Вильгельм из Пуатье, 128 лет.
130. Реальная численность Уильяма, вероятно, составляла от шести до семи тысяч человек.
131. Смотрите перефразировку этого отрывка в Романа де Ру, Фримен, Северная Каролина, iii., 417.
132. Guy of Amiens, p. 31: "Ex Anglis unus, latitans sub rupe marina Cemit ut effusas innumeras acies. Scandere currit equum; festinat dicere regi."
133. Гаймар, Английская история, R. S., i., стр. 222. Гаймар писал в двенадцатом веке, но он следовал утерянной копии "хроники А.С."
134. Для хронологии кампаний при Стэмфордбридже и Гастингсе здесь приведены даты, приведенные Фрименом.
135. Вустерская хроника, 1066 год: "Он привел его к евреям в харран апулдран".
136. Утверждение о том, что Гарольд еще больше укрепил свои позиции, построив перед ними частокол, основывается исключительно на неясном и, вероятно, искаженном отрывке из Романа де Ру (строки 7815 и последующие). Помимо текстуальных трудностей, утверждение Уэйса не имеет никакого авторитета ввиду молчания как современных авторов, так и авторов следующего поколения. Что касается ни одной из многих ранних английских битв этого столетия, то у нас нет ни малейшего намека на то, что позиция армии была укреплена таким образом; и на практике Гарольду было бы нелегко собрать достаточно древесины для защиты фронта в 800 ярдов на бесплодной равнине, где он занял свою позицию. Негативное свидетельство гобелена из Байе имеет здесь особое значение, поскольку его создатель мог изобразить защиту того типа, который предлагался, когда он того желал, как в случае с битвой при Динане.

137. Шпатц, стр. 30, позволит Вильгельму собрать в общей сложности от шести до семи тысяч человек.

138. W. P., 133. “Cuncti pedites consistere densius conglobati”. Расположение английской армии на холме см. Baring, E. H. R., xx., 65.

139. Вполне вероятно, что выражения в некоторых более поздних источниках (*например*, WM, ii., 302, “pedites omnes cum bipennibus conserta ante se testudine”), из которых было выведено образование англичанами определенного щита или стены, означают не более этого. “Пограничное благополучие” более ранних англосаксонских войн также может быть объяснено как поэтическая фраза, обозначающая линию войск в сомкнутом порядке.

Посмотри Вокруг, Феодальная Англия, 360-366гг.

140. Этот факт, который должен обуславливать любой отчет о битве при Гастингсе, был впервые изложен доктором В. Шпатцем, “Die Schlacht von Hastings”, раздел v., “Taktik beider Heere”, стр. 34.

141. Этот момент убедительно подчеркивается в книге "Оман, История военного искусства".

142. Шпатц, стр. 29, использует этот факт, чтобы ограничить численность нормандской армии.

143. W. P., 132.

144. Гай Амьенский: “Левам Галли, декстрам петьер Британни. Dux cum Normannis dimicat in medio.”

145. W. P., 132.

146. Florence of Worcester, 1066: “Ab hora tamen diei tertia usque ad noctis crepusculum.”

147. Гай Амьенский. W. P., 133 года: “Что касается действий правительства”.

148. “Fugientibus occurrit et obstitit, verberans aut minans hasta.”—W. P., 134.

149. Bayeux tapestry scene: “Hic Odo episcopus, baculum tenens, confortat pueros.”

150. W. P., 134.

151. “Animadvertentes Normanni ... non absque nimio sui incommodo hostem tantum simul resistentem superari posse.”—W. P., 135.

152. “Normanni repente regirati equis interceptos et inclusos undique mactaverunt.”—W. P., 135.

153. “В конечном итоге мы поступим так же”.—Вильгельм из Пуатье, 135 лет.

154. “Languent Angli, et quasi reatum ipso defectu confitentes, vindictum patiuntur.”—W. P., 135.

155. Бэринг, Э. Х. P., xxii., 71.

156. “Jam inclinato die.”—W. P., 137. Crepusculi tempore. Флоренс Вустерская, 1066 год.

157. Бэринг, Э. Х. P., xxii., 69.

158. Гай Амьенский.

159. Смотрите "Уолтемский трактат", Об изобретении Святого Креста, изд. Стаббс. Уильям Малмсберийский, очевидно, был знаком с этой легендой.
160. Вполне вероятно, что Вульфнот был взят вместе с Гарольдом Ги Понтье и оставлен в Нормандии в качестве гарантии соблюдения клятвы своего брата Вильгельму.
161. Gesta Regum, R. S., 307.
162. Томас Стаббс, изд. Рейн; Историки Йоркской церкви, R. S., ii., 100.
163. Вильгельм из Пуатье, 139 лет.
164. Вильгельм из Пуатье, 139 лет.
165. Ги Амьенский, 607 лет.
166. Вильгельм из Пуатье, 140 лет.
167. Ги Амьенский, 617 лет.
168. Посольство в Винчестер упоминается только Ги Амьенским, который опускает все ссылки на болезнь Вильгельма, которая происходит от Вильгельма Пуатье. Гай, однако, размещает сообщение на этом этапе кампании.
169. Раунд, Джеффри де Мандевиль, 4.
170. Это явно подразумевается в заявлении Вильгельма Пуатье о том, что войска Вильгельма сожгли "quicquid edificiorum citra flumen invenere".
171. Вильгельм из Пуатье, 141 год.
172. "Вустерская хроника", за которой следует Флоренс Вустерская, 1066 год, утверждает, что Эдвин и Моркар покорились в "Беорчеме", но Вильгельм Пуатье, авторитет которого предпочтительнее в вопросах такого рода, подразумевает, что они не выражали своей верности до коронации. О географии, связанной с этими событиями, см. Baring, E.H.R. xiii., 17.
173. Вильгельм из Пуатье, 142 года.
174. Гай Амьенский, 687 и далее.
175. Вильгельм из Пуатье, 143 года.
176. "Vehementer trementem," Ordericus Vitalis, ii., 157.
177. Флоренс Вустерская, 1066 год.
178. Вильгельм из Пуатье, 147-8.
179. Этот судебный приказ был выдан в пользу некоего Регенбальда, который был канцлером короля Эдуарда. Она была напечатана издательством Round в Феодалной Англии в 422 году с замечаниями о ее историческом значении.
180. Монастикон, i., 383. *Смотри* также Раунд, Лондонская коммуна, 29.
181. Монастикон, i., 301. Дата, присвоенная здесь этим документам, текст которых в монастиконском издании очень ошибочен, является предметом умозаключений; но личные

имена, которые встречаются в них, позволяют предположить, что их следует отнести к самому началу правления Вильгельма.

182. Круглый календарь документов, сохранившихся во Франции, № 1423. См. также Лондонскую коммуну, 30.

183. Вильгельм из Пуатье, 148; Ордерик Виталис, ii., 165.

184. Хроника Питерборо, 1066. “И менн галдон хим гилд... и ситхан хеора, земля бохтан”. — Д. Б., ii., 360. “Hanc Terram habet abbas ... quando redimebant Anglici terras suas.” Сочетание этих утверждений привело Фримена к предложению, упомянутому в тексте.

185. Можно отметить, что существует несколько доказанных случаев, когда нормандский барон женился на дочери своего английского предшественника, так что в данном случае королевское пожалование иностранцу лишь подтвердило бы право последнего на владение наследством его жены.

186. D. B., i., 285 b. (Нормантон-он-Трент).

187. История Виктории в Нортгемптоншире, i, 324.

188. Часто печатается, *например*, Стаббсом, Select Charters, 82.

189. Предложено Раундом, Джеффри де МанDEVИЛЕМ, 439.

190. Ordericus Vitalis, ii., 167. Наемникам заплатили в Певенси перед отплытием Уильяма в Нормандию.

191. Хроника Питерборо, 1087 год.

192. Вильгельм из Пуатье (149) утверждает, что Уильям Фиц Осберн был оставлен во главе города “Гуента”, который описывается как расположенный в четырнадцати милях от моря, отделяющего англичан от датчан, и как пункт, где датская армия могла бы высадиться. Эти указания подразумевают, что Норвич (Venta Icenorum) был штаб-квартирой Фитца Осберна, хотя само название Guenta, естественно, относилось бы к Винчестеру (Venta Belgarum). Совместное регентство Одо и Вильгельма утверждается Флоренцией Вустерской в 1067 году, а фраза в “Вильгельме Пуатье” о том, что Фиц Осберн “тото регно Аквиллионем против прессета”, предполагает, что Темза была границей между его провинцией и провинцией Одо. О приоритете Фица Осберна в регентстве свидетельствует тот факт, что в указе, касающемся земель в Сомерсете, он соединяет свое имя с именем короля, обращаясь к магнатам графства. Сомерсетшир, безусловно, не входил в сферу его непосредственного управления в то время. Дополнительные ссылки на этот судебный приказ см. Ниже, глава XI.

193. Самый полный список имен приведен у Ордерика, ii., 167.

194. Вильгельм из Пуатье, 155 лет.

195. Ordericus Vitalis, ii., 170.

196. Симеон Даремский, под 1072 годом. Он утверждает, что Освульф лично убил Копсиджа в дверях церкви.

197. Симеон Даремский, около 1070 года.

198. Флоренс Вустерская, 1067 год.

199. Ordericus Vitalis, ii., 173.

200. Наиболее полный отчет о событиях в Дувре дан Ордериком (ii., 172-5), который расширяет более скромный рассказ Вильгельма Пуатье.

201. Ordericus Vitalis, ii., 178.

202. Ordericus Vitalis., ii., 179.

203. "Ad Danos, vel alio, unde auxilium aliquod speratur, legatos missitant."—William of Poitiers, 157.

204. История Эксетерского восстания критически обсуждается Раундом в "Феодальной Англии", 431-455гг.

205. Вустерская хроника, 1067; Флоренс Вустерская, 1068; Уильям Малмсберийский, *Gesta Regum*, ii., 312.

206. Источником нашей информации является оригинальная хартия, выданная Уильямом церкви Святого Мартина ле Гран 11 мая.—E.H. R. xii., 109.

207. Ordericus Vitalis, ii., 183.

208. Восстание Эдвина и Моркара не упоминается английскими властями, которые занимаются только передвижениями Эдгара и его спутников. Флоренс Вустерская утверждает, что последний бежал от двора, опасаясь тюремного заключения. С момента их первоначального подчинения они не привели никаких известных причин для правонарушения, но вполне вероятно, что их держали бы в строгих условиях, если бы они были во власти короля, когда вспыхнуло восстание на севере, и что они бежали, чтобы избежать этого.

209. Ordericus Vitalis, ii., 184.

210. Ordericus Vitalis, ii., 185.

211. Симеон Даремский, 1069 год.

212. Ordericus Vitalis, ii., 188. Из его заявления о том, что граф Уильям разбил повстанцев "в определенной долине", очевидно, что военные действия не ограничивались городом Йорком.

213. Ordericus Vitalis, ii., 189.

214. В отношении событий 1069 года Ордерик является почти единственным авторитетом, и за его повествованием не всегда легко следить. С другой стороны, он, несомненно, во многом следует современному Вильгельму Пуатье, и его рассказ вполне согласуется сам с собой, если должным образом учесть его географическую путаницу.

215. Точная сцена подвига Уолтхофа неизвестна. Ордерик подразумевает, что весь нормандский гарнизон в Йорке погиб в ходе неудачной вылазки. Флоренс Вустерская утверждает, что замки были взяты штурмом. Последнее, безусловно, более вероятно и лучше согласуется с преданием о резне у ворот, сохраненным Уильямом Малмсберийским. Ворота, о которых идет речь, при таком прочтении истории будут принадлежать одному из замков; их нельзя считать одними из городских ворот.

216. Это увечье зафиксировано только поздним источником, "Винчестерскими анналами".

217. Повествование Ордерика на этом этапе не очень понятно, но, вероятно, именно это он и имел в виду.

218. По приказу Уильяма заставляют вернуться в Йорк через Хексэм ("Hangustaldam revertabatur a Tesca"). Поскольку это невозможно, обычно предполагается, что Хелмсли (Гамильак в Д. Б.) следует читать как Хексэм, и в этом случае Уильям, вероятно, пересек бы Кливлендские холмы через Билсдейл.

219. "Desertores, vero, velut inertes, pavidosque et invalidos, si discedant, parvi pendit."

220. Замок Честер находился на расстоянии полета стрелы от пристани на правом берегу реки Ди, а также возвышался над мостом, который вел от Чеширской равнины к побережью Северного Уэльса.

221. Хроника Питерборо, 1069 год.

222. Уильям Малмсберийский, *Gesta Pontificum*, § 420.

223. Книга Страшного суда, i, 346.

224. Хроника Питерборо, 1070 год.

225. Последующие отрывки основаны на рассказе Хью "Кандидуса", монаха из Питерборо, который в правление Генриха II. написал отчет о владениях аббатства и вставил длинный отрывок, описывающий события 1070 года. Начало его повествования полностью согласуется с современным отчетом в "Хронике Питерборо", но его рассказ о действиях датчан в Эли после разграбления Питерборо независим и несет в себе все признаки правды. Везде, где возможно проверить работу Хью в отношении других вопросов, ее точность подтверждается. См. "Феодальная Англия", 163, V.C.H. Notts, i., 222. "Хроника Хью" не печаталась с тех пор, как ее издал Спарк в семнадцатом веке.

226. Ordericus Vitalis, ii., 216. Смерть Эдвина легла в основу повествования Вильгельма Пуатье в том виде, в каком оно было у Ордерика.

227. Флоренс Вустерская, 1070 год.

228. *Historia Eliensis*, 240.

229. Ordericus Vitalis, ii., 216.

230. Флоренс Вустерская, 1071 год.

231. *Historia Eliensis*, 245.

232. См. "Эли и ее грабители" в "Феодальной Англии", 459.

233. Гаймар, Английский университет, Р. С.

234. Геста Хереварди, Р. С.

235. See Varenbergh, *Relations Diplomatiques entre le comté de Flandre et l'Angleterre*. Luchaire, *Les Premiers Capetiens*, 169.

236. Халфен, граф Анжуйский, 180 лет, показал, что азо появился в штате Мэн весной 1069 года.

237. Авторитетными источниками для ведения нынешней войны являются "История Ордерики Виталиса" и "Жизнь епископа Ле-Мана Арнольда", изд. Mabillon; Vetera Analecta.
238. "Facta conspiratione quam communionem vocabant."—Vet. An., 215.
239. Gesta Regum, ii., 316.
240. Vetera Analecta, 286.
241. Хоэль, в отличие от своих предшественников, проводил политику дружбы по отношению к Анжу и вернул Фульку ле Решину завоевания, достигнутые графом Конаном во время Анжуйского похода. De la Borderie, iii., 26.
242. Условия Бланшеландского мира изложены Ордериком.
243. E. H. R., xx., 61.
244. См . таблицу Н.
245. Симеон Даремский, 1072 год.
246. Это третье бегство Эдгара в Шотландию основывается исключительно на авторитете Симеона Даремского, и вполне возможно, что последний, возможно, был сбит с толку ходом событий в этот момент.
247. Вустерская хроника, 1073 год.
248. Владение Брайаном графством Ричмонд подтверждается хартией приорату Святого Мартина де Ламбаля, в которой земли предоставляются "Бриентиус, наступает английская земля". (De la Borderie, iii., 25.) Поскольку отец Бриана, граф Эон Пентьеврский, умер не ранее 1079 года, титул "comes" не может относиться к какому-либо французскому графству, которым владел Бриан. Поскольку в XI веке каждое "графство" состояло из графства или группы графств, из этого, по-видимому, следует, что Ричмондшир в то время рассматривался как территориальная единица, отличная от Йоркшира.
249. Нормандское завоевание, iv., 517.
250. Вустерская хроника, 1075 год.
251. Вустерская хроника, 1075 год.
252. По словам Уэйса, Ральф служил в составе бретонских вспомогательных войск в битве при Гастингсе.
253. Ordericus Vitalis, ii., 258 et seq.
254. Флоренс Вустерская, 1074 год.
255. Вустерская хроника, 1076 год.
256. Epistolæ Lanfranci.
257. Флоренс Вустерская, 1074 год.
258. Не похоже, чтобы какой-либо средневековый историк рассматривал это как акт предательства со стороны Уолтхофа.
259. F. N. C., iv., 585.

260. Gesta Regum, ii., 312.

261. На это указывают Поллок и Мейтленд. Н. Е. L., i., 291.

262. До конца правления Завоевателя между Нормандией и Бретанью царил мир, за исключением того, что в 1086 году Вильгельм, которому новый граф Алан Фергант, сын Хоэля, отказался от оммажа, еще раз пересек границу и осадил Дол. В этой осаде он также потерпел неудачу и быстро примирился с Аланом, который выдал замуж Констанцию, дочь Завоевателя.

263. Симеон Даремский, 1075 год.

264. Ordericus Vitalis, ii., 290.

265. Ordericus Vitalis, ii., 259.

266. Грамота короля Филиппа Сен-Квентину, Галлия Христова; X. Часть 247. Среди свидетелей - Ансельм из Бека и Ив де Бомон, тесть Хью де Грентемезниля.

267. Вустерская хроника, 1079 год.

268. S. D., Gesta Regum, 1080.

269. Круглый, Календарь, № 1114.

270. Там же., 1113.

271. Там же., 78.

272. Ордерик, ii., 315.

273. Этот факт важен, поскольку дает редкий в Англии пример настоящего “наместника”, заместителя графа в отличие от шерифа.

274. Наиболее подробно обо всех этих событиях рассказывает Симеон Даремский.

275. История. Монастырь. де Абингдон, ii., 10.

276. Brut y Tywysogion, 1080.

277. Понедельник. Англ., vii., 993, из “inspeximus” 31-го изд. I. Рассматриваемая хартия датирована “apud villam Dontonam”, который в указателе к объему патентных рулонов идентифицирован с Даунтоном, Уилтс. Уильям в Даунтоне вполне мог быть на пути в один из портов Хэмпшира или Дорсета.

278. iii., 168. С другой стороны, Гизбрехт (iii, 531) предположил, что причиной ссоры между Одо и Вильгельмом стали политические разногласия: первый хотел взяться за оружие за Григория VII, в то время как последний был в дружеских отношениях с императором. Но сам Грегори в письме, адресованном Уильяму (Register, viii., 60), упрекая своего корреспондента в недостаточном уважении к приказам своего брата, признает, что Одо совершил какое-то политическое преступление против короля. Что касается характера этого преступления, у нас нет свидетельств современников, и мы не знаем, насколько Грегори мог обладать точной информацией о мотивах, побудивших Уильяма совершить такой поступок.

279. Уильям Малмсберийский.

280. Ordericus Vitalis, iii., 196.

281. Отдельное упоминание об осаде Сент-Сюзанны встречается в “Страшном суде Оксфордшира”, в графстве которого поместье Ледхолл было предоставлено Роберту д'Ойли, “за обсидионом С. Сюзанны”.

282. Хеймскрингла, iii., 198.

283. Тяжесть разрушений не следует преувеличивать, поскольку в 1086 году Линкольншир, Норфолк и Саффолк были самыми процветающими частями Англии.

284. Приготовления Кнута и его смерть подробно описаны Этельнотом в его жизнеописании, напечатанном в *Scriptores Rerum Danicarum*.

285. Хроника Питерборо, 1086 год.

286. See Flach, *Les Origines de l'ancienne France*, 531–534.

287. Церковная история Нормандии и Англии в XI веке изложена Бемом в “Церкви и государстве в Англии и в Нормандии”, на книге которого основана эта глава.

288. См. выше, Введение, ii., стр. 39, 40.

289. Особенно в “Дейнлоу”, “Виктории”, “Дерби i”, “Лестере i”.

290. Стаббс, *Избранные уставы*, 85. Рассматриваемый судебный приказ, вероятно, относится к 1075 году.

291. Поллок и Мейтленд, i, 89.

292. Хроника Питерборо, 1083 год.

293. Аббат Этельхельм Абингдонский считался оскорбленным в этом отношении. История. Монастырь. де Абингдон, ii., 283.

294. См. выше, глава V.

295. Ordericus Vitalis, ii., 315.

296. Пасха 1069 года: король Вильгельм; Матильда, королева; Ричард, сын короля; Стиганд, архиепископ Кентерберийский; Элдред, архиепископ Йоркский; Уильям, епископ Лондонский; Этельрик, епископ Селси; Герман, епископ Тетфордский; Гизо, епископ Уэллсский; Леофрик, епископ Эксетерский; Одо, епископ Байе; Джеффри, епископ Кутансский; Болдуин, епископ Эвре; Арнольд, епископ Ле-Мана; граф Роберт (из Мортена), Граф Уильям Фиц Осберн, граф Роберт Эу, граф Ральф (Норфолкский?), Бриан Пентьеврский, Фульк де Альну, Генри де Феррерс; Хью де Монфор, Ричард, сын графа Гилберта, Роже д'Иври, управляющий Хамоном, Роберт, брат Хамона.—Tardif, *Archives de l'Empire*, 179.

Рождество 1077 года: король Вильгельм; Ланфранк, архиепископ Кентерберийский; Томас, архиепископ Йоркский; Одо, епископ Байе; Хью, епископ Лондонский; Валкелин, епископ Винчестерский; Реми, епископ Линкольнский; Морис, канцлер; Виталис, аббат Вестминстерский; Шотландия, аббат Ч. Ч., Кентербери; Болдуин, аббат Сент—Эдмундс; Симеон, аббат Эли; Элфвайн, аббат Рамсейский; Серло, аббат Глостерский; граф Роджер Монтгомери, граф Хью Честерский, граф Роберт Мортейн, граф Алан Ричмондский, граф Обри Нортумбрийский, Хью де Монфор, Генри де Феррерс, Уолтер Гиффард, Роберт д'Ойлли, управляющий Хамон, Вульфстан, епископ Вустерский. -Рэмси Чартулари, *R. S.*, ii., 91.

Пасха 1080 года: король Вильгельм; королева Матильда; Роберт, сын короля; Вильгельм, сын короля; Вильгельм, архиепископ Руана; Ричард, архиепископ Буржа; Вармунд, архиепископ Вены; Жоффруа, епископ Кутанса; Жильбер, епископ Лизье; граф Роберт, брат короля; граф Роже де Эу, граф Ги де Понтье, Роже де Бомон, Роберт и Генрих, его сыновья, Роже де Монтгомери, Уолтер Гиффард, Уильям д'Арк.—Календарь документов, сохранившихся во Франции, изд. J. H. Round, № 78.

297. Напечатано в "Трудах Сомерсетского археологического и исторического общества", xxiii., 56

298. Бат Чартул (Сомерсетское общество звукозаписи), i, 36.

299. История. Монастырь Абингдон, R. S., ii., 9.

300. Там же., 10.

301. Круглый календарь документов, сохранившихся во Франции, № 712.

302. Генриха I. редко можно встретить к северу от Ноттингема.

303. Монастикон, iii., 377.

304. V. C. N., Уорик, i., 258.

305. См. выше, глава VI.

306. Смотрите жалобы на его агрессию в "Истории церкви Вустера" Хеминга; Монастикон, i, 593-599.

307. Уильям Малмсберийский, ii., 314.

308. Календарь документов, сохранившихся во Франции, № 77.

309. Ordericus Vitalis, ii., 178.

310. Сравнительный раунд, Джеффри де МанDEVиль, 322.

311. Смотрите хартии Вильгельма II. в Монастиконе, viii., 1167.

312. Ordericus Vitalis, ii., 219.

313. Воспроизводится здесь.

314. Уортон, Священная Англия, i, 339.

315. Мейтленд, Книга Страшного суда и далее, 80-83.

316. Хартия Вильгельма I., Монастикон, i., 477.

317. Устав основания монастыря Блайт, Монастикон, iv., 623.

318. Есть некоторые свидетельства, свидетельствующие о том, что лорд деревни мог распорядиться о проведении там суда своим управляющим. Это, однако, результат сеньориальных, а не общественных идей.

319. Раунд, "Феодалная Англия", 225-314 гг., дал наиболее ясный отчет о введении и развитии рыцарской службы в Англии.

320. Феодальная Англия, как цитировалось выше, страница 447. Смотрите также Моррис, "Валлийские войны Эдуарда i", 36, приводя доводы о том, что их в общей сложности 5000.
321. Часто печатается, *например*, издательством Stubbs, Select Charters, 86.
322. Берч, Картулярий, i, 414.
323. Берч, Картулярий, iii., 671; Мейтленд, Книга Страшного суда, 502.
324. Берч, Картулярий, iii., 671; Мейтленд, Книга Страшного суда, 456.
325. Мейтленд, Д. Б. и далее, 4.
326. Тот факт, что оценка южной и западной Англии основывалась на условной единице измерения в пять шкур, был впервые озвучен мистером Дж. Х. Раундом в феодальной Англии.
327. Виноградов, Э. Х. Р., xix., 282.
328. Феодальная Англия, 98-103.
329. О "единице из шести карукатов" см. "Феодальная Англия", 69. "Истории Виктории", "Дерби", "Ноттс", "Лестер" и "Линкольн".
330. Феодальная Англия, 42 года.
331. V. С. Н., Дерби, Иллинойс, 295.
332. Таково было мнение профессора Мейтленда, "Книга страшного суда и за ее пределами", 24.
333. Современное описание опроса Domesday, опубликованное Стивенсоном, Е. Н. Р., xxii., 72, делает вероятным, что бордары теоретически отличались от других классов тем фактом, что у них не было доли в пахотных полях деревни.
334. См. V. С. Н., Хартфорд, i., 293.
335. V. С. Н., Бедфорд, i., 200.
336. Первая точка зрения принадлежит мистеру Раунду, вторая - профессору Мейтленду.
337. Мы также знаем, что декларации проверялись в каждом графстве второй группой уполномоченных, которые были намеренно направлены королем в графства, где у них не было личной заинтересованности. — Е. Н. Р., xxii., 72.
338. Феодальная Англия, 141.
339. Диалог Саккарио (изд. 1902), стр. 108.

Реклама

Подборка из

Каталог

СЫНОВЬЯ Г. П. ПАТНЭМА

Отправлены Полные каталоги

Герои Наций.

Серия биографических исследований жизни и творчества ряда репрезентативных исторических персонажей, о которых собраны великие традиции народов, к которым они принадлежали, и которые во многих случаях были приняты как воплощение нескольких национальных идеалов. Вместе с жизнью каждого типичного персонажа будет представлена картина национальных условий, окружавших его на протяжении всей его карьеры.

Повествования являются работой писателей, которые являются признанными авторитетами в своих областях и, хотя они полностью заслуживают доверия как исторические, представят живописные и драматические “истории” о Людях и событиях, связанных с ними.

О жизни каждого “Героя” будет рассказано по одному двенадцатитомнику, красиво напечатанному крупным шрифтом, снабженному картами и адекватно иллюстрированному в соответствии с особыми требованиями нескольких тематик.

№ № 1-32, каждый	по 1,50
,	1.75
№ 33 и следующие за ним номера, каждый	(По почте, 1,50 доллара США, нетто 1,35)
Полукожаный (по почте, 1,75 доллара)	нетто 1,60

Полный список томов смотрите на следующей странице.

ГЕРОИ НАЦИЙ

- НЕЛЬСОН. У. Кларк Рассел.
- ГУСТАВ АДЛЬФУС. К. Р. Л. Флетчер.
- ПЕРИКЛ. Автор: Эвелин Эббот.
- ТЕОДОРИХ ГОТ. Томас Ходжкин.
- СЭР ФИЛИП СИДНИ. Х. Р. Фокс-Борн.
- JULIUS CAESAR. Автор: У. Уорд Фаулер.
- ВИКЛИФ. Льюис Сержант.
- НАПОЛЕОН. У. О'Коннор Моррис.
- ГЕНРИХ НАВАРРСКИЙ. П. Ф. Виллерт.

- ЦИЦЕРОН. Дж. Л. Стрейкен-Дэвидсон.
- АВРААМ Линкольн. Ноа Брукс.
- ПРИНЦ ГЕНРИ (ПОРТУГАЛЬСКИЙ) МОРЕПЛАВАТЕЛЬ. К. Р. Бизли.
- ДЖУЛИАН ФИЛОСОФ. Элис Гарднер.
- ЛЮДОВИК XIV. Автор: Артур Хэссалл.
- КАРЛ XII. Р. Нисбет Бэйн.
- LORENZO DE' MEDICI. Эдвард Армстронг.
- JEANNE D'ARC. Автор: миссис Олифант.
- ХРИСТОФОР Колумб. Вашингтон Ирвинг.
- РОБЕРТ БРЮС. Сэр Герберт Максвелл.
- ГАННИБАЛ. У. О'Коннор Моррис.
- УЛИСС С. ГРАНТ. Уильям Конант Черч.
- РОБЕРТ Э. ЛИ. Генри Александр Уайт.
- КАМПЕАДОР уголовного розыска. Х. Батлер Кларк.
- САЛАДИН. Автор: Стэнли Лейн-Пул.
- БИСМАРК. Автор: Дж. У. Хэдлэм.
- АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ. Автор: Бенджамин И. Уилер.
- CHARLEMAGNE. Автор Х. В. К. Дэвис.
- ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ. Чарльз Ферт.
- RICHELIEU. Джеймс Б. Перкинс.
- ДЭНИЕЛ О'Коннелл. Роберт Данлоп.
- ЛЮДОВИК СВЯТОЙ (Людовик IX Французский). Фредерик Перри.
- ЛОРД ЧАТЕМ. Уолфорд Дэвис Грин.
- ОУЭН ГЛИНДУР. Автор: Артур Г. Брэдли.
- ГЕНРИХ V. Чарльз Л. Кингсфорд.
- ЭДВАРД I. Автор: Эдвард Дженкс.
- AUGUSTUS CAESAR. Автор: Дж. Б. Ферт.
- ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ. У. Ф. Реддэуэй.
- ВЕЛЛИНГТОН. У. О'Коннор Моррис.
- КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ. Дж. Б. Ферт.
- МОХАММЕД. Автор Д. С. Марголиут.
- ЧАРЛЬЗ СМЕЛЫЙ. Рут Патнэм.
- ВАШИНГТОН. Автор: Дж. А. Харрисон.
- ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ. Ф. М. Стентон.

Готовятся и другие тома:

- МОЛЬТКЕ. Автор: Спенсер Уилкинсон.
- ИУДА МАККАВЕЙ. Автор: Израэль Абрахамс.
- СОБЕСКИЙ. Ф. А. Поллард.
- АЛЬФРЕД-РАССКАЗЧИК ПРАВДЫ. Фредерик Перри.
- ФРИДРИХ II. А. Л. Смит.
- МАЛЬБОРО. Автор С. W. С. Оман.

- РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ. Автор Т. А. Арчер.
- УИЛЬЯМ МОЛЧАЛИВЫЙ. Рут Патнэм.
- ГРИГОРИЙ VII. Ф. Эркварт.

Нью—Йорк —Издательство G. P. PUTNAM'S SONS, Лондон

История народов.

В форме рассказа отчетливо показано течение жизни каждого народа, а его живописные и заслуживающие внимания периоды и эпизоды представлены читателю в их философском отношении друг к другу, а также ко всеобщей истории.

План авторов разных томов состоит в том, чтобы проникнуть в реальную жизнь народов и представить их читателю такими, какими они на самом деле жили, трудились и боролись — как они учились, писали и как развлекались. При осуществлении этого плана не будут упущены из виду мифы, с которых начинается история всех стран, хотя они будут тщательно отделены от реальной истории, поскольку труды признанных исторических авторитетов привели к определенным выводам.

Сюжеты различных томов планировались так, чтобы охватывать связующие и, насколько это возможно, последовательные эпохи или периоды, так что по завершении книги во всеобъемлющем повествовании будут представлены главные события великой истории народов; но, конечно, не всегда возможно издавать несколько томов в их хронологическом порядке.

12° иллюстрированных, тканевые, каждая	по 1,50
доллара,	1,75,

Список томов смотрите на следующей странице

ИСТОРИЯ НАРОДОВ

- Греция. Профессор Джас. А. Харрисон.
- РИМ. Артур Гилман.
- ЕВРЕИ. Профессор. Джеймс К. Госмер.
- ХАЛДЕЙ. З. А. Рагозин.
- ГЕРМАНИЯ. С. Баринг-Гульд.
- Норвегия. Ялмар Х. Бойсен.
- ИСПАНИЯ. Преподобный Э.Э. и Сьюзан Хейл.
- Венгрия. Prof. A. Vámbéry.
- КАРФАГЕН. Профессор. Альфред Дж. Черч.

- САРАЦИНЫ. Артур Гилман.
- МАВРЫ В ИСПАНИИ. Стэнли Лейн-Пул.
- НОРМАННЫ. Сара Орн Джуэтт.
- ПЕРСИЯ. С. Г. В. Бенджамин.
- ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ. Профессор Гео. Роулинсон.
- ИМПЕРИЯ Александра. Профессор Дж. П. Махаффи.
- АССИРИЯ. З. А. Рагозин.
- ГОТЫ. Генри Брэдли.
- ИРЛАНДИЯ. Достопочтенная. Эмили Лоулесс.
- Турция. Стэнли Лейн-Пул.
- МИДИЯ, ВАВИЛОН И ПЕРСИЯ. З. А. Рагозин.
- СРЕДНЕВЕКОВАЯ Франция. Профессор. Гюстав Массон.
- ГОЛЛАНДИЯ. Профессор Дж. Торольд Роджерс.
- МЕКСИКА. Сьюзан Хейл.
- ФИНИСИЯ. Джордж Роулинсон.
- ГАНЗЕЙСКИЕ ГОРОДА. Helen Zimmern.
- РАННЯЯ Британия. Профессор. Альфред Дж. Черч.
- БЕРБЕРИЙСКИЕ КОРСАРЫ. Стэнли Лейн-Пул.
- РОССИЯ. У. Р. Морфилл.
- ЕВРЕИ ПОД ВЛАСТЬЮ РИМА. У. Д. Моррисон.
- ШОТЛАНДИЯ. Джон Макинтош.
- ШВЕЙЦАРИЯ. Р. Стэд и миссис А. Хаг.
- ПОРТУГАЛИЯ. Х. Морс-Стивенс.
- ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. С. W. С. Оман.
- СИЦИЛИЯ. Э. А. Фримен.
- ТОСКАНСКИЕ РЕСПУБЛИКИ. Белла Даффи.
- ПОЛЬША. У. Р. Морфилл.
- ПАРФИЯ. География. Роулинсон.
- ЯПОНИЯ. Дэвид Мюррей.
- ХРИСТИАНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСПАНИИ. Х. Э. Уоттс.
- АВСТРАЛАЗИЯ. Гревилл Трегартен.
- ЮЖНАЯ АФРИКА. Гео. М. Теал.
- ВЕНЕЦИЯ. Алетея Вил.
- КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ. Т. С. Арчер и К. Л. Кингсфорд.
- ВЕДИЧЕСКАЯ ИНДИЯ. З. А. Рагозин.
- БОГЕМИЯ. К. Э. Морис.
- КАНАДА. Ж. Г. Бурино.
- БАЛКАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА. Уильям Миллер.
- БРИТАНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ В ИНДИИ. Р. У. Фрейзер.
- СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦИЯ. André Le Bon.
- БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ. Альфред Т. История. Два тома.
- ФРАНКИ. Сержант Льюис.

- ВЕСТ-ИНДИЯ. Амос К. Фиске.
- НАРОД Англии. Джастин Маккарти, член парламента, два тома.
- Австрия. Сидни Уитмен.
- Китай. Робт. К. Дуглас.
- СОВРЕМЕННАЯ ИСПАНИЯ. Майор Мартин А. С. Хьюм.
- СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛИЯ. Pietro Orsi.
- ТРИНАДЦАТЬ КОЛОНИЙ. Хелен А. Смит. Два тома.
- УЭЛЬС И КОРНУОЛЛ. Оуэн М. Эдвардс.
- СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РИМ. У. М. Миллер.
- ПАПСКАЯ МОНАРХИЯ. У. М. Барри.
- СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИНДИЯ. Стэнли Лейн-Пул.
- БУДДИЙСКАЯ ИНДИЯ. Т. У. Рис-Дэвидс.
- РЕСПУБЛИКИ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ. Томас К. Доусон. Два тома.
- ПАРЛАМЕНТСКАЯ Англия. Эдвард Дженкс.
- СРЕДНЕВЕКОВАЯ Англия. Мэри Бейтсон.
- СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ. Эдвард Эрл Спаркс. Два тома.
- Англия. ПРИХОД ПАРЛАМЕНТА. Л. Сесил Джейн.
- ГРЕЦИЯ: ДРЕВНЕЙШИЕ ВРЕМЕНА До 14 г. н.э. Э. С. Шукбург.
- РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ, 29 г. до н.э. - 476 г. н.э. Н. Стюарт Джонс, магистр искусств

Расшифровки генеалогических таблиц

Расшифровка [таблицы А](#)

ГЕРЦОГСКИЙ ДОМ НОРМАНДИИ

ТАБЛИЦА А

- 1"Ролло"
 - 11 Уильям I.
 - 111 Ричард I.
- 1111 Ричард II. ум. Юдифь Бретонская
 - 11111 Ричард III.
 - 111111николас, аббат Сент-Уэн
 - 11112Роберт I.
 - 111121 Вильям II.
- 1111211 Роберт II.
 - 111122Аделиз→([Таблица С](#))
 - 11113 Аделиз м. Режиналь, граф Бургундского Пфальца
 - 111131 Парень из Брионна
 - 11114 Мальгер, архиепископ Руана
 - 11115 Уильям, граф Арк
- 1112Роберт, архиепископ Руана
 - 11121 Ральф де Вейси

- 1113 Мальгер граф Мортен
- 11131 Уильям "Уорлинг"
- 1114 Уильям, граф Ес
- 11141 Роберт, граф Ес
- 11142 Уильям, "Бусак"
- 11143 Хью, епископ Лизье
- 1115 Мао = Одо II из Блуа
- 1116Эмма = Этельред II.
- 11161 Альфред Этелинг
- 11162Эдвард Исповедник
- 1117 год рождения = Джеффри I. Бретонский →(Таблица В)

Расшифровка [таблицы В](#)

Графы Бретани

ТАБЛИЦА В

- 1жоффрау I. †1008 = Гавиз Нормандский
- 11Алан III. †1040
- 111 Конан II. о. s. p. 1066
- 112джоффри Гренонат (заявитель 1075 г.)
- 113хавиз = Хоэль, граф Корнуайский †1084
- 1131 Алан Ферджент = Констанция Нормандская †1119
- 12Эон, граф Пентьеврский. †1079
- 121Бриан, граф Ричмонд
- 122 Алан, граф Ричмонд

Расшифровка [таблицы С](#)

Потомки Арлетт

ТАБЛИЦА С

- 1арлетт
- м. Роберт Нормандский
- 11 Уильям
- М. Аделиз, 12. Ангерран, граф Понтье
- 121 Аделиз м. Эд, граф Шампанский
- 1211стефен, граф Омаля (претендент на Англию в 1095 году)
- 122 Джудит м. Уолтеф, граф Нортгемптон
- 1221Мауд м. Дэвид I. король Шотландии
- m. Herlwin de Conteville
- 13Одо, епископ Байе
- 14Роберт, граф Мортена
- 15муриэль

Расшифровка [таблицы D](#)

Графы Мэна

ТАБЛИЦА D

- 1 Хью II.
- 11 Хью III.
- 111 Герберт I. "Эвиль-шьен" †1035
- 1111 г. Хью IV. †1051
- 11111 Герберт II. †1063
- 11112 Герсендис м. Азо, маркиз Лигурии
- 111121 Хью (истец в 1073 году)
- 11113 Маргарет (обручена с Робертом Нормандским)
- 11114 Паула м. John de la Flèche
- 1112 Биота = Вальтер де Мант , граф французского Вексена
- 12 Эрберт Баккон (регент штата Мэн, 1036-1040)

Расшифровка [таблицы E](#)

Графы Вексенские

ТАБЛИЦА E

- 1 вальтер II.
- 11 Дрого м. Года, ум. Этельреда II.
- 111 Уолтер III. o.s.p. 1063 м. Биота штата Мэн
- 112 Ральф, граф Херефорд
- 12 Ральф II, граф Валуа
- 121 Ральф III, граф Валуа и Вексенский
- 1211 Simon de Crepy o.s.p.

Расшифровка [таблицы F](#)

Наследование в 1066 году

ТАБЛИЦА F

- 1 Ричард I Нормандский
- 11 Ричард II.
- 12 Емма
- м. Кнут 31
- 2 Тельред II.
- м. (1) Ælfgifu
- 21 Эдмунд Айронсайд
- 211 Впереды Этелинг
- 2111 Эдгар Этелинг
- м. (2) Эмма (12)
- 22 Эдвард Исповедник
- 3 Свэгн Раздвоенная Борода
- 31 Снат м. Эмма {12}

- 32 Эстриф м. Ульф, вице-король Норвегии (41)
 - 321 Свегн Эстритсон
- 4 торгилс Спракаlegg
- 41 ульф, вице-король Норвегии м. Эстрит (32)
- 42 Гита М. Годвин
 - 421 Гарольд II.

Расшифровка [таблицы G](#)

Графы Фландрские

ТАБЛИЦА G

- 1 Балдуин IV. †1036
- 11 Балдуин V. †1067 г. Адела Французская
 - 111 Балдуин VI. м. Ричильдис, наследница Эно
- 1111 Арнульф (унаследовал Фландрию)
- 1112 Балдуин (унаследовал Эно)
 - 112 Robert 'le Frison' †1093 м. Гертруда, вдова Флоренс I. граф Голландии
- 1121 Роберт II. †1111
- 1121 Балдуин VII. †1119
- 1122 Адела м. Кнут, король Дании
- 1122 Charles 'le Bon' †1127
 - 113 Матильда = Вильгельм герцог Нормандии
- 1131 Роберт герцог Нормандии
- 1131 Уиллиам (истец в 1127 году)
- 12 Джудит м. Тостиг, граф Нортумбрии

Расшифровка [таблицы H](#)

Графы Нортумбрии

ТАБЛИЦА H

- 1 утред, граф Нортумбрии †1016
- м. (1) Экфрит
 - 11 алдред, граф Бернисии, †ок. 1038
- 111 Алдред, граф Бернисии †ок. 1038
- 1111 год до н. э. Лигульф (любимец епископа Уолчера) †1080 →
- 1112 год н.э. Сивард, граф Нортумбрии †1055
 - 11121 Уолтеф, граф Бернисии Хантингдон →
 - 12 Эдвульф, граф Бернисии †1041
- 121 освульф, граф Бернисии †1067
 - 13 госпатриархат †1064
- м. Эльфгифу, дочь Этельреда II.
 - 14 еалдгит
- м. (1) Дункан ([22](#))
- 141 Малкольм III. король Шотландии 1057-1093 →

- м. (2) Мэлдред (21)
- 141Госпатрик, граф Берниси 1067-1068 1069-1072 →
- 2Кринан, мирянин-настоятель Данкельда
- 21Малдред
- 22Дункан, король Шотландии †1040

Примечание переписчика

Оригинальная обложка была дополнена, чтобы включить название, автора и дату публикации, и с внесенными в нее изменениями размещена в общественном достоянии.

По ряду редакционных оплошностей внешние и внутренние ссылки на страницы оставлены пустыми. Там, где ссылки можно было найти, они были предоставлены.

87.27	на дело Уолтеофа ниже, страница [338.]	Прилагается.
116.31	Смотрите примечание, страница [112] выше.	Поставляется.
136.31	Смотрите таблицу на странице [506]	Прилагается.

Не удалось устранить недостающие ссылки на страницы Истории Бретани Де ла Бордери на стр. 138 (сноска 89) и 139 (сноска 90). Также нельзя было определенно сослаться на предыдущую цитату Уильяма Малмсберийского (стр. 414). Они отмечены в этом тексте как [отсутствующие].

Список иллюзий включает ссылку на стр. x.13 на изображение монеты на стр. 406, но в текст изображение не было включено.

Сноска 260 на стр. 339 не содержит ссылок в тексте. Один был добавлен в наиболее вероятном месте повествования, учитывая контекст.

Ошибки, которые, скорее всего, были допущены принтером, исправлены и отмечены здесь. Ссылки даны на страницу и строку в оригинале.

24.14	первоначальные поселенцы Нормандии	Вставлены.
26.26	[враг] всех его собратьев-дворян	Устарел.
40.15	влияние движения g [r] eat Clunias	Вставлена.
72.20	изображение замка Монтгомери	перенесено.
76,13	, чтобы увидеть двух невезучих опекунов Уилла [l] Айама	Вставлена.
79.17	нанести безвозмездную травму	Удалена.
81.30	Заменены ssin и Котентин B[a / e]	.
129.30	, которая была удалена из предыдущей главы	, вставлена.
267.16	о назначении некоего барона	Вставлена.
327,18	в мирных владениях	Вставлена.
338,1	месяц [тонна / нет] его заключения	перенесен.
339.7	на основе его записи	вставлена.
424.21	после его упорного выступления в качестве шерифа	Вставлена.
441.4	[“]infangenethef” - это право попытки	вставить.
441.36	сертификат великого барона [ia/ai] только	перенесен.

455.1	на уровне, который	вставил нормандец.
458.6	для получения подробной информации о правительстве[.]	Добавлено.
505.34	Clun[i/ y], abbey of, 379	Заменено.